

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1952 ГОДА

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

*Издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН*

2

МАРТ-АПРЕЛЬ

" НАУКА "
МОСКВА – 2014

СОДЕРЖАНИЕ

В.Ю. Апресян (Москва). Контроль и отрицание: взаимодействие значений.....	3
И.Б. Иткин (Москва). Некоторые наблюдения над формами имперфекта в тохарском А языке	27
В.Б. Иванов (Москва). К классификации именных форм в юго-западных иранских языках.	46
Е.А. Шестера (Новосибирск). Телеутский язык: интонация повествовательных и вопросительных высказываний.....	61
Т.В. Дубровская (Пенза). Судебный дискурс как культурный феномен: национально-культурные особенности речи судей (на материале русских, английских и австралийских судебных заседаний).....	76
Е.Л. Березович (Екатеринбург). О современных задачах семантико-мотивационной реконструкции народной топонимии.....	89

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Обзоры

Ю.Л. Кузнецова (Тромсё). Роботы, эволюция и грамматика конструкций.....	110
---	-----

Рецензии

М.З. Муслимов (Санкт-Петербург). <i>Е.Б. Маркус, Ф.И. Рожанский</i> . Современный водский язык: Тексты и грамматический очерк: монография в 2-х т. СПб.: Нестор-История, 2011	120
Д.В. Сичинава (Москва). <i>M. Guiraud-Weber</i> . Essais de syntaxe russe et contrastive. Aix-en-Provence: Publications de l'Université de Provence, 2011.....	124
М.А. Холодилова (Санкт-Петербург). <i>G.G. Corbett</i> . Features. Cambridge: Cambridge university press, 2012.....	132
А.П. Печеный (Москва). <i>L.A. Janda, A. Endresen, J. Kuznetsova, O. Lyashevskaya, A. Makarova, T. Nessel, S. Sokolova</i> . Why Russian aspectual prefixes aren't empty: Prefixes as verb classifiers. Bloomington (Indiana): Slavica, 2013.....	138

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

В.Г. Кузнецов (Москва), Е. Вельмезова (Лозанна). XIX Международный лингвистический конгресс.....	147
Н.М. Стойнова (Москва). Международная конференция «Русский язык: конструкционные и лексико-семантические подходы».....	154
В.В. Тимофеев (Москва). VII Международная конференция «Фонетика сегодня».....	158

РЕДКОЛЛЕГИЯ

В.М. Алпатов, Ю.Д. Апресян, И.М. Богуславский, А.В. Бондарко, Н.Б. Вахтин, В.А. Виноградов (зам. главного редактора), *М.Д. Воейкова, Т.В. Гамкрелидзе, В.З. Демьянков, В.А. Дыбо, А.Ф. Журавлев, Вяч.Вс. Иванов, Н.Н. Казанский, М.М. Маковский, А.М. Молдован, Т.М. Николаева* (главный редактор), *В.А. Плузгина* (отв. секретарь), *В.И. Подлесская, Е.В. Рахилина*

Зав. отделами: *А.С. Кулева, М.М. Маковский, З.Ю. Петрова, М.В. Шкапа*
Зав. редакцией *Н.В. Ганнус*

Адрес редакции: 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2,

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

Редакция журнала «Вопросы языкознания»

Тел. (495) 637-25-16

Интернет-сайт журнала находится по адресу:

www.ruslang.ru, см. раздел «Издания»

© 2014 г. В.Ю. АПРЕСЯН

КОНТРОЛЬ И ОТРИЦАНИЕ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЗНАЧЕНИЙ*

В статье рассматривается семантическая структура разных типов предикатов и их взаимодействие с отрицанием. В работе анализируются три типа предикатов – физические каузативы (типа *налить, вбить, втащить*), эмоциональные каузативы (типа *злить, расстраивать, обижать, радовать*), интерпретативы (типа *грешить, баловать, ошибаться*). Их значения состоят из двух компонентов: 'действие' и 'результат' (физическое состояние, эмоциональная реакция или интерпретация), причем в сферу действия отрицания может входить либо 'результат', либо и 'действие', и 'результат'. В работе делается предположение о зависимости статуса компонента 'действие' в семантической структуре предиката и, соответственно, сферы действия отрицания над этим предикатом от наличия в его значении системообразующего смысла 'контроль'. Чем выше степень контроля агенса над результатом, тем теснее каузальная связь между действием и результатом и тем более неразрывно соединены в семантической структуре предиката компоненты 'действие' и 'результат'. Тесно взаимосвязанные компоненты 'действие' и 'результат' принадлежат к одному уровню семантической структуры (ассерция), и действие отрицания распространяется на оба компонента. Чем меньше степень контроля агенса над результатом и чем слабее и опосредованнее связь между действием и результатом, тем менее связаны в семантической структуре предиката компоненты 'действие' и 'результат'. Таким образом, эти компоненты принадлежат к разным уровням семантической структуры (пресуппозиция и ассерция), и отрицание естественным образом распространяется только на ассерцию.

Ключевые слова: каузатив, интерпретатив, контроль, агент, лаборатив, конатив, пресуппозиция, ассерция, имплицатив, отрицание, сфера действия

The paper examines the semantic structure of different types of predicates as well as their interaction with negation. Three types of predicates are considered – physical causatives (such as 'to pour', 'to punch in', 'to drag'), emotional causatives (such as 'to anger', 'to sadden', 'to hurt one's feelings', 'to please'), interpretatives (such as 'to sin', 'to spoil', 'to make a mistake'). Their semantic structures include two components: 'action' and 'result' (which can be a physical or an emotional state, or an interpretation). The hypothesis is that the status of the component 'action' in the semantic structure of the predicate and, hence, its interaction with negation, are contingent on the degree of control that this action implies. The greater is the degree of control, the closer are causal relations between the action and its result; therefore, these two semantic components are inextricably connected in the semantic structure. They belong to the same level of semantic representation, namely, to its assertive part and can, therefore, be negated. The lower is the degree of control, the weaker are causal relations between the action and its result; therefore, these two semantic components belong to different levels of semantic representation, namely, to its presupposition ('action') and to its assertive part ('result'), with only the latter being available to negation.

Keywords: causative, interpretative, control, agent, laborative, conative, presupposition, assertion, implicative, negation, scope

* Исследование осуществлено в рамках Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2013–2014 гг., проект № 1201-0102. Оно также поддерживалось грантом РФНФ № 13-04-00307а. «Подготовка второго выпуска Активного словаря русского языка» (2013–2015), грантом НШ-3899.2014.6 для поддержки научных исследований, проводимых ведущими научными школами РФ, «Разработка материалов для Активного словаря русского языка» (2014–2015), грантом Программы фундаментальных исследований отделения историко-филологических наук РАН «Язык и литература в контексте культурной динамики», проект «Создание электронной базы данных по Новому объяснительному словарю синонимов русского языка» (2012–2014). Автор выражает благодарность Ю.Д. Апресяну и Е.В. Падучевой за критические замечания.

ВВЕДЕНИЕ

В статье сближаются два направления семантических исследований: с одной стороны, взаимодействие лексических единиц с отрицанием, с другой стороны, фундаментальная классификация предикатов, связывающая лексико-семантический тип предиката с его лингвистическими свойствами – видовыми значениями, сочетаемостью и т. п. Полученные в работе данные о взаимодействии разных типов предикатов с отрицанием являются еще одним подтверждением основополагающей роли смысла акциональности, который лежит в основе большинства классификаций предикатов [Маслов 1948; Булыгина 1982; Падучева 1996; 2009; Апресян 2006а]; показывается роль смысла конативности, или попытки [Маслов 1948], в интерпретации сочетаний предикатов с отрицанием; выделяется класс лабораторивов, также имеющих особые семантические свойства. Наконец, данное исследование демонстрирует, что одним из важнейших факторов, влияющих на семантическую структуру предиката и его взаимодействие с отрицанием, является наличие в значении предикатов системообразующего смысла ‘контроль’¹, что дает основания для выделения контролируемых действий в качестве особого подтипа в фундаментальной классификации предикатов. В зависимости от наличия смысла ‘контроль’ в значении предиката отрицание при этом предикате может воздействовать на все значение предиката (в случае каузативов, ‘действие’ и ‘результат’) или на его часть (‘результат’)².

В работе рассматриваются три типа предикатов – агентивные физические каузативы, агентивные эмоциональные каузативы и интерпретативы. Взаимодействие разных семантических типов предикатов с отрицанием неоднократно обсуждалось в литературе; ср., например, следующие работы: [Карловска 1990] о физических каузативах, [Богуславский 1996: 94] о предикатах со значением достаточности, [Богуславский 2004; Апресян 2006б; В. Апресян 2010] об интерпретативах, [Кустова 1996; 2004] об эмоциональных каузативах, [Апресян 2012] о глаголах со значением эмоциональных состояний. Возможность разных интерпретаций предикатов с отрицанием связывается с семантикой предиката [Апресян 2006б]; с семантикой предиката, сферой действия отрицания, коммуникативным членением [Богуславский 1996; 2004]; с коммуникативной структурой фразы и режимом употребления предиката [Кустова 1996; 2004].

В работе [В. Апресян 2013] на материале эмоциональных каузативов выдвигается гипотеза о связи сферы действия отрицания с семантикой конативности (попытки) в значении предиката. В данной работе эта гипотеза уточняется и расширяется на материале агентивных физических каузативов и интерпретативов. Показывается, каким образом степень контроля агенса над результатом действия у этих типов предикатов влияет на их семантическую структуру и в итоге на их взаимодействие с отрицанием. Кроме того, рассматривается влияние других лингвистических факторов, а именно аспектуальных характеристик предиката и конструкции, в которой он употреблен, на взаимодействие предиката с отрицанием.

1. АГЕНТИВНЫЕ ФИЗИЧЕСКИЕ КАУЗАТИВЫ

В данной работе из всех каузативов физического воздействия рассматриваются только агентивные, по той причине, что именно они допускают разные типы взаимодействия с отрицанием; неагентивные каузативы физического воздействия взаимодействуют с отрицанием стандартным образом: а именно, каузальный компонент, который

¹ О понятии системообразующего смысла см. [Апресян 2001].

² Одним из первых обратил внимание на это явление Дж. Мак-Коли [McCawley 1972]; ср. знаменитый пример *John almost killed Harry*, которому приписываются три интерпретации в зависимости от того, какая часть значения предиката попадает в сферу действия отрицания. На русском материале это явление наиболее подробно рассматривается в работах И.М. Богуславского; ср., например, [Богуславский 1990; 1996].

у них всегда находится в пресуппозиции, не входит в сферу действия отрицания, а асертивный компонент 'результат' – входит. Ниже представлена типичная семантическая структура неагентивных каузативов в форме СОВ и их взаимодействие с отрицанием:

- (1) *X сделал Y с Z-ом*
'Объект или явление X воздействовал на объект Z (пресуппозиция); в результате Z перешел в состояние Y (асерция)'.
- (2) *Град не уничтожил посевы*
'Град воздействовал на посевы; посевы не были уничтожены'.
- (3) *Ветер не перевернул лавки*
'Ветер воздействовал на лавки; лавки не были перевернуты'.

Фразы (2) и (3) не могут быть употреблены в ситуации, когда *града* и *ветра* не было. Таким образом, интерпретация неагентивных физических каузативов с отрицанием всегда сохраняет пресуппозицию существования: факт наличия воздействия, т.е. каузальный компонент, не отрицается, отрицается только наличие результата. Соответственно, с неагентивными каузативами смысл 'действие' всегда находится в пресуппозиции и не попадает под отрицание.

Это связано с тем, что у неагентивных каузативов первая валентность – это воздействие (*снег, дождь, град, ветер, ураган, наводнение, потепление*), подобно тому, как у агентивных первая валентность – это агенс. Первая валентность не попадает в сферу действия предикативного отрицания: таким образом, у агентивных каузативов не может отрицаться наличие агенса, хотя его действие – может, а у неагентивных каузативов не может отрицаться наличие воздействия³. Это онтологически понятно: если человек или другой одушевленный агенс может существовать и бездействовать, то природное явление, или «elements» в терминологии [Mel'čuk 1995], существует в реальном мире только в своих проявлениях и упоминается тогда, когда имеет место и оказывает воздействие (поэтому названия природных явлений обычно употребляются с лексико-функциональными глаголами или образуют назывные предложения).

Нефактивные интерпретации неагентивных каузативов в принципе возможны, однако только при родовом референтном статусе подлежащего; ср. перифразировку евангельского *Собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребят* [= на небе нет моли и ржавчины].

У агентивных каузативов ситуация более сложная, а именно, в форме СОВ они могут допускать обе интерпретации отрицания. Ниже представлена типичная семантическая структура агентивных каузативов и примеры их взаимодействия с отрицанием:

- (4) *X сделал Y с Z-ом*
'Человек X делал нечто с объектом Z (обычно квалифицируется как пресуппозиция); в результате Z перешел в состояние Y (асерция)'.
- (5) *Мародеры не уничтожили посевы*
 - а. 'Мародеры не пытались уничтожить посевы' – отрицание действия;
 - б. 'Мародеры пытались уничтожить посевы, но не уничтожили' [например, их остановили жители села] – отрицание результата.
- (6) *Мальчик не перевернул лавки*
 - а. 'Мальчик не пытался перевернуть лавки' – отрицание действия;
 - б. 'Мальчик пытался перевернуть лавки, но не перевернул' [например, они были слишком тяжелыми] – отрицание результата.

Таким образом, для целей данной работы интересны именно агентивные физические каузативы, которые в принципе допускают разные возможности взаимодействия с отрицанием. При этом далеко не все агентивные физические каузативы допускают

³ Это классическая пресуппозиция существования – объект, о котором делается высказывание, должен существовать, для того чтобы высказывание не было аномальным.

разные сферы действия (СД) отрицания; очень многие из них прагматически допускают только отрицание действия (в отличие от неагентивных, которые допускают только отрицание результата); ср.:

- (1) *Мама не причесала дочку*
'Мама не причесывала дочку; дочка не причесана'.
(8) *Он не налил воды в чайник*
'Он не наливал воду в чайник; чайник пустой'.

Что же влияет на интерпретацию физических каузативов с отрицанием? Чтобы ответить на этот вопрос, рассмотрим следующие пары примеров с квазисинонимичными каузативами, где в первом примере отрицается сама попытка, а во втором – ее успех.

- (9) а. *Он не положил одежду в чемодан*
'Он не стал класть одежду в чемодан';
б. *Он не зачихнул одежду в чемодан*
'Он пытался зачихнуть одежду в чемодан, но не зачихнул (поскольку не было места)'.
(10) а. *Он не вошел в вагон метро*
'Он не стал входить в вагон метро';
б. *Он не втиснулся в вагон метро*
'Он пытался втиснуться в вагон метро, но не втиснулся (поскольку не было места)'.

Как видно из приведенных примеров, те каузативы, которые не содержат указания на усилие, имеют тенденцию к отрицанию самой попытки совершения действия, а те, которые имеют семантику лабораторивности, – к отрицанию ее успешности. С чем это связано? Дело в том, что, в отличие от неагентивных каузативов, агентивные физические каузативы предполагают высокую степень зависимости результата от действия, т.е. высокую степень контроля агенса.

Иными словами, тот факт, что говорящий производит некоторое простое физическое действие с целью получить некий результат, с высокой степенью вероятности этот результат гарантирует: когда человек *причесывает* кого-либо, обычно ему удастся этого человека *причесать*, если он *кладет* куда-то свои вещи, ему удастся их *положить* и т.п. Лингвистически это выражается в том, что между двумя компонентами смысла агентивных физических каузативов – действием и результатом – имеется тесная каузальная связь. Эти компоненты составляют единое целое в смысловой структуре, отчего они оба входят в ассерцию и подпадают под отрицание «вместе».

Неагентивные каузативы, напротив, не предполагают целенаправленных действий и чьего-либо контроля над происходящим, поэтому и каузальная связь между воздействием и результатом воспринимается как более случайная и слабая. Лингвистически это выражается в том, что компоненты 'воздействие' и 'результат' в меньшей мере связаны между собой в смысловой структуре: 'воздействие' входит в пресуппозицию, а 'результат' – в ассерцию, отчего под отрицание подпадает только один из них.

Лаборативность, или семантика усилия, предполагает, что агенс сталкивается с трудностями при достижении желаемого результата. Каузативы типа *втолкнуть*, *втащить*, *вчихнуть*, *втиснуться* указывают именно на большие усилия, которые агенсу приходится прилагать для достижения результата. Отметим, что семантическая структура этих предикатов весьма сложна: указание на способ достижения результата является у них пресуппозицией (в работах некоторых авторов оно рассматривается как слабый смысл)⁴, а наличие указания на большое усилие влечет за собой оценочность и создает модальную рамку (о модальной рамке см., например, [Апресян 1995]). Однако наличие трудностей означает, что результат может и не быть достигнут; лингвистически это выражается в том, что у лабораторивных физических каузативов каузальная

⁴ Ср. [Зельдович 1998].

связь между действием и результатом ослаблена по сравнению с прочими агентивными каузативами, и указание на действие может переходить в пресуппозицию, становясь недоступным для отрицания.

1.1. Семантические классы агентивных физических каузативов

Агентивные физические каузативы делятся на следующие группы:

а) нелаборативные, т.е. такие, которые **не могут** указывать на то, что действие, ведущее к результату, осуществляется с усилием: *пристрелить, хлестнуть, ударить, шлепнуть, уколоть, выплеснуть*; ср. невозможность **с трудом пристрелить* <*хлестнуть, ударить, шлепнуть, уколоть, выплеснуть*>;

б) нейтральные в отношении лабораторивности, т.е. такие, которые **могут** указывать на усилие, но **не обязательно** на него указывают: *утопить, покрасить, сварить, задушить, накормить*; ср. возможность как *с трудом утопить* <*покрасить, сварить, задушить, накормить*>, так и *с легкостью* <*быстро*> *утопить* <*покрасить, сварить, задушить, накормить*>;

в) лабораторивные, т.е. такие, которые **обязательно** указывают на большое усилие и/или длительное время, необходимое для достижения результата: *приволочь, затащить, впихнуть, разложить, дотащить*; ср. естественность *с трудом приволочь* <*затащить, впихнуть, разложить, дотащить*> и невозможность **с легкостью* <*быстро*> *приволочь* <*затащить, впихнуть, разложить, дотащить*>.

Как было сказано выше, диагностическим контекстом для сочетания с отрицанием у всех агентивных физических каузативов является форма совершенного вида, поскольку именно в этой форме у некоторых из них появляются пресуппозитивные компоненты значения, дающие разные возможности интерпретации с отрицанием. Пресуппозицией у них является действие, выражаемое соответствующим глаголом несовершенного вида; при этом наличие пресуппозиций характерно не для всех агентивных физических каузативов, а только для нейтральных и лабораторивных.

1.2. Семантическая структура разных типов агентивных физических каузативов

В семантической структуре нелаборативных физических каузативов компоненты 'действие' и 'результат' имеют статус **ассерции**, и отрицание воздействует на оба:

(11) *X сделал Y с Z-ом* = 'X сделал с Z-ом нечто, отчего Z перешел в состояние Y'.

(12) *Она не накрашила глаза*
'Она не накрашивала глаза; глаза у нее не накрашены'.

В семантической структуре лабораторивных физических каузативов сопровождаемое усилиями действие имеет статус **пресуппозиции**, а результат – статус **ассерции**. Дополнительно может присутствовать оценочная модальная рамка, часто негативная; ср., например, глаголы *припереть, запихать*; см. об этом [Гловинская 2004]. С такими предикатами отрицание либо не сочетается (при наличии ярко выраженной модальной рамки); ср. странность ?*Он не припер продукты*, либо воздействует только на компонент 'результат'.

(13) *X сделал Y с Z-ом* = 'прилагая большие усилия, X делал с Z-ом нечто (пресуппозиция); в результате Z перешел в состояние Y (ассерция); говорящий оценивает это определенным образом (модальная рамка)'.

(14) *Он не втащил чемодан на лестницу*
'Он втащивал чемодан; он не втащил его на лестницу (например, ему не хватило сил)' – отрицание результата.

Таким образом, лабораторивные физические каузативы сближаются с неагентивными каузативами по своей семантической структуре и взаимодействию с отрицанием. Связано это, как было сказано выше, с понижением степени контроля агенса над ситуацией, что и сближает их с неагентивными каузативами.

В семантической структуре нейтральных каузативов указание на усилие может отсутствовать, а может возникать при наличии соответствующего контекста; можно говорить о наличии у них «факультативной», или «контекстной», пресуппозиции. С такими предикатами отрицание может воздействовать как на оба компонента смысла, так и только на компонент 'результат':

- (15) *X сделал Y с Z-ом* = 'прилагая усилия, X сделал с Z-ом нечто (факультативная пресуппозиция); в результате Z перешел в состояние Y (ассерция)
- (16) *Она не отчистила пятно на ковре*
а. 'Она не пыталась отчистить пятно (забыла об этом)';
б. 'Она пыталась отчистить пятно, но не отчистила (оно не отходило)'.

Итак, лексическая семантика каузативного предиката, а именно степень контроля агенса, влияет на статус и характер каузального компонента в его семантической структуре и, таким образом, на его взаимодействие с отрицанием.

2. АГЕНТИВНЫЕ ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ КАУЗАТИВЫ

Эмоциональные каузативы, в отличие от физических, гораздо чаще бывают неагентивными. Если для физических каузативов прототипическими являются именно агентивные значения и употребления, т. е. примеры типа *Он ее убил* частотнее примеров типа *Ее убил молния*⁵, то для эмоциональных каузативов ситуация обратная: фразы типа *Ее обрадовало его появление* частотнее, чем фразы типа *Он обрадовал ее своим появлением*⁶.

Как и физические неагентивные каузативы, эмоциональные неагентивные каузативы имеют единообразную двухслойную семантическую структуру; у них указание на стимул, или причину, эмоции составляет **пресуппозицию**, а указание на эмоцию – **ассерцию**; и их взаимодействие с отрицанием однозначно определяется этой структурой. Указание на событие – причину эмоции – является первой валентностью неагентивных эмоциональных каузативов и, соответственно, не может подпадать под предикативное отрицание; ср. невозможность нефактивных интерпретаций фраз типа *Ее появление обрадовало Ивана*. Неагентивные эмоциональные каузативы также не рассматриваются в данной работе; предмет нашего анализа – агентивные каузативы.

Однако агентивные эмоциональные каузативы в целом устроены совершенно иначе, нежели агентивные физические каузативы. Если то, что происходит с физическими объектами, представляется в большей мере как результат активной целенаправленной и контролируемой деятельности агентов, то эмоции – это скорее непроизвольные реакции на события окружающего мира и гораздо реже – результат чьих-то сознательных усилий. Даже когда агент пытается вызвать у экспериенцера некую определенную эмоцию, его действия, направленные на это, в гораздо меньшей степени алгоритмизованы, чем при совершении физических действий, а результат в гораздо меньшей степени гарантирован.

Так, действия, направленные на достижение таких результатов, как *забить гвоздь*, *налить воды*, *помыть посуду*, *сварить кашу*, в высокой степени определены и заданы, а их результат предсказуем; действия же, направленные на достижение таких результатов, как *вызвать у кого-л. радость <восхищение>*, в высокой степени индивидуальны и

⁵ Запрос S, nom HUM + убить, INDIC + S, acc HUM дает 224 вхождения в Основном корпусе; запрос S, nom ABSTR + убить, INDIC + S, acc HUM дает 127 вхождений.

⁶ Запрос S, nom ABSTR + S, acc HUM + V EMOT CAUS INDIC дает 248 вхождений в Основном корпусе; запрос S, nom HUM + S, acc HUM + V EMOT CAUS INDIC дает 42 вхождения.

определяются обстоятельствами реальной жизни и конкретной ситуации, а их результат в высокой степени зависит от особенностей экспериенцера и поэтому не контролируется агенсом и не может быть гарантирован.

Лингвистически это значит, что степень контроля агенса над результатом у агентивных эмоциональных каузативов очень низка и, соответственно, каузальная связь между действиями и результатом опосредована и существенно более слаба, чем у физических каузативов. Семантически это означает, что в целом для агентивных эмоциональных каузативов характерна такая же двухуровневая семантическая структура, как и для неагентивных, при которой действие и результат (эмоциональная реакция на это действие) разделены по разным уровням смысла: указание на действие находится в **пресуппозиции**, а указание на результат – в **ассерции**. Таким образом, отрицание с эмоциональными каузативами обычно воздействует только на компонент ‘эмоциональная реакция’, но не компонент ‘действие’:

- (17) *Он не обидел ее своей бестактностью*
‘Он проявил бестактность, но ее это не обидело’.

Таким образом, большинство эмоциональных каузативов семантически устроены как неагентивные и лабораторивные физические каузативы. Однако среди эмоциональных каузативов есть такие, которые допускают отрицание самого компонента ‘действие’; ср. неоднократно обсуждавшиеся в литературе примеры [Кустова 1996], где возможны обе сферы действия:

- (18) *Петя не огорчил маму двойкой*
‘Петя не получил двойку’ [отрицание действия];
‘Петя получил двойку, но мама не огорчилась’ [отрицание реакции].

Что влияет на интерпретацию эмоциональных каузативов с отрицанием? В цитируемых работах постулируются особые контекстуальные условия, которые на это влияют – в частности, коммуникативная структура высказывания. При всей своей справедливости, этот аргумент не объясняет, почему для одних эмоциональных каузативов возможны разные типы взаимодействия с отрицанием, а у других нет, даже если они поставлены в нужный контекст. Как нам кажется, ответ на этот вопрос лежит, как и в случае физических каузативов, в плоскости лексической семантики. А именно, это зависит от семантики предиката и связано с контролем, в частности с конативностью. Однако в силу онтологических особенностей поля эмоций, контроль проявляется у эмоциональных каузативов несколько иным образом, чем у физических. Вообще класс эмоциональных каузативов намного уже, чем физических, поскольку количество эмоций ограничено. Более того, далеко не все эмоциональные реакции являются желательными и, соответственно, далеко не все эмоции люди пытаются намеренно вызвать, что в языке отражается в отсутствии соответствующих некоторым эмоциям синтетических каузативных глаголов. Ср., например, существительные *отвращение*, *презрение*, которые не имеют соответствующих каузативных глаголов. Даже наличие каузативного глагола не означает, что эмоция каузируется намеренно; ср., например, глаголы *возмущать*, *страшить*, которые не могут обозначать намеренных действий. Ниже устанавливается лексический состав эмоциональных каузативов, рассматриваются семантические типы агентивных эмоциональных каузативов и факторы, влияющие на их взаимодействие с отрицанием. В число факторов, влияющих на интерпретацию отрицания в сочетании с эмоциональными каузативами, входят, помимо семантики, также грамматические формы глагола (вид) и тип конструкции, в которой он употреблен.

2.1. Вид каузативного глагола

Для тех эмоциональных каузативов, которые в принципе допускают отрицание компонента ‘действие’ (*радовать*, *огорчать*, *злить*, *пугать*), существуют определенные благоприятствующие этому грамматические условия. Первый грамматический фактор,

влияющий на интерпретацию отрицания с эмоциональными каузативами, – это вид каузативного глагола. Для форм НЕСОВ отрицание обоих компонентов – ‘действие’ и ‘результат’ – более характерно, чем для соответствующих форм СОВ. Это связано с видо-временной семантикой, а именно с тем, что НЕСОВ в подобных сочетаниях имеет узусальное значение, а СОВ – результативное. По этой причине именная группа ТВОР со значением причины с формами НЕСОВ тяготеет к родовому статусу, а с формами СОВ – к конкретно-референтному. Ср. следующую пару примеров:

- (19) *Он не радуется ее частыми приходами*⁷
‘Он не приходит к ней’ – НЕСОВ, родовый статус, отрицание действия.
- (20) *Он не обрадовал ее приходом*
‘Он пришел к ней, но ее это не обрадовало’ – СОВ, конкретно-референтный статус, отрицание результата.

Как видно из этих примеров, родовый референтный статус облегчает попадание именной группы в сферу действия отрицания, в то время как конкретно-референтный статус именной группы это затрудняет. Однако это видовое распределение не носит абсолютного характера; при введении дополнительных элементов в контекст статус именной группы и, соответственно, сфера действия отрицания меняются:

- (21) *Он не радуется ее своими частыми приходами*
‘Он часто приходит к ней, но ее это не радует’ – НЕСОВ, конкретно-референтный статус, отрицание результата.
- (22) *За весь этот год он ни разу не обрадовал ее приходом*
‘За весь этот год он ни разу к ней не пришел’ – СОВ, родовый статус, отрицание действия.

Фраза (21) с глаголом в форме НЕСОВ указывает на отсутствие ожидаемой эмоциональной реакции на событие, в то время как (22) с глаголом в форме СОВ – на отсутствие самого события, которое могло бы вызвать эмоцию.

2.2. Тип конструкции

Интерпретация с отрицанием действия возможна для эмоциональных каузативов в абсолютивной конструкции, где указание на причину эмоции не выражено эксплицитно и привносится контекстом:

- (23) *Последние годы он не радуется читателей*
‘Последние годы он не пишет книги’.
- (24) ‘Книги, которые он пишет последние годы, не радуют читателей’.

Имплицитное указание на причину (действие агенса) может иметь ассертивный статус и попадать в сферу действия отрицания (интерпретация (23)) или находиться в пресуппозиции и быть вне сферы действия отрицания (интерпретация (24)).

Если же валентность причины (действие агенса) выражена эксплицитно, то отрицание действия возможно только в одной конструкции – если эта валентность выражена формой ТВОР. Конструкции, где валентность причины выражена деепричастием, допускают только отрицание результата:

- (25) *Петя не огорчил маму, получив двойку*
‘Петя получил двойку, но мама не огорчилась’ – отрицание результата;
*‘Петя не получил двойку’ – отрицание действия.

⁷ В употреблениях с именной группой (ИГ) в родовом статусе семантика глагола *радовать* сильно ослаблена, т. е. он приближается к лексико-функциональному глаголу. От первоначального значения в нем сохраняется компонент ‘хорошее событие’.

Этим эмоциональные каузативы отличаются от интерпретативов, которые в аналогичной конструкции с деепричастием допускают обе интерпретации под отрицанием⁸:

- (26) *Иван не согрешил, изменив жене*
'Иван изменил жене, но это не грех' – отрицание интерпретации;
'Иван не изменил жене' – отрицание действия.

2.3. Степень контроля, конативность и сфера действия отрицания у эмоциональных каузативов

То, какие эмоциональные каузативы допускают разные СД отрицания, определяется, как и в случае физических каузативов, их семантикой. Как и у физических каузативов, семантическая структура и СД отрицания связаны с идеей контроля: чем выше степень контроля, тем теснее каузальная связь между семантическими компонентами 'действие' и 'результат' и тем вероятнее «одноуровневая» семантическая структура, где компонент 'действие' находится в ассерции и, соответственно, попадает в СД отрицания. Рассмотрим пару примеров:

- (27) *Он перестал злить учительницу своими выходками.*
(28) *Он перестал злить учительницу своей тупостью.*

Фразу (27) естественно интерпретировать как отсутствие соответствующего действия; она указывает на отсутствие причины для эмоции и, как следствие, на отсутствие эмоции. Фразу (28) естественно интерпретировать как отсутствие эмоции при наличии причины для нее. При этом (27) и (28) различаются характером каузатива – в первой фразе каузатив конативен, т.е. указывает на попытку агенса добиться результата, а во второй – нет.

Таким образом, как и в случае физических каузативов и семантики лабораторивности, семантика конативности у эмоциональных каузативов влияет на взаимодействие глагола с отрицанием. Однако если для агентивных физических каузативов стандартной ситуацией является высокая степень контроля агенса и, соответственно, отрицание 'действия', а лабораторивность, снижая степень контроля агенса над результатом, дает возможность «ухода» 'действия' в пресуппозицию, то для агентивных эмоциональных каузативов ситуация обратная. Большинство агентивных эмоциональных каузативов обозначает ненамеренные действия, т.е. такие, в которых результат (эмоциональная реакция) напрямую не связан с тем, что делает агент. Поэтому для них нормой является семантическая структура, где компонент 'действие' находится в пресуппозиции и, соответственно, не попадает под отрицание; ср. пример:

- (29) *Она не трогает меня своей игрой в этом спектакле*
'Она играет в этом спектакле; меня это не трогает' – отрицание реакции;
*'Она не играет в этом спектакле' – отрицание действия.

Таким образом, конативность, указывающая на попытку достижения результата, увеличивает у эмоциональных каузативов степень контроля агенса и дает возможность

⁸ Разные интерпретации этой фразы возникают именно за счет разных интерпретаций предиката (либо в СД отрицания попадает только один компонент значения предиката – 'действие', либо оба компонента значения предиката – и компонент 'действие', и компонент 'интерпретация'), а не за счет того, попадает ли в СД отрицания деепричастный оборот. Те же две интерпретации возможны в абсолютном употреблении; ср.: *Он не согрешил* = а. 'Он не совершил поступка, который можно интерпретировать как грех'; б. 'Он совершил поступок, но его нельзя интерпретировать как грех'.

отрицания самого стимула. Конативность у эмоциональных каузативов – явление мало-распространенное. Ниже представлены тесты на конативность и результаты тестирования для поля эмоциональных каузативов.

2.3.1. Тесты на конативность каузатива

Для каузативов в качестве индикатора конативности рассматривается способность к употреблению в итеративных конструкциях вида *X-НЕСОВ, X-НЕСОВ, да и <и наконец> X-СОВ* [Плунгян, Рахилина 2010], где попытка, направленная на достижение результата X, создает видовую пару третьего типа по М.Я. Гловинской⁹ [Гловинская 1982; 2001]:

(30) *Он ее злил, злил и наконец разозлил.*

Кроме того, конативные эмоциональные каузативы, в отличие от неконативных, способны употребляться с фазовыми глаголами, указывающими на контролируемое прекращение действия: ср. возможность (31) и (32) при невозможности (33) и (34)¹⁰:

(31) *Он кончил ее запугивать.*

(32) *Он прекратил ее развлекать.*

(33) **Он кончил ее раздражать.*

(34) **Он прекратил ее радовать.*

Наконец, конативные каузативы, в отличие от неконативных, характеризуются способностью употребляться в актуально-длительном значении НЕСОВ.

(35) – *Что ты делаешь? – Учительницу злю.*

(36) – *Что ты делаешь? – Сестру пугаю.*

(37) – *Что ты делаешь? – *Бабушку возмущаю.*

2.3.2. Конативные каузативы в разных типах эмоций

Применим сформулированный тест к каузативам разных типов эмоций. Обнаруживается, во-первых, что далеко не все типы эмоций в принципе позволяют формирование синтетических каузативов; так, они отсутствуют в следующих эмоциональных кластерах в русском языке (о понятии эмоционального кластера см. [В. Апресян 2011]): 'ОТВРАЩЕНИЕ', 'ГОРДОСТЬ', 'ЖАЛОСТЬ' (ср., впрочем, *бить на жалость, разжалобить*), 'РЕВНОСТЬ', 'ЗАВИСТЬ', 'БЛАГОДАРНОСТЬ', 'ПРЕЗРЕНИЕ'. Каузация соответствующих эмоций обозначается лексико-функциональным глаголом *вызывать* (а также *внушать* и *доставлять* для некоторых типов эмоций) в сочетании с названием эмоции.

Отсутствие синтетического каузатива в кластере 'ОТВРАЩЕНИЕ' является, по-видимому, особенностью русского языка; ср. английский каузатив *to disgust* или немецкий *anekeln* 'вызывать отвращение'.

То же самое, по-видимому, верно для 'ЖАЛОСТИ'; ср. немецкое *erbarmen* 'вызывать жалость, сострадание' или французское *apitooyer* 'вызывать жалость'. Каузативы

⁹ Вообще же типичные для эмоциональных каузативов видовые пары типа *радовать – обрадовать, восхищать – восхитить, обижать – обидеть* можно отнести скорее к четвертому типу видового противопоставления по М.Я. Гловинской.

¹⁰ В качестве тестового контекста используется именно сочетаемость с намеренным предикатом *прекратить*, а не с более нейтральным *перестать*, который не маркирован по намеренности / ненамеренности; ср.: *Всю жизнь она меня терпеть не могла, и вдруг я почему-то перестал ее раздражать*, при невозможности **Всю жизнь она меня терпеть не могла, и вдруг я почему-то прекратил ее раздражать*.

бить на жалость и *разжалобить* в данной связи не рассматриваются, так как первый не допускает употребления в конструкции с ТВОР, в которой тестируется СД отрицания для эмоциональных каузативов, а второй имеет только форму СОВ, в которой отрицание для всех каузативов воздействует, как правило, только на компонент 'результат'.

Что касается эмоций кластеров 'ГОРДОСТЬ', 'РЕВНОСТЬ', 'ЗАВИСТЬ', 'БЛАГОДАРНОСТЬ', 'ПРЕЗРЕНИЕ', отсутствие синтетических каузативов, по-видимому, носит достаточно универсальный характер (они отсутствуют и в других европейских языках) и связано с относительно произвольным характером их каузации: если для эмоций типа 'СТРАХ' существует прямая связь между стимулом и эмоцией, для перечисленных четырех типов эмоций эта связь существенно более опосредована и менее обязательна. В некотором смысле это эмоции-«интерпретации» – их может вызвать любой объект, а также любое состояние, свойство или действие, если экспериенсер воспринимает и расценивает их определенным образом.

Синтетические каузативы присутствуют в следующих эмоциональных кластерах: 'СТРАХ' (*пугать, запугивать, страшить, ужасать, тревожить, беспокоить*), 'ГНЕВ' (*возмущать, гневить, сердить, злить, раздражать, бесить*), 'РАДОСТЬ' (*радовать, восхищать, веселить, развлекать*), 'ГРУСТЬ' (*расстраивать, огорчать, печалить, разочаровывать*), 'СТЫД' (*смуцать, конфузить*; глагол *стыдить* не рассматривается, поскольку указывает на конкретное речевое действие), 'ОБИДА' (*уязвлять, задевать, обижать*), 'УДИВЛЕНИЕ' (*удивлять, изумлять, шокировать, ошеломлять, потрясать*), 'УМИЛЕНИЕ' (*умилять, трогать*). Кроме того, есть еще некоторое количество эмоциональных каузативов, указывающих не на конкретную эмоцию, а на общее повышение и снижение эмоционального фона: *волновать, будоражить, возбуждать, успокаивать*.

Далеко не все из перечисленных каузативов агентивны: так, *страшить* и *ужасать* обычно описывают эмоцию, внушаемую какими-то явлениями или событиями, находящимися вне контроля человека:

- (38) *Меня страшит неминуемая гибель.*
- (39) *Меня ужасает его вид.*

Эта эмоция не может являться результатом действий агенса:

- (40) **Он меня страшит <ужасает> своими мрачными пророчествами.*

Неагентивны также каузативы *печалить* и *уязвлять*:

- (41) *Меня печалит его судьба.*
- (42) **Он печалит меня своими мрачными пророчествами.*
- (43) *Меня уязвляет его равнодушие.*
- (44) **Он уязвляет меня своими презрительными замечаниями.*

Прочие каузативы имеют агентивные употребления, однако различаются по степени намеренности и конативности. Так, некоторые из агентивных каузативов не указывают на намеренные действия агенса, направленные на стимулирование определенной эмоциональной реакции. Намеренность vs. ненамеренность каузатива проверяется его способностью к употреблению в императивных и прохибитивных конструкциях. Ср. намеренные каузативы в (45) и (46) и ненамеренные в (47) и (48):

- (45) *Радуй родителей.*
- (46) *Не расстраивай свою учительницу.*
- (47) **Умилай свою бабушку.*
- (48) **Не возмущай своего отца.*

Намеренные каузативы указывают на большую степень контроля, чем ненамеренные. Среди намеренных каузативов еще большей степенью контроля выделяются конативные, предполагающие **попытку** достижения результата. Конативность проверяется тестом на употребление в конструкции *X-НЕСОВ, X-НЕСОВ, да и <и наконец> X-СОВ*; ср. конативный каузатив в (49) и неконативный в (50):

- (49) *Он ее запугивал, запугивал и запугал.*
 (50) **Он ее беспокоил, беспокоил и обеспокоил.*

По итогам двух тестов агентивные эмоциональные каузативы делятся на следующие три группы:

а) Ненамеренные каузативы, предполагающие наименьшую степень контроля, отчего они неспособны к употреблению в императиве и прохибитиве. В их число входят глаголы *возмущать, восхищать, изумлять, потрясать, ошеломлять, трогать, умилять*. Ср. их невозможность в императивных конструкциях, а также с наречиями со значением целенаправленности:

- (51) **Не возмущай меня своими выходками.*
 (52) **Не беспокой родителей неожиданными отъездами.*
 (53) **Почаще восхищай своих поклонников.*
 (54) **Не изумляй <не ошеломляй> меня так!*
 (55) **Умиляй <трогай> дедушку и бабушку.*
 (56) **Он нарочно возмутил <обеспокоил, восхитил, потряс, изумил, ошеломил> своих родственников.*
 (57) **Она специально умилила <тронула> маму.*

б) Намеренные каузативы, в число которых входят глаголы, способные указывать на намеренное действие, направленное на каузацию определенной эмоции; все они имеют также «ненамеренные» употребления. Это глаголы *тревожить* (в значении ‘вызывать тревогу’, а не ‘мешать’), *беспокоить* (в значении ‘вызывать беспокойство’, а не в значении ‘мешать’), *гневить* и (устар.) *гневать, сердить, раздражать, бесить, радовать, расстраивать, огорчать, смущать, конфузить, уязвлять, задевать, обижать, удивлять, шокировать, разочаровывать, волновать, будоражить, возбуждать*. Они способны употребляться в императивных или прохибитивных конструкциях, однако не встречаются в конативной конструкции с повтором. Ниже приводятся примеры из НКРЯ на императивные и прохибитивные конструкции (кроме примеров-речений в (58)–(60)).

- (58) *Не задевай <не уязвляй> его самолюбие постоянными насмешками.*
 (59) *Не возбуждай ребенка перед сном.*
 (60) *Не беспокой ее своими страхами.*
 (61) – Вы не рассказывайте Владимиру Ильичу о моей болезни, – предупредила Мария Александровна, – **не тревожьте** его [З. Воскресенская. Сердце матери (1963–1965)].
 (62) *Государь царевич, ваше высочество, не гневи Бога, не говори слов неистовых!* [Д. Мережковский. Петр и Алексей (1905)].
 (63) *Ты меня не серди — ты видел, как я бываю грозен?* [Е. Шварц. Голый король (1934)].
 (64) *Не раздражай веселых своим унынием, а хмурых весельем* [М. Веллер. Карьера в Никуда (1988)].
 (65) *Слушай, не беси меня. Я ведь прикончу тебя раньше, чем ты пикнешь* [Д. Биленкин. Космический бог (1967)].
 (66) *Ты меня, пожалуйста, не расстраивай, сынок, учи сольфеджио!* [Л. Филатов, И. Шевцов. Сукины дети (1992)].
 (67) *Петенька, не упрямясь, не огорчай маму, прочитай дедушке Корнею «Мойдодыра»...* [Л. Чуковская. Памяти детства: Мой отец – Корней Чуковский (1971)].
 (68) *Я поднял руки: — Не разочаровывайте меня. Я был лучшего мнения о достижениях медицины* [А. Вайнер, Г. Вайнер. Лекарство против страха (1987)].

- (69) *Обождите три дня; если не передумаете – смело навещайте будущих родичей и радуйте их известием* [М. Дяченко, С. Дяченко. Магам можно все (2001)].
- (70) *А ты, пожалуйста [...] не смущай Гостя своими дикими выкриками* [А. Пятигорский. Древний Человек в Городе // «Октябрь», 2001].
- (71) – *Хоть перед ребятами-то меня не конфузьте, Андрей Иванович* [А. Мусатов. Стожары (1948)].
- (72) *Я, может, еще удивить вас хочу. – О, давай, удивляй! – заорали они* [А. Беляков. Алка, Аллочка, Алла Борисовна (1998)].
- (73) *Старайтесь быть более тактичным и сдержанным, не шокируйте окружающих своими экстравагантными поступками* [Гороскоп на неделю (2002) // «Вечерняя Москва»].
- (74) *Бутербродов-то, бутербродов-то не жалейте, не обижайте нашего буфетчика Ермолая Ивановича!* [М. Булгаков. Театральный роман (1936–1937)].
- (75) *Уходи, а то щас вот придет, не волнуй, знаешь отца, не хочет он тебя видеть* [О. Павлов. Дело Матюшина (1996)].
- (76) *Галя острит: «Не будоражь мальчика». Спокойно отвечаю: «У меня другой талант – успокаивать»* [Н. Шмелькова. Последние дни Венедикта Ерофеева (2002)].

Употребление агентивных эмоциональных каузативов, принадлежащих к этой, наиболее многочисленной, группе, в конативной конструкции с повтором невозможно, ср. странность или невозможность следующих примеров:

- (77) **Он ее тревожил, тревожил и растревожил <беспокоил, беспокоил и обеспокоил; гневал, гневал и разгневал; сердил, сердил и рассердил; раздражал, раздражал и раздражил; бесил, бесил и взбесил; радовал, радовал и обрадовал; расстраивал, расстраивал и расстроил; огорчал, огорчал и огорчил; смущал, смущал и смутил; конфузил, конфузил и сконфузил; обижал, обижал и обидел; удивлял, удивлял и удивил; волновал, волновал и разволновал>.*
- (78) **Он ее уязвлял, уязвлял и уязвил <задевал, задевал и задел; шокировал, шокировал и шокировал; разочаровывал, разочаровывал и разочаровал>.*

Они не употребляются и в других конструкциях, свидетельствующих о наличии целенаправленного усилия; ср. невозможность фраз типа **Он меня радует, а я не радуюсь*.

в) Третью группу составляют конативные каузативы, которые указывают на целенаправленное усилие агенса по каузации эмоции и наибольшую степень его контроля над результатом, хотя результат в виде эмоциональной реакции никогда не является гарантированным; ср.: *Он пугает, а мне не страшно* (Л.Н. Толстой о Л. Андрееве). В число конативных входят каузативы *пугать, запугивать, злить, веселить, развлекать*. Они употребляются в конативной конструкции с повтором, а также в ряде других контекстов, указывающих на сознательное усилие, направленное на достижение определенного эмоционального результата, в частности с контролируруемыми фазовыми глаголами *кончить и прекратить*:

- (79) *Он ее пугал, пугал и испугал.*
- (80) *Он ее запугивал, запугивал и запугал.*
- (81) *Он ее злил, злил и разозлил.*
- (82) *Он ее веселил, веселил, но так и не развеселил.*
- (83) *Он ее развлекал, развлекал, но так и не развлек.*
- (84) *Он ее успокаивал, успокаивал и успокоил.*

Ср. также примеры из корпуса, указывающие на контролируемое усилие агенса:

- (85) *Он за огромные деньги купил всех звезд эстрады и направил гастролировать по стране с установкой: **развлекать, развлекать и развлекать** народ чтобы, вызвав у него радость, между прочим дать ему понять: Ельцин – это клево, Ельцин – это классно, Ельцин – это обалденно* [Д. Тукмаков. Информвойна народная, священная война... (2001) // «Завтра»].

- (86) – *Да ладно пугать-то, – буркнул я. – На фронте пугали, пугали... Теперь ты допугиваешь* [В. Астафьев. Обертон (1995–1996)].
- (87) *Через несколько лет она зазнается, заведет кучу телохранителей и к ней уже будет не подойти. – Прекрати пугать человека! – улыбнулась будущая знаменитость* [М. Милованов. Естественный отбор (2000)].
- (88) – Ты меня *запугиваешь?* – *Запугиваю*, – соглашаюсь я. – *Пытаюсь, во всяком случае* [М. Петросян. Дом, в котором... (2009)].
- (89) *Старшая сестра этой девушки, Эмилия Верзилина, рассказывала о Лермонтове: «Мишель постоянно дразнил меня, пытаясь разозлить»* [Л. Дурнов. Жизнь врача. Записки обыкновенного человека (2001)].
- (90) *Вале кое-как удалось успокоить деда – она пообещала, что сделает все, как он хочет* [Т. Тронина. Русалка для интимных встреч (2004)].

В этой группе глагол *запугивать* обладает наибольшей степенью конативности в том смысле, что для него невозможны никакие другие употребления. *Запугивать* – это всегда целенаправленная попытка *запугать* со стороны агенса, невозможно **нечаянно запугать* (хотя возможно *нечаянно испугать*). Обобщая результаты тестов, можно расположить агентивные эмоциональные каузативы на шкале контроля от наиболее контролируемых конативных к наименее контролируемым ненамеренным (размер шрифта маркирует степень конативности и контроля):

- (91) **ЗАПУГИВАТЬ, ЗЛИТЬ, ПУГАТЬ, ВЕСЕЛИТЬ, РАЗВЛЕКАТЬ, УСПОКАИВАТЬ, ГНЕВИТЬ, ГНЕВАТЬ, СЕРДИТЬ, РАЗДРАЖАТЬ, БЕСИТЬ, ТРЕВОЖИТЬ, БЕСПОКОИТЬ, РАДОВАТЬ, РАССТРАИВАТЬ, ОГОРЧАТЬ, РАЗОЧАРОВЫВАТЬ, СМУЩАТЬ, КОНФУЗИТЬ, УЯЗВЛЯТЬ, ЗАДЕВАТЬ, ОБИЖАТЬ, УДИВЛЯТЬ, ШОКИРОВАТЬ, ВОЛНОВАТЬ, БУДОРАЖИТЬ, ВОЗБУЖДАТЬ, возмущать, восхищать, потрясать, изумлять, ошеломлять, трогать, умилять.**

Как видно из списка агентивных каузативов в целом, в него вошли обозначения большинства **базовых** эмоций [Izard 1991; Ekman 1999] – гнева, радости, страха, удивления, грусти, стыда. Отсутствует обозначение отвращения, но, как было сказано выше, это особенность русской языковой картины мира. Кроме того, присутствуют показатели каузации общего повышения и понижения эмоционального фона, а также трудноопределимой, но положительной эмоции-отношения, которая была условно названа 'УМИЛЕНИЕМ' – *трогать, умилять*.

При этом наибольшая степень конативности и контроля агентивных каузативов свойственна в первую очередь кластеру 'СТРАХ' (*запугивать*) и в чуть меньшей степени – сразу четырем эмоциональным кластерам – 'ГНЕВУ' (представленному подтипом *злить*), 'СТРАХУ' (представленному подтипом *пугать*), 'РАДОСТИ' (представленной подтипами *веселить, развлекать*) и 'ПОКОЮ' (*успокаивать*). Их непосредственным стимулом часто служит направленная на их каузацию попытка человека.

Интересен вопрос о том, почему именно эти эмоции чаще, чем другие, возникают как результат сознательных и контролируемых действий агенса. Потребность в каузации 'РАДОСТИ' и 'ПОКОЯ' представляется достаточно очевидной. 'РАДОСТЬ' – это базовая положительная эмоция, а 'ПОКОЙ' – отсутствие отрицательных эмоций и ненормально повышенного эмоционального фона. Однако почему в языке зафиксирована явная потребность в каузации 'СТРАХА' и 'ГНЕВА'? Относительно 'СТРАХА' ответ тоже представляется достаточно очевидным: вызывая эту эмоцию у оппонента, агенс приобретает желаемый контроль над ним. Что же касается 'ГНЕВА', то здесь мотивация менее очевидна, так как эмоции этого кластера могут вызывать агрессивное ответное поведение и, таким образом, потенциально опасны для их объекта. Однако один подтип 'ГНЕВА', а именно *злиться*, по-видимому, представляет собой исключение из этого правила. Дело в том, что другие типы 'ГНЕВА', такие как *гневаться, сердиться, возмущаться, раздражаться*, предполагают либо равный статус экспериенцера и объекта, либо более высокий статус

экспериенцера (*гневаться, возмущаться*). Соответственно, экспериенцер в большей степени владеет ситуацией, нежели каузатор эмоции: экспериенцер может как скрыть свою эмоцию, так и направить ее на каузатора неприятным для того образом. Однако эмоция *злости* часто указывает на бессилие экспериенцера по отношению к каузатору эмоции, на его неспособность атаковать вызывающего эмоцию агенса в силу более низкого статуса (экспериенцером *злости* часто бывает животное), и, таким образом, на отсутствие контроля над ситуацией со стороны экспериенцера¹¹. В то же время эта эмоция весьма сильна и поэтому требует выражения, над которым, в отличие от *гнева* и *раздражения*, экспериенцер также не имеет контроля¹². Таким образом, каузатор эмоции может получать удовольствие, наблюдая *бессильную злость* экспериенцера и находясь при этом в безопасности. По-видимому, именно этот экстралингвистический факт отражен в конативности и высокой степени контроля у агентивного эмоционального каузатива *злить*¹³.

Глядя на противоположный полюс эмоциональных каузативов (ненамеренные каузативы), можно заметить, что наименьшая степень контроля свойственна в первую очередь сильным эмоциям кластера 'УДИВЛЕНИЕ' (*потрясать, изумлять, ошеломлять*), поскольку они связаны с эффектами большой неожиданности и большого отклонения от нормы, которые трудно алгоритмизовать и контролировать. Кроме того, люди, по-видимому, не хотят становиться объектом праведного, этического гнева (*возмущать*). Они также не властны при помощи каких-то алгоритмически запланированных действий *восхищать* других людей, поскольку эта эмоция накладывает трудновыполнимое ограничение на объект эмоции – он должен очень сильно отклониться от нормы в лучшую сторону. Не контролируемы также и нежные эмоции *трогать* и *умилять*, что связано, скорее всего, с непредсказуемым характером этого чувства: если существуют алгоритмы внушения *страсти* и даже *любви*, то *нежность* возникает произвольно.

Промежуточное положение большей части каузативов на этой шкале (*гневить, (устар.) гневать, сердить, раздражать, бесить, тревожить, беспокоить, радовать, расстраивать, огорчать, разочаровывать, смущать, конфузить, уязвлять, задевать, обижать, удивлять, шокировать, волновать, будоражить, возбуждать*) указывает на то, что большая часть эмоций возникает спонтанно, а не в результате специально прилагаемых усилий, но что при этом люди обычно в состоянии, совершая или не совершая определенные действия, постараться добиться желаемого эмоционального результата.

Итак, эмоции, которые люди обычно стараются и могут вызвать своими намеренными усилиями, – это злость, испуг и веселье. Их объединяет то, что, помимо отращения, это наиболее физиологичные из всех эмоциональных реакций. Они, во-первых, сопровождаются явными физическими проявлениями (повышение температуры тела для злости, понижение температуры тела для испуга, смех для веселья), во-вторых, они наименее рационализированы (свойственны, в частности, не только людям, но и животным), а также наиболее непосредственно связаны с внешним стимулом. При этом их стимулы в меньшей степени привязаны к конкретным ситуациям, чем у других эмоций – существуют достаточно универсальные способы *злить, пугать* и *веселить (смешить)*. Например, *испугать* можно любого человека, неожиданно выпрыгнув из-за угла или подкравшись со спины, а вот для того, чтобы *порадовать*, необходимо искать более индивидуальные подходы, поскольку эта эмоция рационализирована, опосредована и возникает, проходя через некоторую систему оценок, которая у всех людей различна.

¹¹ По данным НКРЯ, частотность сочетаний *бессильная злость* и *бессильная злость* (9,6 на млн употреблений) почти в четыре раза превышает частотность сочетаний *бессильный гнев* и *бессильное раздражение* (2,5 на млн употреблений).

¹² По данным НКРЯ, частотность сочетаний *скрыть гнев* и *скрыть раздражение* (3,4 на млн употреблений) почти в девять раз превышает частотность сочетаний *скрыть злость* и *скрыть злость*.

¹³ Ср. наречие *назло*, лексикализующее ту же идею – целенаправленной каузации эмоции *злости*. Ни у какой другой эмоции в русском языке целенаправленная каузация не достигает такой степени грамматикализации.

2.3.3. Семантическая структура разных типов эмоциональных каузативов

В семантической структуре неконативных ненамеренных каузативов (*возмущать, восхищать, потрясать, изумлять, ошеломлять, трогать, умилять*), предполагающих наименьшую степень контроля агенса над результатом, каузативный компонент (действие) имеет статус **пресуппозиции**, а эмоциональная реакция – статус **ассерции**. Кроме того, у некоторых из них есть оценочные модальные рамки: у *возмущать* говорящий оценивает эмоцию как оправданную, у *восхищать* говорящий оценивает объект чувства как существенно лучший, чем среднестатистический объект такого типа. Отрицание с ними либо не сочетается – из-за модальных рамок или из-за семантики высокой степени (*потрясать, изумлять, ошеломлять*), либо воздействует только на компонент ‘результат’.

- (92) *A1 X-ит A2 своим A3* ‘Совершая действия A3 (пресуппозиция), человек A1 вызывает эмоцию X у человека A2 (ассерция)’.

Примеры взаимодействия с отрицанием:

- (93) ^{??}*Он больше не возмущает учительницу наглыми шутками.*
(94) ^{??}*Он больше не восхищает <не изумляет, не потрясает, не ошеломляет> слушателей своей игрой.*
(95) *Она не умиляет <не трогает> меня своей наивностью*
‘Она наивна; меня это не трогает’.

В семантической структуре неконативных намеренных каузативов (*зневить, (устар.) зневать, сердить, раздражать, бесить, тревожить, беспокоить, радовать, расстраивать, огорчать, разочаровывать, смущать, конфузить, уязвлять, задевать, обижать, удивлять, шокировать, волновать, будоражить, возбуждать*), предполагающих промежуточную степень контроля агенса над результатом, статусы каузативного компонента (‘действия’) и ‘эмоциональной реакции’ не фиксированы: каузативный компонент «плавает»¹⁴ между **пресуппозицией** и **ассерцией**, а статус ‘эмоциональной реакции’ – между **ассерцией** и **имплицативом**. Соответственно, под отрицание у этих предикатов могут попадать как оба компонента значения (если ‘действие’ – ассерция, а ‘эмоциональная реакция’ – имплицатив), так и только ‘результат’ (если ‘действие’ – пресуппозиция, а ‘эмоциональная реакция’ – ассерция). Семантическая структура для тех употреблений, где каузатив указывает на намеренное действие, такова:

- (96) *A1 X-ит A2 своим A3* ‘Человек A1 совершает действия A3 (ассерция), которые вызывают эмоцию X у человека A2 (имплицатив)’.

Семантическая структура для тех употреблений, где каузатив указывает на ненамеренное действие, такова:

- (97) *A1 X-ит A2 своим A3* ‘Совершая действия A3 (пресуппозиция), человек A1 вызывает эмоцию X у человека A2 (ассерция)’.

Примеры взаимодействия с отрицанием:

- (98) *Он больше не огорчает <не расстраивает, не сердит> родителей прогулами*
‘Он больше не прогуливает’ – отрицание действия.
(99) *Он меня совершенно не огорчает <не расстраивает, не сердит> своей независимостью*
‘Он независимый, но это не вызывает у меня эмоций’ – отрицание результата.

¹⁴ Ср. термин М. Филипенко «плавающая сфера действия» в применении к нефиксированной СД, которая может меняться [Филипенко 1998]. Термин «плавающая пресуппозиция» образован аналогичным способом, для обозначения пресуппозиции, которая может менять свой статус в семантической структуре.

- (100) *Он перестал смущать ее навязчивыми ухаживаниями*
'Он перестал за ней ухаживать' – отрицание действия.
- (101) *Он больше не смущает меня своими неприличными шутками*
'Он шутит, но меня это не смущает' – отрицание результата.

В семантической структуре конативных каузативов (*злит, пугать, запугивать, веселить, развлекать, успокаивать*) статус каузативного компонента ('действие') – **ас-серция**, статус 'эмоциональной реакции' – **имплицатив**. Для этой группы примеров предпочтительной интерпретацией является интерпретация с отрицанием действия: прекращаются попытки, направленные на каузацию эмоции, и, как следствие, прекращается сама эмоция.

- (102) *A1 X-ит A2 своим A3* 'Человек A1 совершает действия A3, направленные на то, чтобы вызвать эмоцию X у человека A2, отчего человек A2 испытывает эмоцию X'.

Примеры взаимодействия с отрицанием:

- (103) *Он больше не злит учительницу глупыми выходками*
'Он больше не совершает глупых выходок'.
- (104) *Он больше не пугает одноклассников страшными рожами*
'Он больше не корчит страшные рожи'.
- (105) *Он больше не веселит <не развлекает> домашних смешными шутками*
'Он больше не шутит'.
- (106) *Он больше не успокаивает ее заверениями, что все будет хорошо*
'Он больше не говорит, что все будет хорошо'.

Ср. также примеры из НКРЯ, где у конативных каузативов в СД отрицания попадает указание на само совершение действия, направленное на достижение эмоциональной реакции:

- (107) *Меня никто никогда не развлекал, не уговаривал, не призывал и не веселил* [Д. Смирнова. *Моя замечательная жизнь* (1997) // «Столица»].
- (108) – *Ну ладно, кончай! – грубо оборвал я его. – Меня ты можешь не развлекать* [В. Аксенов. *Пора, мой друг, пора* (1963)].
- (109) – *Уж так плохо дело?... – спрашивал он, не успокаивая, не утешая* [Ф. Кнорре. *Шорох сухих листьев* (1967)].
- (110) *Советов глупых он не давал ни разу; красок не сгущал, не запугивал, но и не успокаивал* [Д. Фурманов. *Мятеж* (1924)].

Для глагола *запугивать*, как было сказано выше, отрицание действия является вообще единственной возможной интерпретацией.

Общая особенность намеренных и конативных каузативов, вытекающая из их семантической структуры (ассертивный статус семантического компонента 'действие'), – способность употребляться в режиме номинации, для обозначения действий, а не эмоциональных реакций. В таких употреблениях эмоциональный компонент приобретает характер интерпретационности: действие интерпретируется как способное вызвать ту или иную эмоцию. Способность самостоятельно употребляться в качестве номинации самого действия отмечается для глагола *порадовать* в работе [Зализняк, Шмелев 2012], а также для глаголов *обрадовать, огорчить, обидеть, напугать* в работе [Кустова 2004: 22], ср. ниже примеры из этих работ:

- (111) *Исполнители нас сегодня порадовали* (= 'хорошо исполнили').
- (112) *Сегодня Петя опять огорчил маму* (= получил двойку).
- (113) *Он обидел сестру* (= не пришел на день рождения).
- (114) *Пойдем его обрадуем* (= скажем).
- (115) *Давай его напугаем* (= сделаем).
- (116) *Сегодня Петя не огорчил маму двойкой* (= не получил двойку).

Данное исследование позволяет существенно расширить круг предикатов со значением каузации эмоции, для которых возможно употребление в режиме номинации. В него входят конативные каузативы, а также многие глаголы из списка намеренных каузативов. Более того, для некоторых эмоциональных каузативов употребление в режиме косвенной номинации действия является предпочтительным (таковы глаголы *разочаровывать*, *запугивать*) или единственно возможным (таков глагол *гневить*, который можно считать интерпретационным), ср.:

- (117) *Так же обстоит дело и с публично кающимися – они гневят Бога, похваляясь своими злодеяниями, и все погибнут* [А. Гуревич. Популярное богословие и народная религиозность средних веков (1976)].
- (118) *Он разочаровал всех в конце сезона – сразу после того, как стало известно о его переходе в следующем году в McLaren* [Б. Мурадов. Трагикомическая одиссея 2001, или Семнадцать мгновений весны, лета и осени (2001) // «Формула»].
- (119) *Воры или подкупили местного врача, или запугивали, и врач сочинял фальшивый медицинский документ* [В. Шаламов. Колымские рассказы (1954–1961)].

Употребление в режиме косвенной номинации возможно также для глаголов *сердить*, *бесить*, *расстраивать*, *смущать*, *удивлять*, *шокировать*.

Суммируя, можно сказать, что, как и в случае с физическими каузативами, лексическая семантика эмоционального каузатива, а именно, степень контроля агенса, влияет на статус и характер семантического компонента 'действие' в его семантической структуре и, таким образом, на его взаимодействие с отрицанием и другие лингвистические свойства.

3. ИНТЕРПРЕТАТИВЫ

Интерпретативы, как и эмоциональные и физические каузативы, представляют собой неоднородную с точки зрения семантики и взаимодействия с отрицанием группу. Некоторые из них допускают отрицание и действия, и интерпретации, некоторые – только интерпретации. Выдвигаемое в статье предположение о связи степени контроля агенса над результатом с семантической структурой предиката и сферой действия отрицания на него представляется применимым и к интерпретативам. В работе [Апресян 2006б] выделяются следующие группы интерпретативов: этические (*баловать*), религиозные (*грешить*), юридические (*нарушить закон*), истинностные (*ошибаться*). Семантическая структура интерпретативов описывается в данной работе следующим образом:

- (120) '1. поступок P – пресуппозиция; 2. интерпретация его как Q – ассерция'.

В указанной работе отмечается, что пресуппозиция у интерпретативов может попадать под отрицание, особенно в абсолютном употреблении и/или в контексте квантора всеобщности: *Он ни разу не согрешил; Он никогда не ошибается*. Поэтому прототипической формой употребления интерпретативов считается форма НЕСОВ с зависимым деепричастием со значением интерпретируемого поступка:

- (121) *Он не ошибается, считая ее хорошим специалистом.*

Однако выясняется, что у некоторых интерпретативов даже в этой конструкции компонент 'действие' может попадать под отрицание; ср. следующие примеры, где такое прочтение является предпочтительным и глагол употреблен в режиме косвенной номинации, а не в режиме интерпретации:

- (122) *Он не заваливал ее на экзамене, задавая вопросы по литературе XVIII века*
'Он не задавал ей вопросов по литературе XVIII века'.
- (123) *Он не унижал ее, называя идиоткой*
'Он не называл ее идиоткой'.
- (124) *Она не наказывала сына, ставя в угол*
'Она не ставила сына в угол'.

Для некоторых интерпретативов возможны оба чтения:

- (125) *Он не грешил, говоря неправду*
а. 'Он не говорил неправду' – отрицание действия;
б. 'Он говорил неправду, но это не грех' – отрицание интерпретации.
- (126) *Он не нарушал закон, обгоняя по встречной*
а. 'не обгонял по встречной' – отрицание действия;
б. 'обгонял по встречной, но это не нарушение' – отрицание интерпретации.

Для некоторых интерпретативов в этой конструкции возможно только отрицание интерпретации:

- (127) *Он не ошибается, считая ее хорошим специалистом*
а. 'Он считает ее хорошим специалистом, и это не ошибка' – отрицание интерпретации;
б. '*Он не считает ее хорошим специалистом' – отрицание ментального состояния.
- (128) *Он не заблуждается, думая, что времени совсем не осталось*
а. 'Он думает, что времени не осталось, и это не заблуждение' – отрицание интерпретации;
б. '*Он не думает, что времени не осталось' – отрицание ментального состояния.

Итак, чем объясняются разные особенности взаимодействия с отрицанием для разных видов интерпретативов? Представляется, что они связаны с семантическим типом интерпретатива.

Нетрудно заметить, что интерпретативы, для которых предпочтительно отрицание самого предмета интерпретации, указывают на осознанные, намеренные, контролируемые действия (*заваливать, унижать, наказывать*), у которых усилие агенса направлено на достижение именно того результата, который предполагается интерпретацией (то есть на то, чтобы *завалить, унижить, наказать*).

Интерпретативы, которые допускают только отрицание самой интерпретации, предполагают неконтролируемые ментальные процессы (*ошибаться, заблуждаться*); думая что-то, человек, во-первых, не контролирует себя, во-вторых, не ставит себе целью *ошибиться*.

Интерпретативы, для которых возможны оба варианта, указывают на ненамеренные, но до известной степени контролируемые действия (*грешить, нарушать закон*). Совершая их, люди контролируют свое поведение, однако не контролируют результат, предполагаемый интерпретацией; иными словами, они стремятся получить удовольствие или выгоду, а не *согрешить* или *нарушить закон*.

Как и в случае с другими рассмотренными предикатами, роль играет именно семантика контроля, и в соответствии с ней интерпретативы делятся на намеренные и контролируемые (*заваливать, унижать, наказывать*), ненамеренные, но контролируемые (*грешить, нарушать закон*) и ненамеренные и неконтролируемые (*ошибаться, заблуждаться*).

Для намеренных контролируемых интерпретативов в форме НЕСОВ характерны **ассертивный** статус обоих компонентов значения – 'действие' и 'интерпретация' – и соответственно отрицание обоих компонентов значения:

- (129) *A1 X-ует, делая A2 = 'A1 совершает поступок A2, который говорящий интерпретирует как X (ассерция)'*.

Для промежуточных по степени контроля ненамеренных контролируемых интерпретативов характерен промежуточный, неопределенный статус компонента 'действие', который, как и у промежуточных по степени контроля эмоциональных каузативов, «плавает» между **ассерцией** и **пресуппозицией**. Отрицание поступка для них возможно, хотя предпочтительно только отрицание интерпретации:

- (130) *A1 X-ует, делая A2 =*
а. 'Совершая поступок A2 (пресуппозиция), человек A1 делает то, что говорящий интерпретирует как X (ассерция)';
б. 'A1 совершает поступок A2, который говорящий интерпретирует как X (ассерция)'.

Для неконтролируемых интерпретативов компонент 'действие' имеет статус **пре-суппозиции** и поэтому не поддается отрицанию:

- (131) *A1 X-ует, делая A2* = 'Совершая поступок A2 (пресуппозиция), человек A1 делает то, что говорящий интерпретирует как X (ассерция)'.

В этом отношении интерпретативы ведут себя так же, как другие рассмотренные предикаты – чем выше степень контроля, тем теснее связь между действием и результатом, тем доступнее компонент 'действие' для отрицания. В некотором приближении это семантическое деление соответствует делению, предложенному в работе [Апресян 2006б]:

- а. намеренные и контролируемые интерпретативы соответствуют **этическим**;
- б. ненамеренные, но частично контролируемые – **юридическим и религиозным**;
- в. ненамеренные и неконтролируемые – **истинностным**.

Это вполне логично: совершая контролируемые и намеренные действия, люди несут за них моральную ответственность, что привносит этическую оценку в интерпретатив.

При этом, как правило, люди не стремятся к совершению ошибок, но и не могут контролировать их совершение, что объясняет особенности истинностных интерпретативов.

И, наконец, промежуточное положение юридических и религиозных интерпретативов тоже понятно: человек не стремится открыто нарушать **общепринятые** нормы морали, хотя часто совершает приятные для себя действия, которые их нарушают; он лишь, так сказать, не хочет быть застигнутым на месте преступления.

Однако в реальности картина сложнее. Во-первых, дело в том, что некоторые интерпретативы, отнесенные в работе [Апресян 2006б] к категории истинностных, имеют черты этических, например интерпретатив *обманывать*, который, в отличие от *ошибаться*, допускает обе интерпретации отрицания; ср.:

- (132) *Он не обманывал ее, говоря, что придет*
'Он говорил, что придет, но это не было обманом' – отрицание интерпретации;
'Он не говорил, что придет (что было бы обманом)' – отрицание действия.

Это свойство *обманывать* легко можно объяснить: поскольку, в отличие от *ошибаться*, *обманывать* обычно является намеренным и контролируемым действием, направленным именно на достижение результата *обмануть*, этот глагол имеет черты этического интерпретатива: везде, где присутствует контроль агенса над результатом действия, возможна этическая оценка. Таким образом, правильнее было бы квалифицировать *обманывать* не как истинностный интерпретатив, а как истинностно-этический.

Во-вторых, разные интерпретативы по-разному ведут себя в формах СОВ и НЕ-СОВ, в отличие от физических и эмоциональных каузативов, которые демонстрируют несколько более единообразное аспектуальное поведение. Так, некоторые интерпретативы первой группы в форме СОВ перестают допускать отрицание действия:

- (133) *Он не завалил ее, задав вопросы по литературе XVIII века*
'Он задал ей вопросы по литературе XVIII века, но не завалил ее'.
(134) *Она не унизила его вопросами о здоровье*
'Она задала ему вопросы о здоровье, но не унизила его'.

Однако интерпретативы второй группы не демонстрируют никаких дополнительных эффектов в форме СОВ, сохраняя возможность обеих интерпретаций отрицания; нет никакой разницы в СД отрицания между фразами *Он не грешил, изменяя ей* и *Он не согрешил, изменив ей*. Для них обеих предпочтительной является отрицание результата, но возможно также отрицание действия.

Эта неоднородность интерпретативов с точки зрения аспектуальных свойств объясняется, по-видимому, тем, что они представляют собой семантически существенно менее однородную группу, чем каузативы.

4. СООТНОШЕНИЕ АСПЕКТУАЛЬНЫХ КЛАССОВ ПО ГЛОВИНСКОЙ И ДЕЛЕНИЯ ПРЕДИКАТОВ НА СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТИПЫ ПО СТЕПЕНИ КОНТРОЛЯ

Деление глаголов на аспектуальные классы по Гловинской коррелирует, но не полностью совпадает с их делением на семантические классы по типу взаимодействия с отрицанием, предлагаемым в данной работе. Рассматриваемые здесь целенаправленные физические каузативы частично относятся к классу 1Б по Гловинской; ср.: *вбить, втащить* [Гловинская 2001: 96–99], частично вообще не образуют видовых пар (ментальные глаголы). Моментальные каузативы (*захлопнуть, выплеснуть*) взаимодействуют с отрицанием следующим образом: в сочетании с отрицанием они обозначают отсутствие действия, ведущего к результату. Это происходит потому, что у них указание на то, что действие, ведущее к результату, и указание на сам результат соединены и находятся в ассерции. При этом нельзя утверждать, что они вовсе не содержат указания на действие, а содержат только указание на результат. Во-первых, само понятие каузатива указывает на то, что результат возникает из-за чьих-то целенаправленных действий: так, для того чтобы *захлопнуть дверь*, нужно, чтобы какая-то часть тела (*рука, нога, плечо*) вошли с ней в контакт, после чего надо совершить резкое движение, направляющее дверь в дверной проем. Таким образом, всякий каузатив содержит две пропозиции – действие и результат, однако из-за своей моментальности действие может быть трудноразличимо как в реальном мире, так и в значении предиката. При этом сочетаемость моментальных глаголов указывает на то, что все-таки компонент ‘действие’ в их значении входит; ср. сочетания: *резко <с треском> захлопнул дверь, широким движением выплеснул воду из кувшина*, где адвербиалы характеризуют компонент ‘действие’, а не компонент ‘результат’. С точки зрения предлагаемой нами классификации физических каузативов по степени контроля моментальные каузативы описывают наиболее контролируемые действия, осуществляемые с наибольшей легкостью: так, нельзя **с трудом захлопнуть*, но можно *с трудом закрыть*, нельзя **с трудом выплеснуть*, но можно *с трудом вылить*. Соответственно, прототипически у таких каузативов действие всегда приводит к результату: если результата нет, значит, скорее всего, не было и действия. Таким образом, действие и результат находятся на одном семантическом уровне – в ассерции.

Что касается целенаправленных физических каузативов, которые указывают на накопление результата типа *вбить, втащить* (1 аспектуальный класс по Гловинской), то с точки зрения семантики и взаимодействия с отрицанием здесь выделяются разные подтипы. *Втащить* является в нашей терминологии лабораторивом, т. е. предикатом, указывающим на большое усилие, требуемое для достижения результата. Лаборативы – наименее контролируемые из целенаправленных физических каузативов, поскольку, чем больше требуемое усилие, тем менее гарантирован результат. И поведение лабораторивов под отрицанием подтверждает гипотезу о связи степени контроля с семантической структурой предиката и его поведением под отрицанием: у лабораторивов указание на действие обычно не поддается отрицанию: *Он не втащил мешок в багажник, Он не втиснул книжку на полку* гораздо естественнее интерпретировать как неудавшиеся попытки, чем как отсутствие попытки. То есть у лабораторивов указание на действие находится в «нижнем» семантическом слове – в пресуппозиции, оно слишком «тяжелое», чтобы всплывать в верхний слой – в ассерцию. Большинство физических каузативов имеют промежуточный статус: они описывают «нормальные» – не слишком легкие и не слишком трудные, не слишком быстрые и не слишком долгие действия, ведущие к результату. Соответственно, компонент ‘действие’ имеет у них плавающий статус и может как оставаться, так и уничтожаться под отрицанием: сравни упоминавшиеся выше примеры, анализируемые в работе Карловской, типа *Он не вбил гвоздь*, где неизвестно, предпринималась ли агенсом такая попытка.

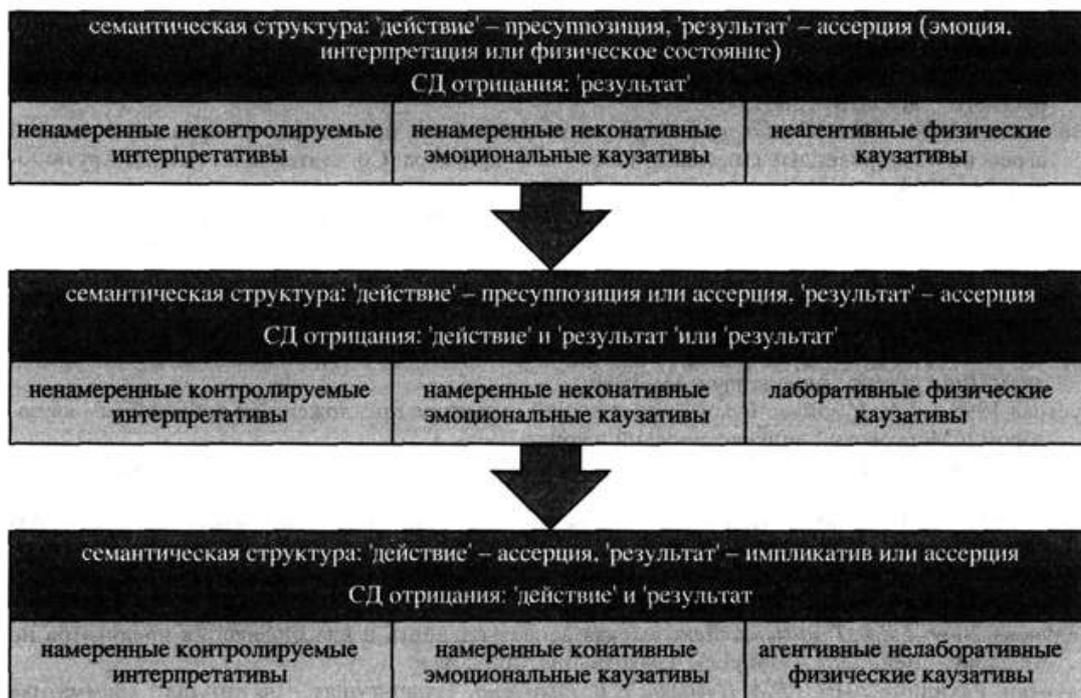
Что касается эмоциональных каузативов, то в работе Гловинской рассматриваются только нецеленаправленные эмоциональные каузативы, и все они справедливо относятся к 4 подтипу ‘в состоянии – начать быть в состоянии’ [Гловинская 2001: 117];

ср.: *Ее веселят мои ошибки. Меня пугает его состояние.* Однако, как было сказано выше, для эмоциональных каузативов нецеленаправленное употребление хотя и является прототипическим, но, как мы видим из анализа материала, не является единственно возможным (по крайней мере, для некоторых из них). Те эмоциональные каузативы, которые не бывают намеренными (*возмущать, восхищать* и пр. – об этом см. выше), действительно относятся к 4 классу. Они предполагают самую низкую степень контроля агенса над результатом; в соответствии с нашей гипотезой, указание на действие находится у них в пресуппозиции и под отрицанием сохраняется: *Он не восхищает нас своей игрой* значит, что он играет, но не вызывает эмоциональной реакции. Что касается намеренных эмоциональных каузативов, то они неоднородны с точки зрения степени контроля и, соответственно, взаимодействия с отрицанием. Каузативы типа *радовать* и *огорчать* предполагают меньшую степень контроля над результатом, чем конативные каузативы типа *запугивать, успокаивать, злить, веселить* (некоторые из них вообще не имеют ненамеренных употреблений; ср. неправильность **Меня запугивает его поведение*). Первые устроены скорее как деятельности (в частности, они не имеют актуально-длительного значения НЕСОВ), вторые – как действия-попытки (они имеют актуально-длительное значение НЕСОВ). В соответствии с нашей гипотезой о связи степени контроля с семантической структурой, конативные эмоциональные каузативы (предполагающие наибольшую степень контроля агенса над результатом) имеют указание на действие в ассерции, и при их отрицании отрицается сама попытка вызвать определенное эмоциональное состояние; ср.: *Он не запугивал меня, Она не успокаивала его, Он больше не злил одноклассников глупыми выходками, Он больше не веселил домашних забавными шутками.* Каузативы типа *радовать* и *огорчать*, предполагающие невысокую, хотя и ненулевую, степень контроля над результатом, как было показано выше, могут иметь обе интерпретации с отрицанием, что значит, что у них компонент 'действие' имеет «плавающий» статус – между пресуппозицией и ассерцией.

Таким образом, семантическая структура предикатов и их взаимодействие с отрицанием коррелирует, но только частично, с делением на аспектуальные классы. Точнее, правильнее было бы сказать, что деление на аспектуальные классы является на самом деле более дробным и зависит, в том числе, от значения, в котором рассматривается глагол, т. е. глаголы в разных значениях (например, намеренный и ненамеренный каузатив) должны быть отнесены к разным классам.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное в данной работе исследование позволяет установить новые связи между семантикой лексических единиц и их взаимодействием с отрицанием. Предлагается новое системное объяснение описанному в лингвистической литературе необычному поведению отрицания с некоторыми типами предикатов, а именно феномену, который в разных работах называется «переходом пресуппозиции в ассерцию»; «употреблением в режиме косвенной номинации действия» [Кустова 1996]; «имплицативным отрицанием» [в терминологии Е.В. Падучевой]. Работа предлагает новые подтверждения обоснованности фундаментальной классификации предикатов, в том числе категориям акциональности и конативности, а также развивает классификацию предикатов, предоставляя эмпирические свидетельства существования контролируемых действий и лабораторивов в качестве отдельных семантических подклассов предикатов, обладающих особыми свойствами. Статус компонента 'действие' в структуре каузативов и интерпретативов и способность этого компонента попадать под отрицание или избегать отрицания связываются со степенью контроля агенса над результатом: чем выше степень контроля, тем теснее связаны компоненты 'действие' и 'результат' в структуре значения и тем выше вероятность попадания компонента 'действие' в сферу действия отрицания, поскольку он приобретает, подобно компоненту 'результат', ассертивный статус. Эта тенденция представлена в схеме ниже, где стрелками обозначено увеличение степени контроля.

Схема

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян 1995 – Ю.Д. *Апресян*. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
- Апресян 2001 – Ю.Д. *Апресян*. Системообразующие смыслы 'знать' и 'считать' в русском языке // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1.
- Апресян 2006а – Ю.Д. *Апресян*. Фундаментальная классификация предикатов // Ю.Д. *Апресян* (отв. ред.). Языковая картина мира и системная лексикография. М., 2006.
- Апресян 2006б – Ю.Д. *Апресян*. Основания системной лексикографии // Ю.Д. *Апресян* (отв. ред.). Языковая картина мира и системная лексикография. М., 2006.
- Апресян 2012 – Ю.Д. *Апресян*. Грамматика глагола в Активном словаре (АС) русского языка // Ю.Д. *Апресян* и др. (ред.). Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты: Сб. статей в честь 80-летия Игоря Александровича Мельчука. М., 2012.
- В. *Апресян* 2010 – В.Ю. *Апресян*. Семантическая структура слова и его взаимодействие с отрицанием // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Материалы международной конференции «Диалог'2010». Вып. 9 (16). М., 2010.
- В. *Апресян* 2011 – В.Ю. *Апресян*. Опыт кластерного анализа: русские и английские эмоциональные концепты. Ч. 1 // Вопросы языкознания. 2011. № 1.
- В. *Апресян* 2013 – В.Ю. *Апресян*. Семантика эмоциональных каузативов: статус каузативного компонента // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Материалы международной конференции «Диалог'2013». Вып. 12 (19). М., 2013.
- Богуславский 1985 – И.М. *Богуславский*. Исследования по синтаксической семантике. М., 1985.
- Богуславский 1990 – И.М. *Богуславский*. Внешняя и внутренняя сфера действия некоторых темпоральных обстоятельств // Z. Saloni (red.). Metody formalne w opisie języków słowiańskich. Białystok, 1990.
- Богуславский 1996 – И.М. *Богуславский*. Сфера действия лексических единиц. М., 1996.
- Богуславский 2004 – И.М. *Богуславский*. Некоторые проблемы соединения смыслов слов (доклад на семинаре по теоретической семантике, Институт проблем передачи информации). 2004.
- Булыгина 1982 – Т.В. *Булыгина*. К построению типологии предикатов в русском языке // О.Н. Селиверстова (отв. ред.). Семантические типы предикатов. М., 1982.

- Гловинская 1982 – М.Я. Гловинская. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М., 1982.
- Гловинская 2001 – М.Я. Гловинская. Многозначность и синонимия в видо-временной системе русского глагола. М., 2001.
- Гловинская 2004 – М.Я. Гловинская. Скрытая гипербола как проявление и оправдание речевой агрессии // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: Сб. статей в честь Н.Д. Арутюновой. М., 2004.
- Зализняк, Шмелев 2012 – А.А. Зализняк, А.Д. Шмелев. Лексика радости // Анна А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев (ред.). Константы и переменные русской языковой картины мира. М., 2012.
- Зельдович 1998 – Г.М. Зельдович. Русские временные квантификаторы // Wiener Slawistischer Almanach. 1998. Sdb. 46.
- Карловска 1990 – А.К. Карловска. Русские каузативы движения и перемещения (смысловый анализ). Дис. ... канд. филол. наук. М., 1990.
- Кустова 1996 – Г.И. Кустова. О коммуникативной структуре предложений с событийным каузатором // Московский лингвистический журнал. 1996. Т. 2.
- Кустова 2004 – Г.И. Кустова. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М., 2004.
- Маслов 1948 – Ю.С. Маслов. Вид и лексическое значение глагола в русском языке // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1948. Т. 7. № 4.
- Падучева 1996 – Е.В. Падучева. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.
- Падучева 2009 – Е.В. Падучева. Лексическая аспектуальность и классификация предикатов по Маслову – Вендлеру // Вопросы языкознания. 2009. № 6.
- Плунгян, Рахилина 2010 – В.А. Плунгян, Е.В. Рахилина. Тушат-тушат – не потушат: грамматика одной глагольной конструкции // Е.В. Рахилина (ред.). Construction linguistics. М., 2010.
- Филипенко 1998 – М.В. Филипенко. Об адвербиалах с плавающей и фиксированной сферой действия (к вопросу об актантах и не-актантах предиката) // Семантика и информатика: Сб. науч. статей. Вып. 36. М., 1998.
- Ekman 1999 – P. Ekman. Basic emotions in Handbook of cognition and emotion. Sussex, 1999.
- Izard 1991 – C.E. Izard. The psychology of emotions. New York, 1999.
- McCawley 1972 – J.D. McCawley. Syntactic and logical arguments for semantic structures. Mimeograph, reproduced by Indiana University linguistics club. 1972.
- Mel'čuk 1995 – I. Mel'čuk. Syntactic, or Lexical zero in natural language // The Russian language in the meaning-text perspective // Wiener Slawistischer Almanach. 1995. Sdb. 39.

Сведения об авторе:

Валентина Юрьевна Апресян
 Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
 Институт русского языка им. В.В.Виноградова РАН
 vapresyan@hse.ru
 valentina.apresjan@gmail.com

Статья поступила в редакцию 5.09.2013.

© 2014 г. И.Б. ИТКИН

НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ НАД ФОРМАМИ ИМПЕРФЕКТА В ТОХАРСКОМ А ЯЗЫКЕ

Статья посвящена проблемам, связанным с наличием в тохарских языках двух прошедших времен, условно называемых имперфектом и претеритом. Показано, что существующие описания семантики и употребления двух тохарских прошедших времен неудовлетворительны, а трактовка многих глагольных форм в тохарском А, где имперфект и претерит могут строиться по одним и тем же моделям, произвольна. Вводится дистрибутивно-синтаксический критерий разграничения имперфекта и претерита в тохарском А, предлагается новая интерпретация форм ряда глаголов и контекстов, в которых они представлены. Отдельно рассматривается вопрос о причинах аномального поведения имперфекта глагола «идти».

Ключевые слова: тохарские языки, имперфект, претерит, омонимия форм, дистрибуция

The paper is dedicated to the problem of two past tenses in the Tocharian languages conventionally named «imperfect» and «preterit». It is demonstrated that the existing descriptions of semantics and usage of these two forms are unsatisfactory and the treatment of many verbal forms in Tocharian A, in which the formation of imperfect and preterit can follow the same pattern, is arbitrary. The paper introduces a distributional-syntactic criterion of distinction between imperfect and preterit in Tocharian A and proposes a new interpretation of some verbal forms and their contexts. The question of why the imperfect of the verb «to go» behaves so strange is particularly regarded.

Keywords: Tocharian languages, imperfect, preterit, homonymy of forms, distribution

Тохарская ветвь индоевропейской языковой семьи состоит из двух близкородственных вымерших языков – тохарского А, или восточнотохарского, и тохарского В, или западнотохарского. Одной из центральных проблем грамматики обоих тохарских языков является вопрос о характере различий между двумя прошедшими временами, традиционно называемыми в тохаристике имперфектом (Ipf) и претеритом (Pt). Основная сложность, связанная с этой проблемой, заключается в том, что, по убеждению большинства тохаристов, она была решена уже полвека назад – в специально посвященной употреблению прошедших времен в тохарских текстах книге В. Томаса «Der Gebrauch der Vergangenheitstempora im Tocharischen». Показательно, что в недавно вышедшей фундаментальной монографии М. Мальцан «The Tocharian verbal system» итоговый вывод В. Томаса, согласно которому формы имперфекта употребляются, «...wo ein Geschehen als unabgeschlossen zu denken war, bzw. dann, sofern es sich um Zustandsverben handelte, wenn ein Zustand in der Vergangenheit bezeichnet werden sollte» [Th: 307], цитируется именно как исчерпывающее описание семантики данной граммы [M: 252]. В то же время мнение В. Томаса нельзя назвать полностью общепризнанным. Так, существенно иной взгляд на соотношение имперфекта и претерита представлен в работах известного современного французского тохариста Ж.-Ж. Пино, ср.: «La différence entre imparfait et prétérît est nette dans les textes narratifs: le prétérît sert à narrer les actions principales successives, tandis que l'imparfait sert à décrire les circonstances, les événements secondaires, etc.» [Pin: 569].

Кажется вполне ясным, что определение В. Томаса абсолютно неоперационально и представляет собой логический круг: «действие, мыслящееся как незавершенное,

выражается имперфектом, “следовательно”, употребление в том или ином предложении формы имперфекта объясняется тем, что соответствующее действие мыслится как незавершенное». То же самое во многом справедливо и в отношении гипотезы Ж.-Ж. Пино: непонятно, каким мог бы быть внешний диагностический признак, позволяющий разграничить «les actions principales» и «les événements secondaires». Кроме того, трудно с уверенностью утверждать, что языки, в которых два глагольных времени различались бы подобным образом, вообще встречаются.

В своей рецензии на книгу М. Мальцан мы уже касались вопроса о недостатках существующих концепций семантики тохарского имперфекта [Иткин 2012: 132]. Поскольку, однако, текстовый фрагмент А 5 а5, приведенный нами в этой работе в качестве иллюстрации, содержит форму имперфекта глагола *y-/* «идти», а значит, как мы надеемся показать ниже, не дает возможности судить о поведении «настоящих» имперфектов, кажется целесообразным пояснить нашу точку зрения другим восточнотохарским примером:

mānt pat nu anapār lmo ānand ptāñkāt kāsšim tyāk ♦ (А 314 а3) ‘Как если бы сидел напротив (букв. «как впереди сидевший»), Ананда Будду-бога учителя **увидел**’;
lwā pretāñ na(peñi) puk anapār lmošš oki ptāñkāt kāsšim pālkānt || (А 314 а4) ‘звери, духи, люди – все, словно сидели напротив (букв. «словно впереди сидевшие»), Будду-бога учителя **увидели**’.

Прозаические фрагменты А 314 а3 и А 314 а4 относятся к соседним строкам одного и того же документа и представляют собой два чрезвычайно близких как по смыслу, так и по форме повествовательных предложения. Тем не менее в первом из этих фрагментов употреблена форма 3 Sg **Ipf** А глагола *lāk-/* ‘видеть’, а во втором – форма 3 Pl **Pt** М того же глагола. Какова бы ни была действительная причина этого различия, оно, как кажется, не может быть объяснено ни в рамках модели, предложенной В. Томасом, ни в рамках модели, предложенной Ж.-Ж. Пино.

Сложившаяся ситуация таит в себе ощутимую опасность с методологической точки зрения. Во-первых, проблема имперфекта и претерита в тохарских языках остается без внимания новых поколений исследователей, полагающих, что в данной области «уже все сделано». Во-вторых, любая из двух концепций, предложенных столь авторитетными учеными, как В. Томас и Ж.-Ж. Пино (или даже обе они по отдельности), вполне может войти в качестве непреложно установленного факта, скажем, в работы по общей теории глагольных категорий, став основой для далекоидущих – и, увы, необоснованных – выводов.

Существует, наконец, и еще один аспект этой ситуации, релевантный только для тохарского А. Дело в том, что в восточнотохарском языке, в отличие от западнотохарского, способы образования **Ipf** и **Pt** частично совпадают. Соответственно, в целом ряде случаев квалификация тех или иных форм как имперфектных или претеритных с морфологической точки зрения оказывается неоднозначной. Теоретически конкретные примеры употребления таких форм в текстах должны интерпретироваться как **Ipf** или **Pt** на основании семантических критериев; фактически, однако, эти критерии «работают» только применительно к тем формам, принадлежность которых к числу **Ipf** или **Pt** известна заранее. В результате, как мы увидим дальше, сложившиеся представления о спряжении многих тох. А глаголов оказываются существенно искаженными.

Мы никоим образом не ставим своей целью предложить собственное решение рассматриваемой проблемы. Напротив, мы полагаем, что по состоянию на настоящий момент правила выбора между имперфектом и претеритом в тохарских языках должны быть признаны неизвестными. Именно такой подход, свободный от любого рода априорных интерпретаций, представляется нам наиболее плодотворным, поскольку позволяет увидеть, что тох. А имперфекты обладают очень нетривиальными дистрибутивно-синтаксическими свойствами, на основании которых значительную часть морфологически неоднозначных форм прошедшего времени можно с очень высокой

вероятностью квалифицировать как Ipf или Pt, по сути, не обращаясь к собственно-семантической стороне дела.

Настоящая работа представляет собой попытку уточнить грамматическую характеристику как можно большего числа тох. А глагольных форм посредством такого рода дистрибутивного анализа. В связи с решением этой основной задачи мы касаемся также вопросов об интерпретации нескольких текстовых фрагментов, о структуре парадигмы глагола *knā-* 'знать' и об особенностях употребления форм Ipf глагола *y-/* 'идти'.

НЕКОТОРЫЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СОГЛАШЕНИЯ

Тохарские глаголы приводятся в форме основы, например: *tsip-* 'танцевать', *tuñk-iññ-* 'любить'. Если глагол имеет супплетивную парадигму, это обозначается знаком /, например: *y-/* 'идти'.

В грамматической характеристике словоформ указание на активный залог (А) может опускаться, т.е. записи вида *šepär* 3 Pl Ipf А от *tsip-* 'танцевать' и *šepär* 3 Pl Ipf от *tsip-* 'танцевать' эквивалентны.

У некоторых глаголов формы с нулевым окончанием, которому предшествует показатель *-ā*, могут представлять собой как 1 Sg А, так и 3 Sg А одного из прошедших времен. В тех случаях, когда контекст не дает возможности сделать однозначный выбор, используется запись вида 1/3 Sg А или просто 1/3 Sg, например: *klyoṣā* 1/3 Sg от *klyoṣ-* 'слушать, слышать'.

Тох. А текстовые фрагменты из Берлинского собрания рукописей из Турфана, опубликованные в [Sieg, Siegling 1921], цитируются по номерам без каких-либо дополнительных помет.

Текстовые фрагменты, относящиеся к рукописи пьесы «Maitreyasamiti-Nāṭaka» (MSN) на тох. А языке, обнаруженной в 1974 г. недалеко от китайского города Яньци и опубликованной в 1998 г. Цзи Сянь-линем, В. Винтером и Ж.-Ж. Пино в книге [JWP], снабжаются индексом YQ (Яньци).

Небольшие неопубликованные тох. А текстовые фрагменты из Берлинского собрания, фотографии и транслитерация которых ныне доступны в Интернете в рамках проекта TITUS (<http://titus.fkidg1.uni-frankfurt.de/texte/tocharic/thtframe.htm>), в соответствии со своим нынешним архивным классификатором снабжаются индексом THТ (Tocharische Handschriften aus den Turfanfunden).

Тохарские В тексты из Берлинского собрания, опубликованные в [Sieg, Siegling 1953], приводятся с пометой «В».

Переводы текстовых фрагментов принадлежат нам, если не оговорено иное. Порядок слов в переводе приближен к порядку слов в оригинале (однако, разумеется, часто не совпадает с ним в точности). Личные глагольные формы в тохарских фрагментах и в их русских переводах при необходимости выделяются жирным шрифтом.

Полностью список сокращений и условных обозначений см. в конце статьи.

ИМПЕРФЕКТ ОТ ГЛАГОЛОВ *NAS-/*'БЫТЬ' И *Y-/*'ИДТИ'

В обоих тохарских языках Ipf от глаголов *nas-/* 'быть' и *y-/* 'идти' образуется по уникальной модели <однофонемная основа (у глагола 'быть' – нигде более не представленная *ṣ-*, у глагола 'идти' – совпадающая с основой Pr *y-*) + особый вокалический показатель (А *-e-*, В *-ai-* ~ *-ey-*) + окончания презентной серии>, ср., например, 1 Sg Ipf тох. А *ṣem*, *yem*, тох. В *šaim* ~ *šeym*, *yaim*, 3 Sg Ipf тох. А *ṣeṣ*, *yeṣ*, тох. В *šai* ~ *šey*, *yai* ~ *yeu*, 3 Pl Ipf тох. А *šeñc*, *yeñc*, тох. В *šeyem* ~ *šem*, *yeuem* и т.д.

Поскольку для глагола *nas-/* характерна очень высокая степень грамматикализации (редкостью является скорее употребление этого глагола в прямом значении – настолько, что, например, форма его инфинитива, не имеющая собственно грамматических функций, не встретилась в тох. А текстах ни разу!), формы его Ipf не могут быть напрямую

сопоставлены с формами Ipf всех остальных глаголов; в настоящей статье они специально не рассматриваются.

Глагол *y-/* 'идти', напротив, не имеет никаких вспомогательных или «полувспомогательных» употреблений; тем не менее его поведение в Ipf также существенно отличается от поведения других глаголов (см. об этом соответствующий раздел настоящей работы).

По этой причине в разделе «Имперфект или претерит?» все утверждения, касающиеся тох. А имперфектов, сделаны без учета форм Ipf глаголов 'быть' и 'идти'.

ИМПЕРФЕКТЫ ОТ ДРУГИХ ГЛАГОЛОВ В ТОХ. А

У значительного большинства тох. А глаголов имперфект образуется от основы презенса путем прибавления к тематической морфеме (ТМ) презенса морфемы *-ā-* и окончаний претеритной серии. Гласный, которым оканчивается ТМ, в Ipf выпадает; если согласный или группа согласных, оказавшиеся в результате этого выпадения перед суффиксом *-ā-*, могут подвергаться палатализации, они обязательно палатализуются. Важно отметить, что только по этой модели образуются формы имперфекта каузатива (в тох. А каузативные формы всех глаголов в настоящем времени спрягаются одинаково, а именно принадлежат к так называемому кл. Pt 8К с ТМ *-s-*). Примеры:

– некаузативные имперфекты:

e-/ 'давать': 3 Sg Ipf *eṣā*, 3 Pl Ipf *eṣār*

oks- 'расти': 3 Sg Ipf M *oksiṣāt*

kare- 'смеяться': 3 Sg Ipf *karyā*

kām- 'приходить': 3 Sg Ipf *kumṣā*, 3 Pl Ipf *kumṣār*

kāly-/ 'стоять': 3 Sg Ipf M *klyāt*, 3 Pl Ipf M *klyānt*

mānt- 'разрушать; быть в гневе': 1 Sg Ipf M *māñcāwe*, 3 Pl Ipf M *māñcānt*

mrosk- 'испытывать отвращение к миру': 3 Pl Ipf M *mrosāṃṣānt*

y-/ 'делать': 3 Sg Ipf A *ypā*, 3 Pl Ipf A *ypār*, 3 Sg Ipf M *ypāt*, 3 Pl Ipf M *ypānt*

lā-n-t- 'выходить': 3 Sg Ipf с ЭМ Pl *lāntṣā=m*

šo- 'жить': 2 Sg Ipf *šāwāṣt*, 2 Pl Ipf *šāwās*

sālp- 'пылать': 3 Pl Ipf *sālypār*;

– каузативные имперфекты:

nu- т. К 'реветь': 3 Sg Ipf K *nuṣā*, 3 Pl Ipf K *nuṣār*

pāk- 'созревать, вариться': 3 Pl Ipf M K *pākṣānt*;

šām-/ 'сидеть': 2 Pl Ipf M K *lāṃṣāc*.

Помимо этого, существует небольшая (около 10 лексем) группа глаголов, образующих Ipf также от основы презенса по образцу одного из классов претерита. Примеры:

– имперфект по образцу Pt кл. Ia (с удлинением корневого гласного):

tārḱ- 'отвергать, изгонять': 3 Pl Ipf A *cārkar*, 3 Sg Ipf M *cārkat*

pār-/ 'нести': 3 Sg Ipf M *pārat*, 3 Pl Ipf M *pārant*

lāk-/ 'смотреть, видеть': 2 Sg Ipf A *lyākāṣt*, 3 Sg Ipf A *lyāk*, 3 Pl Ipf A *lyākar*;– имперфект по образцу Pt кл. III:

trānk-/ 'говорить': 2 Sg Ipf *crānkāṣt*, 3 Sg Ipf *crānkās*, 3 Pl Ipf *crānkār*

su- 'литься, сыпаться дождем': 3 Pl Ipf с ЭМ Pl *sawr=ām*

tṣip- 'танцевать': 3 Pl Ipf *ṣepār*.

ИМПЕРФЕКТ ИЛИ ПРЕТЕРИТ?

Парадоксальным образом, при том что глаголы типа *trānk-/* образуют Ipf по образцу Pt, формы этих двух времен у таких глаголов никогда не совпадают: Pt образуется либо от супплетивной основы (у глагола *trānk-/* – от основы *we-*, ср., например, 2 Sg Pt *weñāṣt*, 3 Sg Pt *we*; у глагола *pār-/* – от основы *kām-*, ср., например, 3 Sg Pt M *kāmat*), либо с добавлением суффикса (у глагола *su-* основа Pt имеет вид *sw-ās-*, ср. 3 Pl Pt *svāsar* (sic!)), либо по другой модели (так, у глагола *tārḱ-* Pt относится к кл. Ib (без удлинения корневого

гласного), ср., например, 3 Sg Pt *cārka*). Несмотря на ограниченность материала, можно с уверенностью говорить о том, что речь идет не о случайности, а о системном явлении; поэтому, хотя, скажем, Pt глагола *tsip-* в тох. А текстах не засвидетельствован, нет никаких сомнений, что этот глагол образует претеритные формы не по кл. III, а иначе.

Напротив, среди глаголов, образующих Ipf стандартным способом, есть несколько групп, у которых формы Ipf и Pt по морфологическим причинам должны совпадать. Таковы:

1) глаголы с суффиксом *-iññ-*, сохраняющимся во всей парадигме. Из глаголов этой группы личные формы прош. вр. засвидетельствованы у *kās-iññ-* 'ругать, винить', *klop-iññ-* 'страдать', *tuñk-iññ-* 'любить', а также, возможно, от *nw-iññ-* '?';

2) глаголы с долготным корнем (т. е. корнем, содержащим морфонологически долгий гласный (*a, ā, e* или *o*)), оканчивающимся на *s*. Из глаголов этой группы личные формы прошедшего времени засвидетельствованы у *klyos-* 'слушать, слышать', *pās-* 'охранять, соблюдать', *winās-* 'почитать' и *wles-* 'делать, совершать';

3) каузативы от любых глаголов с долготным корнем. Из таких глаголов личные формы прошедшего времени каузатива засвидетельствованы у *kātk-* 'радоваться', *pyāst-* 'питаться', *plānt-* 'веселиться', *yāñk-* 'обманываться (?)', *yāt-* 'мочь', *šo-* 'жить', *spārtw-* 'поворачиваться; обращаться (с кем-л.)', а также, возможно, от *y-* 'делать'.

Кроме того, отдельного рассмотрения заслуживают глаголы *sāry-* 'сеять', *knā-* 'знать' и *pārsk-* 'бояться'.

Ниже приводится каталог всех известных нам личных форм прошедшего времени глаголов, входящих в группы 1–3 (из форм, не сохранившихся целиком и восстанавливаемых посредством разного рода конъектур, в каталог включены лишь некоторые наиболее надежные). Указание на время в грамматической характеристике словоформ опущено. Вслед за перечнем форм для каждого глагола в угловых скобках приводится информация о том, какая морфологическая интерпретация дается этим формам в ряде тохаристических работ (при этом необходимо учитывать, что в работах [P] и [Th] рассматриваются только тексты из книги [Sieg, Siegling 1921], а в работе [JWP] – только рукопись MSN из Яньци).

1) *kās-iññ-* 'ругать, винить': 3 Sg M (?) *kāsiññ[ā](t) ////* (28 a5) <[P: 62; C: 121; M: 563-564]: Ipf>

klop-iññ- 'жаловаться': 3 Pl M *klopiññānt* (YQ-22 a6) <[JWP: 271; C: 180; M: 629]: Ipf>

tuñk-iññ- 'любить': 3 Sg *tuñkiññā* (311 a1, YQ-5 b4) <[Th: 77, сн. 1; JWP: 272; M: 649]: Ipf; [P: 127]: Ipf/Pt>

(?) *nw-iññ-* '?': 3 Sg M *nwiññāt* (222 a7) <[Couvreur 1955–1956: 81; M: 475–476, сн. 2, 904-905]: Ipf; [P: 303]: Ipf/Pt>;

2) *klyos-* 'слушать, слышать': 1 Sg *klyosā* (20 a6, b3), 1/3 Sg *klyosā* (160 b5, 177 a5, ТНТ 1137 a2), 3 Sg *klyosā* (ТНТ 1525 a2), 3 Sg *klyos* (436 b4), 1 Pl *klyosāmās* (340 a6), 2 Pl *klyosās* (YQ-42 a6), 3 Pl *klyosār* (81 a6, 436 b3) <[P: 97]: Pt (форма *klyos*) ~ Ipf/Pt (остальные формы); [Th: 216, 240]: Pt (81 a6, 340 a6); [JWP: 272]: Ipf (YQ-42 a6); [C: 182–183]: Ipf (форма *klyosā*) ~ Pt (все остальные формы); [M: 135 (и сн. 17, 18), 261, 632]: Ipf (YQ-42 a6) ~ Ipf/Pt (все вхождения формы *klyosā*, кроме 20 a6, b3) ~ Pt (все остальные формы)>

(Отметим, что непосредственно в таблице спряжения глагола *klyos-* рассматриваемые формы трактуются М. Мальцан несколько иначе: форма 2 Pl *klyosās* фигурирует и в строке «Ipf», и в строке «Pt», несмотря на то что к настоящему моменту известен только один пример ее употребления, а все остальные формы отнесены в категорию «Pt» [M: 632].)

pās- 'охранять, соблюдать': (?) 2 Sg M (*pā)sāte* (180 b4), 3 Sg M *pāsāt* (99 a2, 130 a5, 222 b1, 292 b6) <[M: 135, сн. 18, 261, 699]: Pt; [P: 127]: Ipf/Pt>

winās- 'почитать': 3 Sg *wināsā* (YQ-33 b3), 3 Pl (*wi)nāsār* (312 a1) <[P: 303]: Ipf (312 a1); [JWP: 277]: Pt (YQ-33 b3); [M: 906]: Ipf (312 a1) ~ Pt (YQ-33 b3)>

wles- 'делать, совершать': 1 Sg M *wleşe* (270 b2, YQ-25 b8), 3 Sg M *wleşāt* (255 a1, a3, a4, a6, a7, a8-b1, b2, 301 a1, YQ-23 a8), 3 Pl M *wleşānt* (YQ-24 a1) <[Th: 189; JWP: 278; M: 135, сн. 18, 261, 915], [Pin: 95-100] (текст № 255): Pt; [P: 313]: Ipf/Pt>;

3) *kātk-* 'радоваться': 3 Sg M K *kātkṣāt* (68 a4, YQ-24 b1) <[P: 57; JWP: 270; C: 111; M: 556–557]: Ipf>

pyāst- 'питаться': 3 Sg A K *pyāstṣā* (YQ-21 b3), 1 Sg M K *pyāstse* (YQ-41 a2), 3 Sg M K *pyāstṣāt* (YQ-26 b6), 3 Pl M K с ЭМ 3 Sg *pyāstṣānt=ām* (YQ-44 a4) <[JWP: 274; M: 731]: Pt>

plānt- 'веселиться': (?) 3 Pl M K *plāntṣānt* (YQ-24 b1; об этой форме см. отдельно ниже) <[JWP: 274; M: 742]: Pt>

y-/ 'делать': (?) 1/3 Sg K *yām[s]ā* (80 a6) <нам не удалось найти упоминания о существовании этой формы ни в [P], ни в [M], ни в каких-либо других работах>

yānk- 'обманываться (?)': 1/3 Sg K *yānkṣā* (120 a2) <[P: 239; M: 785]: Ipf>

yāt- 'мочь': 3 Pl M K *yātṣānt* (376 a5) <[P: 239; M: 787]: Ipf>

šo- 'жить': 3 Sg M K с ЭМ 3 Sg *šoṣāt=ām* (451 a2) <[P: 326; M: 918]: Ipf>

spārtw- 'поворачиваться; обращаться (с кем-л.)': 1 Sg K *spārtwṣā* (270 a6), 2 Sg K *spārtwṣā(st)* (255 b3-4), 3 Sg K *spārtwṣā* (214 a3) <[P: 385; M: 964]: Ipf; [Pin: 101] (255 b3-4): Ipf>

Просмотр составленного нами каталога приводит к неожиданному наблюдению: у глаголов группы 3 (и, по-видимому, у глагола *winās-*) формы, известные из текстов Берлинского собрания, всегда квалифицируются как Ipf, а новые формы, встретившиеся в MSN, – как Pt. Разумеется, такое «распределение» если и может соответствовать действительности, то лишь в силу какой-то исключительной случайности. При этом ни в одной из упомянутых в каталоге работ возможность противоположной (или двойной) интерпретации каких-либо из этих форм даже не обсуждается: получается, что каузативные подпарадигмы глаголов с долготным корнем словно бы «по природе» делятся на имеющие Ipf и имеющие Pt. Этот факт может служить дополнительным свидетельством того, что никакого надежного инструмента разграничения Ipf и Pt в руках исследователей тохарских языков в настоящее время нет.

В основе предлагаемой нами процедуры дистрибутивного анализа лежит разделение форм Ipf на «одиночные» и «серийные» (разумеется, такое разделение применимо к любым глагольным формам любого языка, входящим в состав связного текста). Форма Ipf является «одиночной», если обе ближайшие к ней в тексте личные глагольные формы – предшествующая и последующая – относятся к другому времени-наклонению, и «серийной», если хотя бы одна из этих форм также является формой Ipf. Удивительная особенность тох. А имперфекта состоит в том, что, хотя формы Ipf в целом встречаются достаточно редко (во много раз реже, чем формы Pt), «одиночные» формы Ipf встречаются значительно реже, чем «серийные». Большинство тох. А рукописей имеет очень существенные повреждения, поэтому многие примеры просто не поддаются проверке в этом аспекте, однако разница в частоте встречаемости «одиночных» и «серийных» форм настолько велика, что ее статистическая значимость не подлежит сомнению.

Приведем один из немногих надежных примеров употребления «одиночной» формы Ipf:

sparp kārstorāṣ caṣ pre lo pāmāc tmāṣ yaṃtrācāre poratyo svarp kārṣnātsi pāknāṣāt (tmāṣ) pekant pākār lantu yaṃtrācāreṃ kārṣṣinac trānkāṣ (9 b2-3) '...«Веревку перерубив, его <художника> прочь **унесите** (2 Pl Imp M)!» Тогда механик топором веревку перерубить **намеревался** (3 Sg Ipf M). Тогда художник, на всеобщее обозрение выйдя, механику-учителю **говорит** (3 Sg Pt A)...'.
«Серийные» формы Ipf могут выступать либо как однородные сказуемые, либо как сказуемые следующих непосредственно друг за другом простых предложений. Иногда употребление нескольких таких форм подряд приводит к появлению в тексте своего рода «имперфектных островов» – обладающих определенной синтаксической и смысловой самостоятельностью фрагментов повествования, все финитные глаголы в которых стоят в Ipf. Чаще всего (но не всегда) в роли «имперфектных островов» выступают стихотворные строфы, представляющие собой вставки в прозаический текст. Приведем в качестве примера одну из таких строф, сохранившуюся целиком. Речь в этой строфе, относящейся к тому же рассказу, что и фрагмент 9 b2-3, идет о механической девушке,

созданной искусным механиком столь совершенной, что пришедший к нему в гости художник принял ее за живую:

proṣmiṃn oki sām tsru sāt lkā(mām) sāri lyāk †
mātsratsi oki mā plāc craṅkūs mā kāryā †
śla tuṅk oki nu rāsñā poke (paṃ) upamām †
pontsām kapsiññāṣ omlyi wiḡsā pekantāp † 1 || (5 b2-4)

‘Словно из стыдливости, она, немного вниз глядя, приветливо **смотрела**;

Словно из робости, ни слова не **говорила** и не **смеялась**;

Словно ведь с любовью, она **протягивала** руку, прислуживая;

Из всего тела художника усталость (?) (букв. «жар») она **выгнала**’.

Как и в случае с текстом № 314 (см. выше), на примере этой строфы хорошо видна неприемлемость (или, по крайней мере, неполнота) трактовки тохарского имперфекта, принадлежащих В. Томасу и Ж.-Ж. Пино: форма *wiḡsā* 3 Sg Ipf K от *wik-* ‘исчезать’ в данном контексте никак не может быть понята как обозначающая незавершенное действие, а вся строфа в целом играет очень важную роль в притче о художнике и механике и, безусловно, не относится к «описанию привходящих обстоятельств».

Частным случаем «серийного» употребления форм Ipf является повторение несколько раз одного и того же глагола, ср. выразительный пример из рукописи MSN:

//// niṣpaltu eṣār sne emts eṣār p_ikis eṣār //// (YQ-17 b7) ‘богатства давали (3 Pl Ipf), без сожаления давали (3 Pl Ipf), всем давали (3 Pl Ipf)’.

При этом очень важное значение имеет то обстоятельство, что **формы Ipf и Pt (практически) никогда не выступают в качестве однородных сказуемых**. Рассмотрим два фрагмента, возможно, демонстрирующих отступление от этой закономерности:

cam sām ṣñi wā(rṣṣātsuneyo sne ske) tskās tāmyo akāmtsune kropñāt || (15 a6-b1; *tskās* вм. *tskā<t>*, реконструкция и исправление по [Sieg 1944: 19, fußnote 4]) ‘...Его <сандаловое дерево> он <принц Вирьяван> благодаря своей силе без труда **вытащил** (3 Sg Pt M); так имущество **приобрел** (3 Sg Ipf M)’;

tmās tom wālātkañ kaṣtyo miṣānt tosām sukrānāsac weñā(r) //// (154 a5) ‘Тогда эти *wālātka* и от голода **мучались** (3 Pl Ipf M) и этим воронам (?) **сказали** (3 Pl Pt A)...’

Эти фрагменты представляют собой два, пожалуй, наиболее надежных примера сочинения форм Ipf и Pt во всем корпусе тох. А текстов (о фрагменте 214 b6 + YQ-4 a1, традиционная интерпретация которого также предполагает наличие такого сочинения, см. ниже в разделе «Глаголы *knā-* ‘знать’ и *pārsk-* ‘бояться»); при этом оба они все же вызывают в этом плане некоторые сомнения.

Принятое чтение фрагмента 15 a6-b1 основано на конъектуре, пусть и очень убедительной. Кроме того, местоименное наречие *tāmyo* ‘так, тем’, стоящее после глагола, с большой вероятностью представляет собой индикатор начала нового предложения, ср. следующий именно такому пониманию перевод В. Зига: «Dadurch erwarb er Geld» [Ibid.: 19].

Во фрагменте 154 a5 появление формы Pt в одной синтагме с формой Ipf, возможно, обусловлено особенностями глагола *trāṅk-* ‘говорить’. Анализ не очень многочисленных примеров употребления форм Ipf этого глагола дает основания полагать, что такие формы не могут обозначать единичный акт речи: см. выше фрагмент 5 b2-4 (‘не говорила ни слова’), а также, например, *tu nuṃ nuṃ kāpñe ñ_ikaṣ craṅkūst* † (99 a5) ‘ты снова «Любимая!» мне **говорил**’.

Кроме того, во фрагменте 15 a6-b1 форма Ipf, сочетающаяся с формой Pt, является частью «имперфектного острова»; почти наверняка то же самое верно и для фрагмента 154 a5 (в предшествующей строке 154 a4 представлены формы *śākant* 3 Pl Ipf M от *tsāk-* ‘вытаскивать’ и *eṣār* 3 Pl Ipf A от *e-* ‘давать’). Сколько-нибудь правдоподобных примеров сочинения с формой Pt «одиночной» формы Ipf, как кажется, нет вообще.

Таким образом, если хотя бы одна из финитных глагольных форм, ближайших к морфологически неоднозначной форме прошедшего времени, является формой Ipf, то эта неоднозначная форма с очень высокой вероятностью также является

формой Ipf; если же хотя бы одна из ближайших форм является формой Pt, то и эта неоднозначная форма является формой Pt.

Разумеется, этот критерий разграничения форм Ipf и Pt нельзя назвать совершенно новым. Так, обосновывая трактовку формы *klawrā* (YQ-5 a6) как 3 Pl Ipf A от *klā-* 'падать' (вопреки [JWP: 271], где эта форма охарактеризована как Pt), М. Мальцан указывает, что «this form is ... correlated with another imperfect form, so that analysis as an *s-preterit* form is syntactically excluded» [М: 264] (заметим, что аргумент «от синтаксиса» оказывается здесь лишь подкреплением еще более сильного аргумента «от морфологии»: форма 3 Pl Pt A от глагола *klā-* известна и вполне закономерно выглядит как *klār*). Тем не менее едва ли не все морфологически неоднозначные формы, вошедшие в наш каталог, по-видимому, никогда не рассматривались с этой точки зрения – по крайней мере, эксплицитно. Ниже приведены все контексты, для которых применение дистрибутивного критерия позволяет получить грамматически значимую информацию (порядок перечисления такой же, как в каталоге):

1. *kāṣ-iññ-* 'ругать, винить': 3 Sg M (?) *kāṣiññ[ā](t)*

♦ *sām neṣ nāḱṣāt kāṣiññ[ā](t)* (28 a5) 'он раньше **бранился и ругался**'

Поскольку форма *nāḱṣāt* представляет собой бесспорный 3 Sg Ipf M от *nāk-* 'бранить', трактовка формы *kāṣiññ[ā](t)* как Ipf также не вызывает сомнений.

2. *tuñk-iññ-* 'любить': 3 Sg *tuñkiññā*

В рукописи MSN форма *tuñkiññā* встретила в составе стихотворной строфы 4 × 14 слогов, написанной по схеме 7/7 (т. е. с обязательной цезурой после 7-го слога), от которой сохранились вторая половина 1-й, 2-я и 4-я строки. Для наглядности воспроизведем соответствующий фрагмент с разделением на строки:

//// (||) *b(r)āhmaṇi wkāṃ emtsw āṣṭrām* †
wārtam ymām lwā tuñkiññā ypeyaṃ kakmu napemñā(s) †////
 †
*rī)yaṃ yāram ykoṃ oṣeṃ mākis māḱ **ypā** purccamñe* † 1 || (YQ-5 b4-5)
 *..... Избравший брахманский путь чистый,
 В лес идя, зверей **возлюбил**, в страну придя – людей...

.....
 В городе и в пути, днем и ночью многим много **делал** самого лучшего'.

(Перевод второй половины второй строки, приведенный в [JWP: 103], – «when coming to the land of man» – представляется нам результатом какой-то ошибки.)

Помимо *tuñkiññā*, в сохранившейся части строфы имеется еще только одна финитная глагольная форма: *ypā* 3 Sg Ipf от *y-/* 'делать'. По всей видимости, данная строфа представляет собой «имперфектный остров», и, следовательно, традиционная квалификация формы *tuñkiññā* как Ipf справедлива.

3. (?) *nw-iññ-* «?»: 3 Sg M *nwiññāt*

♦ *k_vl(e)yaṃ pāḷtsāk cacrāṅku mrosāṅkātsi mā **nwiññāt*** † (222 a7 + 239 a5) 'суетно привязавший мысль к женщине, он не ... испытывать отвращение к миру' (в своем переводе мы в основном следуем за [Schmidt 1974: 470]; строго говоря, данный фрагмент допускает и другие грамматические интерпретации).

Форма *nwiññāt* (разумеется, если она выделена верно) представляет собой 3 Sg M глагола *nw-iññ-* с неясным значением. Эта форма встретила во второй строке строфы 107 буддийской поэмы «Maitreyāvādānavyākaraṇa». Поскольку все четыре других финитных глагольных формы, имеющиеся в этой строфе, представляют собой бесспорные Pt, форма *nwiññāt* также должна быть признана претеритом.

4. *klyos-* 'слушать, слышать': 1 Sg *klyoṣā*, 3 Sg *klyoṣ*

|| *ptāñkte ñom **klyoṣā wārpāt** ñi pāḷtsāk kāswoneyac* (20 a6) 'Имя Будды-бога я **услышал**, и устремилась моя мысль к добру';

*mā kaklyuṣunt ñom **klyoṣā*** (20 b3) 'неслыханное имя я **услышал**';

|| wāl *klyoṣ rape-ṣim waṣeṃ pārksāt* (436 b4) 'царь услышал мелодичный голос и спросил...'

Поскольку форма *wārpāt* представляет собой 3 Sg Pt M, форма *klyoṣā* в строке 20 аб также должна быть интерпретирована как Pt.

В строке 20 b3 форма *klyoṣā* является «одиночной» (она обрамлена двумя формами Pr). «Одиночные» Ipf встречаются редко; кроме того, эта часть реплики горшечника Брихадьюти фактически повторяет ее первую фразу (*ptāñkte ñom klyoṣā*). Таким образом, и в этом случае мы можем рассматривать форму *klyoṣā* как Pt – хотя и с несколько меньшей уверенностью, чем во фрагменте 20 аб.

Что касается формы *klyoṣ*, то она связана сочинительной связью с формой *pārksāt* 3 Sg Pt M от *pār-* 'просить, спрашивать' и, соответственно, представляет собой Pt. И в этом случае синтаксический аргумент оказывается в полном согласии с морфологическим: форма 3 Sg Ipf от глагола *klyo-* может выглядеть только как *klyoṣā*, ср. [M: 135, сн. 17].

5. *pās-* 'охранять, соблюдать': 3 Sg M *pāṣāt*

śāk we pi puklā pāṣā(t pāp)ṣūn(e) † ly(ā)m plya[s]k(enam) ||| (222 b1 + 239 b1) 'двенадцать лет соблюдал обряды и был погружен в медитацию' (букв. «...соблюдал соблюдение и сидел в медитации»)

Ввиду наличия формы *ly(ā)m* 3 Sg Pt от *śām-* 'сидеть' форма *pāṣāt* в данном фрагменте также должна быть квалифицирована как Pt.

6. *wles-* 'делать, совершать': 3 Sg M *wleṣāt*

Знаменитый текст № 255, послуживший Э. Зигу и В. Зиглину отправной точкой для дешифровки тохарской письменности, включает в себя краткие биографии будд различных эпох. Поскольку «главы», посвященные каждому из будд, строятся по единой схеме, мы ограничимся только одной иллюстрацией – биографией Будды Щакьямуни:

|| *kānt wiki puklā wrasaśi śolaṃ śākyamuni ñomā ptañkāt seṣ sām penu kāruṇik taryāk pāñ [pi] pu(k)ly(i) (puttiṣparām) kālpāt † śtwarāk pāñ pi puklā puttiṣparām wleṣāt † śtwarāk puklā śol lyalyipurāṣ ksaluneyaṃ kāk* || (255 b1-2) 'Когда 120 лет длилась жизнь людей, по имени Щакьямуни Будда-бог был. И он, милосердный, 35-летним достоинство будды обрел. 45 лет деяния, подобающие достоинству будды, он совершал (букв. «достоинство будды совершал»). За 40 лет <до 120-летия> жизнь оставив, в нирвану он ушел'.

Поскольку форма *wleṣāt* находится между формами *kālpāt* 3 Sg Pt M от *kālp-* 'достигать, получать' и *kāk* 3 Sg Pt A от *y-* 'идти', она также представляет собой Pt; аналогичным образом обстоит дело и со всеми остальными употреблениями этой формы в тексте № 255.

Как видно из приведенного фрагмента, в начале каждой «главы» используется форма *seṣ* – 3 Sg Ipf от *nas-* 'быть', предшествующая цепочке претеритов. Тем самым текст № 255 может служить в том числе иллюстрацией выдвинутого выше тезиса об особом статусе имперфекта глагола 'быть'.

7. *kātk-* 'радоваться': 3 Sg M K *kātḥṣāt*

† *elantyo kātkṣāt śri ñkātt oki wārpnāntās † (68 a4)* «дарами радовала получателей, словно богиня счастья»

Данный фрагмент представляет собой третью строку стихотворной строфы. Кроме *kātḥṣāt*, из всех личных глагольных форм, относившихся к этой строфе, сохранились только стоящие в ее начале формы *ṣmā* и *klisñā* – 3 Sg Ipf от *śām-* 'сидеть' и *klis-* 'лежать, спать'. Скорее всего, эта строфа представляет собой «имперфектный остров», а значит, и форма *kātḥṣāt* должна быть квалифицирована здесь как Ipf.

О фрагменте YQ-24 b1, где также встретилась эта форма, см. ниже.

8. *pyāṣt-* 'питаться': 3 Sg A K *pyāṣṣā*, 3 Sg M K *pyāṣṣāt*, 3 Pl M K с ЭМ 3 Sg *pyāṣṣānt=ām*

||| *pyāṣṣā malkeyo pakkunt māccāk sāmāt=ām* (YQ-21 b3) '...Вскармливала кипяченым молоком, сама собирала (?) их';

[pā]śśa śiṃ malkeyo pyāṣṭāṭ oksīṣāt (YQ-26 b6) 'грудным молоком вскармливала и растила';

(k_vle)[wā]ñ sidārthem kāts kāmant k_vlewāñ tatāṃṣānt=ām ♦ k_vlewāñ pyāṣṭānt=ām (YQ-44 a4) 'Женщины Сиддхартху в животе носили, женщины родили его, женщины вскармили его'.

В первом и третьем фрагментах формы *pyāṣṭā* и *pyāṣṭānt=ām* входят в один ряд с бесспорными формами Pt *sāmat=ām* 3 Pl M с ЭМ Pl от *sām-* 'собирать', *kāmant* 3 Pl M от *pār-/* 'нести' и *tatāṃṣānt=ām* 3 Pl M K с ЭМ 3 Sg от *tām-* 'рождаться' и, следовательно, также являются претеритами. Однако во фрагменте YQ-26 b6 ситуация оказывается прямо обратной: форма *oksiṣāt* представляет собой 3 Sg Ipf (не Pt!) M от *oks-* 'расти, растить', так что и форма *pyāṣṭāṭ*, вопреки [JWP: 274] и [M: 731], должна быть интерпретирована именно как имперфект.

Такой результат применения дистрибутивного критерия к формам глагола *pyāṣ-* имеет важное теоретическое значение. Во-первых, он убедительно доказывает, что каузативные формы двух прошедших времен у глаголов с долготным корнем действительно совпадают и могут выступать как в роли Ipf, так и в роли Pt. Во-вторых, сходство фрагментов YQ-26 b6 и YQ-21 b3 служит еще одним свидетельством того, что по крайней мере в некоторых случаях выбор между Ipf и Pt может определяться каким-то весьма тонкими смысловыми нюансами или особенностями построения текста.

9. *plānt-* 'веселиться': (?) 3 Pl M K *plāntṣānt*

//// (♦ śāk) tmām ciñcraṃ k_vlewāśśi kātṣāt plāntṣānt p_vkis pālskant tuñk enkālyo (♦) //// (YQ-24 b1) '...he made glad (six)ty thousand lovely women; the thoughts of all rejoiced in love (and) passion' (перевод по [JWP: 165])

Данный фрагмент является отдельной (второй) строкой строфы 4 × 18 слогов, написанной по схеме 7/7/4 [Ibid.: 166], и тем самым должен характеризоваться некоторой синтаксической законченностью. С учетом этого обстоятельства приведенный перевод не выдерживает критики: форма *k_vlewāśśi* представляет собой не Acc Pl, а G Pl от *k_vli* 'женщина', так что для нее не обнаруживается никакого мыслимого синтаксического хозяина, слово *pālskant* N-Acc Pl от *pālsāk* 'мысль' приходится трактовать как подлежащее, вследствие чего обе каузативные глагольные формы *kātṣāt* и *plāntṣānt* остаются без дополнений. Кроме того, эти две формы, идущие подряд, имеющие практически одно и то же значение и вдобавок не разделенные цезурой, оказываются сказуемыми двух разных предложений, между которыми не обнаруживается никакого параллелизма; подобный порядок слов кажется маловероятным даже для стихотворного текста. Наконец, как уже сказано выше, в грамматическом указателе к книге [JWP] формы *kātṣāt* и *plāntṣānt* отнесены к разным временам! Все эти несообразности устраняются, если допустить, что в действительности в тексте представлены два однородных сказуемых, т. е. вместо *kātṣāt plāntṣānt* следует читать *kātṣā<n>t plāntṣānt* 'радовали и веселили' или *kātṣāt plāntṣā<t>* 'радовал и веселил'. Опускание носового согласного перед конечным гоморганым шумным изредка встречается в тох. А текстах, ср. следующий пример, получающий вполне убедительную интерпретацию, только если предположить, что конечное -c написано вместо ñc: //// msec wu toṣit-śāñi ñāktañ (344 b1) 'приходят два бога с неба Тушита', где //// msec = (ku)mse<ñ>c 3 Pl Pr от *kām-* 'приходить'. Противоположная ошибка выглядит необычной, однако она может объясняться влиянием предыдущей акшары, включающей лигатуру *nt*. Основываясь на общем содержании текста, мы условно принимаем вторую из двух этих «зеркальных» конъектур. С учетом внесенного исправления перевод строки YQ-24 b1 не вызывает никаких трудностей: «Он радовал и веселил мысли всех 60 000 нежных женщин любовью и страстью». Еще одна сохранившаяся строка той же строфы (четвертая) содержит глаголы в форме 3 Sg Pr; получается, что бесспорных оснований рассматривать формы *kātṣāt* и *plāntṣā<t>* как Ipf или Pt нет. При этом их трактовка как Ipf выглядит все же несколько более вероятной: как мы показали выше, в строке 68 a4 форма *kātṣāt* почти наверняка представляет собой именно Ipf, а кроме того – гендиадис, т. е. использование

двух близких по значению слов (в данном случае – глагольных форм) для выражения одного понятия, вообще характерен для тох. А имперфекта, ср. уже цитировавшееся *sām neṣ nāḳṣāt kāṣiññ[ā](t)* (28 a5) ‘он раньше бранился и ругался’, а также *nuṣār triskṣār oki* (320 b2) ‘словно гремели и звенели’, *sālypār tskāmṣānt* (254 b4) ‘горели и пылали’ (хотя, разумеется, такая конструкция возможна и в Pt, ср. *yete wāmpē* (YQ-41 a7) ‘я украсил и разубрал’).

10. *śo-* ‘жить’: 3 Sg M K с ЭМ 3 Sg *śoṣāt=ām*

//// (*ca*)*clā=ṃ śoṣāt=ām* (451 a2)

Несмотря на обрывочность контекста, правдоподобный перевод данной синтагмы кажется вполне возможным. В монографии М. Мальцан глагол А *śo-*, В *śau-* ‘жить’ рассматривается в числе глаголов, у которых значение каузативных форм не отличается от значения исходных, и считается едва ли не самым показательным представителем данной группы [М: 86, 918]. Основания для такого вывода нам неясны; как кажется, в обоих тохарских языках имеются факты, которые ему прямо противоречат. Так, тох. В фрагмент *so, mācer śawāstār* (В 142 a4), имеющий грамматическую структуру ‘сын (N-Асс Sg)’ + ‘мать (N Sg)’ + ‘жить (3 Sg Pr M K)’, едва ли может быть понято как-то иначе, чем ‘мать дает сыну жизнь’, т. е., собственно, ‘мать рождает сына’. Тох. А фрагмент, в котором встретилась форма 1 Pl Pr M K *śosamtrā*, также вполне ясен: *† lwā koluneyo śol śosamtrā klopasunt †* (YQ5 a7) ‘by the killing of miserable animals we keep ourselves alive’ [JWP: 103]; оборот *śol śosamtrā* имеет здесь значение ‘сохраняем себе жизнь’. Что касается формы *śoṣāt=ām*, ее непереходная интерпретация кажется крайне маловероятной из-за наличия энклитического местоимения, которое, насколько нам известно, ни разу не встретилось при некаузативных формах глагола *śo-* и которому трудно приписать здесь какую-либо функцию, кроме прямообъектной. Первое слово строки 451 a2 надежно идентифицируется как (*ca*)*clā=ṃ* 3 Sg Pt K с ЭМ 3 Sg от переходного глагола *tāl-* т. К ‘носить, поднимать; (стойко) переносить’. С учетом семантики этого глагола для сочетания (*ca*)*clā=ṃ śoṣāt=ām* можно предложить перевод «она выносила его (ее) и дала ему (ей) жизнь». Установить, к кому относится ЭМ, по-видимому, невозможно, потому что сохранившийся в виде крохотного обрывка текст № 451 изобилует терминами родства: в частности, непосредственно после формы *śoṣāt=ām* стоит слово *ckācar* ‘дочь’, а в следующей строке a2 упоминается *seyo śām* ‘жена сына’. Разумеется, поскольку форма (*ca*)*clā=ṃ* представляет собой Pt, как Pt (а не IpF) следует рассматривать и форму *śoṣāt=ām*. В качестве дополнительного штриха отметим, что эта форма (за вычетом ЭМ) находит себе совершенно точное соответствие в тох. В форме *śāwṣate* 3 Sg Pt (sic!) M K от *śau-* ‘жить’.

11. *spārtw-* ‘поворачиваться; обращаться (с кем-л.)’: 1 Sg K *spārtwṣā*, 2 Sg K *spārtwṣā(st)*, 3 Sg K *spārtwṣā*

//// (*kāl*)*p(e)* *puttiṣparā(ṃ) spārtwṣā mārkaṃpāl sī wārkaṃt* (270 a6) ‘Я **обрел** достоинство Будды и **повернул** колесо дхармы’;

|| *puttiṣparāṃ kālpāte spārtwṣā(st wārkaṃ)[nt] wākmatsāṃ mārkaṃpāl ṣiṃ †* (255 b3-4)

‘Достоинство Будды ты **обрел** и **повернул** превосходное колесо дхармы’;

spārtwṣā wārkaṃt sne lyutār mārka(mṣāl ṣiṃ bā)rāṇas riyac kātse † (214 a3 + YQ-2 a7) ‘Он **повернул** несравненное колесо дхармы возле города Бенареса’.

В первых двух случаях формы глагола *spārtw-* связаны сочинительной связью с формами (*kāl*)*p(e)* 1 Sg Pt M и *kālpāte* 2 Sg Pt M от *kālp-* ‘достигать, получать’; к этому можно добавить, что в строке 270 a7 имеется форма *lalāksāwā* 1 Sg Pt K от *lāk-/* ‘смотреть, видеть’. Соответственно, эти формы естественно трактовать как претеритные. Такое решение, противоположное принятому ныне, находит себе сильное дополнительное подтверждение при сопоставлении со следующим лаконичным описанием четырех главных событий в жизни Будды Щакьямуни:

(*pt*)*āñkāṭ tamūt tṣā parāṃ kālpāt tṣā saspārtu dharmacākkār tṣā kālḱ nervāṃ* (357, 2)

‘Будда-бог **родился**, потом достоинство **обрел**, потом **повернул** колесо дхармы, потом **ушел** в нирвану’.

Аномальная форма 3 Sg K *saspärtu* (как бы образованная от нигде в тох. А более не засвидетельствованной основы с кратким корневым гласным **spärtw-* вместо обычного *spärtw-*), параллельная регулярной форме *spärtwšā*, может быть только претеритом – как морфологически (формы имперфекта в тох. А вообще не образуются с помощью редупликации), так и синтаксически (формы *tamät*, *kälpät* и *kälk*, разумеется, представляют собой именно Pt).

Во фрагменте 214 а3 + YQ-2 а7 форма *spärtwšā* является «одионочной»; это обстоятельство, а также несомненная близость данного фрагмента к фрагментам 255 б3-4 и 270 а6 дают некоторые основания считать эту форму тоже претеритом.

Таким образом, в ряде случаев применение дистрибутивного критерия приводит к пересмотру сложившегося представления о квалификации некоторых морфологически неоднозначных форм прошедшего времени как Ipf или Pt. Соответственно, в отношении всех тех форм, к которым этот критерий неприменим (как правило, в силу неясности или обрывочности контекста), наилучшим выходом представляется возвращение к разумному агностицизму Павла Поухи, то есть приписывание этим формам пометы типа Ipf/Pt – до тех пор, пока в исследовании этой трудной проблемы не будут сделаны новые существенные открытия.

ГЛАГОЛ *SĀRY-* 'СЕЯТЬ, САЖАТЬ'

В определении грамматической характеристики трех засвидетельствованных в текстах личных форм прошедшего времени глагола *sāry-* 'сеять, сажать' между исследователями нет единства:

3 Sg A *sāryā* (YQ-21 б7), 3 Sg M *sāryāt* (18 б6), 3 Pl M (*sā*)*ryānt* (320 б8) <[P: 365]: Ipf (?); [Th: 78]: Ipf (18 б6); [JWP: 78]: Pt (YQ-21 б7); [M: 229, 936]: Pt>.

С морфологической точки зрения возможность трактовки рассматриваемых форм как Pt вызывает определенные сомнения. Во-первых, *sāry-* оказывается единственным глаголом с исходом основы не на *-s*, у которого ТМ *ā* в Pt не сокращается после долгого корня. Во-вторых, неясно, может ли конечное *ā* сохраняться в некаузативных формах 3 Sg Pt A: напомним, что очень похожая по структуре на *sāryā* форма 3 Sg A *karyā* от *kare-* 'смеяться' представляет собой несомненный Ipf, а представляющая собой несомненный Pt форма 3 Sg A от *klyos-* 'слушать, слышать' выглядит как *klyoš*. Для того, чтобы обойти эти трудности, М. Мальцан предлагает достаточно сложный сценарий, включающий предположение о том, что формы Pt глагола *sāry-* могли испытать влияние «from the imperfect kind of inflection» [M: 229, 936].

Контексты, в которых встретились три перечисленные формы, не дают никакой значимой информации на этот счет. В качестве курьеза отметим, что в тексте № 18 форма *sāryāt* стоит между двумя формами 3 Sg Ipf, но этот факт не позволяет квалифицировать ее как Ipf, поскольку речь идет об имперфектах от двух «непоказательных» глаголов – *nas-/* 'быть' и *y-/* 'идти'.

Таким образом, вопрос о том, относится ли глагол *sāry-* к числу глаголов с омонимией Ipf и Pt, остается открытым.

ГЛАГОЛЫ *KNĀ-* 'ЗНАТЬ' И *PĀRSK-* 'БОЯТЬСЯ'

Рассмотрение вопроса о статусе форм прошедшего времени глагола 'знать' целесообразно начать с анализа следующего фрагмента:

//// *namo buddha namo buddha weñlune klyosāṃśāwā tām nu mā kñasi kus taṃ buddhaṃ māskatrā* (214 б6 + YQ-4 а1) 'Слова «Слава Будде! Слава Будде!» я слышал, но я не знал, что же в (этом) «Будда» есть'.

Тох. А глагол *klyos-* 'слушать, слышать' может спрягаться по двум разным классам Pr. Форма 1 Sg Ipf A *klyosāṃśāwā* образована от Pr кл. 10 и, в отличие от форм прошедшего времени того же глагола, рассмотренных выше, морфологически однозначна. Форма

kñasu, начиная со знаменитой статьи [Schmidt, Winter 1992], авторы которой впервые показали, что форма 1 Sg Pt A в тох. А может иметь окончание *-u*, трактуется почти всеми исследователями (ср., например, [JWP: 271; Pin: 605, 626; C: 129; M: 609–610]) как 1 Sg Pt A глагола 'знать'. Таким образом, на первый взгляд данный фрагмент кажется полноценным, не допускающим никаких оговорок примером употребления форм Ipf и Pt в рамках одной сочиненной группы.

Для того чтобы выяснить, так ли это на самом деле, необходимо учесть, что традиционно в тох. А выделялось три разных, хотя и признававшихся исторически родственными, «*kn*-образных» глагола со значением 'знать' – *knā-*, *kñās-* и *kñā-ññ-* (иногда даже с тенденцией усматривать между ними некоторые семантические различия, ср. [C: 129, 168–169; M: 609–611]). Подлинный переворот в данной области связан с недавней работой [Peugot 2011]; как показал М. Пейро, основы *knā-*, *kñās-* и *kñā-ññ-* в действительности находятся в отношении строгого дополнительного распределения и, соответственно, принадлежат одному и тому же глаголу – ср. составленную им эффективную таблицу [Ibid.: 39], которую мы воспроизводим здесь с небольшими изменениями:

вариант корня	<i>knā-</i>	<i>kñāññ-</i>	<i>kñās-</i>
Pr	<i>knāna-</i>		
Ipf		<i>kñāññā-</i>	
Conj		<i>kñāññ-</i>	
Pt			<i>kñas-</i>
PP		<i>kākkñāññu</i>	

Справедливость догадки М. Пейро не вызывает никаких сомнений, однако предлагаемое им распределение парциальных основ по формам парадигмы не просто уникально – оно противоречит наиболее общим закономерностям устройства тохарской глагольной системы. Если тох. А глагол имеет более одной основы, в подавляющем большинстве случаев от одной из этих основ образуются формы Pr и Ipf, от другой – Pt, Conj (а также Opt) и PP (мы не касаемся здесь вопроса о статусе форм Imp, поскольку у глагола *knā-* они неизвестны). Исключениями из этого правила фактически являются только глаголы *nas-/* 'быть' (Ipf образуется от особой основы, PP образуется от основы Pr) и *e-/* 'давать' (Pr, Ipf и Conj образуются от одной основы, Pt и PP – от другой). Но даже с учетом этих исключений в тох. А нет ни одного глагола, у которого основа Ipf, не совпадающая с основой Pr, была бы представлена в системе Pt-Conj, и ни одного глагола, у которого PP и Conj образовывались бы от одной основы, а личные формы Pt – от другой.

Добавим к этому, что от основ *knā-* и *kñās-* засвидетельствованы только формы A, от основы *kñā-ññ-* – только формы M. Между тем залоговое поведение Ipf всегда совпадает с залоговым поведением Pr (отклонения от этой закономерности нам неизвестны), тогда как подпарадигмы Pr-Ipf и Pt-Conj залогово независимы.

Всего засвидетельствовано четыре личных формы прошедшего времени глагола *knā-*. Помимо 1 Sg A *kñasu*, это форма 2 Sg A *kñasās<t>*, разумеется, также трактуемая всеми исследователями как Pt, и формы 3 Sg M *kñ[ā]ññā[t]* и 3 Pl M *kñāññānt*. Обычно и эти формы считались Pt, однако О. Хакштейн [Hackstein 1993: 154–156] предложил рассматривать их как Ipf, после чего две эти трактовки были сочтены равно допустимыми, ср. [C: 168; M: 610] (вероятно, предлагая свое решение проблемы «*kn*-образных» глаголов, М. Пейро опирался именно на точку зрения О. Хакштейна).

Форма *kñasās<t>* встретилась в начале прямой речи: *kñasās tu vāsavagrām sūk[s] aṃ !!!!* (340 b5; *kñasās tu* вм. *kñasās<t> tu* вследствие нерегулярного графического упрощения *tt → t*) 'Знал ли ты в деревне Васаваграма...?'; контекст из-за обрыва неясен и не дает оснований для трактовки данной формы именно как Pt. Кроме того, в рукописи MSN имеется такой фрагмент:

hai tālo šokyo nu cam ype-šim kārāsam ānāntāpā šol šāwāšt !!!! sūšt ♦ (YQ-17 b3-4).

Форма *śāwāṣṭ* представляет собой 2 Sg Ipf A от глагола *śo-* 'жить'; стоящее в конце предложения слово, от которого сохранился отрезок *-śāṣṭ*, несомненно, является формой 2 Sg A претерита кл. III или имперфекта, образованного по образцу такого претерита. Как ни странно, правдоподобных конъектур для начала строки b4 обнаруживается совсем немного: фактически выбор сводится к реконструкциям *(ca)śāṣṭ* 2 Sg Pt A от нерегулярного глагола *tā- ~ tās-* 'ставить, класть' и *(kñā)śāṣṭ*. Из этих двух реконструкций более предпочтительной выглядит вторая, поскольку, если предположить, что в утраченной части текста содержалось в том числе отрицание *mā* 'не', реплика, обращенная к пришедшему из чужих краев брахману Нирдхане, приобретает вполне естественный смысл: 'О, несчастный! Совсем уж в джунглях <той> страны бесконечно (?) (или: «безотлучно» (?)) ты жил (букв. «жизнь ты жил») и ... (не) знал'.

Если предложенная нами реконструкция верна, во фрагментах 214 b6 + YQ-4 a1 и YQ-17 b3-4 представлены сходные по структуре обороты, которые естественно трактовать как конструкции с «серийными» имперфектами: *klyosāmṣāwā tām nu mā kñasu* 'Я слышал..., но не знал...', *śāwāṣṭ (... mā ... kñā)śāṣṭ* 'Ты жил... и не знал...'. При этом и с морфонологической точки зрения формы *kñasu* и *kñāśāṣṭ* – с корневым гласным *a* и палатализованным согласным перед ним – вполне встраиваются в ряд Ipf, образованных по образцу Pt кл. III (см. примеры выше).

Форма *kñāññānt* представлена во фрагменте *[[[y]pe-ṣiñi wrasañ kñāññānt riṣakām [[[* (111 a5) 'люди (этой) страны знали риши'. Строка a5 является частью стихотворной строфы; выше, в строке a4, относящейся к той же строфе, представлены две формы Pt – *rāp* 3 Sg A от *rāp-* 'копать' и *skānt* 3 Pl M от *sāk-* 'продвигаться, следовать (?)'. Форма *[[[kñ[ā]ññā[t]* (217 a2) сохранилась вообще без контекста; ближайшей к ней глагольной формой, впрочем, почти наверняка относящейся уже к другому смысловому отрезку текста, является опять-таки форма Pt – *wārpāt* 3 Sg M от *wārp-* 'чувствовать'. Таким образом, не существует никаких соображений в пользу признания форм *kñ[ā]ññā[t]* и *kñāññānt* имперфектами; напротив, имеются некоторые, хотя и достаточно слабые соображения в пользу признания их претеритами.

Таким образом, у нас есть все основания полагать, что квалификацию форм *kñasu* и *kñāśāṣṭ* как Pt, а форм *kñ[ā]ññā[t]* и *kñāññānt* – как Ipf следует «перевернуть». Соответственно, таблица парциальных основ глагола *knā-* приобретает следующий вид:

основа	<i>knā-</i>	<i>kñās-</i>	<i>kñā-ññ-</i>
Pt	<i>knā-na-</i>		
Ipf		<i>kñās-</i>	
Conj			<i>kñāññ-</i>
Pt			<i>kñāññ-</i>
PP			<i>kākkñāññu</i>

(Перевод глагола *knā-* как «знать», возможно, требует каких-то уточнений: для лексемы с таким значением этот глагол – даже с учетом произведенного М. Пейро объединения – встречается в текстах неправдоподобно редко. Кроме того, в тох. А есть еще один, значительно более частотный глагол со значением 'знать' – *kārs-*.)

Если форма *kñasu* действительно представляет собой имперфект, это означает, что редкое окончание 1 Sg A претеритной серии *-u* возможно не только в Pt, но и в Ipf, образованном по образцу Pt кл. III. Поскольку ни одна форма 1 Sg Ipf A от глаголов, образующих Ipf таким способом, ранее не была достоверно известна, а никаких морфологических различий между собственно претеритами кл. III и имперфектами, построенными по образцу таких претеритов, как кажется, обнаружить нельзя, такой вывод представляется вполне закономерным.

Более того, новая интерпретация формы *kñasu* влечет за собой вопрос о грамматической характеристике формы *prasku*. Впервые эта форма была рассмотрена как глагол

в прошедшем времени в уже упоминавшейся статье К.-Т. Шмидта и В. Винтера, авторы которой квалифицировали ее как 1 Sg Pt A от *pārsk-* 'бояться' [Schmidt, Winter 1992: 53]. Такая трактовка сразу же стала общепризнанной, несмотря на то что она порождает серьезную морфологическую проблему: другие формы Pt глагола *pārsk-* относятся к кл. Ib, ср. 3 Sg Pt A *pārsāk*, PP *pārsko*, тогда как форма *prasku* может относиться только к кл. III (соответствующая форма, образованная по кл. Ib, должна выглядеть как *pārsku** или – с другим, более частотным, окончанием – *pārskā**), причем колебание между Pt кл. Ib и Pt кл. III не имеет в данном случае никакого правдоподобного объяснения. Формы Ipf от глагола *pārsk-* неизвестны, так что никаких формальных препятствий для трактовки формы *prasku* как Ipf, образованного по образцу Pt кл. III, нет.

Существенно при этом, что морфологическая «подозрительность» формы *prasku* опять-таки находит себе поддержку в области синтаксиса. Эта форма является первым словом строфы 60 той же поэмы «Maitreyāvādānavyākaraṇa», к которой относится рассмотренный выше текст № 222. Ее ближайший контекст выглядит следующим образом:

mā cimsā † 59 *prasku lyalypūrās* (230 b2-3) '...не мог. Я боялся кармы...'

Форма *cimsā* представляет собой несомненный Sg Ipf от глагола *cāmp-* 'мочь'. Огорчительным образом, сложно построенный и сильно фрагментированный текст № 230 во многом остается неясным не только в плане содержания, но даже в плане грамматической структуры; достаточно сказать, что форма *cimsā* рассматривается в [С: 195] как 1 Sg Ipf, а в [М: 635] – как 3 Sg Ipf. Как кажется, интерпретации формы *cimsā* как 1 (не 3) Sg Ipf, а формы *prasku* – как 1 Sg Ipf (не Pt) взаимно поддерживают друг друга и являются лучшим решением этой (морфо)логической головоломки: синтаксическая связь между двумя соседними строфами стихотворного произведения может быть и достаточно тесной. В этом случае перевод фрагмента 230 b2-3 должен выглядеть как «...я не мог и (или: “потому что”) боялся кармы...».

ИМПЕРФЕКТ В РОЛИ ПРЕТЕРИТА? (ЕЩЕ РАЗ О ГЛАГОЛЕ *y-* 'ИДТИ')

От глагола *y-* 'идти' в тох. А засвидетельствованы следующие формы Ipf: 2 Sg *yet*, 3 Sg *yeṣ*, 3 Sg с ЭМ 2 Sg *yeśsi* (из [yeṣ=ci]), 3 Sg с ЭМ 3 Sg *yeṣ=ām*, 3 Pl *yeñc*, 3 Pl с ЭМ 3 Sg *yeñc=ām*. Как уже было сказано выше, эти формы ведут себя во многом иначе, чем формы Ipf всех прочих глаголов. Прежде всего, они встречаются несравненно чаще (поскольку статистически значимые количественные данные могут быть получены только для формы 3 Sg, в приводимых подсчетах мы ограничиваемся ею): форма *yeṣ* засвидетельствована в опубликованных текстах Берлинского собрания ≈ 30 раз. Эта цифра исключительно велика сама по себе: ни одна из форм Ipf ни от одного другого глагола (кроме, разумеется, глагола *nas-* 'быть') не встретила в тох. А текстах больше 4–5 раз. Однако еще более показательным то, что форма *kālk* 3 Sg Pt того же глагола представлена в тех же текстах ≈ 50 раз (любопытно, что в рукописи MSN «счет» вообще оказался 4 : 0 в пользу Ipf!). Для других глаголов, хотя бы относительно часто засвидетельствованных в прошедшем времени, характерно совершенно иное соотношение форм 3 Sg Ipf и 3 Sg Pt: так, для близкого по смыслу к *y-* глагола *lā-n-t-* 'выходить' оно составляет 1 : 23, для глагола *lāk-* 'видеть' – 3 : 23, для глагола *sām-* 'сидеть' – 1 : 9, для глагола *ents-* 'брать' – 0 : 11, для глагола *ri-* 'оставлять, покидать' – 0 : 9 и т. д. При этом, несмотря на такую высокую частотность, формы Ipf глагола *y-* практически никогда не сочетаются с формами Ipf других глаголов.

Поскольку никаких «связанных» употреблений (в составе специфической синтаксической конструкции, распространенного фразеологического оборота или т. п.) эти формы не обнаруживают, можно предположить, что они являются «не совсем (или, по крайней мере, не только) имперфектами» и способны выполнять еще какую-то функцию, тох. А имперфекту в целом не свойственную. Как кажется, такая функция действительно может быть выявлена.

Одним из наиболее загадочных «белых пятен» восточнотохарской глагольной системы является полное отсутствие личных форм Pt – как регулярных, так и супплетив-

ных – у глагола *kām-* ‘приходить’ [Schmidt 1974: 58]. Поскольку глагол *kām-* относится к числу очень употребительных, вероятность того, что эти формы не встретились в известных к настоящему моменту тох. А текстах случайно, можно не принимать всерьез. Комментируя этот факт, М. Мальцан предполагает, что соответствующее значение передается в тох. А конструкцией «*kakmu* (Рр от *kām-*) + связка», а также, возможно, формами Ipf [М: 225, сн. 6]. Последнее предположение, безусловно, ошибочно: формы Ipf от глагола *kām-* засвидетельствованы в текстах в общей сложности всего 2 или 3 раза. Эта цифра даже несколько ниже, чем «среднестатистическое» количество форм Ipf от глаголов, сравнимых с *kām-* по употребительности, и в любом случае ничтожно мала. Что касается причастия прошедшего времени, то оно является одной из наиболее частотных тох. А глагольных форм и может одинаково свободно выступать как в собственно причастной функции, так и – в сочетании со связкой (материально выраженной или нулевой) – в функции главного предиката. Частотность Рр глагола *kām-*, бесспорно, очень высока: в текстах Берлинского собрания оно встретилось (во всех родах, числах и падежах) в общей сложности 33 раза, в рукописи MSN – 16 раз. Однако, скажем, Рр от глагола *lā-n-t-* ‘выходить’ встретилось в берлинских текстах 26 или 27 раз, в рукописи MSN – 6 раз, а суммарная частотность Рр от глагола *sām-/* ‘сидеть’ оказывается даже чуть большей: оно представлено ≈ 45 раз в текстах Берлинского собрания и 8 раз – в MSN (правда, некоторую часть этих вхождений составляют формы сложного слова *waṣt-lmo* ‘домохозяин’ (букв. ‘домосидящий’)). Таким образом, вполне возможно, что в каких-то случаях конструкция «*kakmu* + связка» действительно замещает собой личные формы Рт глагола «приходить», однако такой способ выразить соответствующее значение едва ли может быть единственным.

Проверка гипотезы о том, что формы *yeṣ*, *yeñc* и т. д. могут в некоторых случаях передавать значение ‘пришел’ или ‘пришли’, сталкивается с неожиданными трудностями. Дело в том, что в оборотах вида «X идти (прош. вр.) из А в В» (или – в сокращенном варианте – «X идти (прош. вр.) из А», «X идти (прош. вр.) в В») финитный глагол в общем случае может быть понят и как «пошел», и как «пришел». По этой причине строго доказать данную гипотезу, по-видимому, невозможно. Однако, как кажется, количество примеров, для которых общий контекст или какие-либо дополнительные соображения свидетельствуют именно в пользу перевода «пришел» или «пришли», достаточно велико, чтобы пытаться «отменить» каждый из них по отдельности. Ниже мы рассматриваем некоторые наиболее ясные и показательные случаи употребления форм Ipf глагола «идти».

|| *kālnmām mlānkmām yetwesyo ñkāt yeṣ nakcu ñy anāprāṣ epreraṃ sām* † *ṣñi āstāryām swā[ñce](n)y(o) lyalyuk waṣtu śla poto rake ṅṣac we* † (YQ-2 a5-6 + 214 a2) ‘Со звенящими и ... украшениями бог **пришел** прошлой ночью (?) и передо мной в воздухе **стоял**. Своим ясным лучом он **осветил** дома и приветливо речь мне **сказал**...’

|| *wlāññāktāṣṣ aci yeñc ñāk[c]i(ñi) lās ṣñi ṣñi ñākcyās aptsarntuyo worpu stamar epreraṃ* † (312 b4-5) ‘Начиная с Индры-бога, **пришли** божественные цари – каждый божественными апсарами был окружен – и **стояли** в воздухе’

Фрагмент YQ-2 a5-6 + 214 a2 представляет собой прямую речь брахмана Бадхари, который в момент прихода бога Пурнабхадры спал у себя дома. Соответственно, форма *yeṣ* в его рассказе может означать только ‘пришел’ (ср. перевод «came to stand» [JWP: 69] – при том, что обычно при переводе тох. А текстов на английский и немецкий языки исследователи избегают передавать форму *yeṣ* как «came ~ kam»).

Второй фрагмент, хотя и написан от третьего лица, с интересующей нас точки зрения ничем не отличается от первого.

māmt ne ālyākyām praṣṭam ālak sam pekant yaṃtrācāres waṣtā lokit yeṣ tmāṣ sām yaṃtrā(cāre pe)kāntām puk wāknā yārkā yāmurāṣ oṣeñi pkānt=āk waṣtam lake raksā=ṃ (5 a5-6) ‘Однажды (букв. «как-то в другое время») некий один художник к механику в дом в гости **пришел**. Тогда этот механик, художнику всеми способами почтение оказав, ночью отдельно в доме постель **постелил** ему’

|| *pekāntāśśi kāṣṣiśśi kāṣṣi pekant ṇi naṣu* ♦ *lokit yeṣ ṇi yantār-si śomiṃ camī spa(ktām) upā* ♦ *tuṅkyo* ▪ *śśi tsit śominām wekat yaṃtār* (8 b6 – 9 a1) 'Художников-учителей учитель-художник, мой друг (?), в гости **пришел**. Моя механическая девушка ему службу **служила**. Верно, из любви **коснулся** он девушки, и **сломался** механизм...'

Первый из этих фрагментов – начало притчи о художнике и механике, второй – рассказ механика о происшедших событиях. В обоих случаях перевод сочетания *lokit yeṣ* как «пришел в гости» кажется единственным, имеющим смысл.

cem priyadattes nāpak kālkoṣ manārkāṇ sāket yac yeñc priyadattes eṃtsālune prasenaji lāntac wālune mācri pācri pkā=[k] ākṣiñār ♦ (395 a3; *yac* вместо <ri>*yac* (пропуск акшары)) 'те вслед за Приядаттой пошедшие послушники в город Сакета **пришли** и об аресте Приядатты и его приведении к царю Прасенаджи <его> матери и отцу **все-все рассказали**'

Поскольку послушники отправлялись на поиски Приядатты именно из города Сакета, перевод формы *yeñc* как «пришли» представляется безусловно предпочтительным; с учетом контекста даже еще более точным был бы перевод «вернулись». Именно как «пришли» передана эта форма в выполненном И.А. Мельчуком русском переводе работы В. Краузе, содержащей разбор текста № 395, см. [Краузе 1959: 82, 85].

||| (*ptāñkāt*) *kāṣṣiṃ lkātsi yeṣ pālkāt ats ptāñkāt kās(s)iṃ* (80 a2) 'Будду-бога учителя увидеть **пришел** – и **увидел**-таки Будду-бога учителя'

ākāṣṣāll oki śla ynāṇmune śino ymām riṣa(knac) k(ā)ts(e) yeṣ pālkāt ri(sakām ||) (147 b3) 'Словно ученик, с почтением ... идя, к риши **пришел** – и **увидел** риши'

Эти два примера чрезвычайно сходны между собой. При этом если в первом из них перевод формы *yeṣ* как «пошел» еще кажется возможным, хотя и несколько неестественным, то во втором, включающем в себя форму так называемого медиального причастия настоящего времени (чаще всего выступающего в предложении в роли деепричастия одновременности) *ymām* 'идя', он, по-видимому, полностью исключен.

||| *ntwa(m) ymā[m] pāṣānak śulam yeṣ* (YQ-1 a2) 'по ... идя, на гору Пашанака он **пришел**'

Как и во фрагменте 147 b3, наличие формы *ymā[m]* делает понимание формы *yeṣ* как 'пошел' практически невозможным, ср. несомненную странность английского перевода: «...going he went to the Pāṣāṇaka Hill» [JWP: 65] – тем более что целью Будды было именно подняться на гору Пашанака, а не просто остановиться вблизи нее.

♦ *naśśi nu parnore śkā kuc ne tu caṣ ureyaṃ yet tā ne klyom me(trak) |||* (YQ-17 b4) '...Есть для тебя все-таки нечто великолепное еще, потому что ты в ту страну **пришел**, где благородный Майтрея...'

Этот фрагмент представляет собой продолжение реплики, обращенной к брахману Нирдхане, начало которой было рассмотрено выше. Наличие в тексте оборота *caṣ ureyaṃ ... tā ne* 'в ту страну, где...' делает понимание формы *yet* как 'ты пришел' фактически несомненным.

Заслуживает внимания также следующий пример совершенно иного рода:

(♦) *īme pāṭśāk yeṣ ārśi kāntwā ritwāssi kanaśāl* (♦) (229 b7) 'идея и мысль **пришла** на языке *ārśi* сочинять с мелодией' (сложный вопрос о значении слова *ārśi* для наших целей несуществен, и мы оставляем его без перевода).

По всей вероятности, в этом фрагменте в тох. А представлена совершенно та же метафора, что и в русских выражениях типа *пришло в голову, пришло на ум* и т. п. Употребление в таком контексте глагольной формы, обозначающей начальную, а не конечную точку движения, представляется маловероятным.

Как видно, во фрагментах YQ-2 a5-6 + 214 a2, 312 b4-5, 395 a3, 80 a2 и 147 b3 формы имперфекта глагола *y-/* находятся в отношении сочинения с личными претеритными формами – соответственно, *śām* 3 Sg Pt A от *kāly-/* 'стоять', *stamar* 3 Pl Pt A от того же *kāly-/*, *ākṣiñār* 3 Pl Pt A от *āks-* 'преподавать, рассказывать' и *pālkāt* ~ *pālkāt* 3 Sg Pt M от

lāk-/ 'видеть'. Всего в тох. А текстах насчитывается более десяти примеров такого рода (без учета в той или иной степени ненадежных). Рассмотрим один из них:

//// (*r*)*iyāṣ lāc vyāse riṣaknac yeṣ* (111 b1) 'Из города **вышел** и к риши Вясе **пошел**'.

Этот фрагмент относится к числу тех немногих, для которых перевод формы *yeṣ* как «пошел» выглядит по крайней мере не менее вероятным, чем ее перевод как «пришел». Тем не менее синтаксически эта форма и здесь ведет себя как претерит, образуя сочиненную группу с формой *lāc* 3 Sg Pt A от *lā-n-t-* «выходить».

Значительный интерес представляет употребление глагольных времен во фрагменте 8 b6 – 9 a1 (см. выше). Будучи сказуемыми двух соседних простых предложений, формы *yeṣ* и *urā* (3 Sg Ipf от *y-/* 'делать') формально подпадают под определение «серийных» имперфектов. Фактически, однако, форма *urā*, относящаяся к механической девушке, как раз является одним из немногочисленных примеров «одиночного» Ipf: она стоит между соотношенными друг с другом формами *yeṣ* и *tsit* (3 Sg Pt от *tsit-* 'касаться'), относящимися к художнику.

Приведенные факты позволяют даже задаться вопросом, не следует ли считать, что тох. А формы на *y-e-*, морфологически, несомненно, представляющие собой Ipf от глагола *y-/* 'идти', фактически входят в парадигму глагола *kām-* 'приходить' в качестве его Pt (подобно тому, как, например, русское слово *хуже* выступает как форма сравнительной степени не от прилагательного *худой* 'тощий', а от прилагательного *плохой*). Как кажется, ответ на этот вопрос все же должен быть отрицательным, о чем свидетельствует следующий пример:

//// (*tu*)*ñkyo nervām y[el]s* || (54 b5) '...из-за любви (?) в нирвану **ушел**'.

Из-за обрыва строки остается неясным, по какой причине автор текста № 54 употребил форму *yeṣ* вместо ожидаемой формы *kālk* (3 Sg Pt от того же глагола *y-/*), однако присутствие в буддийском тексте оборота со значением 'пришел в нирвану', по-видимому, полностью исключено.

Таким образом, можно думать, что в эпоху создания дошедших до нас восточнотохарских текстов переход форм на *y-e-* от их первоначальной функции Ipf глагола 'идти' к новой роли Pt глагола 'приходить' еще окончательно не завершился.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ, ИЛИ 60 ЛЕТ СПУСТЯ

В опубликованной впервые еще в 1953 г. работе Джорджа Шермана Лейна «Имперфект и претерит в тохарском», посвященной происхождению форм прошедшего времени в «турфанском» (= тох. А) и «кучанском» (= тох. В) языках, есть характерная оговорка: «Хотя я на протяжении всей статьи принимаю то отнесение глагольных форм к имперфектам или претеритам, которое предлагается в SSS или у Краузе, я совершенно не уверен, что оно сохранится для турфанского, когда все тексты будут окончательно изучены» ([Лейн 1959: 135, сн. 2] со ссылкой на [Соунгеур 1947: 66]; пер. Л.Д. Толокновой). О том, чтобы считать все тох. А тексты «окончательно изученными», к счастью, не может быть и речи; тем не менее мы полагаем, что сомнения выдающегося американского тохариста уже сейчас можно признать вполне обоснованными*.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1, 2, 3 – первое, второе, третье лицо	N-Acc – номинатив-аккузатив
кл. – класс	Opt – оптатив
т. К – глагол имеет только каузативные формы	Pl – множественное число
	PP – причастие прошедшего времени

* Автор выражает искреннюю благодарность П.М. Аркадьеву, С.И. Переверзевой, В.А. Плунгяну, И. Сержанту и И.С. Якубовичу, прочитавшим первоначальную версию настоящей статьи и сделавшим многочисленные замечания, способствовавшие ее существенному улучшению.

тох. – тохарский
 ТМ – тематическая морфема
 ЭМ – энклитическое местоимение
 А – активный залог
 Асс – аккузатив
 Conj – конъюнктив
 G – генитив
 Imp – императив
 Ipf – имперфект
 К – каузатив
 М – медиальный залог
 MSN – «Maitreyasamiti-Nāṭaka» из
 Яньци (по изданию [JWP])

Pr – презенс
 Pt – претерит
 Sg – единственное число
 ТНТ – неопубликованный тохарский А
 фрагмент из Берлинского собрания
 YQ – фрагмент относится к рукописи
 «Maitreyasamiti-Nāṭaka» из Яньци
 ≈ – примерно
 ~ – наряду с
 /// – край строки оборван
 || – пунктуационный знак (примерно
 соответствует началу или концу абзаца)
 ♦ – пунктуационный знак (примерно
 соответствует точке или запятой)
 ⚡ – знак конца стихотворной строки

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Иткин 2012 – И.Б. Иткин. [Рец. на:] *M. Malzahn. The Tocharian verbal system. Leiden; Boston, 2010 // Вопросы языкознания. 2012. № 2.*
- Краузе 1959 – В. Краузе. Тохарский язык // Тохарские языки. М., 1959.
- Лейн 1959 – Дж.С. Лейн. Имперфект и претерит в тохарском // Тохарские языки. М., 1959.
- С – G. Carling, G.-J. Pinault, W. Winter. Dictionary and thesaurus of Tocharian A. V. 1: A–J. Wiesbaden, 2009.
- Couvreur 1947 – W. Couvreur. Hoofdaken van de Tochaarse Klank- en Vormleer. Leuven, 1947.
- Couvreur 1955–1956 – W. Couvreur. Bemerkungen zu Pavel Pouchas «Thesaurus linguae Tocharicae dialecti A» // La Nouvelle Clío. 1955–1956. V. 7–8.
- Hackstein 1993 – O. Hackstein. Osttocharische Reflexe grundsprachlicher Präsensbildungen von idg. *ǵneh₃- 'erkennen' // G. Meiser (Hrsg.). Indogermanica et Italica. Festschrift für Helmut Rix zum 65. Geburtstag. Innsbruck, 1993.
- JWP – X. Ji, W. Winter, G.-J. Pinault. Fragments of the Tocharian A Maitreyasamiti-Nāṭaka of the Xinjiang Museum, China. Berlin; New York, 1998.
- М – M. Malzahn. The Tocharian verbal system. Leiden; Boston, 2010.
- Р – P. Poucha. Thesaurus linguae Tocharicae dialecti A. Praha, 1955.
- Peyrot 2011 – M. Peyrot. [Rev. of:] G. Carling, G.-J. Pinault, W. Winter. Dictionary and thesaurus of Tocharian A. V. 1: A–J. Wiesbaden, 2009 // Kratylos. 2011. № 56.
- Pin – G.-J. Pinault. Chrestomathie tokharienne. Textes et grammaire. Leuven; Paris, 2008.
- Schmidt 1974 – K.T. Schmidt. Die Gebrauchsweisen des Mediums im Tocharischen. Göttingen, 1974.
- Schmidt, Winter 1992 – K.T. Schmidt, W. Winter. Die Formen der 1. Singular Aktiv der unerweiterten Präterita in Tocharisch A // Historische Sprachforschung. 1992. Bd 105.
- Sieg 1944 – E. Sieg. Übersetzungen aus dem Tocharischen. 1 // Abhandlungen der Königl. Preussischen Akademie der Wissenschaften. Philologisch-historische Klasse. 1944. № 16.
- Sieg, Siegling 1921 – E. Sieg, W. Siegling (Hrsg.). Tocharische Sprachreste. Bd 1. Die Texte. Berlin; Leipzig, 1921.
- Sieg, Siegling 1953 – E. Sieg, W. Siegling. Tocharische Sprachreste. Sprache B. Hf. 2. Göttingen, 1953.
- SSS – E. Sieg, W. Siegling, W. Schulze. Tocharische Grammatik. Göttingen, 1931.
- Th – W. Thomas. Der Gebrauch der Vergangenheitstempora im Tocharischen. Wiesbaden, 1957.

Сведения об авторе:

Илья Борисович Иткин
 Институт востоковедения РАН / школа «Муми-Троль» / НИУ ВШЭ
 isv@gol.ru

Статья поступила в редакцию 29.09.2013.

© 2014 г. В.Б. ИВАНОВ

К КЛАССИФИКАЦИИ ИМЕННЫХ ФОРМ В ЮГО-ЗАПАДНЫХ ИРАНСКИХ ЯЗЫКАХ

С целью коррекции имеющихся систем описания именного словоизменения в близкородственных югозападных иранских языках (персидском, таджикском и дари) пересматриваются статусы изафетного показателя и артикля. Первый является специализированным аффиксом вершинного маркирования слова в изафетной конструкции в пределах словесных границ и образует синтетическую форму слова. Второй не только маркирует выделенность, но и может одновременно выступать в связочной функции, то есть также может быть маркером вершинного положения имени в словосочетании. Однако в отличие от изафетного показателя он размещается за пределами словесных границ и образует именную словоформу аналитического типа. Кроме того, в систему именного словоизменения вводятся звательные формы (вокативы), которые образуются от исходной формы имен аффиксацией и/или интонационно-просодически.

Ключевые слова: иранский, персидский, таджикский, дари, изафет, артикль, звательный, вокатив, словосочетание, вершинный, маркер, аффиксация, интонация, просодия

In order to correct existing systems of description of word inflection in closely related southwestern Iranian languages (Persian, Tajik and Dari), status of the izafat and the article is revised. The first one is a specialized affix of the vertex marking of the word in the izafat construction within the word boundaries. The second one not only marks the determination, but at the same time can serve as a link, i.e. as a marker of the vertex position of a noun in a word-combination. But as opposed to the izafat, it is localized outside the word boundaries and forms an analytic word form. Besides that, vocative forms are brought into the paradigm of the noun inflection that are formed from the initial form with the help of affixes and/or intonation and prosody.

Keywords: Iranian, Persian, Tajik, Dari, izafat, article, vocative, word combination, vertex, marker, affixation, intonation, prosody

ВВЕДЕНИЕ

У общего далекого предка персидского, таджикского и дари – древнеперсидского языка – именные части речи обладали развитой системой флексий: существительные склонялись, прилагательные согласовывались с ними в роде, числе и падеже и т.п. После относительно небольшого по времени непрестижного периода при Александре Македонском и Селевкидах (около века), когда древнеперсидский язык с позиции государственного был вынужден уйти в бытовую сферу, была полностью элиминирована категория рода, распалась система склонения. Когда этот язык вновь приобрел достаточно высокий социальный статус (в III в. до н.э. уже в виде среднеперсидского языка), несмотря на сохранение высокой флективности глагола, он стал языком в основном аналитического типа. Связь слов в словосочетании и предложении стала выражаться с помощью предлогов и послелога, появилась изафетная связь и неопределенный артикль (как незначительная часть речи). Остались агглютинативные показатели множественного числа. Весь этот инвентарь в VIII–IX вв. сначала перешел в новоперсидский (классический персидский) язык, а затем в середине прошлого тысячелетия достался по наследству ответвившимся от него персидскому, таджикскому и дари.

Напомним, что грамматическую категорию можно выделить в языке лишь тогда, когда в ней существуют минимум две маркируемые формы (см. Табл. 1).

Таблица 1

Совокупность форм слова внутри грамматической категории

Часть речи
P1 (исходная форма)
P2
...
Pn

Исходная (словарная) форма (P_1) часто имеет нулевой показатель (маркер). Общее число различаемых форм, включая исходную, обозначено через n . Иными словами, для выделения грамматической категории необходимо, чтобы $n > 1$.

Таблица 2

Общая классификация изменения форм имени в зависимости от синтаксической позиции

Зависимое имя	Изолированное имя	Вершинное имя
C_1 (исходная форма)	V_1 (исходная форма)	I_1 (исходная форма)
C_2	V_2	I_2
...
C_n	V_n	I_n

Рис. 1. Векторы изменения форм существительного в персидском, таджикском, дари

Из всех теоретически возможных в языках мира векторах изменения имени в данной работе остановимся на трех (см. Табл. 2): зависимого имени (падеж, склонение), вершинного (изафетная форма, статус) и синтаксически изолированного (вокатив, апеллятив, звательная форма).

В русском языке, например, где вершинное имя никак не маркируется, в последней колонке $n = 1$. Зависимое имя имеет шесть маркированных форм (падежей; в первой колонке $n = 6$). В русском языке отмечено две маркированные формы вокатива (см. [Даниэль 2008; 2009]); т.е. во второй колонке $n = 3$.

В персидском языке, взятом в качестве представителя юго-западной группы иранских языков, вершинное и изолированное имя имеют по три формы ($n = 3$). Зависимое имя, если считать аналитическую форму с послелогом ʔ-gā , имеет две формы ($n = 2$). Кроме того, существуют еще не указанные в Табл. 2 векторы изменения по числу и по выделенности (детерминированности). Последние два вектора должны рассматриваться отдельно, так как изменения по ним могут происходить как в зависимой, так и в вершинной позиции (выделенные формы в изолированной позиции не встречаются). Исходные формы для всех векторов совпадают (т.е. пересекаются $C_1 = V_1 = I_1$) и имеют нулевой показатель (см. Рис. 1). Выделенность и изафетное состояние могут быть применены также к формам множественного числа. Зависимое имя можно распространять вплоть до простого предложения весьма значительной длины, которое оформляется послелогом ʔ-gā .

Целью данной статьи является уточнение статуса изафетного показателя, роли артикля и классификации форм вокатива, что в совокупности позволяет пересмотреть систему именного словоизменения в близкородственных юго-западных иранских языках (персидском, таджикском и дари).

ВЕРШИННОЕ МАРКИРОВАНИЕ

Изафетный показатель

В общелингвистической литературе во многих языках отмечают изафетную конструкцию [Плунгян 2000: 184–187; 2011: 200–204]: в иранских (подробнее см. ниже), в алтайских (турецкий), в афразийских (арабский, иврит), в уральских (венгерский, финский) и в германских языках (швейцарский немецкий, африкаанс). Однако только в юго-западных иранских языках имеется узкоспециализированный показатель связи слов в изафетной конструкции, тогда как в других языках для этого используются местоимения и артикли, основная функция которых не является связочной. Они имеют также и другие синтаксические функции, и поэтому их нельзя считать флексиями.

Для подгруппы современных юго-западных иранских языков даются описания изафетного словосочетания:

а) весьма подробно в отношении персидского [Пейсиков 1959: 41–108; Рубинчик 1970: 839; 2001: 363–368; Миколайчик 1980: 239–243; Поляков 1988: 213–214; Мошкало 1997а: 79], дари [Дорофеева 1960: 36; Киселева 1985: 100, 108–109; Мошкало 1997б: 129, 138; Островский 2004: 99–100], таджикского [Грамматикаи 1985: 53; Керимова 1997а: 101, 110; Иванов и др. 2009: 13];

б) кратко в отношении татского [Грюнберг, Давыдова 1982: 251; Грюнберг 1997: 146]; лурских и бахтиярских диалектов [Керимова 1982а: 295; 1997б: 168]; диалектов Фарса [Керимова 1982б: 339]; хазара [Ефимов 1997а: 160; 2008: 363]; ларских диалектов [Молчанова 1997а: 175].

Общие закономерности исторического развития изафета для трех близкородственных юго-западных языков персидского, таджикского и дари показаны также в работе [Ефимов и др. 1982: 103, 111]. Существует мнение, что, по всей вероятности, в остальных юго-западных языках изафетная связь от общего исходного состояния развилась под влиянием персидского [Грюнберг, Давыдова 1982: 251]. Кроме того, персидский изафет в составе заимствований широко употребляется в языках других подгрупп, групп и семей: в северо-западных и восточно-иранских языках, индоарийских и тюркских, носители которых в разные исторические периоды оказывались в сфере влияния Ирана и/или персоязычных завоевателей.

Сверх того, в некоторых северо-западных иранских языках существуют свои изафетные системы:

а) сложные в гурани [Пирейко 1997а: 147, 175–177; 1999а: 79], в курдском [Авалиани, Бакаев 1999: 62], в заза [Пирейко 1997б: 99, 120–121; 1999б: 74; Цаболов 1997: 55–56], в сивенди (под влиянием курдского) [Молчанова 1997б: 331–332, 385–388; 1999а: 239–240];

б) простые (вероятно, под влиянием персидского) в абдуи [Молчанова 1999б: 87], в гилянском [Расторгуева 1999а: 117], в шамерзади [Расторгуева 1999б: 136], в велатру [Расторгуева 1999в: 142], в семнанских диалектах (сурхеи, ласгерди, биябунеки, афтари) [Расторгуева 1999г: 151], в центральноиранских диалектах (вонишуни, кешеи, кох-руди, сои, зафраи, меймеи, джавшакани, хунсари, махаллати, натанзи, наини, яранди/ярани, фаризанди, хури, седеи, гази, кафрани) [Расторгуева, Мошкало 1997: 262, 266–268; Расторгуева, Молчанова 1999: 180], в диалектах Большой Соляной пустыни (хури, мехрджани, фарви/фаррохи, гармеи, ираджи) [Молчанова 1999в: 234], в таджриши [Виноградова 1999: 250], в парачи [Ефимов 1997б: 424, 484, 488, 492, 494, 547; 1999а: 264], в ормури [Ефимов 1999б: 281]; в гявруни/йезди/зороастрийском дари [Маздапур 1995: 18, 92, 107; Молчанова 2008: 310].

Несмотря на многочисленность описаний изафетных систем, в иранистике представляет собой проблему определение статуса изафетного показателя (ИП). Рассмотрим эту проблему более подробно.

В таджикских грамматиках ИП однозначно воспринимается как часть слова [Грамматикаи 1985: 13]. В некоторых работах, посвященных персидскому языку, его без особых доказательств определяют как частицу: ‘particule’ [Lazard 1957: 62]; حرف نشانه ‘harf-e nešāne’ (см. популярную в Иране грамматику [Анварии, Ахмади-Гиви 2010: 271]). Во всех источниках (кроме работ Л.С. Пейсикова) полагается, что ИП оформляет первое слово словосочетания. Какой же статус ИП предпочесть: служебное слово (частица) или аффикс (окончание)?

В первом случае он должен связываться со знаменательными частями речи синтаксической связью, и тогда надо указать, что это за связь и какой частью речи он (изафетный показатель) является. Во втором случае лингвист должен его изображать в транскрипции так же, как он это делает с флексиями – без дефиса, в составе слова (как в таджикской орфографии).

Говоря «изафетный показатель», иранисты уходят от решения этих проблем, оставляя их будущим поколениям. Единственный известный иранист, с которым нам довелось подробно обговорить эту проблему, был проф. Л.С. Пейсиков, автор оригинальной синтаксической концепции. Интересно его следующее высказывание:

Изафет является формой выражения отношения между словами, вступившими в словосочетание... Лишено всяких оснований, поэтому, рассматривать изафет как морфологическую (или морфолого-синтаксическую) форму имени и отождествлять его с падежным показателем, свойственным флективным языкам. Точно также лишено оснований считать изафет формой слова лишь на основании фонетического признака энклитичности изафетной частицы, ее внешнезвучковой слитности с первым членом словосочетания.

И далее:

Можно ли на основании неударности и фонетической слитности изафета с предшествующим именем считать изафетную частицу морфологической (морфолого-синтаксической) формой имени? [Пейсиков 1959: 49–50].

Переводя эти рассуждения на современный лад, заметим, что тут Л.С. Пейсиков отрицает вершинное маркирование: ИП у него оказывается строго посредине между главным и зависимым словами. В этом его поддерживает В.И. Миколайчик [Миколайчик 1980: 239–240].

В устных беседах Л.С. Пейсиков для изафетного показателя вводил третью промежуточную категорию – «синтаксическая частица», которая не была ни словом, ни его частью. При этом он ссылаясь на синтаксис японского языка, где аналогичные единицы существуют. Более поздняя проверка (уже после кончины Л.С. Пейсикова в 1978 г.) показала, что известные автору японисты о таких образованиях не знают. В японском языке все синтаксические единицы считаются либо словом, либо его частью. Критерий вставки показывает, что японские частицы отделяются от связанного с ними имени словесными границами [Алпатов 2012: 21–22]. Поэтому, если мы хотим остаться в рамках общего языкознания, статус изафетного показателя в иранских языках должен определяться в рамках дихотомии (слово ↔ часть слова).

В обоих случаях надо указать, маркером какой грамматической категории он является. Пока что это иранистами не сделано. Существенный шаг в решении этой проблемы сделан в общелингвистическом (типологическом) исследовании [Плунгян 2000: 184–187].

Для того чтобы определить, входит та или иная морфема в состав слова или находится за его пределами, надо провести вокруг исследуемого отрезка речи словесные границы. В случае изафетного показателя – наиболее грамматикализованной и лексически опустошенной морфемы – это затруднительно.

Для диагностирования словесных границ в соответствии с ранее разработанными правилами (см. [Иванов 1995]) мы должны попытаться вставить в исследуемую последовательность морфем, какое-либо слово. Составим изафетное словосочетание из слов شاگرد *šāgerd* ‘ученик’ и استاد *ostād* ‘мастер’:

شاگرد استاد
šāgerd-e ostād¹
 ученик-IZF мастер
 ‘ученик мастера’

Попробуем распространить это словосочетание, вставив между изафетным показателем и определяемым существительным еще одно слово – прилагательное نو *nov* ‘новый’:

شاگرد نو استاد
šāgerd-e nov-e ostād
 ученик-IZF новый-IZF мастер
 ‘новый ученик мастера’

После распространения в нашей изафетной цепи появилось два изафетных показателя (-e). Проблема заключается в том, что из-за лексической опустошенности нет возможности доказать, что после распространения новое слово вклинилось между существительным и изафетным показателем. С таким же (а возможно, и с большим) успехом можно утверждать, что к комплексу «существительное-IZF» добавился комплекс «прилагательное-IZF». Таким образом, у нас нет оснований проводить словесную границу между изафетным показателем и распространяемым словом.

В своей монографии Л.С. Пейсиков продолжает: «Фонетический признак (равно как и правила графического изображения) не может служить достаточным критерием для определения грамматической природы тех или иных показателей и форм. Известно, например, что частица -gā также фонетически сливается с предшествующим словом, однако этот признак не дает нам основания отнести частицу -gā к числу словоизменяемых форм частей речи» [Пейсиков 1959: 50]. Фактически такая точка зрения подтверждается и в более близких нашему времени исследованиях: «...фонетический критерий нельзя рассматривать как необходимый признак синтаксической связи. К сожалению, признак фонетической слитности не является и достаточным» [Тестелец 2001: 79].

Действительно, фонетический признак сам по себе не может служить достаточным критерием для проведения словесных границ. Однако рассмотрев его в совокупности со свойством отделимости (см. выше ранее разработанную процедуру, а также [Плунгян 2000: 33; Алпатов 2012: 21]), мы оказываемся в состоянии различить эти два феномена

¹ Во многих иранских книгах и в работе [Пейсиков 1959] изафетный показатель /e/ в транскрипции с обеих сторон прикрепляется дефисами к именованным частям речи с целью показать, что он в равной степени относится к обоим знаменательным словам. В таджикской орфографии он включается в состав первого слова. В транскрипции текстов дари его принято присоединять одним дефисом к первому слову [Островский 2004], т.е. судя по всему, он мыслится энклитикой, находящейся за границами слова.

(ИП ↔ послелог *gā*): между послелогом *gā* и существительным можно вставить слово (например, прилагательное, тадж.):

деворро	→ девори	баландро
девор-ро	→ девор-и	баланд-ро
стена- <i>rā</i>	→ стена- <i>izf</i>	высокий- <i>rā</i>
'стену'	→ 'высокую стену'	

В то же время ИП никакими приемами не удастся оторвать от того слова, к которому он относится. Следовательно, послелог/частицу *-gā* нельзя считать окончанием (аффиксом), а ИП – можно².

Исторически из придаточного определительного предложения, которое существовало в древнеперсидском языке, развился тип связи, который называется изафетной (от *اضافه ezāfe* 'добавление'). В древнеперсидском после определяемого ставилось связующее слово *h^aya* (в прямом падеже) или *t^aya*- (в косвенных падежах) 'который'. Словосочетание с ним означало, например, следующее [Ефимов и др. 1982: 111–112]:

kāra h^aya hamīciya 'мятежное войско' (букв. 'войско, которое мятежное').

В среднеперсидском эти связующие слова стянулись до долгого *ī*, что после тысячелетнего развития в современных персидском и дари дало краткий *-e*, а в таджикском – краткий *-i*. Они стали энклитиками, всегда безударны, потеряли способность употребляться самостоятельно (в начале/в конце высказывания или обособленно) и вводить придаточное предложение.

На современной стадии развития языка ИП превратился в аффикс (флексию) изафетного состояния. Поэтому в будущем транскрипции с дефисом *شاگرد استاد šāgerd-e ostād* 'ученик мастера' следует предпочесть запись без дефиса *شاگرد استاد šāgerde ostād* 'ученик мастера', но с указанием ударения (ударный гласный выделяется жирным шрифтом). Такая запись близка таджикскому образцу *шогирди устод*, где нефинальное ударение обозначается отсутствием знака долготы над последним гласным в слове: тадж. *шогирди* 'ученик' ↔ *шогирдӣ* 'ученичество'.

Типологическое сравнение изафетной конструкции в разных языках (см. [Плунгян 2000: 184–185; 2011: 200–204]) приводит нас к следующим выводам.

Существует два типа маркирования слов в словосочетании:

а) зависимого (как в русском *дом отца*, где *отец* – зависимое слово, получающее соответствующее окончание);

б) вершинного (как в персидской изафетной конструкции):

خانه پدر	
<i>xāne-ye</i>	<i>pedar</i>
дом- <i>izf</i>	отец
'дом отца',	

где *خانه xāne* 'дом' – главное слово, получающее изафетный показатель.

Согласно мнению, высказанному в работе [Плунгян 2011: 201], персидский изафетный показатель проявляет свойства групповой флексии. Для того чтобы оценить это утверждение, сопоставим варианты распространения изафетной цепи:

(1) а. شاخه گل	<i>šāxe-ye</i>	<i>gol</i>		'веточка цветков'
	веточка- <i>izf</i>	цветок		
б. شاخه گل صورتی	<i>šāxe-ye</i>	<i>gol-e</i>	<i>surati</i>	'веточка розовых цветков'
	веточка- <i>izf</i>	цветок- <i>izf</i>	розовый	

² В таджикской кириллице оба случая не различаются: и ИП, и послелог *-ро* пишутся слитно с предыдущим словом. Следовательно, авторы таджикской орфографии обе морфемы полагают аффиксами (окончаниями): *морро* 'нас' (букв. *мы-rā*), *роҳи дур* 'дальний путь' (букв. *путь-izf дальний*).

в. شاخه دو گل	šāxe-ye	do	gol		'веточка из двух цветков'
	веточка-IZF	два	цветок		
г. شاخه دو گل صورتی	šāxe-ye	do	gol-e	surati	'веточка из двух розовых цветков'
	веточка-IZF	два	цветок-IZF	розовый	

Во всех случаях изафетный показатель прикрепляется к именным частям речи (существительному и прилагательному). Заметно, что при внедрении в изафетную цепь количественного числительного دو do 'два' она (временно) прерывается. Иными словами, распространение происходит нелинейно. Числительное в препозиции добавляется к существительному گل gol 'цветок' (вставляется внутрь цепи), а не существительное گل gol 'цветок' добавляется к комплексу شاخه دو *šāxe-ye do 'вторая веточка' (букв. веточка-IZF два). В последнем сконструированном случае наблюдаем плохой стиль, так не говорят, хотя количественное числительное может быть изафетным определением: دو اتق otāq-e do 'вторая аудитория' (букв. аудитория-IZF два).

Замечание о том, что в примере (1в) изафетная цепь временно прервалась, надо понимать так, что ее распространение можно продолжить (1г). Есть ряд знаменательных и незнаменательных частей речи (личное местоимение, местоименная энклитика и т.п.), на которых изафетная цепь заканчивается и далее продолжена быть не может.

Соединительный артикль

В персидском языке изафетный показатель оказывается, хотя и самым распространенным, но не единственным способом вершинного маркирования. В качестве такого маркера может использоваться также артикль. Атрибутивная модель «существительное-арт прилагательное» в настоящее время представляет собой самый распространенный вид артиклевых словосочетаний. Она появилась еще в эпоху существования среднеперсидского языка.

В те времена артикль мог сочетаться с изафетным показателем. К существительному вначале присоединялся артикль, а за ним уже следовал изафетный показатель, потом ставилось определение в виде прилагательного (сред. перс. [Расторгуева, Молчанова 1981: 60]):

U-š	pad	dast	dās-ē-ī	āhanin	dāšt-Ø
И-3SG	в	рука	сerp-ART-IZF	железный	иметь-PST.3SG
'И в руке у него был железный серп'.					

Артикль -ē при слове dās 'сerp' тогда, как и сейчас, обозначал единичность и неопределенность. Изафетный показатель уже тогда был лексически опустошенной частицей. Таким образом, буквально словосочетание dās-ē-ī āhanin имеет семантику 'какой-то один железный серп'.

В дальнейшем, вероятно, по фонетическим соображениям (два рядом стоящих сходных гласных трудно было произносить членораздельно) в сочетаниях такого рода остался один показатель. Более семантически нагруженный элемент – артикль – взял на себя еще и связочную функцию изафетного показателя. В этом контексте артикль из морфологически элементарной единицы превращается в кумулятивную. При кумуляции³ несколько различных грамматических значений выражаются одним морфологически нечленимым (т.е. элементарным) показателем.

В среднеперсидском примере [Расторгуева, Молчанова 1981: 62; Чунакова 1987: 42]

³ Типичным примером является кумуляция граммем числа и падежа в склонении русских существительных. В форме *лунами* окончание *-ами* указывает не только на творительный падеж, но и на множественное число [Плунгян 2000: 42].

Ārdawān-rāy kanīzag-ē abāyišnīg bud-Ø
 Ардабан-рā девушка-ART достойный быть-PST.3SG
 'У Ардабана была одна достойная девушка'.

артиклъ уже помимо неопределенности и единичности синтаксически связывает определяемое kanīzag 'девушка' и определяющее abāyišnīg 'достойная' в словосочетание номинативного типа kanīzag-ē abāyišnīg 'одна достойная девушка' (букв. девушка-ART достойная).

Другой пример на вершинное маркирование артиклем в среднеперсидском языке [Чунакова 1987: 46]:

mard-ē wuzurgmenīšn
 мужчина-ART благородный
 'некий благородный мужчина'.

В классическом персидском языке на этот вид связи находим следующие примеры:

شبی خوش
 šab-i xoš
 ночь-ART приятная
 'одна приятная ночь' (Саади) [Деххода 2002];

خونی سیاه
 xun-i siyāh
 кровь-ART черная
 'какая-то черная кровь' (История, Табари) [Там же].

Следующий пример (класс. перс.) показывает, что артиклъ, также как и изафетный показатель, может связывать существительное и синтаксическую группу – другое словосочетание, выступающее как определение к главному слову.

سرائی بس فراخ و مسکنی خوش
 sarā-i bas fargāx-o maskan-i xoš
 дворец-ART очень просторный и жилье-ART хороший
 'какой-нибудь очень просторный дворец и какое-нибудь хорошее жилье'
 (Насер-е Хосроу) [Там же].

Словосочетание, основанное на примыкании, bas fargāx 'очень просторный' определяет существительное sarā 'дворец'. Сравним с аналогичным по структуре, но с изафетным словосочетанием خانه بسیار بزرگ xāne-ye besyār bozorg 'очень большой дом' (букв. дом-IZF 'очень большой'). Оба вида относятся к сложным словосочетаниям [Пейсиков 1959: 200; Рубинчик 2001: 374]. Сложные словосочетания необходимо рассматривать как иерархию синтаксических связей (см. Рис. 2).

Для диагностики артиклевой словосочетания модели «существительное-ART прилагательное» следует преобразовать его в изафетную конструкцию с артиклем вида «существительное-IZF прилагательное-ART». Если такое преобразование допустимо и изафетный показатель может занять место артикля (необходимое и достаточное условие), то исследуемое словосочетание относим к частной модели артиклевой связи «существительное-ART прилагательное».

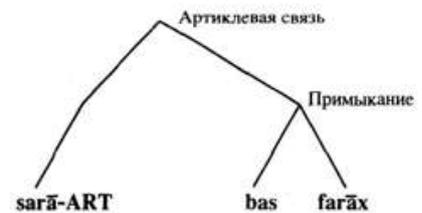

Рис. 2. Структура новоперсидского словосочетания sarā-i bas fargāx 'очень просторный дворец'

Рассмотрим пример из «Калилы и Димны» [Деххода 2002]:

برمک مردی بزرگوار بود
 Barmak mard-i bozorgvār bud-Ø
 Бармак мужчина-Арт достойный быть.PST.ST-PST.3SG
 'Бармак был достойным человеком'.

Артиклевое сочетание مردی بزرگوار mard-i bozorgvār 'некий достойный мужчина' (букв. мужчина-Арт достойный) может быть преобразовано в изафетное словосочетание مرد بزرگوار mard-e bozorgvār-i (букв. мужчина-IZF достойный-Арт) с тем же лексическим значением.

В последнем случае артикль может быть удален безболезненно для грамматических связей, и мы получим مرد بزرگوار mard-e bozorgvār 'достойный мужчина' (букв. мужчина-IZF достойный). Безболезненность удаления артикля свидетельствует о том, что он здесь не выполняет связочной функции. Изафетный показатель -e в مرد بزرگوار mard-e bozorgvār удалить нельзя, также как и артикль -i в مردی بزرگوار mard-i bozorgvār, так как они выполняют связочную функцию. Синтаксическая граница между составами подлежащего и сказуемого проходит после слова برمک Barmak перед исследуемой группой слов (а не внутри его). Значит, в первом случае мы имеем дело со словосочетанием, отвечающим всем классическим требованиям.

Множество подобных примеров из современного персидского языка мы находим в словаре А.А. Деххода среди авторских пояснений к значениям слов [Там же]:

خطابی توهین آمیز کسی را که دست در کار دیگران درآرد
 Xatāb-i towhin'āميز kas-i-rā ke dast dar kār-e digar-ān
 Окрик-Арт оскорбительный кто-то-Арт-rā который рука в дело-IZF другой-PL
 dar-ān
 совать.PRS.ST-SBJV.3SG
 'Оскорбительный окрик по отношению к тому, кто лезет в чужие дела';

دختری خواستگاری شده اما عقد نکاح نایسته
 Doxtar-i xāstgāri šode, ammā aqd-e nekāh nā-baste
 Девушка-Арт сватовство стать.PST.PTCP, но договор-IZF брак NEG-заклЮчать-PST.PTCP
 'Девушка просватанная, но не выданная замуж';

یک جوال؛ یعنی جوالی پر
 Yek javāl; ya'ni javāl-i por
 Один мешок; то_есть мешок-Арт целый
 'Один мешок, т.е. целый мешок'.

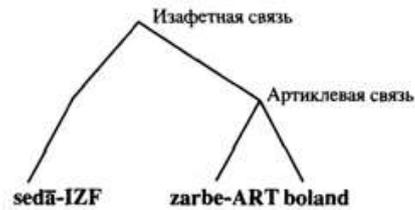
Более современные примеры артиклевых словосочетаний находим в рассказе иранского писателя Ибрахима Голестана «С сыном по дороге», который был написан в 1966 г.:

مرد ورزشکار سبیلی کلفت داشت
 Mard-e varzeškār sibil-i koloft dāšt-Ø
 Мужчина-IZF гимнаст ус-Арт толстый иметь-PST.3SG
 'У мужчины-гимнаста были пышные усы';

بعد با صدای ضربهای بلند بریده شد
 Ba'd bā sedā-ye zarbe-i boland boride-šod
 Потом с звук-IZF удар-Арт громкий резать-PASS.PST.3SG
 'Потом она была прервана громким ударом'.

В последнем примере мы видим сложную изафетную конструкцию, где распространяющим элементом является словосочетание, основанное на артикле (см. Рис. 3).

Рис. 3. Структура изафетного словосочетания с вложенным артиклем словосочетанием

Артиклевые словосочетания входят в состав различных клише и потому нередко используются в заголовках радио и телевизионных передач:

شرحی مختصر

šarh-i moxtasar
биография-ART краткий
'краткая биография';

مروری کوتاه بر اخبار داخلی

morur-i kutāh bar axbār-e dāxeli
обзор-ART краткий над событие\PL-IZF внутренний
'краткий обзор внутренних событий';

نگاهی گذرا

negāh-i gozarā
взгляд-ART беглый
'беглый взгляд' и т.п.

Данный вид словосочетаний можно найти и в заголовках современных газет и журналов:

مقاله‌ای منتشر نشده از کارل رایموند پوپر *Maqāle-i montašer našode az Kārl Rāymond Poper* 'Неопубликованная статья Карла Раймонда Паупера' (Газета «Хамшахри» 15.12.2002, с. 32).

خبری خوش برای بیماران کبدی *Xabar-i xoš barāye bimārān-e kabedi* 'Приятная новость для печеночных больных' (Газета «Хамшахри» 15.12.2002, с. 32).

В артиклевых словосочетаниях в качестве распространяющего слова может быть также неопределенное местоимение دیگر digar 'другой'. В частности, в словаре А.А. Деххода в пояснениях часто встречается выражение ... تعبیری دیگر از... ta'bir-i digar az... 'другой вариант выражения...'

Примечание. Соединительный артикль после существительных во множественном числе не употребителен.

Помимо вышеописанного артиклевого атрибутивного сочетания, имеющего изафетный аналог, в персидском языке распространены и другие модели словосочетаний с артиклевой связью: مقداری جواهر meqdār-i javāher 'несколько драгоценных камней', مدتی تفکر moddat-i tafakkor 'некоторое раздумье', نفری پنج nafar-i panj 'человек пять', صدی چند sad-i čand 'несколько процентов'. Описания этих типов артиклевых словосочетаний с примерами приводятся в работе [Иванов 2003].

Среди грамматических категорий имени статус оказывается наиболее общей грамматической категорией. Она охватывает все персидские существительные, значительное число других именных частей речи (прилагательные, числительные, местоимения). Все из них можно изменять минимум по двум формам: неизафетной (абсолютной) и изафетной (сопряженной). Неизафетная является исходной и совпадает со словарной: نام nām 'имя', دریا daryā 'море', افسانه afsāne 'сказка', اهواز Ahvāz 'Ахваз' (город). К изафетной форме существительного относится изафетное определение: نام من nām-e man 'мое имя' (букв. имя-IZF мой), دریای خزر daryā-ye Xazar 'Каспийское море' (букв. море-IZF Каспий), افسانه قشنگ afsāne-ye qašang 'прекрасная сказка' (букв. сказка-IZF прекрасный), اهواز معاصر Ahvāz-e mo'āser 'современный Ахваз' (букв. Ахваз-IZF современный).

Изменение существительного *سرباز sarbāz* ‘солдат’ по статусу

Статус	Ед. ч.	Мн. ч.
Неизафетный	سرباز <i>sarbāz</i> ‘солдат’	سربازان <i>sarbāzān</i> ‘солдаты’
Изафетный	...سرباز <i>sarbāz-e</i> ‘солдат’	...سربازان <i>sarbāzān-e</i> ‘солдаты’
Артиклевый	...سربازی <i>sarbāz-i</i> ‘солдат’	...سربازانی <i>sarbāzān-i</i> ‘солдаты’

Изафетный показатель является специализированным аффиксом – он обозначает сопряженность и ничего более. Методом агглютинации он присоединяется к такому же специализированному аффиксу – показателю множественного числа. Порядок следования аффиксов жесткий: сначала (непосредственно к основе) прикрепляется показатель множественного числа, затем изафетный показатель (см. Рис. 1 и Табл. 3).

Случаи вершинного маркирования с помощью артикля встречаются гораздо реже. В этом употреблении показатель связи обозначает еще и неопределенность. Кроме того артиклевые словосочетания стилистически окрашены: их стиль воспринимается как более книжный, высокий.

ЗВАТЕЛЬНАЯ ФОРМА

Класс существительных (собственных и нарицательных), которые могут обозначать собеседника (лиц), имеет еще одну падежную форму – вокатив (звательный падеж). В языках мира его определяют как «внесистемный падеж» [Плунгян 2000: 171] и относят к так называемым «шифтерным» значениям [Там же: 253]. В современном персидском языке он маркируется особым ударением в сочетании с особой интонацией [Lazard 1957: 34; Завьялова 1964]. В персидских грамматиках разница в ударении не комментируется, все звуковые различия приписываются интонации [Анвары, Ахмади-Гиви 2010: 123]. В этом случае маркер звательности на письме не получает выражения, становясь примером методов ударения [Реформатский 2001: 307] (более ярко выраженный) и интонации [Там же: 308] (менее ярко выраженный).

В исходной форме (неизафетном статусе) все существительные имеют финальное ударение. Маркирование звательного падежа заключается в сдвиге ударения и подразделяется на два этапа.

1) На первом этапе (при первом обращении к собеседнику) существуют акцентуальные варианты. В этой фазе ударение сдвигается с финального слога:

а) в двухсложных словах на первый слог (с любыми гласными, наиболее частотный случай): خانم! *xānum!* ‘госпожа!’, آقا! *āqā!* ‘господин!’, احمد! *Ahmad!* ‘Ахмед!’, زینب! *Zeynab!* ‘Зейнаб!’;

б) в трехсложных словах на предпоследний слог, если там есть долгий гласный: ایله! *Elähe!* ‘Элахе!’, خدایار! *Xodāyār!* ‘Ходайар!’;

в) в трехсложных словах на первый слог, если в предпоследнем слоге краткий гласный: بانفشه! *Banafše!* ‘Банафше!’, مرتضی! *Mortezā!* ‘Мортеза!’.

Теоретически в четырехсложных словах (и более длинных) закономерности сдвига ударения в звательном падеже должны быть такие же, как и в трехсложных. Однако такие длинные слова с практической точки зрения неудобны для обращения и громкого зова, и их избегают. В разговорном языке длинные имена сокращаются. Например, женское имя پریچه *Paričehr* ‘Паричехр’ в зове усекается до *Pari!*⁴

2) При повторном обращении, если собеседник не отреагировал на первый призыв, ударение сдвигается обратно на последний слог вне зависимости от вокалической

⁴ Публикации по правилам стяжения персидских личных имен нам пока не известны.

структуры слова! خاتم! xānum! ‘госпожа!’; آقا! āqā! ‘господин!’; احمد! Ahmad! ‘Ахмед!’; زینب! Zeynab! ‘Зейнаб!’; الهه! Elāhe! ‘Элахе!’; خدایار! Xodāyār! ‘Ходайяр!’; بانافشه! Banafše! ‘Банафше!’; مرتضی! Mortezā! ‘Мортеза!’.

На обоих этапах обращения последний слог слова произносится более протяжно. На втором этапе интонационное увеличение длительности последнего слога является единственным отличием от немаркированной исходной формы. С функциональной точки зрения оба вокатива противопоставлены друг другу по степени (наличию / отсутствию) реакции.

Помимо описанного современного разговорного способа маркирования звательных форм до сих пор в литературе используются архаичные методы: один синтетический и один аналитический. Синтетический заключается в прибавлении к основе безударного окончания -а (الف ندا) alef-e nedā, букв. ‘алеф зова’, или الف دعا) alef-e do’ā, букв. ‘алеф мольбы’)! خداوند! xodāvandā! ‘Боже!’⁵ [Анвары, Ахмади-Гиви 2010: 270].

Аналитические способы заключаются:

а) в использовании междометий! ای! ‘o!’; آهای! āhāy ‘эй!’; ای خدا! Eū, xodā! ‘О, боже!’; آهای پسر! Āhāy, pesar! ‘Эй, мальчик!’ (В персидской графике обращение запятыми не выделяется) [Там же: 271];

б) в присоединении к именам собственным безударного (энклитического) слова جان ‘душа’. Это наиболее продуктивный способ образования звательной формы: علیرضاجان! [‘Alirezā-jān! ‘О, Алиреза!’]. Слово جان jān ‘душа’ может присоединяться к именам любой длины. Однако, во-первых, далеко не все нарицательные существительные, обозначающие лица, могут в нем участвовать: پدرجان! [pedar-jān! ‘o, отец!’ сказать можно, а, например, مهندسجان! [*mohandes-jān! ‘o, инженер!’ нам слышать не приходилось. Во-вторых, этот способ ограничен разговорным (неофициальным) стилем. С трибуны к людям так обращаться нельзя.

Широко употребительны заимствованные из арабского аналитические звательные конструкции со служебным словом یا yā: یا علی! Yā ‘Alī! ‘О, Али!’; یا محمد! Yā Mohammad! ‘О, Мухаммед!’ [Там же: 271]. Однако они не являются обращениями в полном смысле этого слова, т.е. это застывшие формулы, которые используются в иных, нежели для призыва, целях: یا علی! Yā ‘Alī! ‘О, Али!’ – это формула прощания, یا محمد! Yā Mohammad! ‘О, Мухаммед!’ – формула ритмизации усилий типа русского Раз! Два! Взьми!

В современном языке показатели изафетного статуса чисто морфологические, а показатели вокатива могут быть просодическими. Поэтому ничего не мешает им накладываться друг на друга. С одной стороны, в разговорной речи приходилось наблюдать такие случаи, когда сдвига ударения в изафетной конструкции не происходит: آقای عزیز! Āqā-ye ‘aziz! ‘Господин хороший!’ (букв. ‘Господин-Izf милый!’ – оклик незнакомого мужчины).

С другой стороны, в литературном языке в стандартных изафетных обращениях к аудитории ударение сдвигается: شنوندگان گرامی! Šanavandegān-e gerāmi! ‘Дорогие слушатели!’; بینندگان عزیز! Binandegān-e ‘aziz! ‘Дорогие зрители!’; حضار محترم! Hozzār-e mohtaram! ‘Уважаемые присутствующие!’; دوستان گرامی! Dustān-e gerāmi! ‘Дорогие друзья!’.

Новый вокатив с безударным формантом -i мы обнаруживаем пока в основном в телефильмах. В персидских грамматиках данная форма не отражается [Анвары, Ахмади-Гиви 2010: 123–124]: مامانی! Māmān-i! ‘Мамочка!’; بابلی! Bābā-yi! ‘Папочка!’.

ЗАВИСИМОЕ МАРКИРОВАНИЕ

Зависимое маркирование имени представлено в юго-западных языках одним способом: постановкой послелого را -rā после выделенного прямого дополнения (функция, сходная с винительным падежом). В персидских грамматиках тот факт, что для оформления послелогом прямое дополнение должно быть обязательно выделенным,

⁵ До исламской революции 1979 г. использовалось обращение к шаху и шахине! شاهنشاه و علیاحضرتا! Šāhanšāh va ‘olyāhazratā! ‘О, шахиншах и шахиня!’.

не упоминается [Анвар, Ахмади-Гиви 2010: 271]. Это аналитический способ, который хорошо описан в литературе, и поэтому мы здесь его подробно не рассматриваем:

در را زدند

Dar-rā zad-and

Дверь-*RĀ* стучать.PST.ST-PST.3PL

‘В дверь постучали’;

ماشین جدیدش را دیدم

Māšīn-e jadīd-aš-rā did-am

Машина-*IZF* новый-3SG-*RĀ* видеть.PST.ST-PST.1SG

‘Я увидел ее новую машину’.

В последнем примере послелог отделен от существительного, к которому относится, прилагательным и местоименной энклитикой. В данной работе этот способ приводится как пример зависимого маркирования, поскольку указанный термин иранистами не употребляется.

Вопрос, можно ли считать падежной систему из двух форм существительного (исходную с нулевым окончанием и аналитическую с отделимым послелогом *را-gā*), должен, очевидно, решаться в свете дискуссии, которая отражена в работе [Алпатов 2012: 22–23]. То есть если мы считаем, что падежная форма должна быть обязательно синтетической, то таковых не обнаруживается. Если же мы признаем возможность существования аналитических падежных форм вообще, то для юго-западных иранских языков следует ввести категорию падежа.

ВЫВОДЫ

Обычно в грамматиках современных близкородственных юго-западных иранских языков персидского, таджикского и дари указывают не более двух словоизменительных категорий имен существительных: число и выделенность (детерминацию). В некоторых работах употребление послелога (т.е. зависимое маркирование) подается как винительный падеж существительного (что не во всем корректно). При этом иранисты упускают из вида (или некорректно интерпретируют) случаи вершинного маркирования (изафетную и артиклевую конструкции) и различные виды вокативов (обращений).

Фонетический признак (энклитическое присоединение) в совокупности с признаком неотделимости (невозможностью вставки) дает нам основание считать изафетный показатель специализированным аффиксом вершинного маркирования слова в изафетной конструкции. Таким образом, сочетания с ним именных основ, в том числе осложненных словоизменительными суффиксами, следует признать синтетическими формами слова.

Артикль не только маркирует выделенность, но и может одновременно выступать в связочной функции, то есть может быть маркером вершинного положения имени в словосочетании. Однако в отличие от изафетного показателя он находится за пределами словесных границ и образует с существительным словоформу аналитического типа.

Звательные формы (вокативы) образуются от исходной формы имен аффиксацией и/или интонационно-просодически. При последовательном описании их наряду со словоформами вершинного положения в словосочетании необходимо включать в систему именного словоизменения.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1SG	1 лицо единственного числа	PASS	пассивный (страдательный) залог
3SG	3 лицо единственного числа	PL	множественное число
ART	артикль	PRS	настояще-будущее время
IZF	изафетный показатель	PRS.ST	основа настоящего времени глагола
NEG	отрицание	PST	прошедшее время

PST.ST	основа прошедшего времени глагола	svlv	настояще-будущее время сослагательного наклонения (в грамматиках не совсем корректно, но традиционно называется аористом)
PTCP	причастие		
RĀ	послелог -rā (в персидском и дари произносится -rā, в таджикском – -po)		

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Авалиани, Бакаев 1999 – Ю.Ю. Авалиани, Ч.Х. Бакаев. Курдский язык // Языки мира. Иранские языки. Т. II. Северо-западные иранские языки. М., 1999.
- Алпатов 2012 – В.М. Алпатов. Есть ли в японском языке падежи? // Языки стран Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки. Материалы X Междунар. конф. М., 2012.
- Анвары, Ахмади-Гиви 2010 – Х. Анвары, Х. Ахмади-Гиви. Грамматика персидского языка. Тегеран, 2010 (1389) – 1389. دستور زبان فارسی-تهران.
- Виноградова 1999 – С.П. Виноградова. Таджриши язык//диалект // Языки мира. Иранские языки. Т. II. Северо-западные иранские языки. М., 1999.
- Грамматикаи 1985 – Грамматикаи забони адабиети ба номи Рӯдакӣ. Душанбе, 1985.
- Грюнберг 1997 – А.Л. Грюнберг. Татский язык // Языки мира. Иранские языки. Т. I. Юго-западные иранские языки. М., 1997.
- Грюнберг, Давыдова 1982 – А.Л. Грюнберг, Л.Х. Давыдова. Татский язык // Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: западная группа, прикаспийские языки. М., 1982.
- Даниэль 2008 – М.А. Даниэль. Звательность как дискурсивная категория. Несколько гипотез // В.А. Плуноян, А.Ю. Урманчиева (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 4. М., 2008. (URL: <http://www.philol.msu.ru/~otipl/new/main/people/daniel.php>.)
- Даниэль 2009 – М.А. Даниэль. «Новый» русский вокатив: история формы усеченного обращения сквозь призму корпуса письменных текстов // А.Л. Киселёва (ред.). Корпусные исследования по русской грамматике. М., 2009.
- Деххода 2002 – А.А. Деххода. Словарь Деххода (электронная версия). Тегеран, 2002 (1381) – 1381. دهخدا ع. ا. لغتنامه دهخدا. مؤسسه لغتنامه دهخدا، مؤسسه انتشارات و چاپ دانشگاه تهران، تهران.
- Дорофеева 1960 – Л.Н. Дорофеева. Язык фарси-кабули. М., 1960.
- Ефимов 1997а – В.А. Ефимов. Хазара язык // Языки мира. Иранские языки. Т. I. Юго-западные иранские языки. М., 1997.
- Ефимов 1997б – В.А. Ефимов. Парачи // Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: северо-западная группа. II. М., 1997.
- Ефимов 1999а – В.А. Ефимов. Парачи язык // Языки мира. Иранские языки. Т. II. Северо-западные иранские языки. М., 1999.
- Ефимов 1999б – В.А. Ефимов. Ормури язык // Языки мира. Иранские языки. Т. II. Северо-западные иранские языки. М., 1999.
- Ефимов 2008 – В.А. Ефимов. Хазара // Основы иранского языкознания. Среднеиранские и новоиранские языки. М., 2008.
- Ефимов и др. 1982 – В.А. Ефимов, В.С. Расторгуева, Е.Н. Шарова. Персидский, таджикский, дари // Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: западная группа, прикаспийские языки. М., 1982.
- Завьялова 1964 – В.И. Завьялова. Динамическая характеристика вокативной синтагмы в персидском языке // Иранская филология. Л., 1964.
- Иванов 1995 – В.Б. Иванов. Границы слова и инкапсуляция в персидском, таджикском и дари // Вопросы языкознания. 1995. № 3.
- Иванов 2003 – В.Б. Иванов. Существуют ли артиклевые словосочетания в персидском языке? // Восточное языкознание. К 80-летию Ю.А. Рубинчика. М., 2003.
- Иванов и др. 2009 – В.Б. Иванов, Е.В. Семёнова, Х.О. Хушкadamova. Учебник таджикского языка для стран СНГ. М., 2009.
- Керимова 1982а – А.А. Керимова. Лурские и бахтиярские диалекты // Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: западная группа, прикаспийские языки. М., 1982.
- Керимова 1982б – А.А. Керимова. Диалекты Фарса // Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: западная группа, прикаспийские языки. М., 1982.
- Керимова 1997а – А.А. Керимова. Таджикский язык // Языки мира. Иранские языки. Т. I. Юго-западные иранские языки. М., 1997.
- Керимова 1997б – А.А. Керимова. Лурская и бахтиярская группа диалектов // Языки мира. Иранские языки. Т. I. Юго-западные иранские языки. М., 1997.
- Киселёва 1985 – Л.Н. Киселёва. Язык дари Афганистана. М., 1985.
- Маздапур 1995 – К. Маздапур. Словарь диалекта зороастрийцев города Йезда. Тегеран, 1995 (1374) – 1374. مزدآپور گ. واژنامه گویش بهدینان شهر یزد، تهران.

- Миколайчик 1980 – *В.И. Миколайчик*. Основы теоретической грамматики персидского языка. М., 1980.
- Молчанова 1997а – *Е.К. Молчанова*. Ларская группа диалектов // Языки мира. Иранские языки. Т. I. Юго-западные иранские языки. М., 1997.
- Молчанова 1997б – *Е.К. Молчанова*. Сивенди // Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: северо-западная группа. II. М., 1997.
- Молчанова 1999а – *Е.К. Молчанова*. Сивенди язык//диалект // Языки мира. Иранские языки. Т. II. Северо-западные иранские языки. М., 1999.
- Молчанова 1999б – *Е.К. Молчанова*. Абдуи диалект // Языки мира. Иранские языки. Т. II. Северо-западные иранские языки. М., 1999.
- Молчанова 1999в – *Е.К. Молчанова*. Большой Соляной путыни диалекты // Языки мира. Иранские языки. Т. II. Северо-западные иранские языки. М., 1999.
- Молчанова 2008 – *Е.К. Молчанова*. Йезди (зороастрийский дари) // Основы иранского языкознания. Среднеиранские и новоиранские языки. М., 2008.
- Мошкало 1997а – *В.В. Мошкало*. Персидский язык // Языки мира. Иранские языки. Т. I. Юго-западные иранские языки. М., 1997.
- Мошкало 1997б – *В.В. Мошкало*. Дари язык // Языки мира. Иранские языки. Т. I. Юго-западные иранские языки. М., 1997.
- Островский 2004 – *Б.Я. Островский*. Учебник языка дари. Т. I. М., 2004.
- Пейсииков 1959 – *Л.С. Пейсииков*. Вопросы синтаксиса персидского языка. М., 1959.
- Пирейко 1997а – *Л.А. Пирейко*. Гурани // Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: северо-западная группа. II. М., 1997.
- Пирейко 1997б – *Л.А. Пирейко*. Заза // Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: северо-западная группа. II. М., 1997.
- Пирейко 1999а – *Л.А. Пирейко*. Гурани язык // Языки мира. Иранские языки. Т. II. Северо-западные иранские языки. М., 1999.
- Пирейко 1999б – *Л.А. Пирейко*. Заза язык // Языки мира. Иранские языки. Т. II. Северо-западные иранские языки. М., 1999.
- Плунгян 2000 – *В.А. Плунгян*. Общая морфология. Введение в проблематику. М., 2000.
- Плунгян 2011 – *В.А. Плунгян*. Введение в грамматическую семантику: Грамматические значения и грамматические системы языков мира. М., 2011.
- Поляков 1988 – *К.И. Поляков*. Персидская фонетика. Опыт системного исследования. М., 1988.
- Расторгуева 1999а – *В.С. Расторгуева*. Гилянский язык // Языки мира. Иранские языки. Т. II. Северо-западные иранские языки. М., 1999.
- Расторгуева 1999б – *В.С. Расторгуева*. Шамерзади // Языки мира. Иранские языки. Т. II. Северо-западные иранские языки. М., 1999.
- Расторгуева 1999в – *В.С. Расторгуева*. Велатру // Языки мира. Иранские языки. Т. II. Северо-западные иранские языки. М., 1999.
- Расторгуева 1999г – *В.С. Расторгуева*. Семнана полосы диалекты // Языки мира. Иранские языки. Т. II. Северо-западные иранские языки. М., 1999.
- Расторгуева, Молчанова 1981 – *В.С. Расторгуева, Е.К. Молчанова*. Среднеперсидский язык // Основы иранского языкознания. Среднеазиатские языки. М., 1981.
- Расторгуева, Молчанова 1999 – *В.С. Расторгуева, Е.К. Молчанова*. Центрального Ирана диалекты // Языки мира. Иранские языки. Т. II. Северо-западные иранские языки. М., 1999.
- Расторгуева, Мошкало 1997 – *В.С. Расторгуева, В.В. Мошкало*. Диалекты Центрального Ирана // Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: северо-западная группа. II. М., 1997.
- Реформатский 2001 – *А.А. Реформатский*. Введение в языковедение. М., 2001.
- Рубинчик 1970 – *Ю.А. Рубинчик*. Грамматический очерк персидского языка // Персидско-русский словарь. М., 1970.
- Рубинчик 2001 – *Ю.А. Рубинчик*. Грамматика современного персидского литературного языка. М., 2001.
- Тестелец 2001 – *Я.Г. Тестелец*. Введение в общий синтаксис. М., 2001.
- Цаболов 1997 – *Р.Л. Цаболов*. Курдский язык // Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: северо-западная группа. II. М., 1997.
- Чунакова 1987 – *О.М. Чунакова*. Книга деяний Ардешира сына Папака. М., 1987.
- Lazard 1957 – *G. Lazard*. Grammaire du persan contemporain. Paris, 1957.

Сведения об авторе:

Владимир Борисович Иванов

Институт стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова, Институт языкознания РАН
ivanogus@mail.ru

Статья поступила в редакцию 24.08.2013.

© 2014 г. Е.А. ШЕСТЕРА

**ТЕЛЕУТСКИЙ ЯЗЫК:
ИНТОНАЦИЯ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫХ
И ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ**

В статье рассматривается интонация повествовательных и вопросительных высказываний, произнесенных дикторами-носителями телеутского языка, проживающими в с. Беково Беловского района Кемеровской области.

Помимо аудиовизуального метода анализа и компьютерной обработки звукового сигнала в программах Speech Analyzer 3.01 и Wave Assistant, в работе учитывалось субъективное восприятие носителей языка.

Ключевые слова: тюркские языки, телеутский язык, интонация, мелодика, повествовательное предложение, общий вопрос, специальный вопрос

In this paper intonation of statements and questions of the Teleut language is under consideration. The utterances were pronounced by the Teleut speakers and were recorded in normal conditions. The area where the Teleut people live is Bekovo, Belovo district, Kemerovo region, Russian Federation.

We analyzed the phrases by help of computer programs Speech Analyzer 3.01 and Wave Assistant using audiovisual method, and relying on speakers' perception.

Keywords: Turk, Teleut, intonation, prosody, statement, general question, special question

Телеутский язык – язык немногочисленного тюркоязычного этноса телеутов (тадар киж, телеңит ~ телеңет ~ телеңут ~ телеут киж). Самая многочисленная группа телеутов в настоящее время компактно проживает в Беловском районе Кемеровской области, по рекам Большой и Малый Бачат (пп. Беково (Челухоево), Заречное, Верховская, Шанда, Черта, Каменка, Улус). В научной литературе данная группа известна под названием «бачатские телеуты» (самоназвание: пайат киж). Небольшая по численности группа проживает совместно с шорцами в п. Телеуты Заводского района г. Новокузнецка Кемеровской области. Около 200 человек проживает компактно на территории Алтайского края. В настоящее время в Республике Алтай сколько-нибудь значительные группы телеутов отсутствуют. Название «телеутский язык» традиционно относится к языку, на котором говорят телеуты, проживающие на территории Кемеровской области по рекам Большой и Малый Бачат. По данным переписи 2010 г., говорит на телеутском языке 1 892 чел. из общего числа телеутов в 2650 чел. [Уртегешев 2009].

Предметом нашего исследования является интонация повествовательных высказываний, общих и специальных вопросов телеутского языка.

Под интонацией в узком смысле понимается мелодика, а именно направление, форма, регистр (или тональный уровень) контура частоты основного тона (ЧОТ) высказывания и отдельных его участков [Бондарко 1998]. Ряд западных исследователей ([O'Connor, Arnold 1973; Ladd 1985] и др.) под интонацией подразумевают только мелодику.

Предпринятое нами исследование направлено на верификацию следующих гипотез:

1) интонация телеутского языка соответствует теории «интонационных универсалий», выдвинутой зарубежными фонетистами для типологической классификации языков по

интонационным параметрам (в частности, в работах [Thorsen 1980; Haan et al. 1997; Toivanen 1999]) и в связи с созданием моделей для синтеза речи [Fujisaki 2005; Thorsen 1980];

2) интонация телеутского языка представляет собой сплав интонационных характеристик разных субстратов и суперстратов, что согласуется с концепцией В.М. Наделяева [Наделяев 1986] об артикуляционно-акустической базе языка.

Во многих исследованных языках в завершенных повествовательных высказываниях, произнесенных изолированно, реализуется деклинация (понижение ЧОТ), а в вопросительных – инклинация (повышение ЧОТ) [Chen 2005; Hirst, di Cristo 1998].

Согласно интонационной модели Х. Фудзисаки [Fujisaki 2005], контур основного тона состоит из двух компонентов:

1) варьируемый фразовый компонент, который может иметь небольшое повышение и затем постепенно понижаться в соответствии с линией деклинации, но может слегка повышаться на синтаксических границах;

2) локальные пики, соответствующие ударным слогам слов в предложении.

Данная интонационная модель включает:

1) фразовые команды – ряд импульсов, фразовые компоненты – реакция вторичной (с уменьшенной амплитудой колебаний) системы на эти команды;

2) акцентные команды – ряд постепенно действующих функций, акцентные компоненты – реакция другой вторичной системы на эти команды;

3) акцентные компоненты накладываются на фразовые и порождают изменения основного тона.

Интонационная модель Х. Фудзисаки применялась ко многим языкам. На материале немецкого языка было определено, какие параметры этой интонационной модели наиболее важны для классификации типов предложений. В эксперименте [Mixdorff, Fujisaki 1995] проверялось, в какой зависимости находится восприятие типа предложения от места и амплитуды акцентных команд. В частности, акцентная команда T2 – тон в конце ударного гласного (accent command offset time) – определяет, воспринимается высказывание как повествовательное или незавершенное, акцентная амплитуда (accent command amplitude) – как незавершенное или вопросительное, то есть типы высказываний реализуются и воспринимаются в зависимости от заданных параметров интонационной модели.

В интонационной модели датского языка Н. Торсен движение ЧОТ на безударных слогах определяется как нисходящее, но первые слоги, следующие за ударным, могут характеризоваться восходяще-нисходящим или восходящим движением ЧОТ в зависимости от положения слога по отношению к пику ЧОТ. Краткие гласные имеют нисходящее движение ЧОТ, долгие гласные – восходяще-нисходящее с более значительным понижением. На основании этого движение ЧОТ на ударных слогах определяется формой интонационного контура, при этом наблюдается тенденция положительной корреляции между движением ЧОТ на гласном и наклоном интонационного контура (чем менее крутой наклон, тем в меньшей степени ударный гласный произносится на нисходящем тоне). Таким образом, движение ЧОТ на гласном может являться признаком изменения интонационного контура высказывания. Ударные слоги оказываются перцептивно важными, и интонационные контуры различаются по движениям ЧОТ не только на последних слогах высказывания, но и по движениям ЧОТ на слогах в начале высказывания. Анализ восприятия предложений датского языка, различающихся только направлением движения тона, в исследовании Н. Торсен показал: повествовательные предложения имели более крутой наклон линии деклинации, чем синтаксически немаркированные вопросительные высказывания; незавершенные повествовательные высказывания не характеризовались конечным понижением ЧОТ; параметры, которые были наиболее важны для определения типа предложения, – это уровни ЧОТ на ударном и следующих за ним безударных слогах. Специфика датского языка заключается в том, что все слоги являются одинаково выделенными, в отличие от английского и шведского языков, в которых наиболее выделенным является ударный слог интонационного центра [Thorsen 1980].

В эксперименте Дж. Хаан с точки зрения присутствия деклинации рассматривались повествовательные высказывания, специальные вопросы, общие вопросы и вопросы

с таким же порядком слов, как в повествовательном предложении, в которых показателем типа высказывания являлась только интонация. В первую очередь рассматривалось движение ЧОТ в конце предложений. Восходящее движение ЧОТ никогда не наблюдалось в конце повествовательных предложений, почти всегда присутствовало в вопросах с прямым порядком слов, реже в общих и специальных вопросах. Женщины чаще использовали интонационный контур с подъемом ЧОТ в конце, чем мужчины. Верхняя (по пикам ЧОТ) и нижняя (по минимумам ЧОТ) линии ЧОТ в повествовательных предложениях и специальных вопросах понижались. В общих вопросах верхняя линия ЧОТ повышалась, а нижняя – понижалась, в вопросах же с порядком слов, как в повествовательном высказывании, обе линии ЧОТ – верхняя и нижняя – повышались. Отсюда следует, что вопросительные высказывания отличаются от повествовательных не только конечным подъемом ЧОТ, но и направлением верхней линии ЧОТ.

Исследователями также выявлена зависимость интонационной «выраженности» вопросительности от присутствия грамматических показателей вопроса: в вопросах с прямым порядком слов интонация «вопросительная» в большей степени, чем в общих вопросах, а в общих вопросах в большей степени, чем в специальных [Naan et al. 1997]. В русском общем вопросе, который является грамматически немаркированным, наблюдается «отсутствие declination как глобальной (на протяжении всего высказывания независимо от его длины), так и локальной» [Вольская 2001].

Проверяя нашу гипотезу об универсальности отсутствия понижения общего контура ЧОТ в вопросах, мы также внимательно изучили характер выделенности слогов в высказываниях для сопоставления с результатами Н. Торсен о необязательном присутствии интонационного центра [Thorsen 1980] и Н.Б. Вольской о совпадении глобальной линии ЧОТ в высказывании с локальными движениями ЧОТ [Вольская 2001], а также с выводами Дж. Хаан о зависимости интонационного контура не только от коммуникативного типа высказывания, но и от вида вопроса, который сопоставляется с утверждением как немаркированной единицей в паре с вопросом [Naan et al. 1997]. Отдельно мы изучаем интонацию общего и специального вопроса.

В данной работе, кроме вышеперечисленного, нами рассматривается такой интонационный параметр, как интенсивность голоса, а также соотношение пиков ЧОТ и интенсивности в высказывании, но не берутся во внимание изменение громкости, темпа, тембра голоса, паузы и другие просодические элементы речи.

В соответствии с методом выделения минимальных пар [Трубецкой 1960] мы проанализировали интонационные контуры двух высказываний разных коммуникативных типов. В качестве исследуемых единиц выступили лексически тождественные предложения, различающиеся по цели высказывания: повествовательное и два вида вопросительных (общий и специальный вопросы).

Звучащая речь обрабатывалась в компьютерных программах Speech Analyzer 3.0.1 и Wave Assistant. Анализ лингвистического материала проводился с помощью экспериментально-фонетических методов исследования. В работе учитывалось субъективное восприятие носителей языка. Экспериментальный материал – высказывания в произнесении девяти дикторов – представлен в табл. 1 и на графиках.

Таблица 1

Повествовательное высказывание	[kɪzɪ ɛzɛnt'it] <i>Кижэ эзэнтит.</i> 'Человек думает'.	[salkɤn ka:qt'it] <i>Салкын каақтит.</i> 'Ветер дует'.
Специальный вопрос	[nɛdɛna:rɛ kɪzɪ ɛzɛnt'it] <i>Нэдэнааре кижэ эзэнтит?</i> 'О чем человек думает?'	[ka:nɪ salkɤn ka:qt'it] <i>Каани салкын каақтит?</i> 'Куда ветер дует?'
Общий вопрос	[kɪzɪ ɛzɛnt'it pa] <i>Кижэ эзэнтит па?</i> 'Человек думает?'	[salkɤn ka:qt'it pa] <i>Салкын каақтит па?</i> 'Ветер дует?'

Рассматриваемые значения ЧОТ и интенсивности слогов высказывания даны в таблицах 2–7.

Таблица 2

Диктор	Высказывание	[kɪzɪ ezɛn'tɪt]				
		Слоговая локализация пиков ЧОТ (Гц, пт.) и интенсивности (%)				
		1 слог [kɪ]	2 слог [zɪ]	3 слог [ɛ]	4 слог [zɛn]	5 слог [tɪt]
1	[kɪzɪ ezɛn'tɪt]	190	215–220– 225–220	220–210	175–197	178
		11	13–14–13	13–12	9–11	9
		25	26	30	39	14
2	[кьзъ ezɛn'tɪt]	220	260–270–255	255–205	165–205	265
		13	16–17–15	15–12	8–12	16
		31	40	39	30	40
3	[kɪzɪ ezɛn'tɪt]	215–200	290–370	220–185	180–155	200–195
		12–11	18–22–21	13–10	10–7	12–11–12–11
		45	36	34	26	44
4	[кьзъ ezɛn'tɪt]	210	260–240	240–190	200–210	200
		12	16–15–16–14	14–10	11–12	12
		25	31	34	33	16
5	[kɪzɪ ezɛn'tɪt]	130	180–200	220	217–160	97–102
		4	10–11	13	13–8	0
		24	47	39	42	2
6	[kɪfɪ ɛs'm'tɪt]	180	245–300–285	170–180	160–150–155	190–180
		10	15–18	9–10	8–7	11–10–11– 10–11–10
		23	25	31	32	25

Таблица 3

Диктор	Высказывание	[salkɤn ka:q'tɪt]			
		Слоговая локализация пиков ЧОТ (Гц, пт.) и интенсивности (%)			
		1 слог [sal]	2 слог [кьп]	3 слог [ka:q]	4 слог [tɪt]
1	[salkɤn ga:oɪ'tɪt]	195–180	245–240	182–177	177
		11–10	15	10–9	9
		24	19	20	11
3	[salkɤn oɤa:q'tɪt]	190–145	145–220–200	200–120	175
		11–6	6–13–12	12–8–2	9
		33	30	30	41
4	[salkɤn ka:q'tɪt]	240–230	310–220	220–180	210
		14	19–13	13–14–9	12
		33	40	33	23
5	[salkɤn ka:q'tɪt]	145	205–200– 203–200	175–180–170	195

Таблица 3 (окончание)

Диктор	Высказывание	[salkъn ka:qt'it]			
		Слоговая локализация пиков ЧОТ (Гц пт.) и интенсивности (%)			
		1 слог [sal]	2 слог [къn]	3 слог [ka:q]	4 слог [t'it]
		6	12–11	9–10–8	11
		44	50	58	15
6	[salkъn ka:oqt'et]	210–120	190–215–210	167–130	197–193
		13–3	11–13–12	8–4	11
		24	30	25	25
7	[salkъn ga:qt'it]	187–175	230–240	180	173
		10–9	14–15	10–9	9
		36	40	23	19

Таблица 4

Диктор	Высказывание	[nedena:re kɪzɪ ezen't'it]								
		Слоговая локализация пиков ЧОТ (Гц пт.) и интенсивности (%)								
		1 слог [ne]	2 слог [dɛ]	3 слог [na:]	4 слог [re]	5 слог [kɪ]	6 слог [zɪ]	7 слог [ɛ]	8 слог [zen]	9 слог [t'it]
1	[nedena:re kɪzɪ ezen't'it]	160–220	230–220	220–250	250–210	210	175	165	170–155	155
		8–13	14–13	13–15	15–12	12	9	8	9–7	7
		30	35	33	33	20	30	30	22	10
2	[nъdena:re kъzъ ezen't'et]	200–210–205	205–175	175–240–220	220–170	200	220–225	225–190	205–170	150
		11–12–11	11–9	9–15–13	13–9	11	13	13–11	12–9	7–6
		35	36	47	37	35	38	51	52	36
4	[nedena:гъ kъzъ ezen't'it]	225–280	310–305	305–350	350–275	275–320–300	320–300	300–260	225–195	155
		13–17	19	19–21	21–17	17–20–18	19–18	18–16	13–11	7
		40	40	37	23	41	43	35	40	30
5	[ned'ana:гъ kъzъ izen't'it]	140–180	180–185–170	170–160–240	240–155	195	205–200	175–150	150–125	0
		5–9	9–10–8	8–7–14	14–7	11	12–11	9–6	6–3	0
		41	54	38	35	34	48	40	35	3

Диктор	Высказывание	[nedena:re kɪʒɪ ezɛnt'it]								
		Слоговая локализация пиков ЧОТ (Гц пт.) и интенсивности (%)								
		1 слог [nɛ]	2 слог [dɛ]	3 слог [na:]	4 слог [rɛ]	5 слог [kɪ]	6 слог [ʒɪ]	7 слог [ɛ]	8 слог [zɛn]	9 слог [t'it]
8	[nedɛ̃:r kɪʒɪ: ɛz'ɛn't'it]	190–215	230	230–270	270–240	240–250	270–230	230–245	250–235	180–170
		10–12	14	14–17	17–15	15	17–14	14–15	16–14	10–9
		25	28	31	23	35	30	34	38	25

Таблица 5

Диктор	Высказывание	[ka:n'i salkɤn ka:qt'it]					
		Слоговая локализация пиков ЧОТ (Гц пт.) и интенсивности (%)					
		1 слог [ka:]	2 слог [n'i]	3 слог [sal]	4 слог [kɤn]	5 слог [ka:q]	6 слог [t'it]
1	[ka:n'i salkɤn ga: o:t'it]	225–240	240–300	240–200	185	185–155	155
		13–14	14–18	15–11	10	10–7	7
		32	46	32	22	21	14
2	[ka:n'i salkɤn qa:qt'it]	197–170	170–220	185–110	178–160	178–98	130–110
		11–9	9–13	10–1	9–7	9–0	4–1
		33	32	38	40	34	10
4	[ka:n'i salkɤn ka:qt'it]	260–300	300–360	355–290	290–300–275–280	260–220	150–140
		16–18	18–22	21–18	18–17	16–13	6–5
		38	29	38	38	38	23
5	[ka:n'i salkɤn ka:qt'it]	150–170	170–150–155	280–240	240–200	170–150	130
		7–9	9–7	17–14	14–11	9–6	5–4
		43	21	54	43	43	6
6	[ka:n'i salkɤn o:a:ot'et]	200–180	180–175	270–305	230–180	180–140	160–135
		12–10	10–9–10–9	16–19–18–19	14–10	10–5	8–4
		25	33	31	24	27	21
7	[ka:n'i salkɤn ga: qt'it]	195–190	190–260	300–280	280–270	280	0
		11	11–16	19–18	18–17	17	0
		34	38	43	33	38	4
9	[ka:n'i salkɤn o:a:rt'it]	220–230	230–227	260–237	220–170	170–175–135–140	170–160
		13–14	14	16–14	13–8	8–9–5	8–7
		44	17	46	39	42	2

Таблица 5 (окончание)

Диктор	Высказывание	[ka:n'i salkɤn ka:qt'it]					
		Слоговая локализация пиков ЧОТ (Гц пт.) и интенсивности (%)					
		1 слог [ka:]	2 слог [n'i]	3 слог [sal]	4 слог [кɤn]	5 слог [ka:q]	6 слог [t'it]
3	[salkɤn oʃa:n'i oʃa:qt'et]	[sal]	[кɤn]	[oʃa:]	[n'i]	[oʃa:q]	[t'it]
		185– 190–150	230– 235–200	200– 205–175	175–135	135– 140– 125–130	197
		10–11–6	14–11	11–12–9	9–4	4–5–3–4	11
		34	35	33	17	31	37

Таблица 6

Диктор	Высказывание	[kɪʒɪ ezɛn'tit pa]					
		Слоговая локализация пиков ЧОТ (Гц пт.) и интенсивности (%)					
		1 слог [kɪ]	2 слог [ɪ]	3 слог [ɛ]	4 слог [zɛn]	5 слог [t'it]	6 слог [pa]
1	[kɪʒɪ ezɛn'tit pa:]	205	225	220–210	250–270	270	330–345
		12	13	13–12–13	15–17	17	18–21
		38	41	39	38	23	46
2	[кɤʒɤ ez'en't'et ba:]	240	270–240	240–260	265–250	300	170–150
		15	17–14	14–16	16–15	19–18	9–6
		49	41	41	48	43	36
3	[кɤʒɤ ez'en't'et ba]	200	220	220–200	180–150	180	230–240
		12–11	13	13–11–12	10–6	10	14
		40	32	35	32	34	37
4	[кɤʒɤ ezɛn'tit pa]	280– 290	335– 330–300	300–290	330–310	270	185–145
		17–18	20–18	18–19–18	20–19	17	10–6
		40	37	39	41	42	32
5	[kɪʒɤ ez'en'tit pa:]	150	230–220	220	205–210	0	290–190
		6	14–13	13–12	12	0	18–9
		26	38	51	45	7	53
6	[kɪʃɪ es'in't'et pa]	220	225– 230–160	160–200	230–140	245–240	290–280
		13	13–14–7	7–12	14–5	15	18–17
		39	43	41	39	33	38

Таблица 7

Диктор	Высказывание	[salkʲɛn ka:qt'it pa]				
		Слоговая локализация пиков ЧОТ (Гц пт.) и интенсивности (%)				
		1 слог [sal]	2 слог [кʲɛn]	3 слог [ka:q]	4 слог [t'it]	5 слог [pa]
1	[salkʲɛn ga:ɔt'it pa:]	200	200	200–220	250	320–360
		12–11	11	11–13	15	20–22
		26	22	27	24	40
2	[salkʲɛn qa:qt'it pa]	215–170	230–260	190–165	185	183–177
		13–9	14–16	11–8	10	10–9
		47	54	43	27	26
3	[salkʲɛn ɔʃa:qt'it pa:]	190–180	190–182	182–178	175–155	240–220
		10–11–9	11–10	10–9	9–7	14–13
		35	25	38	34	46
4	[salkʲɛn ka:qt'it pa:]	275–290–275	275–320– 290	290–345	330	350–360– 330–360
		17–18–17	17–19–18	18–21	20	21–22– 20–22
		57	43	43	40	57
5	[salkʲɛn ka:qt'it pa:]	170–190–180	230–160	185	0	280–285– 225
		9–11–10	14–7	10	0	17–18–14
		43	51	48	2	53
7	[salkʲɛn ga: qt'it]	210	220–210	230–270	250	
		12	13–12	14–16	15	
		42	38	39	24	
9	[salkʲɛn qa:qt'it pa:]	190–185–190	210	200–190	0	150–140
		11–10–11	12	11	0	7–5
		36	22	43	1	33

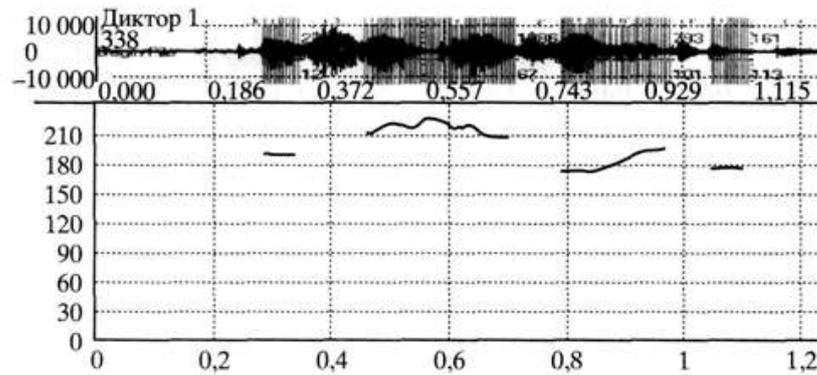
При сопоставлении значений ЧОТ и интенсивности приведенных выше высказываний в произнесении носителей языка можно наблюдать некоторые интонационные особенности.

I. Контур ЧОТ

1. В повествовательных высказываниях, как правило, на слогах существительного (*кижи, салкын*) реализуется восходящий тон (табл. 2, дикторы 1, 2, 3, 4, 5, 6; табл. 3, дикторы 1, 4, 5, 7), на глаголе (*эзентит, каактит*) – нисходящий, с различными вариациями мелодики отдельных слогов на фоне общего понижения основного тона (табл. 2, дикторы 1, 4, 5; табл. 3, дикторы 1, 3, 4, 7).

Диктор 1. *Кижэ эзентит* 'Человек думает'.

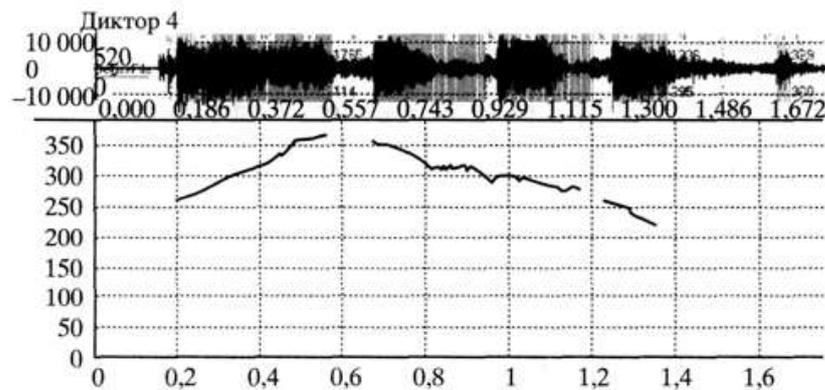
k i z' i ε z' ε n' t' i t

2. В специальных вопросах, как правило, на вопросительном слове (*неденааре, каани*) наблюдается восходящий или восходяще-нисходящий тон (табл. 4, дикторы 1, 2, 4, 5, 8; табл. 5, дикторы 1, 4, 5, 7, 9), на существительном (*кижэ, салкын*) – восходяще-нисходящий или нисходящий (табл. 4, дикторы 1, 4, 5, 8; табл. 5, дикторы 1, 4, 5, 6, 7, 9), на слогах глагола (*эзентит, каақтит*) тон понижается (табл. 4, дикторы 1, 2, 4, 5, 8; табл. 5, дикторы 1, 2, 4, 5, 6, 7, 9).

Диктор 4. *Каани салкын каақтит?* 'Куда ветер дует?'

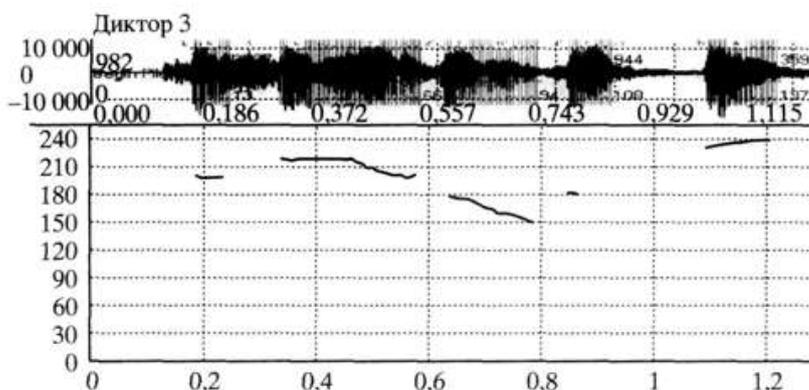
k a: n' i s a l k' ɲ n' k a: q t' i t

3. В общих вопросах на слогах существительного (*кижэ, салкын*) констатируется тенденция повышения частоты основного тона (табл. 6, дикторы 1, 2, 3, 4, 5, 6; табл. 7, дикторы 2, 3, 4, 5, 7, 9), на слогах глагола *эзентит, каақтит*, как правило, видно понижение тона (с разными вариантами движения, проявляющимися лишь локально, т.е. обычно не влияющими на общее понижение; табл. 6, дикторы 3, 4, 5; табл. 7, дикторы 2, 3, 5, 9), на вопросительной частице *на* (представляющей собой аналог русской частицы *ли* в общем вопросе) тон либо повышается, либо является нисходящим, причем в этом случае оказывается в более высоком регистре, чем предыдущие слоги высказывания (табл. 6, дикторы 1, 3, 5, 6; табл. 7, дикторы 1, 3, 4, 5).

Диктор 3. *Кижэ эзентит па?* 'Человек думает?'

к ъ з ъ ѳ э н' т'э т ба:

Из вышесказанного можно сделать следующие выводы:

- 1) повествовательные высказывания телеутского языка оформляются восходяще-нисходящим контуром частоты основного тона;
- 2) специальные вопросы, как и повествовательные высказывания, имеют восходяще-нисходящий рисунок, однако более вариативны интонационно;
- 3) общие вопросы характеризуются в целом восходяще-нисходяще-восходящим движением тона;
- 4) выделение вопросительных слов и частицы повышением ЧОТ свидетельствует об их тенденции к независимому положению в высказываниях (в специальных вопросах вопросительное слово расположено в начале, в общих – в конце). Следовательно, в агглютинативном телеутском языке слово мелодически может представлять собой отдельную синтагму.

II. Регистр ЧОТ

Для интонации телеутского языка важны не только направление и форма мелодического контура высказывания, но и регистр – тональный уровень, в котором произносятся отдельные слоги.

Нами были проанализированы изменения регистра ЧОТ в речи дикторов. Под изменением регистра мы понимаем внезапный скачок значения ЧОТ независимо от направления по сравнению со значением ЧОТ предыдущего слога – разница между так называемыми «offset» и «onset» слогов (концом первого и началом второго).

Одинаковый уровень ЧОТ конечного слога существительного и первого слога глагола во многих высказываниях в речи большинства дикторов (табл. 2, дикторы 1, 2, 4; табл. 3, дикторы 3, 4; табл. 4, дикторы 2, 4, 8; табл. 5, дикторы 1, 3, 6, 7, 9; табл. 6, дикторы 1, 2, 3, 4, 5, 6; табл. 7, дикторы 1, 3, 4) при различиях «offset» и «onset» слогов внутри одного какого-либо слова в высказываниях подтверждает единство интонационного контура высказывания в целом, а также свидетельствует об относительной независимости мелодики слогов внутри одного слова от общей направленности ЧОТ в высказывании.

В произнесении разных дикторов наблюдались следующие особенности:

1. В утвердительных высказываниях регистр ЧОТ повышается на втором слоге существительного (-жи, -кын) от двух до семи полутонов (табл. 2, дикторы 1, 2, 3, 4, 6; табл. 3, дикторы 1, 4, 5, 6, 7), на втором корневом слоге глагола (-зен-) регистр ЧОТ может понижаться (табл. 2, дикторы 1, 2, 6), а на глагольном аффиксе -тит происходит повышение регистра ЧОТ от трех до семи полутонов (табл. 2, дикторы 2, 3, 6; табл. 3, дикторы 3, 4, 5, 6).

2. В специальных вопросах после вопросительного слова (*неденааре, каани*) происходит заметный скачок значения ЧОТ от одного до шести полутонов вверх (табл. 4, дикторы 2, 5; табл. 5, дикторы 5, 6, 7, 9). На слогах существительного (*кижи, салкын*) в речи разных дикторов уровень регистра изменяется, но нет единой тенденции при определении его направления и уровня. На корневых слогах глагола (*э-зен-*) регистр ЧОТ ненамного повышается (табл. 4, дикторы 1, 2, 8), затем на слоге аффикса *-тит* уровень регистра значительно изменяется, но направление изменения может быть разным у разных дикторов – повышение (табл. 5, дикторы 2, 3, 4, 6, 9) или, наоборот, понижение (табл. 4, дикторы 2, 4, 8; табл. 5, дикторы 2, 5).

3. В общих вопросах, как и повествовательных высказываниях, регистр ЧОТ повышается на втором слоге существительного (*-жи, -кын*) от одного до восьми полутонов (табл. 6, дикторы 1, 2, 3, 4, 5; табл. 7, дикторы 2, 3, 5, 7). На слогах глагола (*эзентит, каақтит*) регистр изменяется в ту или другую сторону незначительно, в большей степени на слоге аффикса настоящего времени *-тит*: повышается (табл. 6, дикторы 2, 3, 6; табл. 7, дикторы 1, 2) или понижается (табл. 6, диктор 4; табл. 7, дикторы 4, 5, 7, 9). На вопросительной частице *на* видим повышение регистра в среднем на семь полутонов (табл. 6, дикторы 1, 3, 5, 6; табл. 7, дикторы 1, 3, 4, 5, 9).

III. Максимумы ЧОТ

1. В повествовательных предложениях максимумом ЧОТ является второй слог существительного – *-жи* в первом высказывании (табл. 2, дикторы 1, 2, 3, 4, 6) и *-кын* – во втором (табл. 3, дикторы 1, 3, 4, 5, 7).

2. В специальных вопросах пики ЧОТ – это слоги *-наа-*, *-ре*, *-ни* вопросительных слов *неденааре* ‘о чем’ (табл. 4, дикторы 1, 2, 4, 5, 8) и *каани* ‘куда’ (табл. 5, дикторы 1, 2, 4), кроме того, выделяется какой-либо слог существительного.

3. В общих вопросах как максимум ЧОТ характеризуется вопросительная частица *на* (табл. 6, дикторы 1, 3, 5, 6; табл. 7, дикторы 1, 3, 4, 5), а также какой-либо слог имени существительного.

IV. Максимумы интенсивности

Пик интенсивности в повествовательных высказываниях имеет тенденцию располагаться на втором слоге существительного (*-жи, -кын*) (табл. 2, дикторы 2, 5; табл. 3, дикторы 4, 6, 7), а в вопросах – на первом (*ки-, сал-*) (табл. 5, дикторы 5, 7, 9; табл. 6, дикторы 2, 3; табл. 7, дикторы 4, 7). В обоих типах вопросов приблизительно половина дикторов выделяла максимумом интенсивности слог вопросительного слова или вопросительную частицу (*-де-, -ни, на*) (табл. 4, дикторы 1, 5; табл. 5, дикторы 1, 6; табл. 6, дикторы 1, 5; табл. 7, дикторы 1, 3, 4, 5).

V. Соотношение пиков ЧОТ и интенсивности

При рассмотрении пиков ЧОТ и интенсивности заметны случаи их обратной пропорциональности: если ЧОТ повышается, интенсивность понижается, и наоборот. При этом в описываемых высказываниях различных коммуникативных типов наблюдается следующее: на втором слоге существительных (*-жи, -кын*) интенсивность понижается, а ЧОТ возрастает (табл. 2, диктор 3; табл. 3, дикторы 1, 3; табл. 6, дикторы 3, 4; табл. 7, дикторы 3, 4, 7), а на слогах корневых морфем глаголов (*э-зен-, каақ-*) интенсивность повышается, а ЧОТ, наоборот, падает (табл. 2, дикторы 1, 4, 5, 6; табл. 3, дикторы 1, 3, 5; табл. 6, дикторы 2, 3, 4, 5; табл. 7, дикторы 3, 9). Как видно, данная тенденция проявляется в повествовательных предложениях и общих вопросах. Однако в последних наблюдается понижение интенсивности на последнем слоге глаголов (аффикс *-тит*) в высказываниях *Кижии эзентит на?* и *Салкын каақтит на?* (табл. 6, дикторы 1, 2, 5, 6; табл. 7, дикторы 1, 2, 4). В специальных вопросах интенсивность падает, в отличие от ЧОТ, на слогах вопросительных слов – *-наа-* и *-ни* в высказываниях *Неденааре кижии эзентит?* и *Каани салкын каақтит?* (табл. 4, дикторы 1, 4, 5; табл. 5, дикторы 4, 5, 9).

VI. Соотношение контура ЧОТ и мелодики отдельных слогов

Контур ЧОТ в высказывании – повышению или понижению – обычно соответствуют слоги с ровным повышающимся или понижающимся тоном. В повествовательных предложениях телеутского языка это обычно первый слог существительного, слоги глагола, особенно последний. В специальных вопросах, как правило, не отклоняются от общего контура слоги вопросительного слова, какой-либо слог существительного, глагольные слоги. В общих вопросах часто оформляются ЧОТ стандартно слоги существительного, глагольный аффикс. Однако при соотношении общего направления движения ЧОТ и мелодического оформления слогов в анализируемых высказываниях отмечаются некоторые отклонения в мелодике последних. Можно выделить следующие типы нестандартного интонационного оформления отдельных слогов:

1. Нисходящее движение ЧОТ в верхнем регистре. Несмотря на то что это понижение, оно может восприниматься как повышение благодаря высокому значению ЧОТ, – как правило, это один из максимумов высоты тона в высказывании. Данный рисунок ЧОТ можно наблюдать в основном только на слогах вопросительных слов и частицы *обоих* вопросов и слогах существительных во всех коммуникативных типах предложений (табл. 2, диктор 3, слог *ки-*; табл. 3, дикторы 1, 7, слог *сал-*, диктор 4, слог *-кын*; табл. 4, дикторы 1, 2, слог *-де-*, дикторы 5, 8, слог *-жи*; табл. 5, дикторы 2, 6, слог *каа-*, диктор 3, слог *-кын*, дикторы 5, 7, слог *сал-*; табл. 6, диктор 6, частица *па*, диктор 2, слог *-жи*; табл. 7, дикторы 2, 3, частица *па*, диктор 1, слог *сал-*, диктор 3, слог *-кын*).

2. Восходяще-нисходящее движение ЧОТ на слоге – второе по частоте встречаемости, из анализируемых примеров треть составили слоги существительных в общих вопросах, остальные две трети – слоги существительных в специальных вопросах и утверждениях, а также на корневых глагольных слогах и слогах вопросительных слов (табл. 2, дикторы 1, 2, 3, слог *-жи*; табл. 3, диктор 6, слог *-кын*, диктор 5, слог *каақ-*; табл. 4, диктор 2, слоги *не-*, *-наа-*, табл. 5, диктор 3, слоги *каа-*, *сал-*, диктор 9, слог *каақ-*; табл. 6, диктор 6, слог *-жи*; табл. 7, дикторы 3, 4, 5, слог *сал-*, диктор 4, слог *-кын*, диктор 5, частица *па*).

3. Нисходящее движение ЧОТ из верхнего регистра в нижний было видно на первом слоге существительного *салкын* (табл. 3, дикторы 3, 6; табл. 5, дикторы 2, 5; табл. 7, диктор 2) и на корневых глагольных слогах высказываний всех коммуникативных типов (слог *каақ-*: табл. 3, диктор 3; табл. 5, диктор 2, 6; табл. 7, диктор 2; слог *-зен-*: табл. 2, диктор 5; табл. 6, диктор 6), а также на некоторых других слогах в произнесении диктора 5 (*-ре*, табл. 4; *па*, табл. 6; *-кын*, табл. 7).

4. Восходящее движение ЧОТ в верхнем регистре вместо ожидаемого крутого подъема с нижнего уровня наблюдалось на втором слоге существительного (*-жи*, *-кын*) в утверждениях (табл. 2, дикторы 5, 6; табл. 3, диктор 7) и общем вопросе (табл. 7, диктор 2).

5. Нисходящее движение ЧОТ в нижнем регистре зафиксировано на вопросительной частице *па* в общих вопросах (табл. 6, дикторы 2, 4; табл. 7, диктор 9) и на глагольном аффиксе *-тит* – в специальных (табл. 4, диктор 8; табл. 5, дикторы 2, 4, 5, 6, 9).

6. Волнообразное движение ЧОТ в верхнем регистре – один пример был также в нижнем регистре (табл. 5, диктор 3, слог *каақ-*) – отмечалось на различных слогах в повествовательных высказываниях и специальных вопросах (табл. 2, диктор 3, слог *-тит*, диктор 4, слог *-жи*, диктор 6, слог *-тит*; табл. 5, диктор 6, слоги *-ни*, *сал-*; табл. 7, диктор 4, слог *па*).

7. Восходящее движение ЧОТ из нижнего регистра в верхний было отмечено на корневых слогах глагола в повествовательном предложении и общем вопросе (табл. 2, дикторы 1, 2, слог *-зен-*; табл. 6, диктор 6, слог *э-*).

8. Нисходяще-восходящее движение ЧОТ в верхнем регистре реализовывалось только в общих вопросах на разных слогах (табл. 6, дикторы 1, 3, слог *э-*; табл. 7, диктор 9, слог *сал-*). Очевидно, что два последних мелодических контура слогов относятся к самым редким из описываемых.

Просодически стандартно оформленные слоги преобладают по сравнению со слогами с мелодикой, не совсем согласованной с общей направленностью ЧОТ, однако мы видим, что последние встречаются достаточно часто.

Выводы

Итак, результаты исследования ЧОТ и интенсивности высказываний телеутского языка позволяют говорить о системных проявлениях интонационных черт.

1. Восходяще-нисходящий рисунок частоты основного тона в утвердительном высказывании и специальном вопросе и восходяще-нисходяще-восходящий рисунок ЧОТ в общем вопросе, что соответствует лингвистической универсалии.

2. Большая вариативность контура ЧОТ в специальном вопросе и восходяще-нисходяще-восходящий рисунок ЧОТ (а не восходящий контур ЧОТ, согласно теории об интонационных универсалиях) в общем вопросе, что, возможно, является акцентной чертой телеутского языка.

3. В агглютинативном телеутском языке слово может представлять собой отдельную синтагму. Последний вывод согласуется с данными русского поволжского говора, находящегося в тюркском языковом окружении: акцентная линия слова (но не фразы) претерпевает влияние тюркской интонации [Николаева 1977].

4. Выделение слогов *-де-*, *-ни*, *па*, *ки-*, *-жи*, *э-*, *-зен-*, *сал-*, *-кын*, *каақ-* как значимых морфем интенсивностью голоса, что, возможно, является общетюркским наследием. Ударение в некоторых тюркских языках традиционно описывается как динамическое [Байчура 1962].

5. Локальные изменения мелодики в произнесении многих дикторов, находящиеся на общем контуре ЧОТ и в целом не меняющие представления об интонационном рисунке высказывания. Эти изменения, вероятно, не имеют фонологической значимости, так как появляются в речи разных дикторов в случайном порядке, на разных слогах, в различных высказываниях.

Последнее положение может объясняться двумя гипотезами. Относительная частотность, случайный порядок и отсутствие фонологической значимости локальных изменений мелодики позволяет считать их рудиментами звуковой системы, вероятно, субстратной енисейской, согласно лингвистическим и этнографическим данным [Топоров 1990; Малолетко 1995] отличающейся по своему интонационному строю от современной тюркской.

По другой гипотезе, в телеутском языке, как и во многих других тюркских, первоначально было музыкальное ударение [Рясянен 1955]: так, кондомский диалект шорского языка в настоящее время характеризуется лишь музыкальным ударением на первом слоге (Н.С. Уртегешев, из личной беседы), что многие тюркологи связывают с законом слогового сингармонизма: гармония гласных в слове ориентируется на первый слог [Рясянен 1955]. При принятии данной гипотезы мы констатируем более сложное взаимодействие «старого» (рудиментарного музыкального) и «нового» (динамического) ударений в телеутском языке и не связываем данное явление с позицией слога в слове.

Итак, мы хотим сказать, что в телеутском языке сохраняются нефункциональные черты в качестве остаточных; это локальные изменения тона на отдельных слогах, которые не значимы для фразовой интонации. Возможно ли предположение о дикторской вариативности речи, заданной индивидуальностью каждого говорящего [Rose 2002]? Мы считаем: да, возможно, но индивидуальные различия могут быть обусловлены сохранением (с разными вариациями) в речи какой-либо особенности, передаваемой от поколения к поколению (см. теорию В.М. Наделяева об артикуляционно-акустической базе какого-либо этноса [Наделяев 1986]).

6. Частотное отношение обратной пропорциональности пиков интенсивности и ЧОТ, которое объединяет многие исследованные тюркские языки: телеутский, хакасский [Бичелдей 2001], теленгитский диалект алтайского [Герцог 1986; 1988; 1989] в Южной Сибири и татарский, горно-башкирский, чувашский (причем У.Ш. Байчура отмечает, что данная особенность встречается в периферийных областях [Байчура 1962]).

Обратная пропорциональность ЧОТ и интенсивности в высказывании, видимо, указывает на противоречие данных параметров внутри интонационной системы. Они не взаимодополняют друг друга, выделяя какой-либо слог в высказывании, а не могут сочетаться при произнесении одного и того же слога. Несочетаемость (противоположность) характеристик интенсивности и ЧОТ внутри слога, возможно, свидетельствует об их принадлежности разным интонационным системам: в одной ударение динамическое, в другой, соответственно, нет. Но, поскольку ЧОТ универсальна для устной речи, следует говорить о другом способе мелодического оформления слога, а именно тономом.

Однако тот факт, что обратная пропорциональность ЧОТ и интенсивности зафиксирована в тюркских языках не только южносибирского ареала, но и в других [Байчура 1962], подвергает сомнению объяснение подобного явления наличием рудиментарной енисейской мелодики и склоняет к мысли о следах древнейшего состояния тюркских языков. С другой стороны, это может означать не отсутствие влияния енисейского субстрата в тюркских южно-сибирских языках, а наличие в других регионах субстратов, не известных в настоящее время. К тому же У.Ш. Байчура отмечает, что в определенном диахроническом срезе имело место южнотюркское влияние на язык-предшественник современного татарского литературного языка [Байчура 1962].

Таким образом, видим, что все полученные данные об интонации телеутского языка согласуются в целом с описаниями других тюркских языков. Лишь вторая из вышеприведенных черт, а именно мелодический рисунок в вопросах, является специфической для телеутского языка. Интересным представляется частичное совпадение ее с одной особенностью фразовой мелодики в славянских языках: так, Т.М. Николаева считает, что общий вопрос, переспрос, незавершенность наиболее ярко выражают интонационную специфику разных славянских языков [Николаева 1977].

Автор статьи выражает глубокую благодарность телеутам села Беково Беловского района Кемеровской области за огромную помощь при сборе материала для исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Байчура 1962 – У.Ш. Байчура. Звуковой строй татарского языка в связи с некоторыми другими тюркскими и финно-угорскими языками: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1962.
- Бичелдей 2001 – К.Н. Бичелдей. Лексико-грамматические и ритмомелодические средства выражения вопросительности в хакасском языке. М., 2001.
- Бондарко 1998 – Л.В. Бондарко. Фонетика современного русского языка. СПб., 1998.
- Вольская 2001 – Н.Б. Вольская. Деклинация: к проблеме моделирования интонации для синтеза речи // Вестник СПбГУ. 2001. Сер. 2. Вып. 2.
- Герцог 1986 – О.Ф. Герцог. Ритмомелодика собственно-повествовательных предложений теленгитского диалекта алтайского языка // Фонетические структуры в сибирских языках. Новосибирск, 1986.
- Герцог 1988 – О.Ф. Герцог. Ритмомелодика простого предложения теленгитского диалекта алтайского языка (экспериментально-фонетическое исследование): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1988.
- Герцог 1989 – О.Ф. Герцог. Ритмомелодика некоторых коммуникативных видов вопросов в теленгитском диалекте алтайского языка // Е.И. Убрятова, И.Я. Селютина (ред.). Звуковые системы сибирских языков. Новосибирск, 1989.
- Малолетко 1995 – А.М. Малолетко. Кетоязычные группы Сибири и их прародина по данным топонимики // А.Е. Аникин, А.А. Мальцева (ред.). Аборигены Сибири: проблемы изучения исчезающих языков и культур. Новосибирск, 1995.
- Наделяев 1986 – В.М. Наделяев. К типологии артикуляционно-акустических баз (ААБ) // Е.И. Убрятова (ред.). Фонетические структуры в сибирских языках. Новосибирск, 1986.
- Николаева 1977 – Т.М. Николаева. Фразовая интонация славянских языков. М., 1977.
- Рясянен 1955 – М. Рясянен. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955.
- Топоров 1990 – В.Н. Топоров. Енисейские языки // В.Н. Ярцева, Н.Д. Арутюнова (ред.). Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

- Трубецкой 1960 – *Н.С. Трубецкой*. Основы фонологии. М., 1960.
- Уртегешев 2009 – *Н.С. Уртегешев*. Телеутский язык // Сибирская историческая энциклопедия. Т. 3. Новосибирск, 2009.
- Chen 2005 – *A. Chen*. Universal and language-specific perception of paralinguistic intonational meaning // URL: <http://www.lotpublications.nl/publish/articles/001170/bookpart.pdf>
- Haan et al. 1997 – *J. Haan, V. van Heuven, J. Pacilly, R. van Bezooijen*. Intonational characteristics of declarativity and interrogativity in Dutch: a comparison // G. Kouroupetroglou (ed.). Intonation: theory, models and applications. Athens, 1997.
- Hirst, di Cristo 1998 – *D. Hirst, A. di Cristo*. Intonation systems: A survey of twenty languages. Cambridge, 1998.
- Fujisaki 2005 – *H. Fujisaki*. The interplay between physiology, physics and phonetics in the production of tonal features of speech of various languages (model for the processing of fundamental frequency control of speech) // Proceedings of 10th International conference on speech and computer. Patras, 2005.
- Ladd 1985 – *R. Ladd*. Evidence for the independent function of intonation contour type, voice quality, and F0 range in signaling speaker affect // Journal of the acoustical society of America. 1985. V. 78. № 2.
- Mixdorff, Fujisaki 1995 – *H. Mixdorff, H. Fujisaki*. Production and perception of statement, question and non-terminal intonation in German // Proceedings of the 13th International congress of phonetic sciences. 1995. V. 2.
- O'Connor, Arnold 1973 – *J.D. O'Connor, G.F. Arnold*. Intonation of colloquial English. London, 1973.
- Rose 2002 – *Ph. Rose*. Forensic speaker identification. London; New York, 2002.
- Thorsen 1980 – *N. Thorsen*. A study of the perception of sentence intonation – evidence from Danish // Journal of the acoustical society of America. 1980. V. 67. № 3.
- Toivanen 1999 – *J.H. Toivanen*. Perspectives on intonation: English, Finnish and English spoken by Finns. Oulu, 1999.

Сведения об авторе:

Елена Александровна Шестера
 elena-schestera@mail.ru
 НГТУ / Институт филологии СО РАН

Статья поступила в редакцию 18.06.2013.

© 2014 г. Т.В. ДУБРОВСКАЯ

**СУДЕБНЫЙ ДИСКУРС КАК КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН:
НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЧИ СУДЕЙ
(на материале русских, английских и австралийских судебных заседаний)**

В настоящей статье судебный дискурс исследуется как культурный феномен. Выявляются различия в дискурсивном поведении российских, английских и австралийских судей, и предлагается объяснение этих различий с точки зрения исторического развития судебных систем, социальных факторов и национально-культурной специфики мышления. Анализ касается трех аспектов поведения судей: степени речевой активности, оценочности и эмоциональности, а также вежливости.

Ключевые слова: судебный дискурс, судья, речевое поведение, культура

The present paper explores courtroom discourse as a cultural phenomenon. It is aimed at revealing differences in discursive behaviour of Russian, English and Australian judges, and accounting for them in terms of the historical development of the legal systems, social factors, as well as specifics of national mentalities. The analysis consider three aspects of judges' behaviour: the degree of verbal activity, evaluation and emotionality, and politeness.

Keywords: courtroom discourse, judge, verbal behaviour, culture

1. ВВЕДЕНИЕ: ПРАВО, КУЛЬТУРА И ЯЗЫК

Проблема взаимосвязи между правом, культурой и языком имеет несколько аспектов, которые в разной степени освещались в научной литературе. Теоретики права, понимающие культуру как коллективные убеждения, ценности, традиции, привязанности или воззрения, задавались вопросами, насколько глубоко право связано с культурой и в какой степени возможна свобода права от культуры [Cotterrell 2006], а также в какой степени закон является выражением культуры и ментальности, как интерпретация права зависит от принадлежности интерпретатора к той или иной культуре [Rosen 2008; Renteln 2005]. Изменения в современном обществе и рост влияния средств массовой информации на общественное сознание предопределили выделение такого аспекта взаимоотношений права и культуры, как влияние поп-культуры на восприятие права и правовых институтов обывателями [Thaler 1994; 1997; Greenfield, Osborn 2003]. Авторы лингвистических исследований, посвященных судебной коммуникации, также отмечают необходимость единого – с культурной точки зрения – понимания действительности для успешного осуществления правосудия [Bennett, Feldman 1981] и указывают на то, что суд является важным локусом пересечения права, культуры и языка [O'Barr 1982; Conley, O'Barr 1990; Stygall 1994].

В настоящей статье мы обращаемся к судебному дискурсу, который понимаем как вербально-знаковое выражение процесса коммуникации в ходе судебного процесса, которое формируется в социально-историческом, национально-культурном, конкретном ситуативном контексте, причем конечной целью этого процесса коммуникации является разрешение правового конфликта и изменение правовой ситуации. Акцент на национально-культурном аспекте формирования судебного дискурса позволяет пред-

ставить его как культурный феномен, то есть как явление, суть которого определяется совокупностью целого ряда факторов, присущих той или иной лингвокультурной общности.

Центральной фигурой, определяющей легитимность и упорядоченность любого судебного процесса и воплощающей правосудие, в том числе посредством языка, является фигура судьи. Вокруг судей выстраивается многоголосая конструкция судебного дискурса, в которой свое место занимает речь других участников судебного процесса. Речевое поведение судей и его национально-культурная специфика представляют объект настоящего исследования, однако речевое поведение других участников также не может остаться без внимания, поскольку судебный процесс представляет собой когерентную последовательность речевых обменов, лингвистически и прагматически взаимосвязанных.

В настоящей работе мы утверждаем, что русский и англоязычный судебный дискурс специфичен с национально-культурной точки зрения. Прагматические характеристики поведения судей (активность vs. пассивность, эмоциональность и оценочность vs. нейтральность, вежливость vs. невежливость) реализуются языковыми средствами и обусловлены рядом социокультурных факторов, таких как историческое развитие судебных систем, существующая социальная действительность, особенности национального коммуникативного поведения и мышления. Понимая, что перечисленные факторы нередко представляют собой разнонаправленные векторы, мы не стремимся упростить ситуацию и далее демонстрируем сложный характер взаимодействия противоположных тенденций в судебном дискурсе, что и предопределяет его национально-культурную специфику.

2. МАТЕРИАЛ И МЕТОД

Данными для исследования послужили тексты приговоров, стенограммы и аудиозаписи судебных заседаний, а также ручные записи, сделанные автором в ходе российских, английских и австралийских судебных заседаний (1999–2013). Цитируемые в статье материалы приведены в Списке источников. Кроме того, для обоснованности выводов и обобщений были рассмотрены другие собранные автором русские, английские и австралийские материалы, принадлежащие к разным судебным жанрам: допросы, приговоры, обращения судей к присяжным. В целом использованы материалы 35 судебных процессов, которыми руководили 25 судей. Объем материалов разных процессов, как и объем отдельных текстов разных жанров, различен. Отдельные документы и выступления судей, например, приговоры, содержат около 3000 словоупотреблений. В случаях продолжительных судебных процессов количество словоупотреблений достигает 1 450 000 единиц. В целом счет идет на несколько миллионов словоупотреблений. Личный опыт автора в качестве наблюдателя нескольких судебных процессов в каждой из трех стран (России, Англии и Австралии) позволяет избежать необоснованных утверждений.

Методологический подход к материалу можно охарактеризовать как функциональный. Текстовый анализ, включающий анализ лексических, грамматических, синтаксических и стилистических средств, сочетается с анализом экстралингвистических факторов, таких как коммуникативные цели участников общения, их социальный статус, непосредственный ситуативный и более широкий социальный и исторический контекст, особенности национального мышления. Сочетание текстового анализа с анализом экстралингвистических факторов позволяет определить характер взаимосвязи между языком, культурой и правом в рамках судебного дискурса.

В ходе исследования выделено несколько аспектов судебного дискурса, в которых культурная специфика проявляется в наибольшей степени. Эти аспекты будут последовательно рассмотрены в разделах 3, 4 и 5 статьи. Статья завершится разделом «Выводы».

3. АКТИВНОСТЬ СУДЕЙ В СОСТЯЗАТЕЛЬНЫХ СИСТЕМАХ ПРАВОСУДИЯ: НОРМА И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Первое и, возможно, самое очевидное различие между речевым поведением российских и англоязычных судей касается степени их активности в ходе судебного заседания по уголовным делам. И англосаксонская, и российская системы правосудия являются состязательными системами, где не поощряется активное вмешательство судьи в ход судебного процесса. Описывая судебный процесс в состязательной системе правосудия, известный английский адвокат и автор руководства для начинающих коллег К. Эванс пишет: «Судья действует как беспристрастный рефери, наблюдая за своего рода игрой адвокатов в судебный теннис. Если адвокаты хорошо знают свое дело, то в идеале судья должен просидеть весь процесс практически молча. Когда-то давно новоиспеченным английским судьям давали совет взять в рот глоток святой воды в начале дня и держать его до самого конца» [Evans 1995: 89–90]. (Перевод с английского здесь и далее мой. – Т. Д.)

Австралийская судебная система, сформировавшаяся под решающим влиянием английского права, также построена на принципе состязательности и ограниченном участии судьи в уголовном процессе. Характеризуя уголовный процесс в Австралии, адвокат и автор исследования по судебной практике Б. Миллз отмечает: «В основе уголовного процесса в Австралии, согласно традициям Общего права, лежит принцип состязательности, по которому в качестве протагонистов выступают Корона, с одной стороны, и обвиняемый, с другой стороны... В такой системе сами стороны определяют предмет спора и решают, кого следует вызвать в суд в качестве свидетелей, тогда как судья и присяжные все время сохраняют независимость и беспристрастность. В состязательном процессе у судьи нет права вести допрос» [Mills 2011: 6]. В подтверждение своего тезиса, Б. Миллз цитирует выдержку из судебного решения: «В тех случаях, когда интересы обвиняемого представляет профессиональный адвокат, вмешательство судьи в ход дела обычно сведено к минимуму» [Ibid.].

Подход, согласно которому представители обвинения и защиты должны выполнять основные обязанности по сбору фактической информации, закреплен и в российском законодательстве. Согласно п.п. 2, 3 ст. 278 Ч. III Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ), роль судьи сводится к тому, что перед допросом председательствующий устанавливает личность свидетеля, выясняет его отношение к подсудимому и потерпевшему, разъясняет права, обязанности и ответственность. Далее следуют прямой и перекрестный допрос, после чего вопросы свидетелю задает судья [УПК 2008]. Приводя подтверждение того, что судебный процесс в России является состязательным, отечественный правовед А.С. Александров пишет о том, что «последний этап допроса – постановка допрошенному сторонами свидетелю дополнительных вопросов председательствующим (членами суда) – не носит обязательного характера и осуществляется по усмотрению суда» [Александров 2003: 294].

По нашим наблюдениям, однако, речевое поведение отечественных судей в ходе заседаний по уголовным делам не всегда соответствует законодательно закрепленным нормам. Отечественные судьи часто принимают активное участие в судебном заседании, и судебный допрос не является исключением. В примере (1) список вопросов, адресованных судьей свидетелю, наглядно иллюстрирует высокую степень активности судьи в судебном процессе:

- (1) *Сколько работали?*
Что в феврале случилось?
Кому идея принадлежала?
Каким образом заказы распределялись?
У кого телефоны были?
Она знала, что вы несовершеннолетняя?
Кто хозяин конторы?
Давайте поподробнее про распорядок дня.

*Кто разговор ведет?
Деньги когда отдаются?
Квартира кем оплачивалась?
Водителя кто оплачивал? (РЗ 2009)*

В некоторых ситуациях судьи проводили такой тщательный допрос свидетелей или подсудимых до допроса сторонами, что у представителей сторон не было необходимости задавать дальнейшие вопросы.

Поведение английских и австралийских судей в целом соответствует традициям состязательного процесса, что отличает его от поведения российских судей. В ситуациях, когда англоязычным судьям требуются более подробные разъяснения участников судебного процесса, они склонны воздерживаться от вопросов и побуждают представителей сторон задать уточняющий вопрос. В примере (2) свидетель упоминает специфический запах замазки для кузова автомобиля, и судья, желая уточнить, какого рода это был запах, косвенно, но достаточно настойчиво, побуждает адвоката задать вопрос:

- (2) JUDGE: *Is anybody going to ask what body filler smells like?*
WITNESS: *Obviously you all repair your own cars so you all know.*
DEFENCE: *All the time.*
JUDGE: *Probably get somebody to do it. Anybody want to ask or is it assumed we all know.*
DEFENCE: *Mr Butler can you describe in any other way the sort of smell, I know smells are difficult to describe, what body filler smells like?*
WITNESS: *Like a sweet smell, it gets in the back of your throat, a strong smell (Huntley, Carr 2003).*
«Судья: *Кто-нибудь собирается спросить, как пахнет замазка для кузова?*
Свидетель: *Очевидно, вы все ремонтировали свои машины и знаете.*
Защита: *Все время.*
Судья: *Возможно, надо, чтобы кто-нибудь это сделал. Кто-нибудь собирается спросить или предполагается, что мы все знаем?*
Защита: *Мистер Батлер, вы можете как-нибудь описать тот запах? Я знаю, запахи сложно описать, но как пахнет замазка для кузова?*
Свидетель: *Такой сладкий запах, он проникает глубоко в горло, сильный запах».*

В другой ситуации австралийская судья спрашивает у допрашивающей стороны разрешения вмешаться в ход допроса, объясняет причину вмешательства и только затем задает вопрос подсудимому:

- (3) JUDGE: *Can I ask a question because it is related to the issue. Before you wrestled with Mr Horack, where was the coffee-table? (Almansouri 2012)*
«Судья: *Можно я задам вопрос, потому что он связан с тем, о чем говорится. До того как вы начали драться с мистером Хоракком, где был кофейный столик?»*

Наблюдения над поведением англоязычных судей позволяют утверждать, что их вербальное участие в судебном допросе часто обусловлено необходимостью осуществлять контроль действий других участников процесса. Если российские судьи адресуют свидетелям и подсудимым вопросы, направленные на получение фактической информации, то реплики англоязычных судей практически всегда носят технический характер, как, например, просьба австралийского судьи говорить громче:

- (4) JUDGE: *Your voice is very quiet and you tend to look at the interpreter. Please, remember you are not having a conversation with the interpreter. You are giving evidence to the jury. They should be able to hear you (Almansouri 2012).*
«Судья: *Вы говорите очень тихо и почти все время смотрите на переводчика. Пожалуйста, помните, что это не беседа с переводчиком. Вы даете показания присяжным. Они должны иметь возможность слышать вас».*

Разную степень речевой активности и разный характер вопросов российских и англоязычных судей можно отчасти объяснить обстоятельствами формирования состязательных систем в России и англоязычном мире. До начала XXI в. российская система правосудия действовала по принципу, согласно которому в обязанности судьи

входил сбор доказательств и поиск истины. Принятый в 2001 г. новый УПК РФ способствовал переходу российской судебной системы от инквизиционного принципа к принципу состязательности. С формальной точки зрения российские судьи утратили свое право вмешиваться в ход допроса свидетеля или подсудимого, если только не нарушается процедура, и могут проводить допрос только после окончания допроса сторонами обвинения и защиты. На практике, однако, отечественные судьи по-прежнему стремятся контролировать ситуацию. Сделанные наблюдения позволяют утверждать, что трансформации институтов власти не сводятся к принятию нового законодательства, предполагая еще и смену образа мысли представителей этих институтов, что может занять длительное время и даже потребовать смены поколений практикующих юристов.

4. ОЦЕНОЧНОСТЬ И ЭМОЦИОНАЛЬНОСТЬ В СУДЕЙСКОЙ ПРАКТИКЕ

Если сравнивать речевое поведение российских и англоязычных судей, то еще одно различие касается принципа соблюдения беспристрастности. Как замечает К. Эванс, судьи должны не только хранить молчание, но и демонстрировать абсолютную беспристрастность [Evans 1995: 90]. Американский исследователь Дж. Гиббонс объясняет принципы англо-американской судебной системы следующим образом: «Функционирование судебной системы наряду с обладанием властью предполагает также обезличенность. В принципе на принятые по закону решения не влияют ни личности, ни чувства участников. Часто применяемая метафора характеризует закон как машину или бездушную систему» [Gibbons 2005: 76]. Похожая мысль высказана в другой работе: «Наше чувство справедливости и культурные ценности, на которых оно базируется, требуют, чтобы закон относился ко всем людям одинаково, чтобы он был слеп к расовой и классовой принадлежности, возрасту или полу» [O'Vart 1982: 11]. Российская исследовательница, обсуждая проблему непредвзятости в российских судах, напоминает, что принцип судебной непредвзятости требует от судьи справедливого отношения к любому участнику судебного процесса [Моисеева 2003: 46].

Поскольку непредвзятость необходима для отправления правосудия, эта норма закреплена в российских, английских и австралийских нормативных документах. Российский «Кодекс судебной этики» [Кодекс 2012], а также английское и австралийское «Руководство по поведению для судей» [Guide 2007; 2009] требуют от судей беспристрастного поведения.

Анализируя в настоящей статье этот аспект работы судей, мы не стремимся ответить на вопрос, насколько справедливы судебные решения. Это вне компетенции лингвиста. Однако мы представим некоторые наблюдения, касающиеся проявлений в речи судей пристрастности к участникам процесса. К таким проявлениям мы относим оценочность и эмоциональность, тесно связанные между собой и часто получающие языковое выражение в одном высказывании. По нашим наблюдениям, в ходе судебных допросов российские судьи проявляют более оценочное отношение к участникам судебного процесса, чем англоязычные судьи, не склонные к вербальному проявлению своего личного отношения к происходящему. Для дискурсивного поведения российских судей типична оценка действия подсудимого, а иногда и свидетелей не только с точки зрения права, но и с точки зрения морали, т. е. берут на себя функции «морального судьи». Полагаем, что такое речевое поведение можно считать проявлением очень важной черты русского менталитета – «судейского комплекса». «Судейский комплекс», по словам исследовательницы русского менталитета К. Касьяновой, связан с приматом нравственной сферы в области принятия решения и поступка [Касьянова 1994: 235]. Авторы оценок на основе «судейского комплекса» вникают в чужие проблемы, не касающиеся их лично, чтобы восстановить справедливость, моральные нормы. Склонность к вмешательству в чужие дела, оценочность и эмоциональность отмечены как характерные черты русского коммуникативного поведения во многих работах отечественных и зарубежных исследователей [Стернин 2000; Уфимцева 2000; Гачев 1998; Вежицкая 1997; Rathmayr 1996;

Richmond 1992]. Безусловно, представления о присущих той или иной лингвокультурной общности чертах характера и коммуникативного поведения имеют обобщающий характер и не могут быть отнесены к каждому представителю лингвокультуры в каждой конкретной ситуации. Тем не менее эти представления, часто воспринимаемые как стереотипы, являются частью культурного контекста и в значительной мере определяют рамки дозволенного в общении. Коммуникант выбирает стратегии и тактики речевого поведения из набора, уже ограниченного национально-культурными нормами. О существовании культурного контекста и его роли в коммуникации пишет австралийский исследователь Э. Лиддикот. Он понимает коммуникацию как «использование культурно обусловленного кода в культурно обусловленном контексте с целью создания культурно обусловленных значений» [Liddicoat 2009: 130]. По мнению ученого, которое мы разделяем, «такой взгляд на коммуникацию не противоречит идее о тексте, который выстраивается на частном уровне и толкуется конкретным реципиентом, а добавляет в сообщение дополнительный слой контекста» [Ibid.].

Частью русской культуры, определяемой как полихронная [Садохин 2004], является не только склонность заниматься несколькими делами сразу, но и недостаточно четкая граница между деловой сферой и частной жизнью, их частое смешение (см., например, замечания об этических нормах российских предпринимателей [Маслов 2009]). Размытость границ между институциональным и личным общением можно наблюдать в самых разных сферах человеческой жизни в России, в том числе в сфере судебной.

В следующем фрагменте судебного допроса судья указывает на неблагоприятное, вызывающее осуждение поведение подсудимой, противоречащее ее статусу матери:

(5) СУДЬЯ: *Ребенок ваш где и с кем находился, пока вы в Саранск ездили?*

ПОДСУДИМАЯ: *С 3.*

СУДЬЯ: *С 3.? То есть пока вы пили, гуляли, ребенок там находился? (РЗ 2008/1)*

В данном фрагменте отрицательную оценку получают не собственно преступные деяния подсудимой, а сопутствующие им действия, вызывающие у судьи человеческое неприятие и моральное осуждение. В конце допроса подсудимой судья вновь обращается к теме ребенка и несоответствию поведения подсудимой нормам, принятым в обществе. На этот раз моральное осуждение соединяется с правовой оценкой ситуации и озвучивается возможный срок наказания:

(6) СУДЬЯ: *Знаете, что за один эпизод до шести лет? Поедете тогда в Мордовию. (Намек на женскую колонию в Мордовии. – Т. Д.) А у вас ребенок. В школу пойдет в пятый класс – мама приедет из Мордовии. Выводы сделали для себя? Или вас здесь как постоянных клиентов ждать? (РЗ 2008/1)*

Если рассмотреть данную ситуацию с точки зрения психологии, а именно в рамках транзакционного анализа [Берн 2008], то можно увидеть, что коммуникация между судьей и подсудимой строится не по схеме «взрослый – взрослый», адекватной институциональному общению, а по схеме «родитель – ребенок», характерной для межличностного общения. Подобным образом в эпизоде из другого процесса судья и прокурор, решая дальнейшую судьбу подсудимой, переходят к обсуждению ее семейных проблем. Стимул осуждения, идущий от судьи и прокурора, получает соответствующую эмоциональную реакцию – подсудимая плачет, как ребенок:

(7) СУДЬЯ: *А мама куда у вас делась?*

ПОДСУДИМАЯ: *Она больная. Ее сестра забрала в Тамбов.*

ПРОКУРОР: *Что с вами делать-то? Не плачьте (РЗ 2009).*

Очевидно, что в данном обмене репликами нарушены нормы институционального общения, нарушена граница между нейтральной институциональной коммуникацией и лично ориентированным эмоционально окрашенным речевым взаимодействием. Черты русского коммуникативного поведения берут верх над нормами собственно институционального взаимодействия, официально закрепленными в нормативных документах.

Примеры эмоционально-оценочного отношения российских судей к свидетелям и подсудимым включают иронию, сарказм и даже выражение недоверия к их показаниям. Следующей саркастичной ремаркой судья выражает осуждение в адрес свидетеля, который отказывается от показаний, данных в ходе досудебного следствия. Судья спрашивает, читала ли свидетель показания перед тем, как подписывать, и затем ядовито замечает:

(8) СУДЬЯ: *Вы неграмотная? Я так понимаю, грамотности вести учет клиентов у вас хватало* (РЗ 2009).

Другой пример иллюстрирует недоверие судьи к показаниям подсудимого, что также является проявлением оценочности. Один из двух подсудимых отрицает факт употребления им наркотиков перед совершением преступления, и это вызывает сомнения судьи:

(9) СУДЬЯ: *На самом деле приняли дозу?*

ПОДСУДИМЫЙ: *Нет.*

СУДЬЯ (*иронично*): *Х. принял, а вы не принимали* (РЗ 2008/2).

Спустя некоторое время судья эксплицитно оценивает степень достоверности показаний подсудимого:

(10) СУДЬЯ: *Более правдоподобно звучит версия Х* (РЗ 2008/2).

Следует заметить, однако, что в определенных ситуациях отрицательная оценка в речи судей вызвана неадекватным, не соответствующим ситуации поведением участника судебного процесса. В примере (11) свидетель выходит давать показания суду и жует жевательную резинку. Судья, заметив это нарушение процедуры, обращается к нему:

(11) СУДЬЯ: *Смирнов, перестаньте жевать. Это общественное место. И это – суд, одна из ветвей власти. Представьте, что перед вами президент Российской Федерации. Вы же не будете перед ним жевать. Суд тоже власть. Чтоб не проглотить, выплюньте* (РЗ 2008/2).

Для поведения английских и австралийских судей характерно нейтральное отношение к участникам процесса и отсутствие эмоциональных проявлений, что в значительной мере соответствует стереотипному представлению об англосаксонском коммуникативном поведении, для которого характерны сдержанность, самоконтроль, нежелание осуждать и высказывать отрицательно-оценочные суждения [Fox 2005; Гачев 1998; Вежбицкая 1997; Овчинников 1987]. В данной ситуации типичные черты англосаксонского коммуникативного поведения усиливаются институциональными правилами, налагающими ограничения на способы речевого поведения англоязычных судей, и непредвзятость и нейтральность англоязычного судейского дискурса кажется естественной.

В то же время в любом институциональном контексте огромную роль играют жанровые конвенции. Подчеркивая важность жанра в юридической сфере, американский исследователь судебной коммуникации Дж. Гиббонс дает ему следующее определение: «Жанр – это общий план какого-либо типа дискурса, который состоит из упорядоченной последовательности шагов или стадий, которую люди проходят в данной социально значимой деятельности» [Gibbons 2005: 11].

Жанр предопределяет не только структуру текста, но и его риторические характеристики, в частности степень эмоциональности. Анализ материалов судебного дискурса позволяет утверждать, что конвенциональные риторические характеристики институционального жанра могут вступать в конфликт с национально-специфическими характеристиками коммуникативного поведения. Так, в жанре судебного решения, в котором судья формулирует свое понимание дела и определяет наказание, обнаруживается противоречие между типичными чертами русского и английского коммуникативного поведения, с одной стороны, и языковыми формами судебных решений, с другой. Российские судьи, будучи представителями лингвокультуры, которой свойственна большая эмоциональность, являются авторами судебных решений, абсолютно лишенных какой-

либо эмоциональности. Текстам русских судебных решений и приговоров присущи черты письменной речи: большое количество клише, книжная и официально-деловая лексика, сложные и осложненные предложения:

- (12) *Наряду с этим, в качестве обстоятельств, характеризующих личность подсудимого, суд учитывает, что А. привлекался к административной ответственности (лист дела 47), ранее неоднократно судим, в том числе за совершение аналогичных преступлений (лист дела 37–42, 99–104), однако, освободившись из мест лишения свободы 29 июня 2008 года (лист дела 43), должных выводов для себя не сделал, на путь исправления не встал и спустя небольшой промежуток времени вновь в состоянии алкогольного опьянения совершил преступление средней тяжести (Приговор 2008).*

Длина предложения составляет 66 слов. Сложноподчиненное предложение осложнено причастным оборотом, деепричастным оборотом, однородными членами предложения. Используются клише, типичные для официально-делового стиля. Отсутствие эмоциональности в русских текстах судебных решений также достигается за счет монологического характера документа, фиксирующего решение судьи, но не имеющего признаков адресованности конкретному реципиенту.

В отличие от русских судебных решений английские и австралийские приговоры глубоко эмоциональны, что совсем не соответствует типичным коммуникативным характеристикам англосаксонской культуры. Рассмотрим пример английского приговора:

- (13) *Ian Kevin Huntley, on the 4th August 2002, you enticed two ten year old girls, Holly Wells and Jessica Chapman, into your house. They were happy, intelligent and loyal. They were much loved by their families and all who knew them. You murdered them both. You are the one person who knows how you murdered them. You are the one person who knows why. You destroyed the evidence, but you showed no mercy and you showed no regret (Huntley, Carr 2003).*

«Ян Кевин Хантли, 4 августа 2002 года вы заманили двух десятилетних девочек, Холли Уэллс и Джессику Чэпман, в свой дом. Они были счастливыми и умными, а также верными подругами. Их любили семьи и все, кто их знал. Вы убили их обеих. Вы единственный человек, кто знает, как вы убили их. Вы единственный человек, кто знает зачем. Вы уничтожили улики, но вы не проявили жалости и вы не проявили раскаяния».

Небольшая длина предложений, простые грамматические формы в сочетании с риторическими приемами не оставляют сомнений в том, что это фрагмент устной речи, призванной оказать воздействие на слушателей. Параллельные конструкции, повторы и антитеза, а также лексика со значением выражения эмоций нагнетают атмосферу и подчеркивают весь ужас совершенного преступления. Форма прямого обращения к подсудимому определяет диалогический характер речи судьи.

Наряду с эмоциональностью для англоязычных приговоров характерна оценочность, выражение отношения судьи к событиям самого преступления или предшествующим ему. Так, в приговоре по делу об убийстве одного из участников любовного гомосексуального треугольника австралийская судья выражает свое отношение к предшествующей убийству ситуации, когда отношения между тремя мужчинами вызвали постоянную взаимную ревность и напряжение:

- (14) *It is obvious to me that, as supposedly mature adults, one of you, if not all of you, should have had the sense to terminate the living arrangements (Almansouri 2013).*

«Для меня очевидно, что как у зрелых взрослых людей у одного из вас, если не у всех, должно было хватить здравого смысла, чтобы прекратить такое совместное проживание».

Аргументируя приговор, судья характеризует факт преступления, используя эпитеты *ferociously* «яростно, зверски», *repeatedly* «несколько раз», *unarmed* «безоружный» и подчеркивает эмоциональную природу преступления словами *jealousy* «ревность», *insecurity* «неуверенность»:

- (15) *I consider it just for you to receive a sentence of life imprisonment. You attacked an unarmed man, ferociously and repeatedly. You took Mr Horack's life simply because he claimed a closer relationship than you with Mr Campbell. The offence was caused by your jealousy and insecurity (Almansouri 2013).*

«Я считаю, что будет справедливо назначить вам наказание в виде пожизненного лишения свободы. Вы совершили несколько яростных нападений на безоружного человека. Вы лишили Мистера Хорака жизни только потому, что он утверждал, будто состоит в более близких отношениях с мистером Кэмпбеллом, чем вы. Преступление было вызвано вашей ревностью и чувством неуверенности».

Как показывают наши наблюдения, эпитеты, которые не считаются типичной стилистической характеристикой русского юридического языка, широко используются в текстах англоязычных приговоров.

Поскольку объектом исследования является дискурс институциональный, принципы построения которого определяются его функциями и институциональными традициями, эмоциональность англоязычных приговоров обусловлена культурным контекстом формирования этого жанра. Как замечает Э. Лиддиккут, «при любом культурно ориентированном жанровом анализе жанр должен рассматриваться как помещенный в ситуативный контекст, как явление культурно обусловленное и культурно обуславливающее» [Liddicoat 2009: 120].

Свет на историческое развитие жанра приговора в англосаксонской культуре проливает работа американского исследователя П. Тиерсмы [Tiersma 2007]. Исследование вопроса о текстуализации прецедента ученый начинает с указания на существование в англо-американском мире двух источников законодательства – писаного закона (lex scripta) и неписаного закона (lex non scripta). Второй включает судебные решения, которые традиционно имели устную форму, приносились со скамьи и фиксировались в письменной форме начиная с XIII в. «Неписанный закон, создаваемый судьями, в течение долгого времени навязывался самой юридической сферой, особенно в Англии, как превосходящий во многих отношениях письменные постановления законодателей... Даже в наши дни английские судебные решения не обязательно должны быть записаны судьей или секретарем, чтобы иметь силу прецедента», – пишет П. Тиерсма [Tiersma 2007: 1187–1188].

Для существовавших изначально в устной форме англоязычных судебных решений эта форма остается актуальной и в наши дни. Таким образом, культурно-исторический контекст формирования англоязычных судебных решений в значительной степени определяет описанный выше их языковой облик, отличающий их от соответствующих жанров в российской судебной системе.

5. ВЕЖЛИВОСТЬ И НЕВЕЖЛИВОСТЬ В РЕЧЕВОМ ПОВЕДЕНИИ СУДЕЙ

Дискурс российских и англоязычных судей различен в части реализации прагматической категории вежливости. Категория вежливости применима к любому типу социального взаимодействия, включая взаимодействие в зале суда. Любой судебный процесс по определению представляет собой конфликт, противостояние интересов двух сторон, которые, защищая свои интересы, оказываются вовлеченными в речевую деятельность, представляющую угрозу лицу другой стороны. С другой стороны, для того, чтобы судебный процесс протекал гладко, без коммуникативных неудач и срывов, необходимо сохранение определенного уровня социальной гармонии. Такая гармония достигается специфическими языковыми средствами. Некоторые аспекты применения средств вежливости участниками судебных процессов в России и Англии обсуждались нами в [Дубровская 2008]. Обратимся к специфике поведения судей.

Вежливость и невежливость речевого поведения судей тесно связана с теми функциями, которые судья выполняет в ходе судебного процесса. Как было отмечено выше, в ходе состязательного судебного процесса судьи должны молча наблюдать за судебным спектаклем, разыгрываемым перед ними, но это идеальная картина. Анализ речевых данных показывает, что все судьи в большей или меньшей степени контролируют и регулируют судебный процесс, что предполагает совершение ими вербальных актов угрозы лицу (face-threatening acts). Выражение сомнений в правильности мнения собеседника, перебивы, обсуждение темы, нежелательной для собеседника, окончание

взаимодействия – все эти речевые акты, рассматриваемые в рамках теории вежливости как акты угрозы лицу [Bloor, Bloor 2007: 102], широко реализуются в речи судей. Мы полагаем, что их можно отнести к актам «институционально санкционированной невежливости» (термин С. Миллз [Mills 2005]) и нельзя считать в полном смысле атаками на лицо адресата. Скорее, это необходимый способ выполнения судьей своих обязанностей и удержания контроля в суде.

Обсуждая вопрос контроля в зале суда, С. Филипс пишет: «Контроль в зале суда прежде всего относится к способности судьи на расстоянии оказывать влияние на действия физических лиц, находящихся в зале суда, без применения физического воздействия. Это влияние осуществляется посредством речи и главным образом состоит в контроле речи других» [Philips 1998: 89]. Исследовательница объясняет, почему судьи считают очень важным сохранять контроль в зале суда: высказывания участников процесса, не соответствующие создаваемой правовой реальности, разрушают состоятельность судебного процесса [Ibid.: 92].

Данное объяснение оправдывает многие ситуации совершения судьями актов угрозы лицу, например, ограничение количества речи свидетеля (англ.: *You need not read the whole of it.* – русск.: *Все, достаточно*) или контроль темы и указание на ожидаемое направление ее развития (англ.: *What I will ask you to do though is this.* – *Что я вас попрошу сделать, так это следующее*). Такие акты представляются нам универсальными, характерными для судебного дискурса независимо от лингвокультуры, в которой он формируется.

В то же время в судебном дискурсе обнаруживаются и национально-специфические черты, связанные с речевой реализацией категории вежливости. Англоязычные судьи в большей степени склонны применять средства вежливости для смягчения актов угрозы лицу и придания их высказываниям более тактичной формы. К вербальным средствам вежливости в речи англоязычных судей можно отнести разделительные вопросы, метакоммуникативные конструкции, этикетные слова и фразы. В отличие от англоязычных судей, российские представители судебной власти редко прибегают к средствам вежливости, реализуя свою власть в зале суда с помощью императивных высказываний.

Приведем пример типичной ситуации, когда английский судья сопровождает извинением перебив с целью уточнения медицинского термина у подсудимого и, получив информацию, благодарит адвоката:

- (16) JUDGE: *I am sorry to interrupt, can I just be sure what that word is. I think I was originally told it was depression?*
DEFENDANT: *Dysuria. D-Y-S-U-R-I-A?*
JUDGE: *Thank you, Miss Davies (Shipman 1999–2000).*
«Судья: Прошу прощения, что перебиваю, но мне просто нужно проверить, что это за слово. Я думал, что изначально речь шла о депрессии.
Подсудимый: Дизурия. Д-и-з-у-р-и-я?
Судья: Спасибо, мисс Дэйвис».

В другой ситуации английский судья, выражая свое недовольство по поводу вовремя не подготовленных адвокатом документов, смягчает высказывание метакоммуникативной конструкцией (*I am bound to say it is regrettable...*):

- (17) JUDGE: *I am bound to say it is regrettable that it was not addressed this time round <...>* (Weddell 2007).
«Судья: Вынужден сообщить, что вызывает сожаление тот факт, что вопрос не был рассмотрен сейчас <...>»

Отметим, что в подобной ситуации российская судья выражает крайнюю степень раздражения, и ее реплика звучит очень прямолинейно, если не грубо:

- (18) ПРОКУРОР: *...Прошу объявить перерыв до 23 февраля, соответственно до пятницы. В пятницу я буду готова приступить к прениям и дать заключение.*
СУДЬЯ: *О чем вы думали, когда я задавала вопрос, можем ли мы перейти к прениям?* (Свидетели Иеговы 2001)

Приведем еще один пример высказывания, не смягченного средствами вежливости. В ситуации, когда истец не может вспомнить некоторые обстоятельства дела, судья выясняет обстоятельства дела следующими вопросами:

- (19) СУДЬЯ: *Когда вы приказы получили? 26 декабря отпечатал секретарь или там кто, начальник отдела кадров, вот эти приказы? Или нет? Если отпечатал, то какие? Почему вы вдруг решили их взять, а раньше очков не было? А в этот раз, наверное, очки появились? Так что ли?* (А/З 2012)

Высказывания, подобные приведенным в примерах (18) и (19), нельзя оправдывать национальной спецификой речевой культуры. В таких ситуациях речь идет о невысокой профессиональной компетентности судей, частью которой должна являться коммуникативная компетентность. (Более подробно вопрос о коммуникативной компетентности представителей юридической профессии был рассмотрен нами в [Дубровская 2012].)

Обнаруженные различия в реализации категории вежливости российскими и англоязычными судьями по сути не касаются типов речевых актов: и в российском суде, и в англосаксонском судопроизводстве распространены акты угрозы лицу, которые являются неотъемлемой характеристикой судебного дискурса. Различия касаются языковой формы воплощения этих речевых актов: тенденция к смягчению проявляется в значительной степени только в дискурсе англоязычных судей.

Кроме того, англоязычные судьи используют в речи такую коммуникативную тактику, которая представляется нам тесно связанной с особенностями английского менталитета. Это тактика «самоуничижения». В отличие от возвеличивания самого себя, предполагающего относительное уничижение слушающего [Cruse 2004: 377], самоуничижение понижает статус говорящего, повышая таким образом статус слушающего. В то же время следует учитывать, что обратной стороной самоуничижения, которое представляет собой один из способов выражения в речи категории вежливости, является ирония. Антрополог и исследовательница английского характера К. Фокс отмечает всепроникающий характер иронии в английской коммуникации и характеризует английское самоуничижение как форму иронии: «Английское самоуничижение можно рассматривать как форму иронии. Оно обычно предполагает не искреннюю скромность, а выражение мнения, противоположного по смыслу тому мнению, что мы в действительности имеем, или, по меньшей мере, противоположного тому пониманию, которого мы ждем от людей... У нас есть строгие правила проявлений скромности. Они включают как “негативные” правила, такие как запрет хвастовства и любых других проявлений собственной значимости, так и “положительные” правила, предписывающие активное применение самоуничижения и насмешки над собой» [Fox 2005: 68].

Рассмотрим пример самоуничижительной ремарки в речи английского судьи. Не понимая объяснение адвоката, касающееся улики, судья называет самого себя глупым (*dull*):

- (20) JUDGE: *I am being very dull, but I do not understand the combination of handwriting evidence and of computer use* (Weddell 2007).
«Судья: *Я чувствую себя глупцом, но я не понимаю, как связаны между собой почерковедческая экспертиза и использование компьютера*».

Стоит уточнить, что в предложении *I am being very dull* использовано время Present Continuous, указывающее на то, что качество, приписываемое себе судьей, не является постоянным, а характеризует его в конкретный момент. Понятое буквально, высказывание звучит как понижающее статус говорящего и повышающее статус адресата. Однако скрытая ирония дает возможность иной интерпретации высказывания, согласно которой адресат не смог ясно выразиться и это спровоцировало ироничный комментарий судьи. Интерпретированная так или иначе, самоуничижительная ремарка судьи сохраняет главную функцию, помогая судье держать под контролем ход судебного процесса. Самоуничижительные комментарии не встретились нам в русском речевом материале, что позволяет говорить об их национально-специфическом характере.

6. ВЫВОДЫ

Было бы неправильно упрощать общую картину речевого поведения судей и утверждать, что англоязычные судьи всегда следуют традиционным нормам состязательной системы правосудия, демонстрируют эмоциональную сдержанность и сохраняют нейтралитет, тогда как российские судьи всегда берут на себя выполнение инквизиционных функций, склонны к эмоциональности, оценочности и категоричности. Тем не менее анализ материала позволяет говорить о существовании этих тенденций в речевом поведении судей. Такие тенденции можно считать национально-специфическими, и в работе мы связали их с историческим и современным социальным контекстом, а также с конвенциями национального коммуникативного поведения и некоторыми особенностями национального мышления. Анализ показал, что дискурс судей – это сложное целое, обусловленное постоянным взаимодействием исторического развития судебной системы, существующих институциональных норм, конкретного ситуативного контекста, жанровых форм высказывания, общепринятых коммуникативных норм и национального мышления. Поскольку все эти характеристики образуют культурный контекст, можно говорить о том, что судебный дискурс представляет собой культурный феномен, подверженный воздействию разнонаправленных факторов и часто далекий от его описаний в нормативных документах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Александров 2003 – *А.С. Александров*. Введение в судебную лингвистику. Нижний Новгород, 2003.
- Берн 2008 – *Э. Берн*. Люди, которые играют в игры: Психология человеческой судьбы. М., 2008.
- Вежбицкая 1997 – *А. Вежбицкая*. Язык. Культура. Познание. М., 1997.
- Гачев 1998 – *Г.Д. Гачев*. Национальные образы мира: курс лекций. М., 1998.
- Дубровская 2008 – *Т.В. Дубровская*. Вежливость и невежливость в русском и английском судебном диалогическом дискурсе // Проблемы речевой коммуникации. Вып. 8. Саратов, 2008.
- Дубровская 2012 – *Т.В. Дубровская*. О коммуникативной компетенции юристов в судебном дискурсе // Язык. Текст. Дискурс. Вып. 10. Ставрополь, 2012.
- Касьянова 1994 – *К. Касьянова*. О русском национальном характере. М., 1994.
- Кодекс 2012 – Кодекс судейской этики (2012) // Информационно-правовой портал «Гарант». URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70201432/> (дата обращения: 29.03.2013).
- Маслов 2009 – *В.И. Маслов*. Менеджмент в эпоху глобализации. М., 2009.
- Моисеева 2003 – *Т.В. Моисеева*. Обеспечение беспристрастности и объективности судей при рассмотрении уголовных дел // Журнал российского права. 2003. № 6.
- Овчинников 1987 – *В.В. Овчинников*. Сакура и дуб // Роман-газета. 1987. № 4.
- Садохин 2004 – *А.П. Садохин*. Межкультурная коммуникация. М., 2004.
- Стернин 2000 – *И.А. Стернин*. Коммуникативное поведение в структуре национальной культуры // Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 2000.
- УПК 2008 – Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (по состоянию на 15 сентября 2008 г.). Новосибирск, 2008.
- Уфимцева 2000 – *Н.В. Уфимцева*. Этнический характер, образ себя и языковое сознание русских // Языковое сознание: формирование и функционирование. М., 2000.
- Bennett, Feldman 1981 – *W.L. Bennett, M.S. Feldman*. Reconstructing reality in the courtroom. Justice and judgment in American culture. New Brunswick, 1981.
- Bloor, Bloor 2007 – *M. Bloor, Th. Bloor*. The practice of critical discourse analysis: an introduction. London, 2007.
- Conley, O'Barr 1990 – *J.M. Conley, W.M. O'Barr*. Just words. Law, language, and power. Chicago; London, 1990.
- Cotterrell 2006 – *R. Cotterrell*. Law, culture and society: legal ideas in the mirror of social theory. Aldershot, 2006.
- Cruse 2004 – *A. Cruse*. Meaning in language: an introduction to semantics and pragmatics. Oxford, 2004.
- Evans 1995 – *K. Evans*. Advocacy in court: a beginner's guide. London, 1995.
- Fox 2005 – *K. Fox*. Watching the English: the hidden rules of English behaviour. London, 2005.

- Gibbons 2005 – *J. Gibbons*. Forensic linguistics: an introduction to language in the justice system. Oxford, 2005.
- Greenfield, Osborn 2003 – *S. Greenfield, G. Osborn*. Film lawyers: above and beyond the law // *Criminal visions: media representations of crime and justice*. Cullompton, 2003.
- Guide 2007 – Guide to judicial conduct (2007) // Сайт Верховного суда Западной Австралии. URL: [http://www.supremecourt.wa.gov.au/_files/GuidetoJudicialConduct\(2ndEd\).pdf](http://www.supremecourt.wa.gov.au/_files/GuidetoJudicialConduct(2ndEd).pdf) (дата обращения: 29.03.2013).
- Guide 2009 – Guide to judicial conduct (2009) // Сайт Верховного суда Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии. URL: http://www.supremecourt.gov.uk/docs/guide_to_judicial_conduct.pdf (дата обращения: 29.03.2013).
- Liddicoat 2009 – *A.J. Liddicoat*. Communication as culturally contexted practice: a view from intercultural communication // *Australian journal of linguistics*. 2009. V. 29. № 1.
- Mills 2005 – *S. Mills*. Gender and impoliteness // *Journal of politeness research: language, behaviour, culture*. 2005. V. 1. № 2.
- Mills 2011 – *B. Mills*. The criminal trial: courtroom practices, policies and procedures. Sydney, 2011.
- O'Barr 1982 – *W. O'Barr*. Linguistic evidence. Language, power and strategy in the courtroom. New York, London, 1982.
- Philips 1998 – *S. Philips*. Ideology in the language of judges: how judges practice law, politics and courtroom control. New York; Oxford, 1998.
- Rathmayr 1996 – *R. Rathmayr*. Pragmatik der Entschuldigungen. Vergleichende Untersuchung am Beispiel der russischen Sprache und Kultur. Köln, 1996.
- Renteln 2005 – *A.D. Renteln*. The cultural defense. New York; Oxford, 2005.
- Richmond 1992 – *Y. Richmond*. From nyet to da: understanding the Russians. Yarmouth, 1992.
- Rosen 2008 – *L. Rosen*. Law as culture: an invitation. Princeton, 2008.
- Stygall 1994 – *G. Stygall*. Trial language: differential discourse processing and discursive formation. Amsterdam; Philadelphia, 1994.
- Thaler 1994 – *P. Thaler*. The watchful eye: American justice in the age of the television trial. Westport (CT); London, 1994.
- Thaler 1997 – *P. Thaler*. The spectacle: media and the making of the O.J. Simpson story. Westport (CT); London, 1997.
- Tiersma 2007 – *P. Tiersma*. The textualization of precedent // *Notre Dame law review*. 2007. V. 83. № 3.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- A/3 2012 – Аудиозаписи гражданского процесса в районном суде, сделанные автором.
- Приговор 2008 – Приговор по уголовному делу
- P3 2008/1 – Ручные записи уголовного процесса в районном суде, сделанные автором.
- P3 2008/2 – Ручные записи уголовного процесса в районном суде, сделанные автором.
- P3 2009 – Ручные записи уголовного процесса в районном суде, сделанные автором.
- Свидетели Иеговы 2001 – Стенограммы судебного процесса «О ликвидации религиозной организации “Свидетели Иеговы” и запрете ее деятельности» // URL: http://www.jw-media.org/region/europe/russia/russian/moscow/u_courttranscripts.htm.
- Almansouri 2012 – Trial transcripts «The State of Western Australia v. Almansouri» (ручные записи, сделанные автором).
- Almansouri 2013 – Sentence in the case «The State of Western Australia v. Almansouri» // URL: <http://decisions.justice.wa.gov.au/supreme/supSR.nsf/main.xsp>.
- Huntley, Carr 2003 – Trial transcripts REGINA v. Ian Huntley and Maxine Carr // URL: <http://www.bernardomahoney.com/forthcb/pdt/hajdocuments.shtml>.
- Shipman 1999–2000 – Trial transcripts REGINA v. Harold Shipman // URL: <http://www.the-shipman-inquiry.org.uk/trialtrans.asp>.
- Weddell 2007 – Trial transcripts REGINA v. Garry Weddell // URL: http://www.judiciary.gov.uk/publications_media/general/weddell3001082.htm.

Сведения об авторе:

Татьяна Викторовна Дубровская
 Пензенский государственный университет
 guenergy74@gmail.com

Статья поступила в редакцию 2.04.2013.

© 2014 г. Е.Л. БЕРЕЗОВИЧ

О СОВРЕМЕННЫХ ЗАДАЧАХ СЕМАНТИКО-МОТИВАЦИОННОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ НАРОДНОЙ ТОПОНИМИИ

В статье комментируются актуальные задачи семантико-мотивационной реконструкции народной топонимии. Статья выполнена на русском материале, извлеченном преимущественно из неопубликованных полевых картотек Топонимической экспедиции Уральского университета по территориям Русского Севера, Верхнего Поволжья, Среднего Урала. Рассматриваются особенности реконструкции семантического объема известных слов (особенно многозначных) с опорой на топонимию; говорится об изучении топонимической прагматики, ситуаций взаимодействия реалий и номинатора; затрагиваются вопросы интерпретации специфических топонимических моделей, не поддерживаемых нарицательной лексикой; подчеркивается необходимость по-новому осмыслять взаимопереходы в проприальной и апеллятивной сферах. Уделяется внимание вспомогательным методикам, способствующим семантической реконструкции топонимов, в частности, лингвостатистическому анализу.

Ключевые слова: топонимия, ономастика, семантическая реконструкция, мотивология, русская диалектная лексика, этнолингвистика, лингвостатистический анализ, лингвопрагматика

The article addresses the urgent need of semantic-motivational reconstruction of folk toponymy. The research is based on Russian materials extracted mainly from unpublished field card indexes of toponymic expedition of the Ural university in the territories of the Russian North, the Upper Volga region, the Middle Urals. The features of semantic reconstruction of familiar words (especially polysemous) are considered from the point of view of toponymy; the study of toponymic pragmatics and situations of interaction between realia and nominator is discussed; the issues of interpretation of specific toponymic models that are not supported by common nouns are addressed; the need for new ways to conceptualize mutual transitions in the areas of proper and appellative names is argued for. Attention is given to the auxiliary methods helping to implement semantic reconstruction of place names, to linguo-statistical analysis in particular.

Keywords: place names, onomastics, semantic reconstruction, motivology, Russian dialect lexis, ethnolinguistics, linguostatistical analysis, linguo-pragmatics

Семантико-мотивационная реконструкция в современной лингвистике расширяет свои задачи, в число которых теперь входит не только объяснение значения этимона, но и воссоздание всей полноты номинативной и культурно-прагматической ситуации, способствовавшей появлению как отдельных слов, так и целых лексико-семантических полей и их последующему смысловому развитию. Эти задачи должны быть по-своему преломлены применительно к разным участкам лексикона, в том числе народной топонимии. О возможности использования в топонимических исследованиях принципа семантической мотивированности, предполагающего учет своеобразия лексики, которая употребляется в географических названиях, более сорока лет назад писал А.К. Матвеев [Матвеев 1969]. За это время были накоплены конкретные семантико-мотивационные решения, приложимые к отдельным топонимам, осуществлены семантические классификации некоторых региональных топонимиконов, предложены методические приемы реконструкции топонимической семантики, изучен ряд общих закономерностей организации семантического пространства топонимии. На нынешнем этапе есть необходимость, оглядываясь на сделанное, уточнить уже известные задачи семантико-мотиваци-

онной реконструкции в области топонимии и сформулировать новые. Некоторые из них комментируются в настоящей статье.

Консервирующие свойства топонимии хорошо известны, и они обусловили ее способность служить незаменимым источником разного рода информации – фонетической, словообразовательной, лексической и др. В ряде исследований с успехом осуществлена реконструкция тех или иных лексических основ на основе топонимических свидетельств. Из последних работ следует особо отметить фундаментальную монографию В.Л. Васильева «Славянские топонимические древности Новгородской земли», в которой среди прочего показано, что географические имена говорят об употребительности в средневековых говорах Новгородской земли многих давно забытых на этой территории апеллятивов¹, а также позволяют реконструировать вероятные древние апеллятивы, не зафиксированные в независимом употреблении² [Васильев 2012: 662–663]. Безусловно, реконструкция собственно лексем дает бесценные результаты и должна занимать все большее место в топонимических исследованиях, но сейчас хотелось бы обратить внимание на **реконструкцию семантического объема и прагматических особенностей известных слов (особенно многозначных) с опорой на топонимию**³. Этот аспект семантико-мотивационной реконструкции географических названий наименее изучен в настоящее время, он и будет рассматриваться в данной статье. Кроме этого, будут затронуты вопросы **интерпретации специфических топонимических моделей**, не поддерживаемых нарицательной лексикой, а также пойдет речь об **осмыслении взаимопереходов в проприальной и апеллятивной сферах**.

Несколько уточнений относительно объекта и ракурса анализа. В статье уделяется внимание не «штучной» работе с темными фактами, а системной интерпретации топонимических рядов и полей. Рассматриваются проблемы внутренней (внутриязыковой) реконструкции, не комментируются вопросы контрастивного или контактологического изучения семантики топонимов. Не ставится задача осуществить детальный анализ конкретных сюжетов, которые будут представлены (с разной степенью подробности) как иллюстрации к тому или иному аспекту семантической реконструкции топонимов.

Основным материалом для статьи послужили полевые записи Топонимической экспедиции Уральского университета (ТЭ УрФУ), выполненные преимущественно на Русском Севере (в Архангельской и Вологодской областях), а также в Костромской и Ярославской областях, на Среднем Урале, в Западной Сибири в течение пяти десятилетий (1960–2012 гг.)⁴. Следует оговорить одну частную особенность рассмотрения

¹ Ср.: *борие* 'бор, сосновый лес', *вяжа*, *вяжище* 'место обитания бобров', *зеремя* 'бобровая запруда', *коломище* 'могильник', *поница* 'место ухода воды под землю' и др.

² Ср.: **березуи* 'березовый лес', **озерева* 'озерное место, пересыхающее озеро', **рака*, *ракома* 'ложбина, удлиненная впадина, желоб', **ретежь* 'ссора, распря', **хутынь* 'желание, хотение; желанное место' (или 'место погребения?'), **чавьница* 'топь, сырое место' и др.

³ Подобные задачи, разумеется, формулируются и по отношению к нарицательной лексике. В частности, по-новому поставлен вопрос о реконструкции многозначных слов праславянского происхождения. В ходе такой реконструкции предполагается «выявить логику развития <...>, определить импульсы и механизмы, лежащие в основе семантических процессов (метафорические и метонимические переносы, семантическая иррадиация, конкуренция и взаимодействие семантических моделей, внешнее влияние, калькирование и т.п.), структурировать набор значений и раскрыть ("объяснить") его внутреннюю иерархию, наконец, отделить "типичные" сочетания значений, связанные с явлением регулярной (категориальной) многозначности, от "индивидуальных" случаев совмещения разных значений в рамках одной лексической единицы» [Толстая 2008: 13–14]. Эти задачи могут быть решены с помощью специальных исследований, «которые опирались бы не на голый перечень значений, приводимых в этимологическом словаре и сформулированных к тому же обычно в самом общем виде, а на по возможности подробный анализ контекстов (тем самым и стоящих за ними реальных ситуаций) и особенностей употребления слова в каждом языке» [Там же: 14].

⁴ Материалы ТЭ УрФУ даются без указания на источник; в качестве паспортизирующей пометы приводится сокращенное название административного района (см. список сокращений). В том случае, когда топоним иллюстрирован комментарием диалектоносителя, приводится также название деревни, в которой осуществлена запись.

материала. В ряде случаев при названиях будут приводиться мотивирующие контексты, данные носителями народной топонимии. Разумеется, такие контексты могут отражать сугубо индивидуальную расстановку смысловых акцентов или же содержать позднейшее переосмысление первоначальных мотивов номинации (при этом безусловные примеры ложной этимологии не брались во внимание). В задачи данной статьи не входит выявление истинного первоначального мотива номинации для каждого из приводимых названий; из контекстов важно почерпнуть спектр возможных мотивировок. Даже в том случае, когда мотивировки явно вторичны по отношению к какому-либо конкретному топониму, они представляют интерес для исследователя, фиксируя модель деривационно-мотивационных связей, актуальную для языкового сознания. Потенциалы восприятия и создания имени обратимы: то, что отражается в актах рефлексии по поводу названия, может быть реализовано в номинациях. Таким образом, этот источник информации используется как вероятностный, а соответствующая информация при необходимости верифицируется с помощью данных других источников.

1. К настоящему моменту накоплены описания семантических моделей в топонимии отдельных территорий, обозначающей различные классы географических реалий (преимущественно населенные пункты и гидрообъекты). Таких описаний недостаточно (точнее, очень мало) для «покрытия» территории России, но достаточно для того, чтобы составить представление о наиболее продуктивных моделях. «Сухой остаток» образуют семантические типы, реализуемые единичными названиями в каждом региональном топонимиконе, которые нередко остаются непроинтерпретированными, поскольку смысловые параллели для них обнаруживаются лишь за пределами локальных систем, в топонимии другого района, области, края. В первую очередь это касается основ, не связанных напрямую с типичным денотативным пространством топонимии (ландшафт, флора, фауна, постройки и пр.). Задача современного этапа видится во **включении подобных «несистемных» названий в максимально широкий контекст макросистемы русской топонимии**, что позволяет увидеть их варьируемую повторяемость, дающую ключ к интерпретации.

Примером могут служить «деятельностные» топонимы, обозначающие разовые события или повторяющиеся ситуации, связанные с географическими объектами (обзор таких названий, выполненный в «первом приближении», представлен в [Березович 2009: 199–278]). К примеру, есть названия, в которых отражена ситуация передвижения на лошадях. В некоторых труднопроходимых местах (возвышенных, заболоченных и др.) лошадь приходится распрягать или погонять, ср.: г. *Распрягальница*: «Трудно проехать, лошадь распрягали» <Бабуш, Демьяновский Погост>, часть д. *Выпрягово*: «Выпрягали лошадей: такая грязь была, что не проехать» <Влгд, Прилуки>, пок. *Выпрягальница* <КБ>, поле *Выпряганихи* <К-Г>, г. *Мызгунья*: «Лошади станут на ёй и не идут, вот и мызгаешь, – клиць это такой, чтобы она двигалась, – горку Мызгуньей и прозвали» <Кон, Вершинино>, г. *Сынькало*: «Крутая гора, сынькали там, лошадки-то не шли» <Вох, Кекур>, ур. *Погонялка* <Плес>, г. *Понужалка* <Ревд>⁵ и др. Неровные места, где трудно пройти, могут получить названия, рисующие образ переломанных ног или хромоты: поле *Разломьнога*: «Есть провалы, проломы» <Плес, Карельское>, пок. *Изломиньги* <Тот>, г. *Костоломная Гора* <Нянд>, ур. *Костоломная* <Он>, ур. *Хлопоногое Поле*: «Всё как в кочках таких, вот и Хлопоногое, ноги-те переломашь» <Вох, Никола>, поле *Шаварлогая Новина* <Кр-Уф>, г. *Кулявая Гора* <В-Т>⁶, бол. *Кривоньное* <У-Куб>, поле *Кривоньгий* <Шенк>, пок. *Хромая* <Пин>, пок. *Хромой Угор* <К-Б>, поле *Хромихи*

⁵ Ср. арх. *мызгать*, костр. *сынькать*, диал. шир. распр. *понужать* 'погонять, понукать (лошадей, быков и др.)' [КСГРС; ЛКТЭ].

⁶ Ср. костр. *хлопоногий* 'хромой, кривоногий' [ЛКТЭ], енис., зап., ряз., юж., смол. *кулявый* 'то же' [СРНГ, 16: 77], ср.-урал. *шаварлогий* 'кривоногий' [СРГСУ, 7: 40].

<Вин> и т.п. Номинативно отмечены сырые (болотные) леса с искривленными стволами деревьев, удобными для изготовления санных полозьев или *бала* – приспособления для гнутья полозьев: лес *Бáльный Лесок*: «Ёлки на бала вырубали мужики» <Окт, Малая Стрелка>, бол. *Бáльная Лы́ва* <Вель>, бол. *Салáзкино Болото*: «На салазки вырубают берёзки, на полозья» <Бабуш, Дор>, лес *Полозкí*: «Полозки заготавливали» <Ревд, Кунгурка>, бол. *Пóлозово* <Холм>, бол. *Полозовíк* <Кадый>.

Каждое такое название единично в своей весьма обширной системе (скажем, среди нескольких тысяч топонимов), но в масштабах макросистемы традиционной русской топонимии указанные модели явно выделяемы, что дает основание интерпретировать темные факты (вроде *Шаварлогая Новина*, *Мызгунья*, *Бальный Лесок*).

2. Появление электронных способов хранения информации и создание баз данных облегчают **использование лингвостатистического анализа при семантической реконструкции географических названий**. Он особо эффективен по отношению к «топонимии больших чисел», т.е. к обширным именованным массивам, в пределах которых наиболее явно прослеживаются закономерности распределения частотности названий, принадлежащих определенным тематическим группам и рядам. Уже не раз говорилось о том, что близкие или равноценные с логической точки зрения понятия нередко оказываются неравномерно отраженными в географических названиях (это относится к топонимам, содержащим в своем составе, например, указание на стороны света, цветовые характеристики, числовые показатели и т.п., см. в [Березович 2009: 50–63, 197–198]), что свидетельствует об избирательности топонимической номинации и повышает значимость этнолингвистической интерпретации топонимов. Кроме того, анализ частотности отдельных основ в топонимии и в целом в ономастике может оказать существенную помощь в воссоздании картины бытования соответствующих нарицательных слов, выяснении степени их распространенности, семантических объемов и др. Это особенно важно, если учесть, что диалектная речь не фиксируется на письме, поэтому анализ лексической частотности затруднен.

К примеру, была изучена частотность топонимических реализаций различных основ, обозначающих дневных хищных птиц. Были отобраны названия птиц, в зону обитания которых входят Русский Север, Верхнее Поволжье и Средний Урал (территория функционирования рассматриваемых топонимов). Среди выбранных орнитонимов есть как литературные (*балабан*, *беркут*, *канюк*, *кобчик*, *коршун*, *кречет*, *орел*, *пустельга*, *сапсан*, *сарыч*, *скопа*, *сокол*, *ястреб*), так и диалектные (например, ср.-урал. *берк* ‘беркут’; олон., влг., новг., ленингр., карел., моск. *габу́к*, ленингр., влг. *гагу́к* ‘ястреб’, влг. *кобу́к* ‘ястреб; птица семейства ястребиных’; арх. *гальча́тник* ‘хищная птица, ястребок (?)’; арх. *кори́ак* ‘коршун’; ср.-урал. *скоба́* ‘скопа’; арх. *ча́нус* ‘хищная птица (какая?)’; арх. *чили́жник* ‘ястреб мелкой породы’ и др.; список диалектных слов для проверки составлялся с опорой на [Лысова 2002; ДЭИС])⁷.

Поиск топонимических реализаций указанных основ показал, что в русской по происхождению топонимии представлены немногие из них⁸: *балабан*, *канюк* (*каня*), *коршун* (*коршак*), *кречет*, *орел*, *скопа*, *сокол*, *ястреб*.

⁷ При этом из списка пришлось исключить те наименования, которые заведомо не могут быть верифицированы как производящая основа для топонимов (вследствие омонимии или многозначности основ), ср., к примеру: арх. *ворон* ‘коршун’, *воронёнок* ‘ястреб, коршун’, арх. *курятник* ‘ястреб-тетеревятник’, *орел-рыболов* ‘поморник’, ср.-урал. *тетёрник* ‘ястреб-тетеревятник’ и др.

⁸ Анализ сделан в «первом приближении», в нем есть ряд допущений. Так, не принимались во внимание топонимы на *-ово* (типа *Соколово*, *Орлово*), поскольку здесь велика вероятность отантропонимических наименований (в расчет брались только единичные названия на *-ово*, которые информанты объясняют в связи с птицами). Не учитывались и топонимы, образованные от наименования лица по роду занятий (*сокольник*).

**Представленность в топонимии различных названий, мотивированных
обозначениями хищных птиц**

Топооснова	Примеры топонимов	Кол-во фиксаций ⁹ топонимов	Доля (в %)
сокол	г. <i>Сокол</i> , <i>Соколёна</i> , оз. <i>Сóкол-òзеро</i> , бол. <i>Соколиное Болото</i> , <i>Соколий Мох</i> , <i>Соколья Гладь</i> , о-в <i>Соколий</i> , мыс <i>Соколий Мыс</i> , лес <i>Сокóличья Роцца</i>	330	55,5
орел	г. <i>Орёл</i> , <i>Орлиное Гнездо</i> , мыс <i>Орлёц</i> , <i>Орлиный Нос</i> , оз. <i>Орловое</i> , бол. <i>Орлихи</i>	94	15,8
ястреб	р. <i>Ястребёц</i> , поле <i>Ястребиное</i> , бол. <i>Ястребиха</i>	58	9,7
канюк (каня)	поле <i>Канюкóво</i> , ур. <i>Канюкóво Гнездо</i> , пок. <i>Кáнин Нос</i>	38	6,4
коршун (коршак)	пок. <i>Коршакí</i> , о-в <i>Коршунок</i> , поле <i>Коршунíха</i>	38	6,4
балабан ¹⁰	г. <i>Балабáнова Гора</i> , поле <i>Балобáниха</i>	20	3,4
скопа	г. <i>Скопинó Гнездо</i> , оз. <i>Скопинó-озеро</i>	16	2,7
кречет	о-в <i>Крèчета</i>	1	0,2
	Всего	595	100 %

Из таблицы следует, что больше половины всех названий составляют топонимы, образованные от основы *сокол*¹¹. К сходным результатам пришел биолог А.В. Кузнецов, изучивший (на материале географических карт) названия одного типа объектов – болот Архангельской, Вологодской и Костромской обл. По его данным, 53 % названий болот, в которых отражены обозначения хищных птиц, хранят указанную основу [Кузнецов 2010: 8].

Эта статистика нуждается в отдельном анализе, а сейчас можно лишь самым предварительным образом обозначить причины такой неравномерности показателей, которая не кажется предсказуемой (сокол, скажем, является менее заметной и крупной птицей, чем некоторые другие из представленного перечня). Среди причин есть экстралингвистические и собственно лингвистические. В числе первых следует особо выделить традиции соколиной охоты. В Архангельской, Вологодской и Костромской областях были поселения сокольников (о чем среди прочего говорят ойконимы типа *Сокольники*, *Сокольниково*), образовавшиеся, судя по всему, в XIV–XV вв. Сокольники по оброку занимались промыслом соколов, которые поставлялись к царскому двору [Там же: 8–9]. Естественно, это стимулировало выделение (посредством топонимов) мест обитания птиц. Думается, названный фактор довольно значим, но, конечно, он не может быть

⁹ Здесь и далее статистические данные означают количество полевых фиксаций топонимов (одно и то же название отмечено в картотеке несколькими фиксациями, в среднем тремя). Разумеется, такие сведения являются менее корректными, чем данные собственно о количестве топонимов, реализующих ту или иную модель, однако для целей, поставленных в этой работе, они приемлемы, поскольку позволяют составить общее представление о продуктивности той или иной модели.

¹⁰ Топонимы, образованные от этой основы, встречаются на Урале, но не фиксируются на Русском Севере, что связано с местами обитания птицы.

¹¹ Приношу сердечную благодарность И.И. Муллонен, которая поделилась своими наблюдениями над особой частотностью основы *сокол* в топонимии, что стимулировало мои занятия этим вопросом.

единственным объяснением столь резкого преобладания топонимов, образованных от основы *сокол*: во-первых, для охоты отлавливали не только соколов, но и ястребов, орлов; во-вторых, ареал названий от основы *сокольник* значительно уже, чем ареалы топонимов *Сокол*, *Соколий*, *Соколиный* и т.п. Другие экстралингвистические факторы – особенности гнездовья птиц, близость / удаленность от человека (присутствие или отсутствие их в его жизненном пространстве), их количественная представленность, размер и «заметность», степень опасности этих птиц для домашних животных и др.

Большое значение, вероятно, имеют факторы собственно языковые. Особая частотность топонимов, образованных от основы *сокол*, очевидно, отчасти определяется смысловой емкостью и выразительными возможностями этой основы. Во-первых, слово *сокол* обладает наиболее диффузной семантикой, обозначая различные виды птиц семейства соколиных (к этому семейству относятся также балабан, кречет, пустельга, кобчик и др.). По всей видимости, в народной орнитологической систематике объем слова *сокол* является еще более широким, чем в научной (возможно, *соколами* называют также птиц других – сходных – семейств). Во-вторых, основа *сокол* имеет разработанный коннотативно-оценочный фон, что определяет использование ее в топонимах вне связи с собственно птицей. Это слово имеет коннотации «высокий, возвышенный (такой, где могли бы жить соколы)», «быстрый, стремительный», «имеющий форму соколиного крыла», «красивый»; ср. мотивировки топонимов: мыс *Соколок* (рядом мыс *Голубок*): «Боевы таки, острые мыски с двух сторон Гольца» <Прим, Красное>; поле *Соколово*: «Поле по форме похоже на крылья сокола» <Кир, Зайцево>; холм в лесу *Сокольна*: «Высокая, как соколы летают высоко, потому и Сокольна. Да нет тут соколов-то, это просто назвали так» <В-Уст, Щекино>; пок. *Соколово*: «Соколово на окате, не на ровном месте, как сокол. Тако красиво место» <В-Уст, Полдарса Первая>; ур. *Сокол*: «А тут холм высок, а там узка длинна бережина (ур. *Хвост*)» <Мез, Азаполье>; руч. *Сокол*: «Быстрый такой ручеек» <Пав, Березовка>; руч. *Соколово*: «В горе в такой, дак как сокол» <Нюкс, Красавино> и др.¹². Показательно, что другие топонимы, в основе которых лежат обозначения хищных птиц, дают сугубо «бытийные» мотивировки: пок. *Орлово Гнездо*: «Там орел гнездо свил» <Леш, Шегмас>; р. *Коршун*: «Там болото, филины, коршуны живут, вероятно, оттого назвали» <Вил, Гришинская>; г. *Скопино Гнездо*: «В середине болота Лывно горка есть, птицы гнезда там вьют, глухари и другие крупные птицы, эту горку зовут Скопино Гнездо» <Нянд, Шултус> и т.п. Мотивировки, указывающие на метафорический характер наименования, встречаются только у топонимов, образованных от основы *орел* (пок. *Орлецы*: «Высокие такие, как орлы» <В-Т, Тинева>), но гораздо реже, чем у названий с корнем *сокол*.

Таким образом, сравнение продуктивности топооснов, принадлежащих к определенной тематической группе, помогает охарактеризовать семантическое своеобразие основ.

3. Мало изучена семантическая «сочетаемость» топонимов. Если в сфере нарицательной лексики сочетаемость является синтагматическим свойством, то в сфере топонимии она имеет как синтагматические, так и парадигматические черты, поскольку основана на способности топонима вступать в семантические оппозиции с другими названиями, при которых смысловой связи топонимов соответствует пространственная смежность или соотнесенность географических реалий. Наиболее известны семантические пары (ряды, микросистемы) *большой – малый*, *старый – новый*, *верхний – нижний* и др., которые имеют широчайшее распространение. Более 20 лет назад были проанализированы основные типы семантических рядов, их функциональные особен-

¹² Возможно, в каких-то случаях топонимы типа *Сокол* являются самостоятельными образованиями, связанными с *сечь*, без посредничества *сокол* 'falco' (подробное рассмотрение происхождения названия птицы, производимого от ***sekt* 'i: **sěkti* 'сечь', и омонимичных лексем представлено в [Петлева 2003]), однако, кажется, количество таких фактов в топонимии минимально.

ности, роль в локальных топонимических системах и т.п. (см. [Березович 1992]), но подробная каталогизация моделей семантической связи топонимов и по сей день не осуществлена.

Выявление перечня семантических рядов в различных региональных топонимиконах могло бы способствовать решению задач этимологической и мотивационной интерпретации топонимов. Семантическая микросистема создает своеобразный контекст для входящих в нее элементов, внутри которого действует закон смыслового согласования, поэтому анализ конкретного контекста позволяет восстановить реализующееся в данном случае значение онимов, анализ круга контекстов – парадигму значений.

Интересны те связи, которые представлены именно в топонимии, но не засвидетельствованы (или слабо фиксируются) в апеллятивной лексике. Яркий пример такого рода – оппозиция *круглый – долгий*: оз. Долгая Ва́дья – Круглая Ва́дья: «Долгая Ва́дья длинная, а Круглая Ва́дья кругленькая, как яичко» <Лен, Яреньга>; поле *До́лгуша* – поле *Кру́глица*: «Долгое оно, а то круглое» <Прим, Ластола>; паш. Долгая – Круглая: «Одна круглая, как круг, а вторая не такая круглая» <Вил, Борок>; оз. Долгий О́ньчуж – Круглый О́ньчуж <Холм>; оз. Долго Ви́льдозеро – Кругло Ви́льдозеро <Он>; бол. Круглая Мя́нда – Долгая Мя́нда <Бел>; оз. Долгая Ста́рка – Круглая Ста́рка <Ней>; пок. До́лгуша – Кру́глуша <Кад>; пок. Долгая Ве́льга – Круглая Ве́льга <Чаг> и др.

В ряде случаев многозначные и семантически емкие тополексемы входят в состав нескольких оппозиций. Так, тополексема *чистый* выступает в топонимии в составе различных оппозиций, которые можно разделить на две группы. В оппозициях первой группы проявляется известная литературному языку антитеза «не содержащий грязи» – «загрязненный»¹³, а другая (более представительная) группа обнаруживает антитезу «безлесный, очищенный от растительности» – «заросший лесом»:

чистый – глухой: бол. Чистый До́мгиль – бол. Глухой До́мгиль: «Чистый Домгиль – чистое болото, а Глухой зарос весь» <Вил, Щербинская>; бол. Чистая – Глухая: «Два болотца в километре, только Глухая в лесу, круглышка така лесом окружена, а Чистая в чистом месте» <Карг, Филипповская>; бол. Чистое Болото – бол. Глухое Болото: «Болото на полянке, а Глухое Болото – в лесу» <Вил, Борок>; оз. Чистое Фомино́ – Глухое Фомино́: «Одно озеро на поляне, а другое лесом окружено» <Сверд> [Березович 1992: 186]; д. Туймино Чистое – Туймино Глухое <Вель>; оз. Чистое – Глухое <Сок>;

чистый (чистно́й) – лесной: бол. Чистое – Лесное <Парф>; лог Чистая Тоня́ – лог Лесная Тоня́ <В-Т>; д. Чистно́е Петрако́во – Лесное Петрако́во: «Одно в лесу стояло, а другое на чисти» <Пош, Андриюшино>;

*чистый – согроваты́й*¹⁴: бол. Чистое Болото – Согрова́тое Болото: «Одно чистое, а на другом бугры, согры» <Лен, Савкино>;

чистый – часто́й: бол. Чистое Болото – Часто́е Болото: «На этом болоте далеко видно, ни деревца, всех людей видно, кто за клюквой пришел – поэтому оно называется Чистое, а есть ещё Частое Болото, там, наоборот, деревца растут» <Костр, Починок Чапков>.

Отмечены также «синонимические» пары (сходные по смыслу лексические варианты топонимов, которые обозначают один географический объект), поддерживающие «безлесную» семантику *чистого*:

*чистый = дороваты́й*¹⁵: бол. Чистое = Доровато́е <Чухл>;

¹³ Ср. пары *чистый – грязный*: руч. Чистый Де́мкин – Грязный Де́мкин <В-Т>; ур. Чистая Ша́лга – Грязная Ша́лга: «Грязная Шалга завалена вся валежником, а Чиста Шалга, понятно, аккуратно место» <Кир, Рыбацкая>; пок. Чистая Речка – Грязная Речка <В-Важ>; *чистый – дрянной*: пастб. Чистая Поляна – Дрянная Поляна <С-Гал>; *чистый – поганый*: оз. Чистое – оз. Поганое <Кир> (нелишне вспомнить и тот факт, что московские Чистые Пруды до XVIII в. назывались Погаными, а современное название получили после очистки).

¹⁴ Ср.: арх. *согроваты́й* 'покрытый кочками, небольшими лесными островами (о болоте)' [КСГРС].

¹⁵ Ср.: арх., влг., север. *дор* 'вновь расчищенное место под сенокос или под пашню' [СРНГ, 8: 129].

чистый = гладкий: бол. *Чистое* = *Гладкое* (2) <Ваш; В-Уст>;

чистый = лысый: г. *Лысая Гора* – г. *Чистогорье*: «Там еще Лысая Гора была, где Чистогорье было, там ведьмы живут» <Парф, Родино>.

В русском литературном языке отмеченные «антонимические» пары, кажется, отсутствуют, а в диалектной нарицательной лексике «проскальзывает» только оппозиция *чистый* – *глухой*. Она фиксируется в одном узком контексте – в противопоставлении берез с шероховатыми и с гладкими листьями: арх., влг. *глушина*, *глушица* – *чистоха*, *чистуха* [СГРС, 3: 42–43; КСГРС; АОС, 9: 129], ср.: «Цистухой париться можно, а глушина – на веники, пол мести» (влг.) [СГРС, 3: 42–43], «Каг глаткий листочек, востроносой, то называецца цистоха, а у которой шэроховатый, круглой и побольшэ, то называецца глушына» (арх.) [АОС, 9: 129].

Отмечалось, что «во всех славянских языках *чистый* применительно к локусам может означать отсутствие (как естественное, так и достигнутое специальными действиями) растительности, деревьев: рус. *чистое поле*; ряз. *чистина* ‘поляна, открытое место’, смолен. *чистик* ‘просека, поляна в лесу’, карел. *чисть* ‘не заросшее лесом место’; с.-х. *чистина* ‘свободное открытое пространство’ и т.п.» [Толстая 2010: 191]. Топонимические данные усиливают эту смысловую линию в гнезде **čistь*. В большинстве нарицательных фактов такого рода участвует не собственно прилагательное *чистый*, а различные его производные (в русск. *чистое поле* семантика отсутствия растительности находится на втором плане, на первом же – идея пространственной «незанятости», открытого места), ср. перечень производных от **čistiti* в значениях, связанных с расчисткой земли, в [Куркина 2011: 135–136]. В топонимии же признак отсутствия растительности активен как собственно для прилагательного *чистый*, так и для других родственных слов. Топонимический акцент на «безлесности», разнообразно обыгрываемый в системных связях изучаемого слова, можно считать аргументом в пользу «деятельностной» природы *чистого* как расчищенного, ср. реконструкцию **čistь* как причастия страд. прош. от несохранившегося **čidjǫ*, **čisti* в [ЭССЯ, 4: 122].

В тех случаях, когда многозначная лексема оказывается представленной в нескольких различных семантических оппозициях, топонимическое употребление помогает установить лингвогеографическое распределение оппозиций, определить, какой тип семантических отношений наиболее актуален для диалектной системы той или иной территории. Так, в топонимии Русского Севера слово *пресный* встречается в паре с *солёный*, а в топонимии Среднего и Южного Урала, а также Западной Сибири встречаются пары *пресный* – *горький*: оз. *Пресное* – *Горькое* (3 пары) <Приг, У-Иш, Тобол>; оз. *Большое* и *Малое Горькое* – *Большое* и *Малое Пресное* <Челяб>; оз. *Горький Абышкан* – *Пресный Абышкан* <Омск> [Березович 1992: 97] и др., ср. также название с. *Пресногорьковка* в Кустанайской области (по озерам *Пресное* и *Горькое*).

При изучении семантических связей географических названий важно учитывать **относительную продуктивность различных компонентов топонимического ряда**. Семантические связи в некоторых случаях настолько сильны, что под влиянием топонима, реализующего продуктивную модель, появляется окказиональный топоним, образующий с названием-стимулом смысловую пару. Окказиональность в данном случае не связана с функционированием названия в пределах локальной системы, которой оно принадлежит (в ней оно устойчиво воспроизводится), а определяется по отношению к номинативному фонду топонимикона в целом. В таких «наведенных» топонимах скрываются своего рода **потенциальные слова**, которые вряд ли закрепились бы как факт нарицательной лексики (или имели бы узкую сферу распространения), но проявляются в проприальной системе, которая более восприимчива к потенциальному, поскольку здесь не всегда происходит многосторонняя понятийная отработка плана содержания языкового знака. При этом сами по себе потенциальные слова интересны как демонстрация возможностей какой-либо модели.

Можно рассмотреть это явление на примере топонимов, образованных от обозначений сторон света, имеющих, в свою очередь, устойчивые связи с обозначениями времени суток или приема пищи (которые нередко отражают наблюдения над положением

солнца). В массиве этих наименований весьма популярны и частотны топонимы, указывающие на север и юг, которые производны от основ *ночь – полдень, зима – лето*¹⁶ (подробнее об этих названиях см. в [Березович 2009: 109–122]). На фоне продуктивных топонимов появляются окказиональные, выделяющие промежуточные направления розы ветров.

О первой паре таких названий автору этой статьи уже приходилось писать [Там же: 115]. Р. *Павечёрная* (бассейн р. Юг на территории Никольского р-на Вологодской обл.) течет с северо-запада, в нее слева (с севера) впадает р. *Ночная*. Топоним *Павечёрная* не имеет аналогов в топонимии Русского Севера и образован от не засвидетельствованного в нарицательной лексике слова **павечерье* 'северо-западное направление' (эта лексема фиксируется только во временном значении, ср.: влг. *павечерье* 'время перед заходом солнца' [СРНГ, 25: 109]).

Любопытна также пара, выявленная А.А. Макаровой: озера *Лётнее* и *Осённое* находятся на берегу р. Андога <Кад>, одно на юге от деревни Ступолохта («На лете оно, на юге»), второе – на северо-западе [Макарова 2012: 92, 446, 491]. Второе название окказионально, для него следует предполагать производящую основу **осень* 'северо-запад'.

Еще пример: ручьи *Пáбедной* и *Полднeвóй* впадают в р. Нея (бассейн Ветлуги) друг против друга, причем «Полднeвóй с юга, Пáбедной западнее» <Шар, Конeвo>. Название *Пáбедной* встречается единожды – только в составе этой пары. В его основе, очевидно, диал. *пáбед* (ср. также *паобéдьe*), которое имеет разные значения, связанные со временем принятия пищи, – от второго завтрака до ужина [СРНГ, 25: 106, 203]; в рассматриваемом случае следует восстановить **пáбед* 'запад' ← 'время после обеда', ср.: твер., новг., пск. *пáбед* 'еда между обедом и ужином' [Там же: 106].

Есть случаи, когда «слабые» топоосновы фиксируются неоднократно, в составе нескольких топонимов, но такие топонимы каждый раз оказываются включенными в семантический ряд. Так, все названия, образованные от основы *дневной*, входят в соотносительные ряды с топонимами от основы *ночной* и, по всей видимости, «наведены» ими: р. *Ночной Ирдомок – Дневной Ирдомок* <Окт>, р. *Дневной Портюг – Ночной Портюг* <Меж> (впадают, соответственно, в р. Ирдом и Портюг с севера и с юга), ср. влг. *день* 'юг (сторона света)', арх. *дневной* 'южный (о ветре)' [СГРС, 3: 228, 229]. «Слабость» этой основы по сравнению с основой *полдень* (имеющей десятки «пространственных» реализаций) коренится, наверное, в том, что слово *дневной* маркирует длительный временной отрезок, характеризующийся положением солнца в разных точках, поэтому у него менее точная, «несфокусированная» пространственная семантика¹⁷.

4. В ходе предшествующего изложения были затронуты **многозначные топонимические лексемы**. Хочется остановиться на них подробнее, причем особо выделить **качественные прилагательные** общенародного языка (ясно, что структурные особенности русской топонимии не позволяют так же детально изучать с ее помощью другую категорию слов с повышенной многозначностью – глаголы). Как правило, они приложимы ко многим типам географических реалий, т.е. функционируют в разного рода

¹⁶ Ср.: арх., влг., костр. *ночь, зима* 'северное направление, север', *полдень, лето* 'южное направление, юг' [КСГРС; ЛКТЭ]. Точные подсчеты частотности названий затруднены, поскольку данные топонимы могут указывать и на стороны света, и на сезонность использования объекта (особенно *зимние* и *полднeвeыe* топонимы), однако можно с уверенностью сказать, что «географическая» мотивация устойчива. В топонимии Архангельской, Вологодской и Костромской областей насчитывается несколько десятков реализаций модели *ночь – полдень* и несколько сотен модели *зима – лето*.

¹⁷ О значимости наблюдений над положением солнца для топонимической оппозиции *дня* и *ночи* говорит, к примеру, такая пара: пок. *Полднeвoй – Ночной*: «На Полднeвoм быстро трава просыхала, а на Нoчном медленно: лес рядом, поэтому так называли» <Сок, Телячье>. На основе признака освещенности может сформироваться и более широкий признак света: оз. *Дневное – Нoчное*: «В одном озере светлая вода, в другом темная» <Вин, Важский>.

объектных контекстах, что позволяет анализировать различные значения и оттенки значений.

Ниже приводятся некоторые специфические контексты употребления и далее – соответствующие им значения или смысловые оттенки качественных прилагательных, которые не отмечены или слабо засвидетельствованы литературными и диалектными словарями русского языка. Так, прилагательное *толстый* в топонимии может прилагаться к гидрообъектам, сочетаясь в составе топонимов со словами *ручей*, *озеро* и *разлив*: руч. *Толстой Ручей*: «Когда большая вода, он так разливается – кругом ходят» <Лен, Мыс>, руч. *Толстой Ручей* <Карг>, руч. *Толсто́е* <Вил>, оз. *Толстоzéрцо* <Шенк>, старица *Толстой Разлив* <Шар> и др. Такая сочетаемость подтверждает, проясняет и расширяет единственное «водное» значение *толстого*, отмеченное в СРНГ: мурман. *толстой* ‘имеющий значительную глубину, глубокий’: «Толста вода невода подтопила (о реке)» [СРНГ, 44: 215]. Думается, дефиниция СРНГ неточна: речь идет не столько о глубине, сколько об «объеме» воды. Таким образом, *толстой*, *толстый* – ‘полноводный, имеющий избыток воды (о гидрообъектах)’.

Весьма определенно высказывается топонимия за еще одно значение *толстого* – ‘высокий, крутой (о горе, холме, участке берега)’, ср. сочетания со словами *круча*, *гора*, арх., влг. *катище* ‘место на высоком берегу реки, откуда скатывали в воду лес, предназначенный для сплава’ [СГРС, 5: 99]: берег *Толстая Круча*: «Высокий там берег» <Ваш, Пиксимова>; г. *Толстой Луг*: «Высокой был луг» <У-Куб, Чирково>; поле *Толстуха*: «Это место выше, бугром таким» <В-Важ, Ореховская>; мыс *Толстой*: «Гора там в середине» <Карг, Масельга>; пок. *Толстая Гора* <Кир>, поле *Толстоё Катище* <Нюкс> и др. Такая смысловая валентность тоже очень слабо проявлена в словарных материалах, ср. перекликающееся с вышеприведенными значение, отмеченное как фразеологически связанное: влг. *толстой изъём* ‘высокий подъем’: «Изъём у него толстой, какой сапог ей погодится» [СРНГ, 44: 215], а также арх. *толстик* ‘крутой, возвышенный берег, мыс’ [Там же: 208].

Значение ‘не сужающийся к концу, имеющий тупую или полукруглую форму, выглядящий массивным (пртвп. *острый* ‘суживающийся, вытянутый к концу’) наиболее близко к литературным значениям *толстого*, но все же не фиксируется в соответствующих словарях. Не отмечено оно и в диалектных лексикографических источниках, которые, по всей видимости, игнорируют его из-за близости к значению ‘имеющий большой диаметр; большой в обхвате, в окружности’. Однако «обхватность» *толстого* все же не осмысливается, судя по имеющимся словарным материалам, как плоскостная форма; возможность проецирования ее на плоскость демонстрирует именно топонимия, в которой есть сочетания *толстого* со словами *мыс*, арх., влг. *нос* ‘мыс’, арх. *кóрга* ‘отмель на реке, озере, море’ [КСГРС]: мыс *Толстый Нос*: «Мыс имеет форму полукруга» <Плес, Вершинино> (ср. также более 30 фиксаций топонима *Толстой Нос* в других районах Архангельской и Вологодской областей); мыс *Толстик*: «Выделяется в озеро большой мыс» <Прим, Яреньга>; ур. *Толстой Мыс* <Кон>, отмель *Толсты(е) Кóрги* <Прим>. Показательны и отношения лексической системности, в которые вступают топонимы, образованные от основы *толстый* (*толстой*): фиксируется «антонимическая» пара *толстый* – *острый* (мыс *Толстой Нос* – мыс *Вострой Нос* <Выг>) и «синонимическая» *толстый* – *густой* (мыс *Толстый Нос* = *Густой Нос* <Холм>). Для *густого* такая семантика тоже не отмечается словарями, кроме близкого брян. *густой* ‘широкий, в сборку (об одежде); пртвп. *узкий*’ [СРНГ, 7: 247].

Наконец, в топонимии просматривается «урожайное» значение *толстого* – ‘обильный, богатый травой (о покосе, луге)’: пок. *Толсто́е*: «Жирная трава, заливной луг», «Трава там густая, потому и Толстое» <Бел, Панкратовка, Верегонец>, луг *Толстой Луг*: «Богатый луг» <У-Куб>, возможно, сюда же пок. *Толстеньё* <Уст>, поле *Толсто́е* <Нянд, Хар> и др.; потенциально «урожайная» семантика заложена и в названиях ягодных и грибных мест: *Толстик* <Он>, *Толша* <Бел>. Из близких словарных значений ср. новг. *толстая земля* ‘удобренная земля’ [СРНГ, 44: 214].

Свой вклад топонимические данные вносят в реконструкцию семантики прилагательного *веселый*, что подтверждает и дополняет выводы, изложенные в принципиально важной работе С.М. и Н.И. Толстых по этому поводу [Толстая 2008: 248–274]. Топооснова *веселый* представлена в топонимии Архангельской, Вологодской и Костромской областей солидным числом фиксаций (210), при этом всего 9 % названий обозначают населенные пункты (а именно среди них естественнее всего было бы ожидать реализации современных общеязыковых значений, связанных с эмоциональным состоянием и поведением человека, ср., к примеру: д. *Весёлая*: «Деревню переименовали в 1932 году, когда колхоз стал. Говорят: “Теперь весело жить будем”» <Ваш, Веселая>). Подавляющее большинство названий, образованных от основы *веселый*, мотивировано свойствами природных объектов.

Среди них выделяются названия лугов, полей, покосов (55 % от общего количества топонимов с корнем *весел-*): поле *Весёлое (Богатое) Полькó*: «Урожая с его много» <Вох, Кекур>; пок. *Веселыца*: «Хорошо тамotka косить, трава высокая» <Бабуш, Косиково>; пок. *Веселый Луг*: «Чистой, суходольной луг» <Кир, Лешево>; пок. *Веселый Лужок* <Бел>, поле *Веселуха* <Он> и др., ср. также бол. *Веселая*: «Оно небольшое, но на нём растёт клюква-то» <Вох, Тихон>. Эти названия, несущие идею урожайности и изобилия, подтверждают вывод С.М. и Н.И. Толстых: «По отношению к полям **vesel-* означает не только ‘свежий, зеленеющий, растущий’, но и ‘изобильный, плодородный, урожайный, благодатный’» [Толстая 2008: 261]. Данное положение иллюстрируется в работе Толстых двумя древнерусскими контекстами (например, «Тѣлеса убо подобно вештськыя приемлюшта пишта, растуць же и *веселятсѧ* до повелѣння таковыи въздрастьми мѣры и лѣта» <XII в.> [Там же]). Думается, топонимические данные существенно усиливают аргументацию в пользу выделения отмеченной смысловой линии, «привязывая» ее к народной языковой стихии.

Довольно представительна группа обозначений возвышенных мест (20 %): г. *Веселый Угорышек*: «С него всю деревню видно» <С-Двин, Ненокса>; поле *Веселуха*: «Место очень красивое, вся губерния видна, вот и прозвали Веселуха» <Нянд, Андреевская>; г. *Веселухи*: «Веселое место, угорышек такой», «Высокое красивое местечко» <Нюкс, Красавино, Звегливец>; поле *Веселое*: «Оно на веселом месте, на угоре» <В-Уст, Едино>; г. *Веселая Грива*: «Веселая Грива, она кругом просвечивается. Угор-угор, всё видно, а потом откат», «Здоровая грива, лес хороший, чистый» <Лен, Лыσιμο, Тохта>; ср. также *Веселая Горка (2)* <Ваш; Нянд>, *Веселая Горочка* <Вин>, *Веселая Горушка* <Кир>, *Веселая Грива*, *Веселой Горбуль* <Бел>, *Веселые Горушки* <Прим> и др. Именно топонимические данные побудили сотрудников ТЭ УрФУ верифицировать подобные смыслы в нарицательной лексике, в результате чего было обнаружено арх., влг. прилагательное *веселый* – ‘находящийся на высоком месте с хорошим обзором’: «У нас изба-то весела, далеко видно, всю деревню», «Это поле на веселом месте, там горка, всё видать», «Веселое место было, всё видно с угора» [СГРС, 3: 77].

Выделяется и группа названий лесов (а также островов леса на болоте и – гораздо реже – болот): лес *Веселый Бор*: «Сосновый, светлый он, старики так и назвали» <Он, Большой Бор>; ур. *Веселое*: «Всё сосняк, весело, когда солнце печёт, сосны как шляпы сверху» <Кир, Бозино>; лес *Веселая Веретья*: «Лес веселый, сосновый, чистый. Там самая охота, глухари, лоси» <Котл, Яндовище>; бол. *Веселое*: «Это болото бывает покрыто жёлтыми кувшинками, которые радуют глаз» <Карг, Кудринская> и др.

В этих примерах ландшафтное «веселье» выступает как комплекс взаимосвязанных признаков, образующих в каждом конкретном случае разные комбинации: на полный светом, освещенный¹⁸, яркий, просматриваемый, дающий возможность обзора, возвышенный, открытый, чистый, сухой. Это визуально воспринимаемые маркеры природного, если можно так выразиться, «здоро-

¹⁸ Ср. также арх. *весело* ‘с большим количеством света, светло, солнечно, ярко’, ‘полный света, солнечный, яркий; блестящий’ [АОС, 3: 150–152], перм. *веселый* ‘хорошо освещенный, светлый’ [СРГСПермК, 1: 215].

вья» и «оптимизма», «жизненных сил» природы. К этому блоку добавляется «прагматический», связанный с изобилием, урожайностью, плодородием. *Веселье* задается как свойство природы с обязательным включением в нее человека, который оценивает ее с эстетико-прагматических позиций. Создается впечатление, что *весельями* называются именно те места, где человеку хотелось бы жить и хозяйствовать (известно, что излюбленными местами для строительства поселений на Русском Севере были возвышенные участки по берегам рек, с хорошим обзором местности, около травянистых лугов и сухих боров). Все это вносит дополнительные штрихи в тот семантический комплекс, который реконструируется для праслав. **vesel-* по данным собственно языковой семантики и культурных контекстов ('жизненная сила, здоровье, процветание, плодородие') и согласуется с этимологическим значением этого корня – 'способный к жизни, жизнеспособный' (и далее 'здоровый') [Толстая 2008: 179, 270]. Особые акценты, которые топонимия ставит на идее света, сопряженность положительной визуальной оценки и идеи природного здоровья и «жизнеспособности» напоминают связь значений в гнезде слав. **kras-*, где отмечается синкретизм колористического ('красный цвет') и биологического ('жизненная сила') значений [Там же: 180]. Сказанное помогает понять концептуальные основы формирования семантики некоторых древнейших слов со значением положительной оценки.

5. Установка на учет историко-географических и культурных условий, в которых функционируют объекты номинации, издавна присутствовала в топонимических исследованиях. Углубление метода *Wörter und Sachen* («Слова и вещи») при интерпретации географических названий требует внимания к **прагматике, к ситуации взаимодействия реалии и номинатора**, задающей выбор точки зрения, фокуса эмпатии.

В этом плане небезынтересна ситуация с *поклонными горами* – названиями, представленными в разных областях России. Самая известная в нашей стране *Поклонная гора* находится в Москве. Есть остроумная версия относительно происхождения ее названия, принадлежащая А.М. Молдовану, который считает, что в столичном топониме реализуется древнее, исходное значение слова *поклонный* 'наклонный, наклоненный, склоненный' (гора является пологой, а не крутой), которое затем (вследствие распространения христианского ритуала) было вытеснено значениями 'относящийся к поклону, связанный с поклонами, поклонением' [Молдован 2011: 305]. По мнению автора, «эти значения, связавшие слово *поклонный* с поклонами и поклонением, в конечном счете стали его единственными значениями. Поэтому в дальнейшем народные версии о происхождении названия *поклонных гор* складывались на основе этих новых ассоциаций слова *поклонный*. Рассказы о столичной *Поклонной горе* могли давать для таких толкований дополнительный "сюжетный материал", и в последующее время это могло становиться основанием для номинации иных *поклонных гор*» [Там же].

Такая возможность интерпретации *поклонных гор* допустима, но здесь хотелось бы привести дополнительные соображения, направленные на реконструкцию номинативной ситуации, которая определяет появление *поклонных* топонимов.

В картотеке ТЭ УрФУ по территориям Архангельской, Вологодской и Костромской областей имеется 55 фиксаций топонимов, образованных от основ *поклонный, поклон* (*Поклонная Гора, Поклон-Гора, Поклонный Бор, Поклонница* и др.). В 85% случаев это обозначения возвышенностей: г. *Поклонная Горка*: «Шли мы в церкву из Балясина Починка, как дойдём до этой горки – церкву видать. Ну, дошли, баслы (благослови) Христос. Поклонимся, умоёмся» <Ник, Крутиха>; г. *Поклонная*: «На этой горе богомольцы кланялись Кирилло-Белозерскому монастырю» <Кир, Вогнема>; г. *Поклонная Гора*: «Кладбище там, родителям кланялись» <В-Т, Степановская>; уч-к дор. *Поклонное Местечко*: «В церкву в село ходили. Как дойдём до Поклонного Местечка, её видко. Кланялись, одёжу меняли в том месте» <Окт, Даровая>; г. *Поклонная Гора*: «С этой горы было видно 12 церквей в округе, на ней хотели поставить часовенку» <Кир, Благовещенье>; г. *Поклонная*: «С этой горы церковь была видна, сюда народ молиться ходил», <Бел, Юрино>; г. *Поклонная Гора*: «Шли в Петропавловское в церкву, как дойдут

до Поклонной Горы, так и церкву видать. Кланялись, крестились» <Пав, Доровица>; г. *Поклонница*: «Церковь там была, вот горе и кланялись» <Бел, Искрино> (эта сводка дополняет материалы, опубликованные в [Березович 2009: 243], а затем в [Молдован 2011: 300–301]). Подобные мотивации есть и у топонимов, зафиксированных в других источниках. Данные о них приведены в [Там же: 300–301]; хочется добавить к ним лишь новгородские свидетельства: *Поклонная Гора (Поклонница)* есть у д. Болонье: «От Болонья первая – Поклонная Гора, а вторая – Межник, к Пашкину-то. Богомольцы кланялись, увидя с Поклонницы храм»; другая *Поклонная Гора* – у д. Шинково: «Поклонная Гора высокая, солдатам не сподняться» [НОС: 180].

Из контекстов следует, что носители традиции отмечают не только особый статус самого сакрального объекта, но и маркированность той точки, с которой открывается вид на этот объект, т. е. границы обзора. Действительно ли такие точки были значимыми настолько, чтобы к ним мог быть «привязан» ритуал поклонения соседнему культовому объекту? По мнению А.М. Молдована, подобные толкования весьма субъективны: «обычай <поклонения> полагали объект поклонения находящимся на самой горе; в силу этого священной считалась сама гора, а не открывающийся с нее вид на соседнюю местность. Так что, стремясь привязать толкование названия разнообразных *поклонных гор* к древним обычаям, современное предание характерным образом лукавит и подгоняет старое наименование под новый религиозный порядок. <...> Не кажутся убедительными рассказы о благочестивых крестьянах, время от времени поднимавшихся на гору, чтобы поклониться дальней церкви вместо того, чтобы сходить в эту церковь» [Молдован 2011: 301–302].

Следует привести некоторые аргументы в пользу особой выделенности и значимости именно точки (границы) обзора. Эта точка может быть отмечена как с помощью *поклонных* топонимов, так и другими способами: например, названиями, образованными от основ *креститься, молиться, говеть*: ур. *Крещёное Место*: «Со всех мест в церкву в Луптюг ходили. Дойдём до Крещёного Места – её увидим. Крестились, лапти меняли» <Окт, Клюкино>; г. *Богомольная Горка*: «Там молились люди, завидя церковь на следующем холме» <Кир, Коковановская>; ворота *Богомольные Ворота*, недалеко руч. *Говенный Ручей*: «Церковь была в Модно, от Говенного Ручья уже не ели, а говели», «Подходили к воротам и начинали молиться до самой церкви» <Устюж, Плотичье>; бол. *Богомольное*: «В церкву по нему идти» <У-Куб, Устье> (здесь воспроизведены с дополнениями данные, представленные в [Березович 2009: 242–243]). В таких «ориентированных» топонимах могут найти отражение не только действия прихожан, но и собственно наименования церквей. Так, недалеко от с. Кунгурка Ревдинского р-на Свердловской обл. есть *Зосимова Полянка*, которая названа так по церкви *Зосимы и Савватия*. Сама поляна находится в двух километрах от церкви, на противоположном берегу пруда, но она является той точкой, откуда становится заметной церковь при выходе из леса. Ср. также свидетельство из топонимии Карелии: *Спасова Гора* (д. Кургеницы Медвежьегорского р-на) названа так, поскольку с нее открывается вид на *Спасскую Церковь* Кижского погоста. Здесь всегда кланялись и крестились. То же самое делали у *Спасовой Луды*, когда со стороны д. Клименицы добирались по воде до Кижей. Отсюда был виден погост (сообщено И.И. Муллонен). Такие точки могут не иметь собственно языковой маркировки, но быть выделенными иными символическими средствами. К примеру, «в Кенозерье при подходе к Филипповскому погосту есть маленькая часовня на повороте дороги – именно в том месте, откуда открывается вид на погост. Горы или какого-то возвышения нет, но часовня помечает границу обзора. Это всегда важная точка, которая естественным образом получала название» (сообщено И.И. Муллонен).

Причины выделенности таких точек становятся особо понятными, если представить природные и культурные условия функционирования приведенных выше топонимов, а также «сценарий» посещения церквей. Церкви строились обычно в крупных селах, находились они, как хорошо известно, на возвышенности или на открытом месте на берегу реки, при этом к ним вели немногочисленные извилистые дороги, проложенные среди лесов и болот. Не будет преувеличением сказать, что на Русском Севере средний

по протяженности путь в церковь – около 10–15 километров. В условиях здешнего рельефа (небольшие лесистые холмы, высоких гор практически нет) особо значимым было то место, с которого – при очередном повороте лесной дороги – становилась заметной церковь. Это место не только являлось точкой отправления определенного ритуала (переодевались в выходную одежду, умывались в текущем рядом ручье, кланялись церкви, крестились), но и важным ориентиром, подтверждавшим правильность маршрута. «Ориентационная» роль церквей отражена в целом ряде топонимов Русского Севера: бол. *Церковная Просека*: «По ей шли на церкву, церкву-то далеко было видно» <В-Важ, Ореховская>, просека *Колокольный Просек*: «На него выходишь – видна была церковь наша» <Ваш, Тимошино>; тропа *Никольский Просек*: «Церковь была вроде маяка, из леса шли – ее видели, знали, что на нее выйдем. Из озера в бурю ее видно было, в колокола звонили, чтоб корабли не тонули» <У-Куб, Сергеевское> и др.¹⁹.

Все это позволяет полагать, что мотивировка названий *поклонных гор* по действию поклонения имеет прагматическое подтверждение. При этом можно допустить и существование иной мотивировки – собственными свойствами объекта («поклонностью», т.е. пологостью, покатостью). Думается, эти мотивировки необязательно должны выстраиваться в некоторой временной последовательности (первична мотивация по характеру склона, а вторична – по действию поклонения). Они могут существовать независимо друг от друга: для каких-то топонимов возможна «эстафета» мотивационных вариантов, а для каких-то – изначальная мотивированность действием поклонения. Топонимия устроена так, что небольшой круг популярных топооснов «обслуживает» огромное количество неповторимых ситуаций с участием географических объектов, поэтому продуктивные топоосновы развивают повышенную многозначность, а также способность к словообразовательной омонимии.

В рамках обсуждения вопроса о культурно-прагматическом контексте появления и функционирования топонимов стоит отметить, что есть целые разряды географических названий, выделение или «акцентирование» которых в значительной мере определяется культурными факторами. К их числу, например, относятся названия ключей и родников. Так, в Верхнем Поветлужье (в Октябрьском р-не Костромской обл.) ТЭ УрФУ не смогла записать ни одного собственного имени ключа или родника. В Среднем Поветлужье (в Шарьинском р-не той же обл.) такие названия появились: *Щедрый*, *Ключик у Германской*, *Ключик Скорбящей (Скорбящая)*: «Там вода святая. Икона Скорбящей там вышла. Где икона сказала, часовню поставили. На горе там сосны, к ним подходят, если зубы болят, коры-то брать» <Подолиха>; *Варнава*: «В Бердихе и Подолихе Варнава, праздник Варнава был. По святому Варнаве Ветлужскому. На ключик ходили, Варнавой тоже звали ключ-от» <Бердиха>; *Кузьма (Кузьма-Демьян, Ключик Козьмы и Демьяна)*: «Ключик Козьмы и Демьяна, часовня была на Лысой Горе. Говорят, часовня провалилась. Козьма и Демьян – бессребреники, воду даром дают» <Мишино> и др. Большинство названий ключей мотивированы обозначениями соответствующих праздников и икон, явившихся, по преданиям, в дни праздников на родниках. Шарьинский район граничит с Нижегородской областью (и частично входил ранее в ее состав), где очень популярны рассказы о святых источниках, см. [Шеваренкова 2004: 85–170]. Актуальность названий родников поддерживается и ныне существующей традицией посещать их во время престольных праздников.

Почему сложилась такая ситуация? Дело в том, что в Верхнем Поветлужье значительно более низкая, чем в Среднем, «плотность» названий праздников (хронимов) и соответствующих имен святых (агионимов), связанных с обозначениями объектов культа. Для Верхнего Поветлужья была типичной ситуация, когда жители

¹⁹ Не будет неуместным также напомнить, что в традиционной народной топонимии весьма популярна и продуктивна такая ориентационная модель, которая выделяет наименования некоторого объекта-посредника, ориентирующие по отношению к нему объект наблюдения, удаленный от посредника. Допустим, бол. *Осецкое* названо так не потому, что оно находится у д. *Осека* <Кад>, а лишь указывает путь в сторону этой деревни (см. обзор таких топонимов в [Березович 2009: 140–141]).

10–20 деревень, относившихся к одному приходу с церковью в крупном селе, имели один и тот же праздник, название которого соотносилось с именем церкви: к примеру, *Веденьё* (день Введения Богородицы во храм) отмечалось в селе *Веденьё*, где была *Введенская церковь*, и этот праздник объединял три десятка окрестных деревень. В Среднем Поветлужье плотность хронимии гораздо выше: каждый праздник закреплен за 1–3 деревнями – так, что на один приход приходится 10 и более праздников. Соответственно, у многих праздников (святых) нет «одноименного» крупного объекта культа. На этом фоне повышается роль маленьких часовен, обетных крестов, водных источников, посвященных праздникам и соответствующим святым. Информация о чтимых датах и святых как бы «разбрызгивается» в пространстве, она ищет себе новых способов символического закрепления – например, в названиях родников.

Таким образом, важно воссоздавать культурно-прагматический контекст, который входит составной частью в ситуацию номинации, способствующую появлению обозначений отдельных типов и классов географических объектов.

6. Следующий блок проблем связан с сопоставительным изучением номинативного фонда топонимии и апеллятивной лексики.

Необходимо выявить перечень **собственно топонимических мотивационных моделей**, т.е. мотивационных формул, которые не фиксируются во внетопонимическом употреблении, хотя основаны на апеллятивной лексике. Особенно показательны формулы с высокой степенью идиоматичности. Например, к числу собственно топонимических относятся модели своеобразной наивной метрологии, в рамках которых функционируют топонимы, обозначающие небольшие речки, ручьи, сырые низины и др., где воды по пояс (и соответственно, чтобы перейти такую речку, надо по пояс раздеться). Это модели «без- + названия одежды, закрывающей нижнюю часть туловища и ноги», «гол- (мокр-) + названия соответствующих частей тела», «названия частей тела + *мыть*»: бол. *Беспортóчное*: «Переходили, дак портки сымали, по пояс было» <Кады, Новый Курдюм>; пок. *Безгáчиха*²⁰: «Реку вброд без штанов переходили», «Трава высоченная, дождь пройдет – бродили без штанов» <Кад, Порог>; ур. *Голожóтица*: «Чуди там без штанов бегали» <В-Т, Лохома>; пок. *Мокрогúз*: «Рядом болото, бродили по пояс мокрые» <Котл, Кузнечиха>; низина *Оголигúз*: «Переходить надо, дак штаны сымали» <Шар, Коневó>; руч. *Гуздомóйка*: «Его переходить, дак вода до жопы доходит» <Ваш, Вашкозёрки>; р. *Гуздомóя*: «Вода там как раз до гузна» <Кир, Кирбасовó>; см. также примеры в [Березович 2009: 182–183]. Небезынтересно выяснить причины, ограничившие сферу реализации подобных моделей проприальными именами. Модели такого рода составляют значимую, но практически не изученную часть мотивационно-номинативного фонда национального лексикона.

Есть смысл продолжить изучение **процессов в сфере взаимных переходов топонимии и нарицательной лексики**. Это имеет большое значение для выяснения особенностей функционирования двух базовых разрядов лексикона, для совершенствования словарной подачи лексического материала. В настоящее время процессы деонимизации («детопонимизации») рассматриваются главным образом применительно к так называемым прецедентным именам, отсылающим к значимым для данной традиции культурным явлениям и событиям, ср. нарицательные слова, образованные от имен *Америка*, *Вавилон*, *Ташкент*, *Черемушки*, *Шанхай* и др., которые описаны, например, в [Отин 2004]. Не изучен сколько-нибудь полно процесс деонимизации тех имен, которые не являются прецедентными. Речь идет о словах, которые имеют топонимическое оформление, но при этом терминологизировались, о чем свидетельствует возможность внетопонимического употребления их в типичных для нарицательной лексики контекстах. Как правило, толчком для обнаружения таких слов становится именно повторяемость в топонимии.

²⁰ Ср. диал. шир. распр. *гáчи* 'штаны, штанины' [СРНГ, 6: 154].

В качестве примера можно привести топоним *Выползово* (реже *Выполза*, *Выползиха*, *Выползловка*; ср. также *Вылазово* и др.), который фиксируется в картотеке ТЭ УрФУ более 100 раз. Деревни и села с такими названиями, по данным справочников административно-территориального деления, отмечены по всей России – в Брянской, Калужской, Нижегородской, Рязанской, Самарской, Тверской, Ульяновской, Ярославской и др. областях. Этим именем, образованным от *выползать* (скорее всего, в более широком, чем литературное, значении, ср.: арх. *выползти* 'выйти наружу откуда-нибудь' [АОС, 8: 95–96]), на Русском Севере и в Верхнем Поволжье обозначают географические объекты двоякого рода. Во-первых, это места у дорог, где люди «выползают» на дорогу (в большинстве случаев это окраины поселений или граничащие с ними урочища); во-вторых, это недавно образовавшиеся части поселений или хутора, куда «выползли» (переселились) жители из той или иной деревни (здесь возможен еще один поворот образа: хутор как бы «выполз» из основного поселения). Эти мотивационные варианты могут совмещаться, накладываться друг на друга. Ср. контексты: д. *Выползово*: «Раньше-то ведь не хватало земли. <...> По берегу реки кочки, кругом было много змей. И стали выезжать на это место. И было 8 домов. Вот и назвали деревню Выползово» <Кадый, Завражье>; пок. *Выползово*: «Все выползали на это место», «Мы тут всю жизнь переезжали на лошадях» <Чаг, Марьино, Лешутино>; ур. *Выползово*: «Это место между Керасом и Согрой. У нас говорят: “О, выползли все к нам из всех деревень!”» <В-Т, Керас>; часть д. *Выползово*: «Из Мошни Выползово выползло» <Вил, Мошня>; хут. *Выползово*: «Выползли туда, дома поставили, вот и Выползово» <Вох, Кекур>; часть д. *Выползова*: «У другой деревни такие Выползовы или у дороги, эта у деревни Юрома» <Пин, Юрома> и др.²¹ Последний контекст должен был стать для собирателя сигналом к тому, чтобы попытаться записать это слово в апеллятивном употреблении, однако такая запись, к сожалению, не была сделана. В «Архангельский областной словарь» *Выползово* включено как топоним (в Каргопольском и Вилегодском районах) [АОС, 8: 95]. Слово квалифицировано как факт нарицательной лексики, кажется, лишь в одном лексикографическом источнике – «Дополнениях к Опыту областного великорусского словаря» (1858): новг. *выползово* 'домы в конце городов или местечек, составляющие отдельную часть или квартал. В XV и XVI столетиях *выползовами* в селениях назывались конечные двory (оболонья, предместья); они возникли от выселения жителей из посадов или от прибыли народонаселения' [ДО: 29].

К числу подобных фактов относятся и многочисленные *нахаловки*, распространившиеся как в сельской, так и в неофициальной городской топонимии в XX в., ср. *нахаловка* разг. 'поселок, появившийся в результате самовольной застройки' [БТС: 607], жарг. 'строение, дом, сарай, времянка и т.п., возведенные без разрешения властей; возделываемый без разрешения участок земли' [СМА: 275].

Если *выползову* и особенно *нахаловке* «повезло» в смысле лексикографической фиксации, то многие другие единицы такого типа остались «бесхозными». Думается, именно из-за топонимического оформления собирателя нарицательной лексики и лексикографы не проявляют внимания к таким фактам, которые крайне редко попадают в словари.

Среди претендентов на «прописку» в словарях нарицательной лексики можно назвать, к примеру, еще одно слово из той же смысловой сферы, что и приведенные выше, – *притыкино*. Это обозначение той части населенного пункта (или прилегающей к нему небольшой деревни, хутора), которая была построена позднее, чем основное поселение, и воспринимается как «приткнувшаяся» к нему. В картотеке ТЭ УрФУ насчитывается около 70 фиксаций таких названий на Русском Севере, в Верхнем Поволжье, на Среднем Урале, причем практически все топонимы снабжены однотипными мотивационными контекстами, что говорит о прозрачности внутренней формы для носителей топонимии. Деревни с аналогичными названиями отмечены также в Ивановской,

²¹ Ср. также лес *Вылазгора*: «С Ярбозера дорога проходила, богатых людей там грабили, вылазили» <Ваш, Екимово>.

Липецкой, Московской, Нижегородской, Новосибирской, Смоленской, Тверской, Тульской, Ярославской и других областях. Удалось найти один контекст, свидетельствующий о возможности терминологического восприятия таких слов: «Понастроили при колхозах новых улиц, притыкины в разных селах у нас появились» <Шар, Старково>.

Как было показано выше, одно из проявлений терминологического характера названий типа *Выползово, Нахаловка, Притыкино* – их широкое (едва ли не повсеместное) использование в топонимии.

Следует поставить вопрос о существовании менее заметного и более сложного (в смысле квалификации результатов) процесса деонимизации, результаты которого проявляются только в рамках какой-либо отдельной локальной топонимической системы, но не повторяются в других локальных системах. Такие результаты состоят в возникновении узколокальных географических терминов детопонимического происхождения. Практика полевой работы по сбору географических названий показывает, что это явление активизируется в последние два-три десятилетия. Это происходит в связи с резким сужением топографического горизонта носителей топонимии, которые зачастую не видят целостно линейные объекты: не знают, как текут и куда впадают реки, куда ведут дороги и т.п. Причина такой ситуации в конечном счете – разрушение традиционной системы хозяйствования (сенокосения по рекам, лесосплава и др.), когда линейные объекты утрачивают функцию организатора хозяйственных связей и используются «точечно» (подробнее об этом см. в [Березович 2011: 78–79]). Вследствие сужения пространственного горизонта географические реалии все чаще воспринимаются «кусочками»: человек знает не всю реку, а несколько покосов по ее течению, не болото целиком, а ягодные участки по его краям, не весь лес, а отдельные лесные делянки, не озеро, а участки его берега и др. Эти покосы, участки, делянки и т. п. с течением времени наделяются именами, метонимически перенесенными с названия реки или озера, причем, как правило, в форме множественного числа. В сознании носителей это множественное число читается как обозначение совокупности сходных друг с другом объектов. Однородные элементы, составляющие эту совокупность, воспринимаются как объекты апеллятивной, а не проприальной номинации.

Вот пример из топонимии Костромского Поветлужья, в котором ТЭ УрФУ работала в 2009–2012 гг. По реке *Калюг* (правый приток Ветлуги в ее верховьях) были многочисленные покосы, каждый из которых имел собственное название. Эта река находится в отдалении от деревень, в обозримом (для наших информантов) прошлом туда ездили косить по колхозной разрядке. В настоящее время названия отдельных покосов забылись, они выступают под обобщенным именем *Калюга́*. Поскольку ездили к этим покосам не вдоль реки, а по лесной дороге, которая вела к верховьям Калюга, а сама река была очень мелкой и временами пересыхала, многие информанты уже не воспринимают Калюг как реку. Название покосов – *Калюга́* – стало актуальнее, чем имя реки. Из формы множественного числа заново восстанавливается форма единственного, но уже с другим значением: **калюг* ‘лесной покос’. Это слово функционирует как географический термин и фиксируется в условиях полевого сбора. В практике своей работы сотрудники экспедиции стараются по возможности отделять друг от друга те этапы опроса, которые направлены на сбор топонимии и нарицательной лексики, чтобы информанты лучше понимали, что подразумевает в каждом случае сакраментальное «А как называется...?». О переходе *калюга* в разряд нарицательных слов в сознании некоторых информантов говорит то обстоятельство, что это слово не «всплывает» среди других топонимов (при последовательном опросе по разрядам географических объектов или по некоторым маршрутным линиям, по порядку их следования друг за другом), но появляется при сборе географических терминов (когда удается убедить информанта, что сейчас собирателя интересуют не названия отдельных мест, а «общие слова», приложимые к разным местам) – как ответ на вопрос о том, как называются покосы, которые расчищали в лесах (в отличие от покосов по берегам рек), ср.: «По реке луг, а в лесах-то калюг, калюга́ в лесах чистили. [А калюга в каком-то одном месте – или в разных лесах могут быть?] В разных лесах калюга́ были у стариков» <Окт, Боговарово>. Могут фиксироваться различия в восприятии таких фактов разными поколениями носителей

языка: некоторые представители старшего поколения помнят исходный топоним и в их сознании отсутствует деонимизированный географический термин, который употребителен в речи более молодых «пользователей» топонимической системы. Диалектологи обычно настороженно относятся к таким фактам, и если даже они оказываются записанными в ходе полевых работ, то их отсеивают составители и редакторы при подготовке словарей. В то же время практика показывает, что подобных слов становится все больше, это результаты реальных языковых процессов. Если вписать эти результаты в масштабную панораму взаимодействия имен собственных и имен нарицательных, то становится ясно, что перед нами исторически детерминированный вид такого взаимодействия, который нуждается в заинтересованном наблюдении и учете в ходе семантико-мотивационной реконструкции топонимов.

Таким образом, было бы небезынтересно выявить набор названий с «мерцающим» положением на оси «имя собственное – имя нарицательное», что позволило бы определить особенности и закономерности терминологизации, в том числе лингвогеографические, словообразовательные и семантические (названия каких классов географических объектов чаще всего подвергаются апеллятивизации? каковы прагматические условия этого процесса? накладываются ли на терминологизацию ограничения со стороны принимающей системы апеллятивной лексики? и др.).

* * *

Спектр насущных задач семантико-мотивационной реконструкции в области народной топонимии очень широк, в статье был дан комментарий лишь к немногим. В заключение есть смысл перечислить некоторые не упомянутые выше задачи. Так, в рамках **изучения словообразовательной семантики** в топонимии наибольшее внимание уделялось значениям собственно топонимических словообразовательных средств, а также сопоставлению семантики одной и той же морфемы в топонимическом и апеллятивном употреблении. Практически не осуществлялось внутриномастическое сравнение значений словообразовательных моделей, которое помогло бы выявить общие черты ономастической словообразовательной семантики и прояснить механизмы специализации разрядов ономастики в плане словообразования²². Целый блок задач связан со **сравнением топонимических систем родственных и неродственных языков**: выработка критериев разграничения семантических сходжений (генетических или типологических) в топонимии родственных языков; дополнение и корректировка метода семантического моделирования компонентов топонимических систем (при направленной этимологизации топонимов субстратных языков)²³ методом внешних и внутренних семантических

²² К примеру, объектом такого сравнения может быть архаичная отглагольная модель (от императива в форме ед. ч.), представленная в топонимии (ср. названия типа луг *Болисердцо́*, лес *Трясиногово*, ж/д станция *Незевай*, порог *Растягай*), зоонимии (клички собак *Добывай*, *Помечай*), антропонимии (фамилии *Убейсобачко*, *Продайвода*), хрононимии (*Орина-разрой берега*, *Власий-бей зиму*, *Евдокея-помети*) и др. В топонимии и антропонимии модель имеет преимущественно «нарративную» семантику, обозначая типовые ситуации, связанные с объектом. В зоонимии модель наделена дезидеративным смыслом.

²³ Этот метод применяется при работе с контактирующими (засвидетельствованными на одной территории или на смежных) топонимическими системами разных языков и состоит в построении «ономастиологическим путем на материале привлекаемого для сравнения языка (диалекта) сетки апеллятивных компонентов, постулируемых для данной топонимической системы», а затем в наложении ее на реально засвидетельствованную топонимию [Матвеев 2006: 101]. Иными словами, исследователь составляет перечень лексем, которые должны функционировать в контактирующей топонимической системе, и ведет «целестремленный поиск, “направленную” этимологизацию от языка к топониму, а не от топонима к языку» [Там же]. А.К. Матвеев применил этот метод, осуществив перевод на финно-угорские языки ряда компонентов русских топонимических систем. В монографии Н.В. Кабининой даются дополнительные теоретические обоснования метода, а также представлены результаты последовательного его применения по отношению к топонимии Архангельского Поморья [Кабинина 2011].

параллелей; верификация тех приемов реконструкции, которые основаны на поиске семантических (метонимических калек) и др. Для решения этих исследовательских задач (а также тех, что были более подробно представлены в статье) нужен «материальный» фундамент: скорейший ввод в научный оборот электронных баз данных и словарей по русской и иноязычной топонимии, а также активизация полевой работы. В 90-е годы прошлого века во многих научных центрах России она была приостановлена, традиции утрачены, а воссоздать их в новых условиях очень непросто (полевой сбор все более усложняется методически и организационно из-за стремительного исчезновения народной топонимии, определяемого как уходом из жизни поколений ее носителей, так и распадом традиционных природно-хозяйственных связей). Но это необходимо для сохранения и интерпретации огромного лексического массива, хранящего многовековую культурную память*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- АОС – Архангельский областной словарь. М., 1980–. Вып. 1–.
- Березович 1992 – *Е.Л. Березович*. Семантические микросистемы в русской топонимии: Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1992.
- Березович 2009 – *Е.Л. Березович*. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: Пространство и человек. М., 2009.
- Березович 2011 – *Е.Л. Березович*. «Перед нами – дороги новые...»: размышления о работе Топонимической экспедиции Уральского университета в первое десятилетие XXI в. // Вопросы ономастики. 2011. № 2 (11).
- БТС – Большой толковый словарь русского языка / Сост., гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 1998.
- Васильев 2012 – *В.Л. Васильев*. Славянские топонимические древности Новгородской земли. М., 2012.
- ДО – Дополнения к Опыту областного великорусского словаря. СПб., 1858.
- ДЭС – Традиционная культура Урала: Диалектный этноидеографический словарь русских говоров Среднего Урала / Авт.-сост. О.В. Востриков, В.В. Липина. Екатеринбург, 2009 [Электронное издание].
- Кабинина 2011 – *Н.В. Кабинина*. Субстратная топонимия Архангельского Поморья. Екатеринбург, 2011.
- КСГРС – картотека Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург).
- Кузнецов 2010 – *А.В. Кузнецов*. Топонимика болот Европейского Севера: наследие соколиных помытчиков // Сокольничий вестник. 2010. № 3.
- Куркина 2011 – *Л.В. Куркина*. Культура подсечно-огневого земледелия в зеркале языка. М., 2011.
- ЛКТЭ – лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского университета (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург).
- Лысова 2002 – *Е.В. Лысова*. Орнитонимия Русского Севера: Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002.
- Макарова 2012 – *А.А. Макарова*. Русская озерная гидронимия Белозерья: системно-функциональный аспект: Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2012.
- Матвеев 1969 – *А.К. Матвеев*. Значение принципа семантической мотивированности для этимологизации субстратных топонимов // Этимология. 1967. М., 1969.
- Матвеев 2006 – *А.К. Матвеев*. Ономатология. М., 2006.
- Молдован 2011 – *А.М. Молдован*. Поклонная гора // Слово и язык: Сб. статей к восьмидесятилетию акад. Ю.Д. Апресяна. М., 2011.
- НОС – Новгородский областной словарь / Изд. подг. А.Н. Левичкин, С.А. Мызников. СПб., 2010.
- Отин 2004 – *Е.С. Отин*. Словарь коннотативных собственных имен. Донецк, 2004.

* Работа выполнена на основе материалов электронного ресурса, создаваемого в рамках Программы фундаментальных исследований Секции языка и литературы ОИФН РАН «Язык и литература в контексте культурной динамики» (Проект: Электронная база данных «Русская народная топонимия»).

<i>Пин</i>	– Пинежский р-н Архангельской обл.
<i>Плес</i>	– Плесецкий р-н Архангельской обл.
<i>Пош</i>	– Пошехонский р-н Ярославской обл.
<i>Приг</i>	– Пригородный р-н Свердловской обл.
<i>Прим</i>	– Приморский р-н Архангельской обл.
<i>Ревд</i>	– Ревдинский р-н Свердловской обл.
<i>Сверд</i>	– Свердловская область
<i>С-Гал</i>	– Солигаличский р-н Костромской обл.
<i>Сок</i>	– Сокольский р-н Вологодской обл.
<i>С-Двин</i>	– г. Северодвинск Архангельской области
<i>Тобол</i>	– Тобольский р-н Тюменской обл.
<i>Тот</i>	– Тотемский р-н Вологодской обл.
<i>У-Иш</i>	– Усть-Ишимский р-н Омской обл.
<i>У-Куб</i>	– Усть-Кубенский р-н Вологодской обл.
<i>Уст</i>	– Устьянский р-н Архангельской обл.
<i>Устюж</i>	– Устюженский р-н Вологодской обл.
<i>Хар</i>	– Харовский р-н Вологодской обл.
<i>Холм</i>	– Холмогорский р-н Архангельской обл.
<i>Чаг</i>	– Чагодощенский р-н Вологодской обл.
<i>Челяб</i>	– Челябинская обл.
<i>Чухл</i>	– Чухломской р-н Костромской обл.
<i>Шар</i>	– Шарьинский р-н Костромской обл.
<i>Шенк</i>	– Шенкурский р-н Архангельской обл.

б) в обозначениях географических терминов

<i>бол.</i>	– болото	<i>пок.</i>	– покос
<i>г.</i>	– гора	<i>р.</i>	– река
<i>д.</i>	– деревня	<i>руч.</i>	– ручей
<i>дор.</i>	– дорога	<i>с.</i>	– село
<i>о-в</i>	– остров	<i>ур.</i>	– урочище
<i>оз.</i>	– озеро	<i>уч-к</i>	– участок
<i>паш.</i>	– пашня	<i>хут.</i>	– хутор
<i>пастб.</i>	– пастбище		

Сведения об авторе:

Елена Львовна Березович
Уральский федеральный университет (Екатеринбург)
berezovich@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 02.04.2013.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ

© 2014 г. Ю. Л. КУЗНЕЦОВА

РОБОТЫ, ЭВОЛЮЦИЯ И ГРАММАТИКА КОНСТРУКЦИЙ

В этой статье рассказывается о работах исследовательской группы под руководством Люка Стилса. Исследователи моделируют эволюцию языка; испытуемыми в их экспериментах являются человекообразные роботы. В статье подробно описывается несколько исследований, проведенных группой. Показано, как роботы создают классификации на примере восприятия цветов, как роботы пользуются концептами, связанными с телесностью (*embodiment*) для описания местоположения объектов и как роботы усваивают языковые конструкции на примере русских приставочных глаголов.

Ключевые слова: эволюция языка, когнитивная лингвистика, грамматика конструкций, робот, цвет, телесность, вид

This paper presents works of the research group led by Luc Steels. The group models language evolution using man-like robots as subjects. The paper uses results of several experiments as examples. We see how robots classify objects (in the experiment robots tag and group different colors). We observe how robots use concepts related to *embodiment* (concepts *sit*, *lie* and *stand* are used to describe objects' location). We see how robots acquire language constructions (Russian prefixed verbs serve as an example).

Keywords: language evolution, cognitive linguistics, construction grammar, robot, color, *embodiment*, aspect

1. ВВЕДЕНИЕ

Этот обзор посвящен работе исследовательской группы под руководством Люка Стилса (Luc Steels), которая объединяет сотрудников, работающих в лаборатории искусственного интеллекта в Брюссельском университете¹ и в Компьютерной лаборатории фирмы «Сони»² в Париже. В данной статье предлагается обзор основных направлений исследований группы, некоторые из проведенных экспериментов рассматриваются в качестве иллюстраций. В 2011 и 2012 гг. группа выпустила четыре монографии, подводящие итоги работы за последние несколько лет: [Steels 2011; 2012a; 2012b; Steels, Hild 2012], к которым может обратиться читатель.

Группа Л. Стилса изучает механизмы эволюции языка, используя компьютерные модели. Теоретической базой для работ группы является теория когнитивной лингвистики. С одной стороны, работы опираются на теорию важности телесного опыта (*embodiment*, ср. [Lakoff, Johnson 1999] и др.), согласно которой многое в языке определяется тем фактом, что носители человеческих языков находятся внутри человеческого

¹ The artificial intelligence laboratory at the Vrije Universiteit Brussel (<http://ai.vub.ac.be/>).

² Sony computer science laboratory (<http://www.sonycsll.co.jp/en/lab/paris/>).

тела и воспринимают окружающий мир через зрение, слух и тактильное восприятие. Поэтому испытуемые в экспериментах – это человекоподобные роботы, у них есть туловища, руки, ноги и головы. На головах у них расположены сенсоры, при помощи которых они способны считывать и анализировать визуальную информацию. Например, когда один из роботов согласен с утверждением другого, он кивает головой, а когда не согласен – качает головой из стороны в сторону точно так же, как это делает большинство носителей европейских языков. Другой робот способен, наблюдая за первым, воспринять знаки первого как визуальную информацию и понять, в каком случае его собеседник согласился, а в каком не согласился с утверждением.

С другой стороны, грамматическая теория, на которой базируются работы группы, – это грамматика конструкций (C×G, см. [Fillmore 1988; 1989; 1999; Goldberg 1995; 2006; Tomasello 2003; Boas, Sag 2012; Hoffmann, Trousedale 2013]). Группой Л. Стилса был разработан новый вариант грамматики конструкций, специально приспособленный для компьютерного анализа. Они назвали этот вариант грамматики «гибкой грамматикой конструкций» (Fluid construction grammar, далее FCG). FCG представляет собой вариант грамматики, сходной с объектно-ориентированными языками программирования³. Объектно-ориентированное программирование – это парадигма программирования, в которой основными единицами являются понятия объектов и классов. Программист, пользующийся одним из объектно-ориентированных языков, описывает отдельно каждый из нужных ему классов элементов и указывает, какие у каждого класса есть свойства. Затем для каждого объекта, встречающегося в программе, программист может указать, к какому именно классу этот объект относится, и этот объект автоматически унаследует все свойства данного класса. Сходным образом устроены конструкции в FCG. У любой конструкции есть набор синтаксических и семантических свойств. Часть этих свойств унаследована от свойств элементов конструкции, а часть свойств может быть свойствами только данной конструкции. Объединяясь, семантические и синтаксические свойства позволяют нам определить значение данной конструкции и дают полную картину синтаксической сочетаемости.

Здесь важно отметить, что в современной грамматике конструкций произошло важное изменение в определении основополагающей единицы грамматики конструкций – конструкции. В ранних описаниях грамматики конструкций конструкцией признавалось только такое сочетание элементов, которое приобретало дополнительный смысл, не выводимый из смыслов составляющих элементов (ср. [Goldberg 1995: 4]). В более поздних работах был предложен вариант, лучше согласующийся с нашими знаниями об устройстве памяти: конструкциями были признаны также и сочетания, которые по данным психолингвистических экспериментов, хранятся в памяти носителей языка целиком и на извлечение которых из памяти требуется меньше времени по сравнению с более свободными сочетаниями (ср. [Goldberg 2006: 5]). В FCG понимание термина «конструкция» ближе ко второму, более позднему определению. Конструкциями будут признаны многие сочетания, устроенные композиционно, если такое представление облегчит их компьютерную обработку.

Так, например, в FCG конструкцией будет признано английское словосочетание *the mouse*. Оно будет распознано как сочетание двух конструкций: конструкции с определенным артиклем *the* и конструкции существительного *mouse*. В списке семантических свойств конструкции с определенным артиклем будет указано, что данная группа является определенной и относится к одному уникальному референту. В списке синтаксических свойств этой же конструкции будет отмечено, что данная группа является счетной. В списке семантических свойств конструкции существительного *mouse* будет указано, что это одушевленное и счетное существительное. В семантических свойствах этого

³ Здесь следует указать, что FCG – не первая компьютерно-ориентированная грамматика, которая берет за основу идеи объектно-ориентированного программирования. Сходными идеями руководствовались создатели вершинной грамматики составляющих (Head-driven phrase structure grammar, сокращенно HPSG), ср. [Pollard, Sag 1993].

существительного будет отсылка к соответствующему лексическому значению. Именно такое совпадение требований синтаксической и семантической зон этих двух конструкций позволяет им в FCG скомбинироваться и образовать конструкцию *the mouse*.

Создатели FCG разработали систему для описания конструкций Babel 2, которая доступна для всех желающих на сайте <https://ai.vub.ac.be/trac/babel2/>. Решение описывать язык с позиций объектно-ориентированного программирования дает исследователям большую свободу. Перед разработчиками системы не стояла задача придумать и сформулировать все необходимые признаки и все нужные параметры. Это может сделать исследователь, пользующийся программой Babel 2 как оболочкой. Уже сам пользователь может настроить для каждой из интересующих его конструкций все нужные ему в исследуемом языке свойства и прописать их самостоятельно в свойствах конструкций. Описав все необходимые конструкции, исследователь может при помощи этой программы проанализировать текст, и программа выделит все известные ей конструкции, или исследователь может использовать ту же программу для порождения текста по заданному и описанному в терминах FCG значению. Возможность запрограммировать свойства конструкции по-разному для разных задач и разных языков хорошо соотносится с одной из основных идей грамматики конструкций, согласно которой конструкции являются лингвоспецифичными, т. е. в разных языках обладают различными свойствами и ограничениями.

Далее обзор будет построен следующим образом. Во второй части будет рассмотрено, как роботы усваивают систему цветообозначений. В третьей части будет показано, как роботы могут анализировать позы, принимаемые другими роботами, и как возникшая таким образом система обозначений может использоваться для описания положения объектов в пространстве. В следующей, четвертой, части показывается, как работает FCG на примере анализа фрагмента видовой системы русского языка. В последней, пятой, части FCG сравнивается с другой компьютерной моделью, построенной на основе теории грамматики конструкций, – «телесной грамматикой конструкций» (Embodied construction grammar).

2. РОБОТЫ И СИСТЕМА ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ: ИГРА «УГАДАЙ ЦВЕТ»

Основной объект исследований группы Л. Стилса – происхождение языка как средства общения и его дальнейшее развитие. Для того чтобы изучить этот вопрос, исследователи используют компьютерные модели – человекообразных роботов, которые запрограммированы играть в языковые игры. Роботы, следуя своей программе, обучают друг друга и строят одну общую классификацию некоторой системы объектов. Рассмотрим языковые игры, в которые могут играть роботы, на примере игры «Угадай цвет». В этой игре задача роботов – создать классификацию цветовых обозначений. Классификация цветообозначений в языке – известная в лингвистике проблема, ср. многочисленные лингвистические и антропологические работы в этой области, начиная с основополагающей работы [Berlin, Kay 1969]. Работы группы Л. Стилса предлагают новый подход к этой проблеме – подход с точки зрения эволюции языка.

В игре «Угадай цвет» (см. подробнее [Bleys 2012]) участвуют два робота⁴. Перед игроками расположены несколько карточек из цветового набора Манселла (набор

⁴ В каждом раунде игры присутствуют только два участника. Участники моделируются при помощи компьютерных моделей: хотя обычно в каждом из экспериментов есть по крайней мере 10 участников, в экспериментальной комнате физически находятся только два робота. Это можно описать следующим образом: текущая модель «языка» двух случайно выбранных участников каждый раз загружается в головы роботов, находящихся в экспериментальной комнате, роботы в комнате «предоставляют» свои тела и визуальные сенсоры новой паре участников. Эксперимент смоделирован таким образом для экономии ресурсов и времени: несмотря на то, что в эксперименте может быть неограниченное число участников, для их коммуникации нужны только два робота.

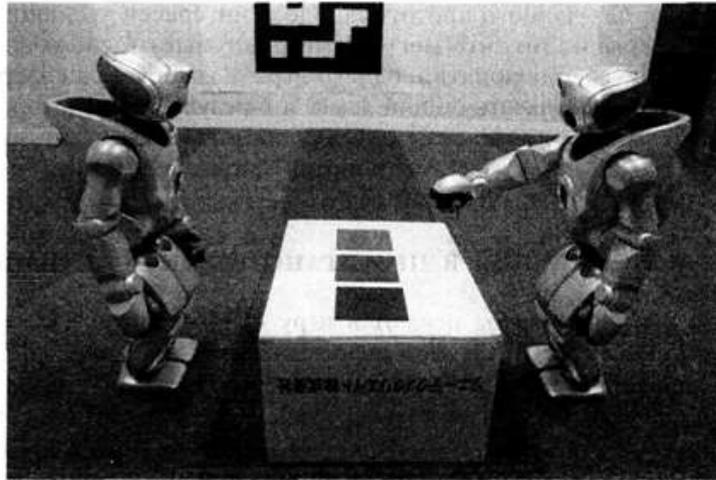

Рис. 1. Два робота играют в игру «Угадай цвет» [Bleys 2012]⁵

карточек разных цветов, которые часто используются в антропологических экспериментах, ср. [Newhall et al. 1942]). Роли «говорящий» и «слушающий» случайным образом распределены между участниками. Говорящий «загадывает» одну из карточек, лежащих на столе перед роботами, и произносит вслух название цвета этой карточки. Если слушающий не знает такого названия, он сообщает об этом говорящему, и в этом случае говорящий указывает на загаданную карточку. В результате слушающий выстраивает в своей модели новую связь: между названием, которое произнес говорящий, и цветом, на который он указал. Если же названный цвет присутствует в лексиконе слушающего, слушающий выбирает из карточек на столе карточку того цвета, который кажется ему наиболее похожим на имеющийся у него прототип (ср. рис. 1). Если это была загаданная говорящим карточка, коммуникация считается успешной. Если же загадывающий имел в виду другую карточку, коммуникация считается неуспешной. В том случае, если коммуникация проходит успешно, связь между данным названием и прототипом цвета в модели говорящего усиливается. В случае, если коммуникация прошла неуспешно, такая связь становится слабее.

При анализе цветов роботы распознают оттенки цветов при помощи CIE 1967 $L^*a^*b^*$ (CIELAB) – цветового пространства, в котором L^* отвечает за светлость, a^* обозначает положение цвета в диапазоне от зеленого до фиолетового, b^* – от синего до желтого. Эта система обозначения цветов была разработана, чтобы максимально отражать восприятие цветов человеком. Используя эту систему цветообозначений, популяция роботов может получить кластеры цветных карточек, соответствующие разным названиям цветов. Эксперименты проводились в двух различных форматах. В первом случае имитировалось усвоение языка: часть роботов была назначена «тьюторами», которым была заранее известна система называния цветов, и их задачей было при помощи описанной выше игры обучить «учеников» известной им системе. После 500 игр ученики полностью усваивали систему тьюторов и идеально справлялись с задачей распознавания предлагаемых цветов.

Во втором случае имитировалась эволюция языка: ни одному из роботов не были заранее известны названия цветов, и их задачей было создать общую систему цветообозначений. В том случае, если в лексиконе говорящего отсутствовало название для некоторого цвета, говорящий составлял случайную последовательность слогов и исполь-

⁵ Автор благодарит группу Люка Стилса за разрешение использовать иллюстрации из их работ в данном обзоре.

зовал ее как название для данного прототипа. Здесь интересен эволюционный аспект: роботы запрограммированы так, что могут сами придумывать слова для обозначения отсутствующих в их лексиконе понятий, однако игра, в которую они запрограммированы играть, заставляет их создавать общий язык, и в результате некоторого количества игровых взаимодействий этот язык становится общим для всех участников. Во втором эксперименте после того, как каждый из роботов сыграл в 1200 игр, роботы создали общую систему с 15 цветообозначениями.

3. РОБОТЫ И ПОЛОЖЕНИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ: ИГРА «ПРИМИ ПОЗУ»

Аналогичным образом роботы играют в игру «Прими позу» (эта игра подробно описана в [Steels, Spranger 2012]). В этой игре говорящий выбирает одну из известных ему поз и называет ее. Задача слушающего – сопоставить название позы с имеющимся у него словарем и принять названную позу (ср. рис. 2). Говорящий смотрит, какую позу принял слушающий, и сравнивает, похожа ли она на имеющийся у него прототип той позы, которую он назвал. Если это так, говорящий сообщает об успешной коммуникации, в противном случае коммуникация считается неуспешной. В случае неуспешной коммуникации говорящий демонстрирует слушающему, как выглядит та поза, которую он назвал. В этом эксперименте интересно не только эволюционное развитие названий различных поз, которое происходит так же, как в игре с цветами. Особый интерес вызывает тот факт, что разработчики смоделировали механизм визуального восприятия позы и перевод этой визуальной информации в моторный сигнал, позволяющий роботу принять аналогичную позу.

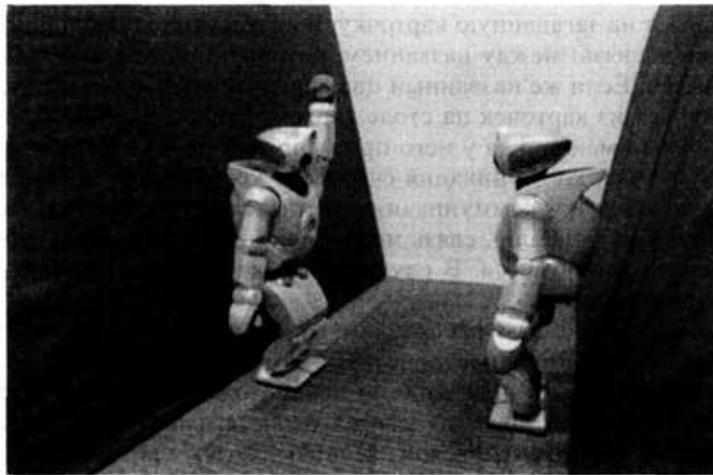

Рис. 2. Два робота играют в игру «Прими позу»
[Steels, Spranger 2012]

Более интересное с точки зрения когнитивной лингвистики развитие игры «Прими позу» описывается в статье [Spranger, Loetzsch 2009]. В этом исследовании роботы сначала играют в игру «Прими позу». Причем эта игра ограничена следующим образом: роботам заранее задано количество кластеров различных поз и, соответственно, количество различных слов в словаре. В том случае, когда роботы должны были выработать два понятия, они получали пространственные аналоги глаголов 'лежать' и 'стоять', а в том случае, когда они должны были выработать три понятия, их словарь состоял из аналогов трех глаголов: 'лежать', 'стоять' и 'сидеть'. Роботы выделяли прототипы поз для этих глаголов на основе соотношения размеров: когда горизонтальное измерение было больше, чем вертикальное, поза описывалась глаголом 'лежать', когда вертикальное

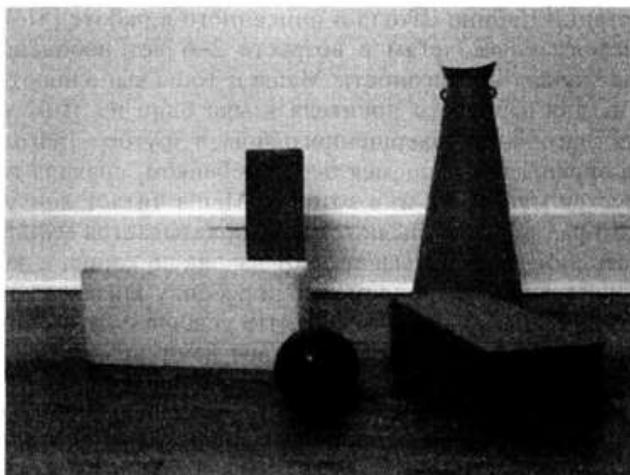

Рис. 3. Пример набора разноцветных блоков, которые были предложены роботам для анализа [Spranger, Loetzsch 2009]

измерение было больше, чем горизонтальное, поза описывалась глаголом 'стоять'; если требовалось построить систему с тремя глаголами, глаголу 'сидеть' соответствовали позы, в которых вертикальный и горизонтальный размеры были примерно одинаковы.

Мы знаем, насколько когнитивно важными являются данные глаголы как для описания положений в пространстве человеческого тела, так и для описания местонахождения предметов (ср. [Johnson 1987; Croft, Cruse 2004; Lemmens 2002a; 2002b]). Аналогичная категоризация пространственных поз в популяции роботов говорит о том, что данное разделение не является уникальным свойством человеческого мышления, а является естественным универсальным способом категоризации положений человекообразного тела в пространстве.

Более того, роботы в этом исследовании способны были увидеть связь между описаниями поз тела в пространстве и пространственной локализацией предметов. После того, как участники сыграли около 1500 раз в игру «Прими позу», им были предложены в качестве визуальных стимулов разноцветные блоки (ср. рис. 3). Никто из участников этого эксперимента до этого не видел разноцветных блоков, а видел только других роботов, принимающих различные позы. Тем не менее роботы продолжили играть и называть положение блоков в пространстве при помощи тех же предикатов со значениями: 'лежать', 'стоять' и 'сидеть', которые они сформировали на предыдущей стадии эксперимента. Более того, доля успешных коммуникаций не изменилась, а осталась такой же, какой роботы достигли за первые 1500 игр. Размер словаря роботов при этом не увеличивался, что означает, что роботы оказались способны использовать те категории, которые они образовали при наблюдении за человекообразными роботами, для того, чтобы описывать положение блоков в пространстве. Таким образом, этот эксперимент иллюстрирует тот факт, что использование слов типа *стоять*, *сидеть* и *лежать* является эффективной стратегией для описания нахождения предметов в пространстве и эта стратегия настолько проста и естественна, что ее может сформировать группа человекообразных роботов.

4. ГИБКАЯ ГРАММАТИКА КОНСТРУКЦИЙ НА ПРИМЕРЕ РУССКОГО ВИДА

В качестве примера того, как гибкая грамматика конструкций может быть использована для лингвистического анализа, рассмотрим более подробно работы Катерины Герасимовой, которая при помощи роботов, использующих FCG, анализирует фрагмент видовой системы русского языка. Эксперимент строится по модели эксперимента, пред-

ложенного в диссертации Сабине Штолл и описанного в работе [Stoll 1998]. С. Штолл демонстрирует русскоязычным детям в возрасте 2–6 лет небольшие мультфильмы. В этих мультфильмах куклы-протагонисты Маша и Тоша выполняют одно и то же действие, но так, чтобы для взрослого носителя языка одно из этих действий было бы естественно описать глаголом несовершенного вида, а другое – глаголом совершенного вида. Например, на экране, находящемся перед ребенком, сначала в правой половине экрана демонстрируется мультфильм, в котором Маша читает книгу. Затем на второй половине экрана, которая до этого была темной, показывается мультфильм, в котором Тоша начинает читать книгу, прочитывает ее от начала до конца, и закрывает ее. Затем оба мультфильма показываются одновременно, и ребенку задается вопрос: «Кто прочитал книгу?» Результаты С. Штолл показывают, что усвоение категории акциональности происходит постепенно. Дети в возрасте двух лет дают правильный ответ на вопрос в 45 % случаев, то есть реже, чем при случайном распределении. Для более старших детей процент правильных ответов растет: дети трех лет дают правильный ответ в 61 % случаев, четырех – в 70 % случаев, пяти – в 75 % случаев, шести – в 79 % случаев.

К. Герасимова моделирует эксперимент С. Штолл, однако у К. Герасимовой испытуемыми являются не дети, а роботы. Роботы получают в качестве входящей информации описание мультфильма. Например, два мультфильма, описанные выше, будут переданы следующим образом: в момент начала мультфильма Маша читает, во все промежуточные минуты фильма Маша читает и в конечный момент Маша тоже читает. В другом мультфильме Тоша в начальный момент не читает, потом читает, начиная с некоторого времени t_1 , и заканчивает читать в некоторое время t_2 , которое происходит до момента окончания мультфильма. Задача роботов – соотнести эту информацию с русскими приставками, такими как, например, *за-*, *до-* и *по-*. В эксперименте была смоделирована ситуация усвоения языка: один из двух участвовавших роботов был тьютором, т.е. заранее был знаком с этой частью акциональной системы русского языка, а другой изначально ничего не знал. В результате игры тьютору и его обучаемому удалось достичь полного взаимопонимания. Обучаемый начал правильно распознавать и называть различные акциональные типы.

Обучаемый робот усвоил не только новые глаголы, но и на основе усвоенных глаголов оказался способен построить более абстрактную конструкцию. Так, проанализировав усвоенные глаголы *по-читал*, *по-играл* и *по-рисовал* со значениями 'read for-a-while', 'play for-a-while', 'draw for-a-while'⁶, робот смог построить обобщающую конструкцию *no-verb* со значением 'verb for-a-while', таким образом, усвоив значение русского делимитатива. Более того, на основе делимитативной конструкции и других конструкций с акциональными приставками робот оказался способен построить более абстрактную конструкцию *prefix-verb* со значением 'verb temporal sem-cat', отражающую, что робот усвоил, что в русском языке присутствует несколько конструкций, в которых акциональность выражается при помощи добавления приставки. Таким образом, мы видим, что роботы приблизились к конструкционной модели усвоения языка (ср. [Tomasello 2003]). Сначала усваиваются конкретные формы, а потом происходит надстройка над конкретными формами и усваивается более абстрактная обобщающая конструкция. Таким образом, разработки группы Л. Стилса позволяют теории грамматики конструкций продвинуться еще в одну область лингвистики – компьютерное моделирование развития речи.

5. ГИБКАЯ ГРАММАТИКА КОНСТРУКЦИЙ (FCG) VS. ТЕЛЕСНАЯ ГРАММАТИКА КОНСТРУКЦИЙ (ECG)

Необходимо отметить, что гибкая грамматика конструкций (FCG) – не единственная компьютерная модель, разработанная на основе грамматики конструкций. Другой такой моделью является телесная грамматика конструкций (Embodied construction grammar,

⁶ Значения приводятся так, как они приведены в [Gerasimova, Spranger, Beuls 2012].

далее ECG). ECG разрабатывается в университете Калифорнии в Беркли, с более подробным описанием этой модели можно ознакомиться в работах [Bergen, Chang 2005; Feldman 2006; Chang 2008]. В сборнике [Steels 2012b] статья [Chang, De Beulle, Micelli 2012] специально посвящена сравнению двух этих моделей. Н. Чанг, Х. Де Бейль и В. Мицелли [Ibid.: 259] отмечают, что основные различия между двумя формализмами проистекают из тех задач, которые они были призваны решать, и тех областей науки, которые послужили источниками для этих моделей.

FCG была построена для имплементации языковых игр, где основной исследовательский вопрос можно сформулировать следующим образом: как в популяции роботов возникают и развиваются коммуникативные стратегии? Истоками этой модели послужили теории искусственного интеллекта, и изначально эта модель была ориентирована на изучение того, как роботы овладевают искусственными языками, и только недавно в сферу рассмотрения были включены также и естественные языки. ECG была разработана для описания того, как обучается человек, и основной исследовательский вопрос в этой модели можно сформулировать так: какие нейрopsихологические механизмы позволяют людям думать и использовать язык? Истоками этой модели послужили когнитивистика (cognitive science) и когнитивная лингвистика, и ECG в значительной мере опирается на результаты исследований в области психологии и биологии. Эти различия проявляются и в том, как схемы конструкций выглядят внешне. Схемы в FCG больше всего похожи на язык программирования Lisp, в то время как ECG унаследовала внешний вид языков программирования с ограничениями (таких как Prolog III, Prolog IV, ECLiPSe).

Формализм ECG, который построен в частности для того, чтобы описывать, как происходит анализ конструкций в мозгу носителя языка, уделяет большое значение семантическим схемам, которые лежат в основе конструкций. Формализм ECG отражает такие известные нам из экспериментов явления, как прайминг. Например, известно, что если человек слышит слово «гипотенуза», то сразу после этого он тратит меньше времени на распознавание таких связанных с ним понятий, как «катет» или «прямой угол». Эффект прайминга свидетельствует о том, что семантически связанные понятия связаны также и когнитивно. В ECG это будет отражено таким образом: схема гипотенузы будет автоматически отсылать к схемам «катет» и «прямой угол». Поскольку ECG изначально основана на принципах когнитивной лингвистики, в ней конструкции – это семантические схемы, связанные между собой. Это достоинство ECG, с другой стороны, оборачивается и недостатком данного формализма. Эта система устроена так, что все используемые конструкции должны быть обязательно изначально описаны и все параметры обязательно должны быть объявлены изначально.

FCG отличается большей свободой. В ней изначально задан минимум параметров, например, связи между понятиями гипотенуза и катет могут не быть установлены. Но система отличается гибкостью: любой человек, описывающий грамматику некоторого языка в FCG, может с легкостью добавить любой необходимый ему параметр, и анализатор тут же получит доступ к этому новому только что добавленному параметру и сможет использовать его в анализе и синтезе текста. Так как FCG была в первую очередь построена для исследования эволюции искусственных языков, конструкции в этой системе больше похожи на маленькие программы, которые преобразуют лингвистические данные. Важное различие состоит в возможностях обеих систем в отношении анализа и синтеза: в то время как FCG может работать как от смысла к тексту, так и от текста к смыслу, в ECG реализовано только направление от смысла к тексту.

6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В современной лингвистике новой развивающейся теории грамматики необходимо показать, что она может быть использована в различных сферах лингвистики и что в этих различных сферах можно, вооружившись новой теорией, получать лингвистически интересные результаты. Работы группы Л. Стилса продвигают в новую область –

область компьютерной лингвистики – сразу две лингвистические теории. Во-первых, мы видим компьютерную реализацию идей, связанных с телесностью (embodiment) в языке, развивающуюся в рамках современной когнитивной лингвистики. Во-вторых, в этих работах предлагается компьютерная имплементация грамматической теории грамматики конструкций, и таким образом, грамматика конструкций завоевывает новые рубежи в области изучения эволюции языка при помощи компьютерных моделей. Мы можем наблюдать за работающей моделью эволюции языка так же, как, например, современные эволюционные биологи моделируют развитие популяций растений и животных, такой подход сближает лингвистику с другими науками, изучающими эволюционные механизмы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Bergen, Chang 2005 – *B.K. Bergen, N. Chang*. Embodied construction grammar in simulation-based language understanding // *J.-O. Östman, M. Fried (eds)*. *Construction grammar(s): Cognitive and cross-language dimensions*. Amsterdam; Philadelphia, 2005. (Reprinted in: *V. Evans, B. Bergen, J. Zinken (eds)*. *The cognitive linguistics reader*. London; Oakville, 2007.)
- Berlin, Kay 1969 – *B. Berlin, P. Kay*. *Basic color terms: Their universality and evolution*. Berkeley CA, 1969.
- Bleys 2012 – *J. Bleys*. *Language strategies for color* // *Luc Steels (ed.)*. *Experiments in cultural language evolution*. Amsterdam; Philadelphia, 2012.
- Boas, Sag 2012 – *H.C. Boas, I.A. Sag*. *Sign-based construction grammar*. Stanford (CA), 2012.
- Chang 2008 – *N. Chang*. *Constructing grammar: A computational model of the emergence of early constructions*. Ph. D. thesis, Computer science division, University of California at Berkeley, 2008.
- Chang, De Beulle, Micelli 2012 – *N. Chang, J. De Beulle, V. Micelli*. *Computational construction grammar: A comparison of ECG and FCG* // *L. Steels (ed.)*. *Computational issues in Fluid construction grammar*. Berlin; Heidelberg, 2012.
- Croft, Cruse 2004 – *W. Croft, D. Cruse*. *Cognitive linguistics*. Cambridge, 2004.
- Feldman 2006 – *J.A. Feldman*. *From molecule to metaphor: A neural theory of language*. Cambridge (MA), 2006.
- Fillmore 1988 – *C.J. Fillmore*. *The mechanisms of 'Construction grammar'* // *S. Axmaker, A. Jaisser, H. Singmaster (eds)*. *Proceedings of the Fourteenth Annual meeting of the Berkeley linguistics society*. Berkeley, 1988.
- Fillmore 1989 – *C.J. Fillmore*. *Grammatical construction theory and the familiar dichotomies* // *R. Dietrich, C.F. Graumann (eds)*. *Language processing in social context*. Amsterdam, 1989.
- Fillmore 1999 – *C.J. Fillmore*. *Inversion and constructional inheritance* // *G. Webelhuth, J.P. Koenig, A. Kathol (eds)*. *Lexical and constructional aspects of linguistic explanation*. Stanford (CA), 1999.
- Gerasimova, Spranger, Beuls 2012 – *K. Gerasimova, M. Spranger, K. Beuls*. *A language strategy for aspect: Encoding aktionsarten through morphology* // *L. Steels (ed)*. *Experiments in cultural language evolution*. Amsterdam; Philadelphia, 2012.
- Goldberg 1995 – *A.E. Goldberg*. *Constructions: A construction grammar approach to argument structure*. Chicago, 1995.
- Goldberg 2006 – *A.E. Goldberg*. *Constructions at work: the nature of generalization in language*. Oxford, 2006.
- Hoffmann, Trousdale 2013 – *T. Hoffman, G. Trousdale*. *The Oxford handbook of construction grammar*. Oxford, 2013.
- Johnson 1987 – *M. Johnson*. *The body in the mind: the bodily basis of meaning, imagination and reason*. Chicago, 1987.
- Lakoff, Johnson 1999 – *G. Lakoff, M. Johnson*. *Philosophy in the flesh: The embodied mind and its challenge to western thought*. New York, 1999.
- Lemmens 2002a – *M. Lemmens*. *The semantic network of Dutch posture verbs* // *J. Newman (ed.)*. *The linguistics of sitting, standing and lying*. Amsterdam; Philadelphia, 2002.
- Lemmens 2002b – *M. Lemmens*. *Tracing referent location in oral picture descriptions* // *A. Wilson et al. (eds)*. *A rainbow of corpora – corpus linguistics and the languages of the world*. München, 2002.

- Newhall, Nickerson, Judd 1942 – *S. Newhall, D. Nickerson, D. Judd*. Final report of the O. S. A. subcommittee on the spacing of the Munsell colors // *Journal of the Optical society of America*. 1942. 33 (7).
- Pollard, Sag 1993 – *C. Pollard, I.A. Sag*. Head-driven phrase structure grammar. Chicago, 1993.
- Spranger, Loetzsch 2009 – *M. Spranger, M. Loetzsch*. The semantics of SIT, STAND, and LIE embodied in robots // N. Taatgen, H. van Rijn (eds). *CogSci 2009 proceedings*. Amsterdam, 2009.
- Steels 2011 – *L. Steels* (ed.). *Design patterns in Fluid construction grammar*. Amsterdam; Philadelphia, 2011.
- Steels 2012a – *L. Steels* (ed.). *Experiments in cultural language evolution*. Amsterdam; Philadelphia, 2012.
- Steels (ed.) 2012b – *L. Steels* (ed.). *Computational issues in Fluid construction grammar*. Berlin; Heidelberg, 2012.
- Steels, Spanger 2012 – *L. Steels, M. Spranger*. Emergent mirror systems for body language // *L. Steels* (ed.). *Experiments in cultural language evolution*. Amsterdam; Philadelphia, 2012.
- Steels, Hild 2012 – *L. Steels, M. Hild* (eds). *Language grounding in robots*. New York; Dordrecht; Heidelberg; London, 2012.
- Stoll 1998 – *S. Stoll*. The role of aktionsart in the acquisition of Russian aspect // *First language*. 1998. V. 18. № 54.
- Tomasello 2003 – *M. Tomasello*. *Constructing a language: a usage based theory of language acquisition*. Cambridge, 2003.

Сведения об авторе:

Юлия Львовна Кузнецова
 Арктический университет Норвегии
 julia.kuznetsova@uit.no

Статья поступила в редакцию 20.06.2013.

РЕЦЕНЗИИ

Е.Б. Маркус, Ф.И. Рожанский. Современный водский язык: Тексты и грамматический очерк: монография в 2-х т. СПб.: Нестор-История, 2011. 336 + 384 с. ISBN 978-5-98187-833-6, 978-5-98187-834-3.

Рецензируемая книга является результатом полевой работы авторов с 2001 по 2008 год. Это уже пятая грамматика водского языка. Первая, [Ahlquist 1855], базировалась на центральноводских говорах окрестностей дер. Котлы. Вторая по времени появления – грамматика [Tsvetkov 2008], в которой был отражен говор дер. Краколье начала XX века. В 1948 г. появилась третья грамматика, [Ariste 1948], посвященная в основном говору дер. Котлы, который к тому моменту уже был на грани исчезновения. В 2007 г. вышла в свет грамматика [Агранат 2007], в которой описывались два говора, сохранившиеся до настоящего времени, причем основное внимание было уделено синтаксису. Рецензируемая грамматика базируется на двух близких западноводских говорах, говоре дер. Краколье (далее «кракольский говор») и говоре дер. Лужицы и Пески (далее «лужицкий говор»).

Для всех прибалтийско-финских языков характерны довольно сложные системы морфонологических правил, и поэтому одним из самых важных и интересных разделов в грамматических описаниях этих языков является описание морфонологии. Рецензируемая работа отличается в этом отношении от предшествующих полнотой и эксплицитностью описания.

Работа состоит из двух томов. Первый том содержит предисловие, 18 текстов на обоих сохранившихся до настоящего времени говорах водского – кракольском и лужицком, – записанных от двух носителей кракольского и пяти носителей лужицкого, словарь к текстам, индекс аномальных форм, встретившихся в текстах, индекс «русских включений» и грамматический индекс. К данному тому также прилагается аудиодиск со всеми текстами в формате WAV. Второй том содержит собственно грамматический очерк, четыре приложения, карту водских деревень, а также библиографию по водскому языку.

В предисловии авторы дают историческую и социолингвистическую характеристику водского языка, описывают его диалектное членение, а также приводят сведения об информантах. Все тексты представлены в книге в двух вариантах: в так называемом «четырёхстрочном формате» и в виде сплошного текста с литературным переводом. «Четырёхстрочный формат» представляет собой обычное глоссирование текстов с добавлением строки фонетической записи водской речи. В фонетической строке отражаются все межсловные сандхи, аллелювые варианты, аллофоны и т. п. Строка «стандартизованной записи», однако, не является простой записью в фонологической транскрипции с разбиением на морфемы. По словам авторов, «в строке стандартизованной записи отражаются особенности говора, но не отражаются особенности идиолекта». Исправляются также «ошибки в произношении слова» и «использование заведомо неправильной грамматической формы», восстанавливаются «проглоченные фрагменты слов». Во втором случае каждая такая неправильная грамматическая форма дополнительно выносится в примечания внизу страницы, а также упоминается в индексе аномальных форм в конце первого тома. Такое детальное фиксирование грамматически (точнее говоря, морфо(но)логически) аномальных словоформ очень удобно для читателя.

В индексе «русских включений в водские тексты» включены морфологически неадаптированные русские вставки, большая часть которых являются одиночными словами, хотя встречаются и целые клаузы. В целом переключение кодов в речи информантов Е.Б. Маркуса и Ф.И. Рожанского встречается редко, что связано с принципами отбора информантов.

Грамматический индекс содержит все встретившиеся в текстах словоформы изме-

няемых лексем. Словоформы сгруппированы по грамматическим категориям, причем для каждой словоформы приводится еще и форма номинатива единственного числа для имен и *та*-инфинитива (супина) для глаголов, что позволяет найти их в словаре.

Словарь к текстам также содержит богатую информацию. Для каждой лексемы приводятся оба диалектных варианта, краколевский и лужицкий. В каждую словарную статью включается также список всех словоформ данной лексемы, встретившихся в текстах. Вместе с грамматическим индексом это позволяет осуществлять быстрый поиск как по нужной грамматической форме, так и по нужной лексеме. Для изменяемых лексем дается необходимая морфонологическая информация, позволяющая читателю самостоятельно построить все словоформы из парадигмы данной лексемы.

Такой детальный справочный аппарат делает рецензируемую грамматику очень ценной и удобной в использовании не только для специалистов по прибалтийско-финским языкам, но и для типологов широкого профиля, а также для специалистов по языковым контактам (в частности для тех, кто занимается изучением переключения кодов и изменениями в ходе языкового сдвига).

К некоторому сожалению, ограничение словаря только лексикой, содержащейся в текстах, привело к тому, что ряд интересных с морфонологической точки зрения лексем не попал ни в словарь, ни в грамматическое описание, что затрудняет сопоставление современного состояния нижнелужских водских говоров с состояниями, описанными предшествующими исследователями. Другое наше возражение общего характера касается чрезмерной «нормализации» в ряде случаев. Например, вариативность показателей иллатива единственного числа и паритива множественного числа уже отмечалась предшествующими исследователями, ее можно проследить и по многочисленным опубликованным текстам, она есть даже в текстах, записанных авторами.

Грамматический очерк, представленный во втором томе, состоит из следующих разделов: фонетика и фонология, морфонология, морфология и синтаксис. Характерной особенностью рецензируемой грамматики является также эксплицитное выделение авторами дискуссионных тем. С этой целью Е.Б. Маркус и Ф.И. Рожанский используют специальные знаки [?] и [*]. Знаком [?] авторы обозначают «дискуссионные моменты, в которых обсуждаются вопросы описания и интерпретации языкового материала и принятые авторами работы решения, а также приводятся различного рода дополнительные комментарии», знаком [*] –

расхождения между авторами рецензируемой грамматики и предшественниками. Это позволяет читателю составить свое собственное мнение по обсуждаемым вопросам.

Первый раздел посвящен проблемам водской фонологии и фонетики. В приведенной таблице согласных краколевского говора обращает на себя внимание то, что палатализованные корреляты есть не только у зубных, как это представлено в грамматике [Ariste 1948: 15], но и у лабиальных, а также у *š* и *h*. Для большинства глухих смычных, фрикативных и аффрикат существуют звонкие корреляты, хотя звонких палатализованных фонем только пять. При этом в собственно водских словах (а не в недавних заимствованиях) из звонких палатализованных встречаются только *dd*, *z'z'*, *z'*. С точки зрения исторической фонетики существует два основных источника палатализованных в водском языке – кластеры *Cj*, которые далее развивались в палатализованные геминаты [Kettunen 1930], и сочетания вида *Ci* или *Cä* в ауслауте, которые утрачивали гласный. В описываемом в рецензируемой грамматике краколевском говоре редукция и отпадение конечных *a* или *ä* отмечались еще в [Tsvetkov 1995; 2008], в то время как для более консервативного по отношению к редукции лужицкого говора полное отпадение нехарактерно. Это приводит к тому, что фонологический статус почти всех губных палатализованных в лужицком говоре зависит от интерпретации конечного *ə*. Если переднерядный и заднерядный варианты *ə* интерпретировать как разные фонемы, то фонологический статус *p'*, *p'p'*, *v'*, *m'* теряется. Е.Б. Маркус и Ф.И. Рожанский постулируют в данном случае одну редуцированную фонему, что позволяет сохранить одинаковую систему консонантизма в двух говорах. Сравнение данных рецензируемой грамматики и грамматики Д. Цветкова позволяет обнаружить также и изменения, произошедшие за почти 90 лет. В частности, в ряде случаев сочетание *Ciu* развилось в *C'ü* (*riuku* > *r'üku* 'жерьдь').

Основными проблемами описания вокализма являются отмеченная выше неоднозначность в интерпретации конечных редуцированных и статус дифтонгов на *i*. В отличие от дифтонгов на *u* и *ü*, противопоставленных сочетаниям «гласный + согласный *v*», дифтонги на *i*, как отмечено в рецензируемой грамматике, в современных нижнелужских водских говорах не противопоставлены сочетаниям «гласный + *j*», и выбор того или иного описания в данном случае остается на усмотрение автора. Е.Б. Маркус и Ф.И. Рожанский считают дифтонгами только сочетания *Vj* перед согласным, однако, несмотря на это, они записывают эти сочетания как *Vj*, в отличие от всех других исследователей водского языка.

В подразделе «Фонетика» описывается фонетическая реализация фонем. В частности, значительная часть палатализованных фонем может реализоваться фонетически и как палатализованные, и как непалатализованные, причем выбор варианта зависит в основном от конкретного диалекта. Интересно отметить, что такое явление характерно только для собственно водских слов. Авторы объясняют это тем, что значительная часть таких нестабильных палатализованных возникла в результате апокопы конечного *ā* или *i*.

Второй раздел тома посвящен описанию морфологии описываемых говоров. Авторы отмечают, что «как и другие прибалтийско-финские языки, водский язык чрезвычайно далек от агглютинативного идеала». Все чередования делятся авторами на системные и несистемные, к первым относятся чередование ступеней (в основах) и геминация.

Авторы дают полную таблицу чередования ступеней, которая выгодно отличается от аналогичного списка в [Ariste 1948: 18–19] тем, что в ней отсутствуют такие «чередования», как *riš/rg*. В отношении словоизменительных аффиксов (*-ka/-ga* 2PImp, *-ttu/-tu* PartPass) авторы не используют понятие чередования ступеней, хотя для словообразовательных аффиксов указывают разноступенные варианты аффиксов в составе основ разных типов.

Далее в книге рассматриваются морфологические преобразования на стыке морфем. Из перечисленных явлений только три оказываются автоматическими, обусловленными фонотактикой: это переход $l > l$, ассимиляции $l + n > ll$ и $l + n > ll$, $s + n > zn$. Остальные процессы оказываются неавтоматическими, в том числе и характерное именно для нижнелужских водских говоров чередование $a \sim \bar{a} / e \sim \bar{e}$, диахронически объясняемое сравнительно недавней редукцией гласных $a \sim \bar{a}$ (ее нет в центрально-водских и восточноводских говорах).

В третьем разделе дается описание именного и глагольного словоизменения. Сюда попала информация, связанная с парадигматической классификацией имен и глаголов, а также со способами образования разных основ. Детально описывается также процедура синтеза нужных словоформ по имеющейся в словаре информации.

При описании именного словоизменения Е.Б. Маркус и Ф.И. Рожанский не включают в базовую парадигму некоторые падежи, включившиеся их предшественниками (ср. с [Ariste 1948]). К таким падежам относятся комитатив, терминатив, абессив, эссив, эксессив, инструктив и комитатив 2. Комитатив и терминатив имеют свойства как падежей, так и послеложных конструкций, причем у показателя терми-

натива послеложные свойства преобладают, а эссив в современных водских говорах является скорее отмирающим падежом, который почти всегда может быть заменен номинативом. Абессив в современных водских говорах может быть образован только от супина и рассматривается авторами в разделе, посвященном глаголу. Интересно отметить, что показатель терминатива *ssā* может сочетаться как с формой генитива, так и формой иллатива, причем определение, выраженное прилагательным, чаще выступает в форме генитива, хотя допустимым является и иллатив. Это, по-видимому, свидетельствует о медленном дрейфе его от послелога к падежному показателю, поскольку почти все косвенные падежи образуются от основы генитива. Аккузатив как особый падеж авторы выделяют только у личных местоимений множественного числа.

При распределении имен по парадигматическим классам авторы опираются в основном на дистрибуцию разных основ по грамматическим формам. Выделяются следующие основы: согласная, сильноступенная гласная, слабоступенная гласная, гласная с вторичной геминатой, гласная без чередования ступеней. При этом надо иметь в виду, что в один и тот же класс могут попадать имена как с чередованием ступеней, так и без него.

При этом имена только с гласной основой оказываются разделены между четырьмя классами (1, 1a, 2 и 2*), в то время как в описаниях других прибалтийско-финских языков они иногда попадают в один большой класс. Это объясняется тем, что в кракольском говоре наблюдается определенная вариативность в образовании инессива, иллатива и партитива единственного числа одноосновных имен.

Особо следует остановиться на именах типа *pere* ‘семья’, восходящих к именам на **-ek* и **-eh*. Уже в словаре Д. Цветкова можно наблюдать постепенное разрушение этого типа склонения, выражающееся, прежде всего, в утрате чередования ступеней. В рецензируемой грамматике имена этого типа включены в 3-й класс, для которого характерно употребление согласной основы только в партитиве единственного числа, причем в качестве согласной основы взята основа *peret-*. От этой основы с помощью одного из двух алломорфов партитива легко образуется партитив единственного числа *perett*, однако такого же результата можно было бы добиться и вообще не вводя согласную основу, а добавив вместо этого третий алломорф партитива *-tt*.

Как уже было отмечено выше, сравнение данных рецензируемой грамматики и данных словаря Д. Цветкова позволяет заметить некоторые изменения по аналогии, произошедшие

за 90 лет. В целом наблюдается процесс утраты согласной основы и переход имен в класс I (*vikaht* 'коса', *susi* 'волк') и утрата чередований ступеней. Примечательно, что в новых заимствованиях чередование ступеней зачастую отсутствует (NomSg *gaik* : GenSg *gaika* 'гайка'), хотя геминация и чередование *a ~ ä / e ~ e* представлены и в заимствованиях.

Далее следует описание глагольной морфологии. За исключением императива, глагол имеет шесть личных форм, причем в качестве формы ЗРІ выступает форма имперсонала, полностью вытеснившая в нижнелужских водских говорах старую форму ЗРІ. Авторы выделяют три наклонения (индикатив, кондиционалис и императив). В индикативе выделяется четыре времени (презенс, имперфект, перфект и плюсквамперфект), футурум есть только у одного глагола *elēta* 'быть'. Е.Б. Маркус и Ф.И. Рожанский не включают довольно часто встречающиеся аналитические формы «*neizen* 'стану' + *ma*-инфинитив (супин)», выражающие незаконченное действие в будущем, в глагольную парадигму. На наш взгляд, данная форма, равно как и форма «*neizin* 'стал' + *ma*-инфинитив», вполне может быть включена в глагольную парадигму, хотя статус этих форм (временные или видовые) остается дискуссионным. Эти две аналитические формы встречаются в текстах гораздо чаще, чем аналитические же перфект и плюсквамперфект, включенные авторами в глагольную парадигму.

В отличие от имен, для глаголов распределение по парадигматическим классам оказывается гораздо ближе к традиционным описаниям. Для описания процедур порождения глагольных словоформ авторы используют те же пять типов основ, которые были выделены ими для имен. Для некоторых парадигматических классов оказывается необходимым введение еще одной, так называемой «стяженной», гласной основы (ср. стяженную основу *mē-* и гласную основу без чередования ступеней *tene-* глагола 'идти'). Авторы выделяют пять больших парадигматических классов, которые в свою очередь делятся на подклассы. В ряде случаев такие подклассы выделяются на основе различной дистрибуции гласных *a/ä* и *e/e* в парадигмах. В отличие от системы классов, предложенных Е.Б. Маркус и Ф.И. Рожанским для существительных, система 20 парадигматических классов глагольного изменения оказывается даже более подробной, чем традиционная.

Последняя часть третьего раздела грамматического очерка посвящена словообразованию. В табл. III–64 авторы дают обзор основных словообразовательных суффиксов, указывая частеречную принадлежность исходной и про-

изводной лексемы. Обращает на себя внимание отсутствие суффиксов, переводящих глагол в прилагательное.

Четвертый раздел грамматического очерка посвящен синтаксису и семантике некоторых грамматических категорий. Следует отметить, что в грамматиках А. Альквиста, Д. Цветкова и П. Аристе вопросы синтаксиса либо вообще не освещались, либо очень кратко затрагивались при описании отдельных грамматических категорий. В отличие от этих грамматик, [Агранат 2007] уделяет очень большое внимание водскому синтаксису. В целом синтаксис так называемых «малых» прибалтийско-финских языков до настоящего времени остается еще очень плохо изученным.

В этом разделе авторы затрагивают традиционные для описаний прибалтийско-финских языков темы: функции падежей, систему времен и способы выражения видо-временных противопоставлений, в том числе за счет выбора падежа прямого объекта, выбор между инфинитивом и супином, синтаксис имперсональных конструкций. Кроме имперсонала, рассматриваются и другие актантные деривации – пассив, рефлексив, каузатив и детранзитив. В этом же разделе обсуждаются конструкции с модальными и фазовыми глаголами, а также конструкция с глаголом *neisema* 'становиться' и аналитический императив. Особый подраздел посвящен строению именной группы в водском языке. Кратко рассматриваются также различные виды сложных предложений, в том числе способы передачи прямой речи. С другой стороны, в рецензируемой грамматике почти нет сведений о довольно редких в современных водских говорах полипредикативных конструкциях, которым уделено много внимания в грамматике [Агранат 2007]. Завершает этот раздел описание водских дискурсивных частиц.

В конце грамматического очерка есть приложения. Приложение 1 содержит все необходимые таблицы для синтеза словоформ лужицкого говора. Хотя в качестве базового говора в рецензируемой грамматике был взят краковский, в соответствующих ее разделах всегда давались примечания об особенностях лужицкого говора. Эти примечания и таблицы Приложения 1 позволяют породить любую его глагольную или именную словоформу. Приложение 2 – это алфавитный список водских словоизменяемых показателей обоих говоров, причем все алломорфы приведены отдельно. В Приложении 3 даются примеры спектрограмм, иллюстрирующие одно из важнейших отличий нижнелужских водских говоров от центральноноводских – апокопу и редукцию кратких гласных и сокращение долгих гласных в ауслауте.

В Приложении 4, озаглавленном «Комментарии для специалистов по финно-угорским языкам», авторы еще раз в сжатой форме обосновывают принятые в данной работе решения, которые в той или иной степени являются «нетрадиционными». Завершает вторую часть карта водских деревень и фотографии информантов.

Подводя итоги, хочется еще раз отметить высокое качество работы. Авторы сделали максимум возможного, чтобы данное грамматическое описание было бы «user friendly». С этой целью в работу были включены всевозможные индексы, все спорные вопросы обсуждаются, причем авторы и дают информацию о решениях, принятых предшествующими исследователями водского языка, и обосновывают собственный выбор. Прилагаемый к грамматическому описанию сборник текстов, а также диск с аудиофайлами позволяют читателю самому проверять некоторые утверждения авторов. Правила порождения именных и глагольных парадигм, описываемые во второй части работы, почти во всех случаях позволяют породить нужную словоформу каждой лексемы, представленной в словаре. Специалисты по прибалтийско-финскому и водскому языкознанию должны быть бесконечно благодарны авторам за проделанную ими работу. Хочется надеяться, что рецензируемое издание послужит стимулом для новых работ по водскому языку и надежной базой последующих исследований.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

2 – 2-е лицо
3 – 3-е лицо
Gen – генитив
Imp – императив
Nom – номинатив
PartPass – пассивное причастие
Pl – множественное число
Sg – единственное число

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агранат 2007 – Т.Б. Агранат. Западный диалект водского языка. Москва; Гронинген, 2007.
Ahlquist 1855 – A. Ahlquist. Wotisk grammatik jemte språkprof och ordförteckning. Helsingfors, 1855.
Ariste 1948 – P. Ariste. Vadja keele grammatika. Tartu, 1948.
Kettunen 1930 – L. Kettunen. Vatjan kielen äännehistoria. Helsinki, 1930.
Tsvetkov 1995 – D. Tsvetkov. Vatjan kielen Joenperän murteen sanasto. Helsinki, 1995.
Tsvetkov 2008 – D. Tsvetkov. Vadja keele grammatika. Tallinn, 2008.

М.З. Муслимов

Сведения об авторе:

Мехмет Закирович Муслимов
Институт лингвистических исследований РАН
mehmet@yandex.ru

M. Guiraud-Weber. Essais de syntaxe russe et contrastive. Aix-en-Provence: Publications de l'Université de Provence, 2011. 337 p. (Langues et langage, 17.)

Книга известного французского слависта польского происхождения Маргерит Гиро-Вебер «Очерки по русскому и контрастивному синтаксису» вышла в лингвистической серии монографий университета Экс-ан-Прованса, где многие годы работает автор. Это собрание статей, самая ранняя из которых написана в 1974 г.; некоторые из них уже хорошо знакомы русистам. Всего в книгу входят 29 статей; первые публикации многих из них в настоящее время труднодоступны, ряд текстов печатается впервые. Сборник адресован лингвистам, интересующимся не только славянскими языками, но и типологией, поэтому статьи, первоначально выходившие в узкоспециальных изданиях для русистов, переработаны с учетом более широкой аудитории и унифицированы (примеры даны в транслитерации латиницей и обычно с переводами на французский язык, иногда даже глоссированы, некоторые

литературные цитаты упрощены и т. п.). Книга состоит из пяти разделов («глав»), посвященных соответственно синтаксическим отношениям, подлежащему, глаголу, безличным конструкциям и сопоставлению русского языка с другими (прежде всего западнославянскими и французским). Может быть, следовало бы разнести статьи из последнего «контрастивного» раздела в соответствии с их тематикой по остальным. Было бы естественнее, если бы статьи, например о безличных конструкциях или генитиве при отрицании, находились вместе, а не в разных частях книги в зависимости от того, какую роль в них играет сопоставление с иноязычным материалом (ведь те или иные, пусть беглые, отсылки к другим языкам присутствуют и в большинстве статей первых четырех разделов).

Автор занимает позицию, характерную для лингвистов, условно объединяемых под

В Приложении 4, озаглавленном «Комментарии для специалистов по финно-угорским языкам», авторы еще раз в сжатой форме обосновывают принятые в данной работе решения, которые в той или иной степени являются «нетрадиционными». Завершает вторую часть карта водских деревень и фотографии информантов.

Подводя итоги, хочется еще раз отметить высокое качество работы. Авторы сделали максимум возможного, чтобы данное грамматическое описание было бы «user friendly». С этой целью в работу были включены всевозможные индексы, все спорные вопросы обсуждаются, причем авторы и дают информацию о решениях, принятых предшествующими исследователями водского языка, и обосновывают собственный выбор. Прилагаемый к грамматическому описанию сборник текстов, а также диск с аудиофайлами позволяют читателю самому проверять некоторые утверждения авторов. Правила порождения именных и глагольных парадигм, описываемые во второй части работы, почти во всех случаях позволяют породить нужную словоформу каждой лексемы, представленной в словаре. Специалисты по прибалтийско-финскому и водскому языкознанию должны быть бесконечно благодарны авторам за проделанную ими работу. Хочется надеяться, что рецензируемое издание послужит стимулом для новых работ по водскому языку и надежной базой последующих исследований.

M. Guiraud-Weber. Essais de syntaxe russe et contrastive. Aix-en-Provence: Publications de l'Université de Provence, 2011. 337 p. (Langues et langage, 17.)

Книга известного французского слависта польского происхождения Маргерит Гиро-Вебер «Очерки по русскому и контрастивному синтаксису» вышла в лингвистической серии монографий университета Экс-ан-Прованса, где многие годы работает автор. Это собрание статей, самая ранняя из которых написана в 1974 г.; некоторые из них уже хорошо знакомы русистам. Всего в книгу входят 29 статей; первые публикации многих из них в настоящее время труднодоступны, ряд текстов печатается впервые. Сборник адресован лингвистам, интересующимся не только славянскими языками, но и типологией, поэтому статьи, первоначально выходявшие в узкоспециальных изданиях для русистов, переработаны с учетом более широкой аудитории и унифицированы (примеры даны в транслитерации латиницей и обычно с переводами на французский язык, иногда даже глоссированы, некоторые

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

2 – 2-е лицо
3 – 3-е лицо
Gen – генитив
Imp – императив
Nom – номинатив
PartPass – пассивное причастие
Pl – множественное число
Sg – единственное число

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агранат 2007 – Т.Б. Агранат. Западный диалект водского языка. Москва; Гронинген, 2007.
Ahlquist 1855 – A. Ahlquist. Wotisk grammatik jemte språkprof och ordförteckning. Helsingfors, 1855.
Ariste 1948 – P. Ariste. Vadja keele grammatika. Tartu, 1948.
Kettunen 1930 – L. Kettunen. Vatjan kielen äännehistoria. Helsinki, 1930.
Tsvetkov 1995 – D. Tsvetkov. Vatjan kielen Joenperän murteen sanasto. Helsinki, 1995.
Tsvetkov 2008 – D. Tsvetkov. Vadja keele grammatika. Tallinn, 2008.

М.З. Муслимов

Сведения об авторе:

Мехмет Закирович Муслимов
Институт лингвистических исследований РАН
mehmet@yandex.ru

литературные цитаты упрощены и т. п.). Книга состоит из пяти разделов («глав»), посвященных соответственно синтаксическим отношениям, подлежащему, глаголу, безличным конструкциям и сопоставлению русского языка с другими (прежде всего западнославянскими и французским). Может быть, следовало бы разнести статьи из последнего «контрастивного» раздела в соответствии с их тематикой по остальным. Было бы естественнее, если бы статьи, например о безличных конструкциях или генитиве при отрицании, находились вместе, а не в разных частях книги в зависимости от того, какую роль в них играет сопоставление с иноязычным материалом (ведь те или иные, пусть беглые, отсылки к другим языкам присутствуют и в большинстве статей первых четырех разделов).

Автор занимает позицию, характерную для лингвистов, условно объединяемых под

названием «функционального направления». Искусственным и полученным в результате эксперимента (элицированным) примерам предпочитают взятые из реальных текстов (в более поздних работах – из Национального корпуса русского языка)¹. Еще до появления НКРЯ для решения ряда задач Гиро-Вебер строила собственный корпус, состоящий как из художественных, так и из нехудожественных текстов и подвергавшийся «систематическому обсчету» (*dépouillement systematique*, с. 85). При этом к мнению информантов о приемлемости тех или иных высказываний автор также апеллирует (например, в статье о прилагательных «Бисинхронный метод...», см. ниже). Теоретическое объяснение наблюдаемых языковых явлений иногда занимает существенное место, но в целом приоритет отдается «возможно более адекватному и объективному» описанию. Гиро-Вебер вслед за своим учителем Полем Гардом (кстати, именно ему, «великому слависту и выдающемуся профессору», посвящена книга) обращает внимание на исторические процессы, ведущие к синхронному состоянию языка, и различает в последнем те или иные черты, восходящие к старой системе. Автор также признает связь между языком и национальной культурой в духе, например, работ Вежицкой, хотя и без крайностей, свойственных этому направлению (с. 150; ср. в особенности последнюю статью сборника «Восприятие времени у русских и французов»).

Статьи Гиро-Вебер сравнительно невелики по объему (в среднем примерно по 12 страниц) и сжато, но информативно затрагивают разные очень конкретные сюжеты русской грамматики. В центре интересов автора находится синтаксис, который, как она говорит, «вышел из моды» среди русистов. Первая статья раздела «Синтаксические отношения» – «Связка: форма и функция в современном русском языке» (1976)². В этой статье Гиро-Вебер предлагает несколько модификаций по сравнению с традицией рассмотрения предложений со связкой в русистике. Во-первых, она рассматривает связку *быть* в ряду других русских связок; а во-вторых, анализирует предложения с именным сказуемым не пословно, а поморфемно. С ее точки зрения, связка возникает в предложении как носитель грамматических морфем, при этом она сохраняет и лексическое содержание,

¹ Автор несколько удревяет его появление в Интернете (с. 8), утверждая, что Корпус стал доступен онлайн с 2000 г.; в действительности это произошло четырьмя годами позже.

² В скобках мы даем дату первой публикации, хотя для сборника многие статьи перерабатывались и дополнялись автором.

в том числе и в случае глагола *быть*. К связкам она относит глаголы типа *вернуться, прийти, казаться*, управляющие адъективным дополнением в творительном падеже (в современной лингвистике последнее часто называется «депиктивом»). Традиционная русистика делит их на «полусвязки» и «полнозначные глаголы», что, как считает Гиро-Вебер, излишне: ведь любой глагол, выступающий в функции связки, может выступать в другом контексте в качестве «синтетического предиката», таким образом, речь идет не о лексической классификации, а о синтаксической полифункциональности одних и тех же глаголов. Вместо этого она разделяет связки на «характерные», которым свойственна прежде всего эта функция (*быть, являться, стать, казаться, оказаться, делаться*) и «окказиональные», употребляемые обычно в качестве синтетического предиката (*прийти, вернуться, сказать, сидеть* и многие другие: этот класс продуктивен). В-третьих, Гиро-Вебер проводит границу между древним типом предложений с именным сказуемым без связки (типа *Бедность не порок* и *Время – деньги*, где глагола нет и в латыни или в современном польском) и предложениями с нулевой связкой, которые представляют собой русскую инновацию.

Вторая статья сборника «Некоторые особенности экзистенциального предложения в русском языке» (2006) посвящена несколько русским конструкциям: с глаголом *быть*, с глаголом *существовать*, генитиву при отрицании (*работы не находилось*) и посессивному обороту с предлогом *у*. В частности, отмечено, что глагол *существовать*, в отличие от *быть*, имеет встроенный в семантику универсальный «локализатор» и плохо сочетается с обстоятельствами места. Как представляется, это утверждение нуждается в оговорках, ср. вполне частотные контексты вроде *К 1870 году новый суд существовал в 23 губерниях вместо 44, определенных законом от 19 октября 1865 года* [А. Афанасьев. Суд присяжных в России // «Отечественные записки», 2003] или *Вот почему интеллигенция как интеллектуально свободная часть общества существует в России и неизвестна на Западе, где угроза свободе для интеллектуальной части общества меньше (или она минимальна)* [Д. Лихачев. О русской интеллигенции (1993)], где локализация экзистенциальной ситуации как раз является самой информативной частью высказывания. Кроме того, автор анализирует противопоставления между связочной и бессвязочной конструкциями типа *У него седые волосы* и *У него есть седые волосы*.

К предыдущим двум статьям примыкает работа «Отношение принадлежности» (1996),

где более подробно разбираются конструкции типа *у него (есть) седые волосы* (с учетом работ Д. Пайара и Ж. Фейе), статус предлога *у* и связки в этих конструкциях, а также анализируются другие средства выражения принадлежности в русском языке. В частности, автор обращает внимание на непродуктивность предлога *у* в значении пространственной близости (особенно применительно к одушевленному ориентиру) и вытеснение его во многих контекстах другими предлогами, а также на рост употребительности конструкции *отец у него* по сравнению со стандартным посессивом *его отец*. Указано (на материале совместной публикации автора с И. Микаэлян), что конструкция с глаголом *иметь* последовательно выступает для заполнения парадигматической лакуны конструкции *у меня есть*, которая лишена нефинитных форм: *не имея денег, имей смелость, она не может иметь детей* и т. п. Отметим, что конструкция с предлогом *у* все же сочетается с инфинитивом, причем в ряде случаев замена на конструкцию с *иметь* невозможна или неестественна, ср. примеры из НКРЯ: *Она думала, что только у русских могут быть такие страдающие, молящие, ласковые, безумные глаза* [В. Гроссман]; *У ребенка могут быть большие проблемы с сердцем* [форум] и др., а большинство примеров с сочетанием *мочь + иметь* содержат книжные устойчивые обороты с глаголом *иметь* (как отмечает сама Гиро-Вебер, в основном это кальки): *иметь влияние, значение, отношение, последствия, природу, характер* и т. д.

Статья «Дифференциальное маркирование объекта в современном русском языке: что нового?» (2004) затрагивает исключительно популярную в русистике тему выбора между генитивом и аккузативом прямого дополнения при отрицании. Этому сюжету, помимо большого числа важных публикаций (А. Мустайоки, Б. Парти и В. Борщева и др.), уже после первой публикации статьи Гиро-Вебер был посвящен целый сборник [Рахилина (сост.) 2008]. В данной статье рассматривается прежде всего исторический и контрастивный аспект вопроса; автор пользуется результатами обширного исследования, проведенного в 1985 г. под руководством А. Мустайоки. С точки зрения Гиро-Вебер, полученные финским коллективом данные свидетельствуют о том, что распределение генитивной и аккузативной конструкции связано, прежде всего, с определенностью/неопределенностью объекта (то же правило лежит в основе выбора падежа дополнения при глаголах типа *ждать* или *просить*), а отклонения от этого принципа диктуются устоявшимися фразеологизмами. Автор полагает, что в русском, в отличие, например, от чешского (подробнее см.

ниже), генитив при отрицании не исчезнет, а сохранится благодаря указанной семантизации этого различия. Вообще, по мысли Гиро-Вебер, «русский язык предпочитает диверсифицировать, а не унифицировать (normaliser)».

В статье «Синтаксис русского компаратива: некоторые уточнения» (1996) автор рассматривает употребление нескольких форм русского компаратива: синтетической (*крепче*), аналитических форм, где возможно выражение семантики не только большей, но и меньшей степени признака, а также сохраняется различие между прилагательным и наречием (*более/меньше крепкий/крепко*), а также префиксальной синтетической формы (*покрепче*). Автор отмечает, что префиксальная форма не является «смягчительной», или «аттенуативной», как ее нередко описывают, но скорее наделена субъективной семантикой выбора, связанного с ситуацией (ср.: *дай мне чай покрепче*); «говорящий вводит собеседника в “личную сферу”, столь важную в социальных отношениях у русских» (с. 62). Префиксальный компаратив также фактически выступает разговорным синонимом аналитической формы в атрибутивном контексте, где бесприставочная синтетическая форма фактически неприемлема (*более добрый следователь – ?следователь добрее – следователь подобрае*). Гиро-Вебер обращает внимание и на редкие в современном языке (и, возможно, нарушающие норму) сочетания типа *гораздо получше*; наши собственные наблюдения показывают, что в XIX в. они были более приемлемы и частотны (как и схожие с ними конструкции *втрое / в десять раз побольше*). К сожалению, в этой статье не добавлена ссылка на вышедшую после журнальной публикации работу [Богуславский, Иомдин 2009], которая является наиболее подробным (хотя все же не исчерпывающим) описанием семантических и синтаксических свойств данной формы.

В работе «Бисинхронный метод в описании адъективного сказуемого (adjectif attribut)» (1993) автор подходит к проблеме вариативности формы адъективного сказуемого (*Соседка оказалась хитра/хитрая/хитрой*), используя методику Поля Гарда, согласно которой в синхронном состоянии языка нужно выделять различные хронологические пласты и для каждого из них усматривать свое множество правил, диктующих выбор между той или иной формой. Для современного пласта (в частности, в устной речи молодого поколения) действует правило («модель А»), ограничивающее выбор краткой формы только лексикализированными контекстами и регулирующее выбор между именительным и творительным падежами в зависимости от типа глагола. И здесь мы снова возвращаемся к связкам. «Сильная»

связка типа *стать* или *казаться* требует творительного падежа, «слабая» типа *прийти* или *стоять* допускает также номинатив; выбор падежа при связке *быть* регулируется особым правилом. Хронологически старшая «модель В», принятая в книжных текстах, допускает при глаголе *быть* и (гораздо реже) при «сильной» связке также краткую форму (а в языке XIX в. она была возможна и при «слабой» связке, ср.: *вернулся задумчив*). Выбор формы адъективного сказуемого – детально проработанный в русистике сюжет. Автор отмечает нечасто упоминаемое морфологическое ограничение на краткую форму в сочетании с превосходной степенью (**самый умен*). При этом на основании суждений информантов она считает «избегаемой» краткую форму от сложных прилагательных, с рядом лексем все же представленную в текстах (ср.: *зеленоватобледен*). В отличие от автора известной работы о краткой форме прилагательного Л. Бэбби, Гиро-Вебер считает выбор краткой формы в предложениях типа *Искусство вечно связанным* не с уникальностью объекта, а с вневременным характером высказывания.

Следующая статья также посвящена именованному сказуемому, на сей раз выраженному существительным – «К вопросу о субстантивном сказуемом в современном русском языке: Можно ли по-прежнему говорить о семантической оппозиции?» (1994). Здесь речь идет о противопоставлении именительного и творительного падежей: как известно, в истории языка именительный падеж был вытеснен творительным при всех связочных и полусвязочных глаголах, кроме глагола *быть*, и сохранился прежде всего при этом последнем в форме настоящего времени (в отличие от польского или украинского языков, где творительный падеж проник и в эту позицию). Вариативность, однако, сохраняется при прошедшем времени глагола *быть*. В XVIII в. (а во многом и в XIX) конструкции типа *он был учитель* означали постоянную ситуацию, а *он был учителем* – временную; многие грамматики XX в. указывают это семантическое распределение и для современного языка, хотя оно уже не вполне соответствует действительности. В современном языке выбор падежа определяется целым рядом факторов. Так, номинатив слабо допустим после отрицания (*он не был русским*), при неодушевленном (*рента была одним из источников дохода*) и сентенциальном подлежащем. В остальных претеритальных контекстах возможна конкуренция между падежами. С точки зрения автора, выбор маркированной формы именительного падежа в современном языке указывает на «доминирующую характеристику» субъекта с точки зрения говорящего.

В статье «Статус локализатора» (1998) речь идет о русской именной группе с предложением *в* и ее статусе с точки зрения теньеровской теории валентности (в соответствии с процедурой, предложенной Ж. Лазаром) – в каких случаях она является актантом, а в каких сирконстантом. Локализатор является актантом при экзистенциальном глаголе (*В лесу находится озеро*), в посессивных конструкциях, допускающих перифразирование с помощью глагола *иметь* (*В России есть своя демократическая культура*), и в безличных конструкциях (*В комнате жарко*), сирконстантом – в классических контекстах с обстоятельством места при «локализуемых ситуациях», а также в неопределенно-личных предложениях (*В доме поют*).

Второй раздел книги состоит из трех статей и называется «Подлежащее (субъект)³: формы, трансформации, устранение». В статье «Подлежащее в русском языке» (2003) анализируются три типа неканонических неноминативных подлежащих при так называемых безличных конструкциях: дативное (*Ему было стыдно*), аккумулятивное (*Его тошнит*) и инструментальное (*Его убило громом*). Эти три вида подлежащих оцениваются (в духе известного подхода Кинана – Комри) по ряду критериев, характерных для «прототипического» подлежащего (предикативная связь, согласование, начальная позиция, одушевленность, функция агенса, возможность контролировать рефлексив и субъект деепричастного оборота; см. также обсуждение этих критериев в [Тестелец 2001: 317–359]). Степень «подлежащности» у этих типов именных групп разная; наиболее существенными признаются критерии агентивности и одушевленности.

Данную тему продолжают две другие статьи раздела. В статье «Предикация без подлежащего: случай русского языка» (2008) анализируются различные типы предложений, занимающие положение на шкале между эллипсисом и традиционными «безличными» предложениями (анафорическое и ситуативное опущение подлежащего, фразеологизмы с усеченным подлежащим типа *дело доходит до > доходит до*, случаи «инкорпорированного актанта» в терминологии Е.В. Падучевой типа *капли каплют с крыши > каплют с крыши*⁴). Работа «Эллипсис, устранение

³ Гиро-Вебер отдельно останавливается на проводимом в русской традиции различии между формальным «подлежащим» и логическим «субъектом»; во французском языке этим терминам соответствует один термин *sujet* с разными уточнениями.

⁴ Отметим, что список подразумеваемых субъектов при безличных предикатах (с. 119) неполон: *таять* может не только снег (но и лед), а *отпускать* не только мороз (но и, например, боль).

ние подлежащего (effacement)⁵, нулевое подлежащее» (одна из самых ранних статей, она датируется 1977 г.) проводит разграничение между предложениями с эллипсисом подлежащего и предложениями с нулевым подлежащим. Для конструкций типа *доходит до*, образованных путем грамматикализовавшегося усечения подлежащего, предложен термин «предложения с устранным подлежащим» или «сокращенные предложения». Обобщенно-личные предложения (*не знаешь, что сказать*) квалифицируются как «инклюзивные», а неопределенно-личные (*за стеной поют*) – как «эксклюзивные» (за исключением перформативных контекстов типа *Граждане, вам вежливо говорят: выметайтесь отсюда*). Внутри традиционного класса «безличных предложений» Гиро-Вебер различает собственно безличные предложения типа *в горле першило* и *на дворе темнело* и предложения с нулевым подлежащим, безразличным к признаку «личное/безличное» (*над головой дудело, в кустах зашевелилось*). Подчеркнуто, что всякое предложение с нулевым подлежащим (в отличие от предложения с эллиптическим подлежащим) имеет неопределенный субъект. «Неловкая, если вообще грамматичная», согласно автору, конструкция *Это ясно, что Р* несколько раз встречается в Национальном корпусе русского языка, как правило, в прямой речи (в частности, у Гончарова, Каверина, Катаева, Веры Пановой), а также в устных текстах. Пример *Думая о сестре, Варя стало грустно* (с. 121), с моей точки зрения, не грамматичен; контексты с дативным экспериментом, контролирующим субъект деепричастного оборота, обозначены как сомнительные, например, и в [Тестелец 2001: 331].

Последняя статья этого раздела является звеном, соединяющим его со следующим разделом под названием «Безличность» (L'impergonnel). В открывающей его статье «Недавняя эволюция безличных предложений в русском языке» (2003) на материале корпуса текстов анализируется ряд диахронических явлений, «нормализующих и стандартизирующих» данный тип предложений. Это расширение сферы употребления отрицательных экзистенциальных предложений (типа *мороза не ощущалось*), появление конструкции типа *с отцом нехорошо*, вытеснение безличного пассива типа *следилось, было стреляно* неопределенно-личной активной конструкцией типа *следили, стреляли*; распределение между дативной-безличной и активной конструкциями (*мне нельзя – я не могу*) в зависимости от

⁵ Мы используем соответствие, употребляемое в русскоязычных публикациях автора, например, [Гиро-Вебер 1984].

внешней или субъективной модальности соответственно; уже упоминавшееся выше «устранение подлежащего» (*дело дошло до драки > дошло до драки*). Согласно выводу автора, русский язык выработал стратегии «избегать» подлежащего в номинативе в случаях, когда речь идет о неконтролируемой ситуации.

В статье «Количественное предложение» (1980) речь идет о квантифицирующих предложениях с генитивом типа *сил не хватает, яблонь четыре, времени мало*; несколько необычным является причисление к ним также генитивных конструкций изменения количества типа *семейства прибавилось, воды убавилось*. Автор считает, что данные предложения представляют особую синтаксическую конструкцию, отличную от простых количественных групп и экзистенциальных предложений, и обращает, в частности, внимание на разницу в выборе числа: *театров в городе два* (существование объекта в пресуппозиции) vs. *в городе два театра* (экзистенциальное предложение в чистом виде), невозможность трансформации в простую количественную группу: *людей раз-два и обчелся* vs. **раз-два и обчелся людей* и др. Гиро-Вебер приходит к выводу о том, что в предложениях типа *театров в городе два* существительное в генитиве обладает признаками подлежащего.

В статье «Предложения типа *с отцом нехорошо*» (1979) отдельно анализируется уже упомянутый тип безличных оценочных предложений, развившийся в русском языке в XX в. С точки зрения автора, конструкции типа *у него дом с садом* и *у него удача с проектом* синтаксически различны, так как они, в частности, по-разному ведут себя с отрицанием (*у него нет дома с садом, ?у него нет удачи с проектом, ОК у него неудача с проектом*); в конструкциях последнего типа такие слова, как *удача* являются сказуемыми. Отмечен такой более яркий признак перехода существительных в предикативы, как утрата ими согласования: *Ему было лень*; согласуемый вариант *Ему была лень* ушел из языка. В то же время мнение автора, согласно которому согласуемый вариант количественных конструкций типа *Людей была масса* является маргинальным и менее приемлемым, подтверждения не находит. Примеры типа *Конечно, Л. Я. проявила при переезде редкие твердость и мужество, но и анекдотов была масса* [Е. Кумпан. Вспоминая Лидию Яковлевну // «Звезда», 2002] в современном языке не маркированы, а все примеры на *было масса* относятся к 1900–1930-м гг. Разбирается также разница в распределении и семантике между конструкциями *с ним плохо* и *ему плохо*.

Впервые в данном виде в сборнике печатается статья «Двойной статус творительного

падежа в безличном предложении». Анализируются конструкции со значением распространения запаха или движения воздуха типа *пахло смолой* или *веяло жаром*. В отличие от многих предшественников, Гиро-Вебер предлагает анализировать эту инструментальную конструкцию иначе, чем формально схожую с ней безличную *Лодку унесло ветром*, где творительный падеж кодирует неконтролируемую стихию или ее орудие. В глаголах со значением распространения запаха или движения воздуха существительное в творительном падеже является обязательным актантом, требуемым семантикой ольфакторного глагола. Кроме того, в конструкцию входит также локативный элемент (*с полей веет прохладой, в комнате пахнет рыбой*); эти предложения примыкают по типу к безличным предложениям вроде *в комнате темно*. Конструкции типа *пахнет рыбой* представлены также и в западнославянских языках, в то время как обозначения действия стихий с существительным в творительном падеже типа *лодку унесло ветром* характерны только для восточнославянских.

В статье «*Весело кататься – кататься весело: одна или две конструкции?*» (1981) рассматривается вопрос о синтаксическом статусе инфинитива в сочетании с предикативом, затронутый еще в работах Шахматова и в дальнейшем неоднократно поднимавшийся. Автор различает три типа таких сочетаний: модальное (*мне можно курить*), где инфинитив обязателен, дативные конструкции, указывающие на состояние дативного субъекта (*мне тошно отвечать*), где инфинитив факультативен, и оценочные конструкции (*смеяться грешно*), где инфинитив обязателен, а датив нет. Оценочные конструкции противопоставлены обеим дативным. В оценочных конструкциях подлежащим является инфинитив (а форма на *-o/-e* представляет так называемое дефолтное согласование); дативные лишены формального подлежащего, но многие его признаки присущи обязательному дативному актанту. При этом ряд предикативов может образовывать как оценочные, так и дативные конструкции: к ним и относится предикатив *весело*, в препозиции к инфинитиву дающий дативную конструкцию, а в постпозиции – оценочную.

Следующий раздел сборника называется «Вокруг глагола»: это постоянная тема работ Гиро-Вебер, посвятившей русскому глаголу целую книгу [Guiraud-Weber 2004]. В статье «Грамматические категории русского глагола» (1997), помимо собственно грамматического материала, излагаются и различия в обозначениях временных интервалов во французском и русском (подробнее освещенные в статье «Восприятие времени у русских и француз-

зов»). Интересно обсуждение неканонических «ирреальных» контекстов (сочетание частицы *бы* не с *л*-формой: *пора бы, мне бы отдохнуть, воды бы*). Центральный раздел статьи посвящен виду: выделены продуктивные и непродуктивные модели видообразования и различные типы противопоставления в видовой паре. Работа «Полезно ли еще понятие способа действия?» (1989) критикует ставшее распространенным в славянской аспектологии понятие способа (совершенности) глагольного действия (*Aktionsart*), введенное С. Агреллем на польском материале и распространенное А.В. Исаченко на русский язык. Подробно рассмотрев предлагавшиеся ранее аспектологами подходы к этому понятию, Гиро-Вебер считает, что анализ соотношений в видовых парах, выражающихся аффиксами, является слишком узким и не охватывает всех соотношений между лексической и видовой семантикой. Она предлагает классификацию семантических типов славянских предикатов, отличающуюся от предложенной З. Вендлером для английского языка: выделяются нединамические предикаты (*сидеть*), динамические с прогрессивным результатом (*вязать/связать шарф*) и динамические с немедленным результатом (*приходить/прийти, случаться/случиться, хлынуть, очутиться* и др.).

Впервые публикуемая в данном виде статья «Глагольная префиксация» затрагивает, в частности, проблему десемантизации и ресемантизации превербов. С точки зрения Гиро-Вебер, семантически «пустых» глагольных приставок не бывает: они могут десемантизироваться в определенных контекстах (в том числе в случае совпадения их семантики с семантикой корня – к сожалению, не упоминаются М. Вей или К. ван Схоневелд, исследовавшие этот эффект), а также приобретать новую семантику (например, делимитативное *по-* с императивом приобретает значение ‘вежливая просьба’). Обсуждается также активно исследуемая в последние годы (например, [Татевосов 2009]) двойная префиксация (глаголы типа *допродать* или *перенакрахмалить*), дается список превербов, которые могут занимать внешнюю позицию, и указаны их общие семантические свойства. Автор считает, что в русском языке, в отличие от украинского или белорусского, невозможен повтор одной и той же приставки. Хотя ряд сочетаний, продуктивных для этих языков, в русском действительно крайне маргинален и едва ли нормативен (например, двойное *по*, как в украинском *попоїсти* или белорусском *папагаладаць*), но в разговорном языке некоторые из них вполне приемлемы, например, указанный в той же статье Татевосова глагол *зазабывать* ‘начать забывать (голы)’.

Статья «Понятие контролируемости и вид глагола» (1996) перечисляет аспектологические явления, связанные с контролируемостью предиката; так, контролируемого предиката требует НСВ со значением попытки (*отец долго будил его vs. звонок разбудил его*), НСВ при глаголах типа *бояться* (*я боюсь его об этом спрашивать vs. я боюсь простудиться*), презенса НСВ в значении будущего (*завтра я еду в Париж vs. *завтра идет дождь*), инфинитива повествовательного (*а царица хохотать⁶ vs. *тут идти / пойти дождь*). Неконтролируемость действия требуется для СВ в отрицательном императиве (*не упади!*).

Статья «Аспектуальная корреляция в русском языке и проблема троек» (2008) охватывает несколько конкретных сюжетов, в частности, окказиональность и низкочастотность некоторых видовых коррелятов, включая механизм возникновения супплетивных пар (*очутиться – оказываться*). Автор, вслед за В.Г. Гакком, как будто бы считает невозможными имперфективы типа *теплело, холодало, легчало* (вместо них якобы выступают только обороты *становилось теплее, холоднее, легче*), хотя это совершенно обычные глаголы, отмеченные не только в словарях, но и множество раз в текстах⁷. При анализе видовых пар, связанных с двувидами глаголами (*организовать – организовывать*), Гиро-Вебер замечает, что такие вторичные имперфективы почти не употребляются в презенсе (²*мы организовываем*). В то же время в НКРЯ отмечено более 100 примеров презенса глагола *организовывать*; его частотность бурно растет с 1990-х гг., хотя первые такие примеры встречаются уже в прессе и политической публицистике рубежа XIX и XX вв. В название статьи вынесена весьма актуальная в современной русистике проблема «видовых троек» (ср. [Зализняк и др. 2010]); предложен весьма полезный обзор ее решений.

Заключительный раздел «Русский в сопоставлении с другими языками» открывается статьей «Согласование времен: русский в сопоставлении с французским» (1974, текст переработан). Казалось бы, сопоставлять нечего, ведь принято считать, что в русском языке согласования времен просто нет. И тем не менее Гиро-Вебер показывает, что это утверждение нуждается в уточнении. Действительно,

⁶ Гиро-Вебер считает эти конструкции галлицизмами (ср.: *et moi de pleurer*); вопрос нуждается в дополнительном исследовании.

⁷ Более того, конструкция с глаголом НСВ может выступать как немаркированная вместо маргинального инхоатива СВ: *что-то стало холодать* (при редком и устаревшем *захолодало*).

в определительных или обстоятельственных придаточных русские времена употребляются в соответствии с реальной временной локализацией ситуации, как и во французском (с точностью до отсутствия в русском относительных времен – плюсквамперфекта и будущего в прошедшем). Обращено внимание на то, что в контекстах, передающих предшествование в прошедшем, обычно выступает указывающий на плюсквамперфектную интерпретацию наречный компонент (*уже, раньше, до этого*). Различие между двумя языками выступает только в изъяснительных предложениях, где в русском языке, в отличие от западноевропейских, время косвенной речи совпадает со временем прямой: *Она сказала, что у нее нет денег*. Отмечены устаревшие случаи (XIX в.) согласования времен в изъяснительных предложениях, возможно, под западноевропейским влиянием. Анализируется выбор времени в русских перцептивных предложениях (*Я видел, как она танцевала/танцует*) и показана его семантическая обусловленность.

Статья «Русские глаголы движения и их французские эквиваленты» (1992) посвящена компонентному (семному) анализу русских глаголов движения, для которых, в отличие от французского языка, значимым (и даже доминирующим) оказывается компонент «самостоятельно» (*идти vs. ехать*). Отметим, что хотя сочетание **он приехал самолетом / на самолете* в русском языке и недопустимо, как указывает Гиро-Вебер, но тем не менее глаголы *приехать, уехать, поехать* (*я завтра уезжаю, он уже приехал*) без выраженного инструментального дополнения вполне могут означать перемещение на любом транспорте, в том числе воздушном. Автор связывает различия в употреблении глаголов движения по суше и по морю с различными географическими условиями, в которых жили предки французов и «северные славяне»; аналогичные исторические причины усматриваются и в степени лексикализации вертикального измерения (ср.: франц. *monter / descendre* применительно к перемещению по плоскости).

Статья «Некоторые замечания об анафорической отсылке (*reprise anaphorique*) в русском языке в сопоставлении с французским узусом» (написана совместно с Робером Руде, 1988) затрагивает ряд свойств русской анафоры, например невозможность употребления личного местоимения в соответствии с неопределенным антецедентом (*Если тебе что-то нравится, возьми *его*) или с партитивным объектом. Разницу в употреблении русских и французских местоимений Гиро-Вебер объясняет тем, что статус последних близок к глагольным аффиксам (точка зрения многих исследователей,

в частности, К. Бланш-Бенвенист и Д. Кресельса).

Данную тему, как и проблематику цикла статей о неопределенно-личных и безличных предложениях, продолжает работа «Структура неопределенного лица: нулевое подлежащее в русском и местоимение *on* во французском» (1990). В ней предложен подробный разбор семантики как французского *on*, так и русского нулевого подлежащего конструкций типа *за стеной поют* (\emptyset _{люди}) в терминологии И.А. Мельчука). Отмечено, что неопределенно-личное французское *on* имеет тенденцию включать говорящего. В ряде контекстов требуется употребить эксплицитно выраженное *nous* 'мы', чтобы «отмежеваться» от такой интерпретации: *Qu'est-ce qu'on nous a préparé pour dîner?* 'Что нам приготовили на ужин?'. В то же время русское нулевое местоимение строго эксклюзивно. Исследуется также ряд других общих и различных свойств этих конструкций.

Статья «От пассива к безличной конструкции: русский в сравнении с польским» (1984) посвящена русской безлично-пассивной конструкции *об этом сообщалось в газетах*, для которой характерно⁸ отсутствие агенса в творительном падеже. Такой же оборот имеется и в польском языке, где представляет собой частный случай хорошо известной безличной конструкции, в которой агенс также не может быть выражен, а пациенс выражается винительным падежом (типа *zabito syna* 'сына убили'; такой же оборот есть и в украинском). Считается, что польская конструкция прошла процесс «активизации»; ее в современном языке не относят к страдательному залогу (иногда описывают как «псевдопассив»). С точки зрения Гиро-Вебер, русская конструкция также не является пассивной в собственном смысле слова: это подтип несогласуемой безличной конструкции с базовой именной группой (в данном случае – предложной), стоящий в одном ряду с такими подтипами, как *С отцом нехорошо*.

В статье «Реакция на заимствование: на примере русских и польских глаголов» (1998) речь идет о заимствованных глаголах на *-овать/-ować* типа *арестовать*, уже на

⁸ Контексты типа найденного нами в НКРЯ «Жизненно важные» центры, как писалось в истории болезни и говорилось врачами, оказались не задеты, мясо же на молодом теле нарастет [В. Астафьев. Обертон (1995–1996)], во-первых, не в точности представляют эту конструкцию (отметим, что при предикате *писалось* есть локативное обстоятельство, но нет инструментального субъекта), во-вторых, маргинальны.

славянской почве включаемых в стандартные видовые пары (*арестовать/арестовывать*, *парковать/припарковать* и т. д.) или остающихся двувидовыми (*идентифицировать*). В польском языке стандартным средством адаптации таких глаголов является приставочная перфективизация (*zaarestować*), а двувидовые глаголы маргинальны.

В работе «Эволюция славянского генитива отрицания в русском, польском и чешском языках» (2007) исследуется генитив субъекта (*Отца не было дома*) и генитив объекта (*Я не читаю книг*). Автор продолжает «бисинхронный» подход к данной теме, о котором мы уже говорили выше, но на материале нескольких языков и с большим учетом исторических свидетельств. Польский язык сохраняет праславянский генитив отрицания (и даже распространяет подобную трансформацию в разговорной речи на необъектный аккузатив, например, аккузатив времени: *Nie pracowałem całej nocy*), в то время как чешский его утрачивает полностью, а в русском языке объектный аккузатив распределен с генитивом в зависимости от ряда факторов, в том числе семантических. Автор считает, что в постсоветский период под западным влиянием выросла частотность глагола *иметь* (и, соответственно, обязательного генитива при нем типа *не иметь отношения*); данные НКРЯ как будто бы не подтверждают этого: частотность лексемы и генитивного объекта при ней с 1960-х годов в общем стабильны. Что касается субъектного генитива отрицания, то польский язык консервативен и в этом случае, сохраняя генитив только в экзистенциальных предложениях, чешский утрачивает такую конструкцию, а в русском имеет место экспансия генитива: *мороза не ощущалось, не прошло и года* и т. п.

Заключительная работа в книге касается тематики «картины мира» – «Восприятие времени у русских и французских» (2001; в первой публикации «Язык и длительность»). Здесь разбираются названия промежутков времени (более «крупные» в русском языке – *неделя, полгода* – и более «мелкие» во французском – *huit jours, six mois*), обозначения времени суток (где в русском языке отсутствует понятие *après-midi*, а во французском – *ночь*). Автор даже осторожно предполагает, что первое явление могло повлиять на введение в СССР пятилетнего плана. Второе явление связывается с большой ролью полудня (*midi*) как фиксированного времени перерыва работы во французской культуре, в то время как для русских *двенадцать часов дня* ничего особого не значат, а *обед* каждое учреждение может назначить по своему усмотрению. Гиро-Вебер далее усматривает сходство с

устройством русской временной системы (а именно, отсутствием четкой временной локализации события и большей ролью вида), а также с русским *простором*, по которому, *хоть три года скачи, ни до какого государства не доедешь*.

В книге есть некоторое количество опечаток, как в русских или польских примерах, так и во французском тексте, и технических погрешностей (например, на с. 26 авторский комментарий к примеру 37 «втянут» в сам пример). Не во всех статьях добавлены переводы примеров на французский язык, хотя, как представляется, это было бы несложно сделать, и это отвечало бы заявленной в предисловии ориентации сборника на более широкую аудиторию лингвистов. В пристатейных библиографиях, там, где приводятся данные работ автора, включенных в рецензируемый сборник, для удобства следовало бы дать внутренние ссылки (а не только указания на первые публикации), как это сделано, например, в сноске на с. 193. Автор приписывает пример *Бог есть любовь* (с. 22) не названному по имени Толстому (видимо, Льву Николаевичу), хотя это новозаветное выражение (1 Ин. 4:8), причем употребительное в такой форме еще до появления Синодального перевода. Также несколько странно атрибуция тривиальной русской реплики *Можно войти?* Гаршину (с. 147); с таким же успехом это можно назвать цитатой, наверное, из нескольких сотен русских писателей.

Несомненно, книга заслуживает перевода на русский язык и публикации в России. Очень хотелось бы, чтобы идеи и решения, предлагаемые Гиро-Вебер, стали доступны для возможно более широкого круга наших русистов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Богуславский, Иомдин 2009 – И. М. Богуславский, Л. Л. Иомдин. Семантика смягченной сравнительности: русские компаративы на *no-* // Von grammatischen Kategorien und sprachlichen Weltbildern. München; Wien, 2009.
- Гиро-Вебер 1984 – М. Гиро-Вебер. Устранение подлежащего в русском предложении // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. 1984. Т. 43. № 6.
- Зализняк и др. 2010 – Анна А. Зализняк, И.Л. Микаэлян, А.Д. Шмелев. Видовая коррелятивность в русском языке: в защиту видовой пары // Вопросы языкознания. 2010. № 1.
- Рахилина 2008 – Е.В. Рахилина (сост.). Объектный *генитив* при отрицании в русском языке. М., 2008.
- Татевосов 2009 – С.Г. Татевосов. Множественная префиксация и анатомия русского глагола // К.Л. Киселева, В.А. Плунгян, Е.А. Рахилина, С.Г. Татевосов (ред.). Корпусные исследования по русской грамматике. М., 2009.
- Тестелец 2001 – Я.Г. Тестелец. Введение в общий синтаксис. М., 2001.
- Guiraud-Weber 2004 – M. Guiraud-Weber. Le verbe russe: temps et aspect. Aix-en-Provence, 2004.

Д.В. Сичинава

Сведения об авторе:

Дмитрий Владимирович Сичинава
Институт русского языка им. В.В. Виноградова
РАН
mitrius@gmail.com

G.G. Corbett. Features. Cambridge: Cambridge university press, 2012. xviii + 322 p.

Рецензируемая книга является наиболее поздней из ряда авторских монографий Гревилы Корбета, посвященных различным аспектам морфологии и морфосинтаксиса. Ставшие классическими работы [Corbett 1991; 2000; 2006] посвящены роду, числу и согласованию соответственно. Новая книга «Признаки» во многом построена на соединении типологических исследований в тех же и близких областях и канонической типологии – теоретического подхода, разрабатываемого последние годы самим Г. Корбетом и при его участии, см., например, [Corbett 2005; Brown et al. (eds)

2012], а также краткое изложение ниже¹. Помимо практики собственно лингвистических исследований, в книге учитывается и более практическое приложение описываемой теории – в разработке принципов глоссирования и разметки корпусов. Такое сочетание практического и теоретического подходов, несомнен-

¹ Список библиографии по канонической типологии доступен на сайте университета Суррея: <http://www.surrey.ac.uk/englishandlanguages/research/smg/canonicaltypology/bibliography>.

устройством русской временной системы (а именно, отсутствием четкой временной локализации события и большей ролью вида), а также с русским *простором*, по которому, *хоть три года скажи, ни до какого государства не доедешь*.

В книге есть некоторое количество опечаток, как в русских или польских примерах, так и во французском тексте, и технических погрешностей (например, на с. 26 авторский комментарий к примеру 37 «втянут» в сам пример). Не во всех статьях добавлены переводы примеров на французский язык, хотя, как представляется, это было бы несложно сделать, и это отвечало бы заявленной в предисловии ориентации сборника на более широкую аудиторию лингвистов. В пристатейных библиографиях, там, где приводятся данные работ автора, включенных в рецензируемый сборник, для удобства следовало бы дать внутренние ссылки (а не только указания на первые публикации), как это сделано, например, в сноске на с. 193. Автор приписывает пример *Бог есть любовь* (с. 22) не названному по имени Толстому (видимо, Льву Николаевичу), хотя это новозаветное выражение (1 Ин. 4:8), причем употребительное в такой форме еще до появления Синодального перевода. Также несколько странно атрибуция тривиальной русской реплики *Можно войти?* Гаршину (с. 147); с таким же успехом это можно назвать цитатой, наверное, из нескольких сотен русских писателей.

Несомненно, книга заслуживает перевода на русский язык и публикации в России. Очень хотелось бы, чтобы идеи и решения, предлагаемые Гиро-Вебер, стали доступны для возможно более широкого круга наших русистов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Богуславский, Иомдин 2009 – И. М. Богуславский, Л. Л. Иомдин. Семантика смягченной сравнительности: русские компаративы на *no-* // Von grammatischen Kategorien und sprachlichen Weltbildern. München; Wien, 2009.
- Гиро-Вебер 1984 – М. Гиро-Вебер. Устранение подлежащего в русском предложении // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. 1984. Т. 43. № 6.
- Зализняк и др. 2010 – Анна А. Зализняк, И.Л. Микаэлян, А.Д. Шмелев. Видовая коррелятивность в русском языке: в защиту видовой пары // Вопросы языкознания. 2010. № 1.
- Рахилина 2008 – Е.В. Рахилина (сост.). Объектный *генитив* при отрицании в русском языке. М., 2008.
- Татевосов 2009 – С.Г. Татевосов. Множественная префиксация и анатомия русского глагола // К.Л. Киселева, В.А. Плунгян, Е.А. Рахилина, С.Г. Татевосов (ред.). Корпусные исследования по русской грамматике. М., 2009.
- Тестелец 2001 – Я.Г. Тестелец. Введение в общий синтаксис. М., 2001.
- Guiraud-Weber 2004 – M. Guiraud-Weber. Le verbe russe: temps et aspect. Aix-en-Provence, 2004.

Д.В. Сичинава

Сведения об авторе:

Дмитрий Владимирович Сичинава
Институт русского языка им. В.В. Виноградова
РАН
mitrius@gmail.com

G.G. Corbett. Features. Cambridge: Cambridge university press, 2012. xviii + 322 p.

Рецензируемая книга является наиболее поздней из ряда авторских монографий Гривила Корбета, посвященных различным аспектам морфологии и морфосинтаксиса. Ставшие классическими работы [Corbett 1991; 2000; 2006] посвящены роду, числу и согласованию соответственно. Новая книга «Признаки» во многом построена на соединении типологических исследований в тех же и близких областях и канонической типологии – теоретического подхода, разрабатываемого последние годы самим Г. Корбетом и при его участии, см., например, [Corbett 2005; Brown et al. (eds)

2012], а также краткое изложение ниже¹. Помимо практики собственно лингвистических исследований, в книге учитывается и более практическое приложение описываемой теории – в разработке принципов глоссирования и разметки корпусов. Такое сочетание практического и теоретического подходов, несомнен-

¹ Список библиографии по канонической типологии доступен на сайте университета Суррея: <http://www.surrey.ac.uk/englishandlanguages/research/msg/canonicaltypology/bibliography>.

но, делает представленное исследование особенно востребованным: по мере развития тех направлений лингвистики, которые основаны на компьютеризованных моделях, все более необходимой оказывается возможность создания сопоставимых описаний, соответствующих более общим теоретическим представлениям.

Большая часть книги посвящена рассмотрению категорий² рода, лица, числа и падежа.

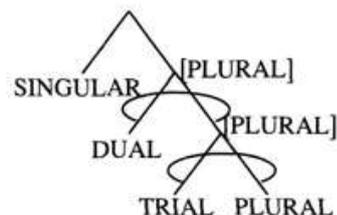
Первая глава книги («Why features?») носит характер вводной: в ней рассматриваются некоторые базовые грамматические примеры и обосновывается необходимость признаков для их описания.

Во второй главе («Formal perspectives: The internal structure of features») рассматриваются вопросы о наличии внутренней структуры у признаков, а также некоторые базовые вопросы, связанные с устройством признакового пространства и соотношением признаков и их значений. При обсуждении внутренней структуры признаков принимается позиция, согласно которой наличие такой структуры может усматриваться в отдельном языке, но не постулируется как общий принцип описания. В качестве основного возможного аргумента за наличие такой структуры в отдельном языке приводятся случаи, в которых те или иные значения признаков оказываются факультативными и могут замещаться другими значениями. Так, например, в языке ларике-вакасику, несмотря на наличие двойственного и тройственного числа, при описании групп из двух и трех объектов допустимо использование множественного числа. Согласно Г. Корбету, в таких случаях значения признаков, замещающих факультативные значения, являются неслучайными и позволяют говорить о такой организации признаков, при которой некоторое единство образуют «замещаемый» и «замещающий» признаки – в данном случае двойственное и множественное число, а также тройственное и множественное число. Для таких случаев Г. Корбет предлагает бинарную иерархическую структуру, подобную (1), и указывает, что

² В рецензируемой книге понятие «категория» в привычном значении не используется, однако автор отмечает (с. 49), что морфосинтаксические признаки иногда называются грамматическими категориями. Термин «категория» является абсолютно преобладающим в русскоязычной традиции, однако в настоящей рецензии по возможности сохраняется терминология оригинала, поскольку соответствие двух терминов не наблюдается за пределами групп морфосемантических и морфосинтаксических признаков и не всегда кажется полным в пределах этих групп.

часть структуры является факультативной – для ларике-вакасику это относится к двум последним противопоставлениям в структуре, что отражено в (1) с помощью дуг.

(1)

По всей видимости, хотя это и не прописано вполне эксплицитно, в случае с числом структура, построенная по тому же принципу, что (1), является обобщением, выходящим за пределы наблюдаемых фактов одного языка. В противном случае приведенных аргументов было бы недостаточно, чтобы постулировать последовательно бинарную структуру и говорить о том, что двойственное число занимает в ней более высокое положение, чем тройственное³. Это следует и из дальнейшего обсуждения (см. ниже): предполагается, что рассматриваемый подход делает некоторые предсказания относительно возможных в языках структур с факультативными значениями, однако такие предсказания едва ли могут быть основаны на самом принципе бинарного ветвления. То же следует из [Corbett 2000: 40–50], где структура значений числа для всех языков строится с последовательным ветвлением узла, соответствующего большим величинам, как в (1).

Предсказания такой системы сравниваются с предсказаниями иерархии (2), восходящей к [Greenberg 1963]. Приводимая аргументация имеет большое значение для основных тезисов второй главы, при этом кажется не вполне неуязвимой, поэтому рассматривается ниже подробнее.

(2) SINGULAR > PLURAL > DUAL > TRIAL

Как указывает автор, исходя из представления о (2) как об иерархии маркированности, можно верно предсказать следующие наблюдаемые факты: 1) факультативность множественного числа.

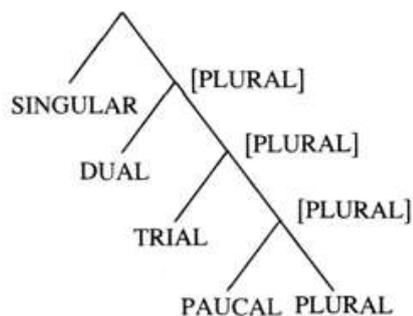
³ Теоретически возможными кажутся следующие типы внутриязыковых обоснований: различие в частотности и различие в наборе ограничений. В [Corbett 2000: 48] первый из них рассматривается для некоторых языков.

венного числа, замещаемого единственным, в некоторых системах числа из двух значений и 2) факультативность двойственного числа, замещаемого множественным, в некоторых системах из трех значений. В то же время, согласно Г. Корбету, эта иерархия делает неверные предсказания в системах, состоящих из единственного, двойственного, тройственного и множественного числа. Можно было бы ожидать, что при факультативности тройственного числа его место займет менее маркированное двойственное, однако в действительности зафиксированы только случаи, в которых тройственное число замещается множественным, что согласуется с (1). Представляется однако, что иерархии (2), вне зависимости от того, рассматривать ли ее как иерархию маркированности, может быть достаточно, чтобы описать наблюдаемые факты, если учесть естественное допущение, согласно которому при факультативности некоторого значения признака универсалиям должна соответствовать как система с этим значением, так и система без него. Например, при факультативности двойственного числа, «замещаемого» множественным, универсальной иерархии должны соответствовать две системы: с двойственным числом (единственное – двойственное – множественное) и без двойственного числа (единственное – множественное). Во всех рассмотренных выше случаях системы, которые получаются при устранении факультативного значения, предсказываются в (2).

Предсказания структур вида (1) и высказанного выше предположения не являются логически тождественными, однако расхождение относится только к крайне редким случаям – к системам, включающим единственное, двойственное, тройственное, паукальное и множественное число⁴. Согласно общему принципу, отраженному в (1), и [Corbett 2000: 41], бинарная структура для таких систем выглядит следующим образом:

⁴ Логически допустима также проверка на системах с единственным, двойственным, паукальным и множественным числом, однако в этом случае потребовалось бы сравнительно много языков такого типа, поскольку системы, состоящие из единственного, паукального и множественного числа значительно уступают по частотности системам с единственным, двойственным и множественным числом, соответственно предсказания двух сравниваемых подходов оказываются крайне близки и могут быть проверены только на очень большой выборке.

(3)

Как отмечает Г. Корбет, предсказания, относящиеся к системам с паукальным числом, из (2) не выводимы. В то же время, некоторые ожидания следуют из общего представления, согласно которому при факультативности значения обе получающиеся системы должны соответствовать типологическим ожиданиям. Так, исходя из этого представления, можно ожидать, что будут языки, в которых паукальное число может использоваться вместо тройственного, поскольку такие системы – с противопоставлением единственного, двойственного, паукального и множественного числа – зафиксированы [Corbett 2009]. Структура же в (3) такую возможность исключает. По всей видимости, в рассмотренной выборке языков такие случаи отсутствуют, однако, к сожалению, ни в [Ibid.], ни в рецензируемой книге не приводятся данных о количестве языков, в которых такой тип объединения значений можно было бы ожидать. Соответственно, несколько ненадежной оказывается аргументация одного из основных тезисов, согласно которому бинарная иерархическая система дает более точные предсказания, чем иерархия (2).

В третьей главе книги («Features for different components») рассматриваются признаки в различных фрагментах языковой системы. Выделяются признаки, относящиеся к одному компоненту (фонологические, морфологические, синтаксические, семантические), и интерфейсные признаки (морфонологические, морфосинтаксические, морфосемантические). Согласно Г. Корбету, к числу морфосемантических (т.е. имеющих семантику, но нерелевантных для синтаксиса) часто относятся такие признаки, как время и аспект. Основным предметом рассмотрения в рецензируемой книге являются морфосинтаксические признаки. Признаки остальных типов (фонологические, синтаксические и т. д.) почти не рассматриваются далее третьей главы⁵. Для большинства из них в этой

⁵ В других главах иногда встречаются некоторые параллели с фонологией (с. 36, 154, 158). Возможно, к числу таких параллелей было бы

главе приводится сравнительно краткий обзор, при этом наиболее подробно рассматриваются морфологические признаки, такие как тип склонения и тип акцентной парадигмы. Особое внимание к морфологическим признакам объясняется сложностью их разграничения с морфосинтаксическими признаками. Данное разграничение необходимо Г. Корбету, в частности, для того, чтобы сформулировать вслед за [Zwicky 1992] правило, согласно которому синтаксис не может использовать собственно морфологическую информацию. При определении морфологических признаков как признаков, нерелевантных для синтаксиса, это утверждение становится тавтологичным. Сравнение по ряду свойств известных морфосинтаксических и морфологических признаков показывает, что их разграничение по независимым параметрам затруднено. Так, из рассмотренных свойств единственным, позволяющим отнести признак к морфологическим при отсутствии каких-либо априорных представлений, оказывается отсутствие ограниченного списка значений⁶. Данный критерий сравнительно проблематичен для практического применения, поскольку, как отмечает Г. Корбет, составление такого списка затруднено и для некоторых несомненно морфосинтаксических признаков, таких как падеж. Как следствие, разграничение морфосинтаксических и морфологических признаков в дальнейшей работе основано не на свойствах, а на общем представлении, согласно которому список таких признаков является ограниченным и известным.

В четвертой главе («Justifying particular features and their values») обсуждается процедура, позволяющая установить, какие признаки и значения признаков представлены в конкретном языке. Особое внимание уделяется таким существительным, как английское *committee*,

уместно добавить сравнение с теми фонологическими работами, в которых в пределах фонологической системы выделяются ядерная часть и периферия, в частности [Либман 1971]. Устройство таких фонологических систем представляется достаточно близким к структуре парадигм в канонической типологии.

⁶ В качестве еще одного свойства, частично различающего морфосинтаксические и морфологические признаки, указывается «прямое» соотношение с семантикой, однако это свойство позволяет отнести признак к числу морфосинтаксических при наличии «прямой» связи, однако не позволяет принять то или иное решение при отсутствии такой связи. Следовательно, это свойство не помогает решить проблему с формулировкой ограничения на взаимодействие синтаксиса и морфологии.

для которых в тех или иных условиях возможно различное согласование (*the committee has / have met...*), причем выбор того или иного варианта зависит от позиции согласуемого слова (*this / *these committee*). Как показано в главе, такие существительные значительно различаются по свойствам даже в пределах одного языка, при этом различия между ними являются градуальными. Как следствие, их поведение сложно описать, добавив некоторое значение к соответствующему признаку – в данном случае числу, – поскольку каждому такому существительному потребовалось бы приписать свое значение числа. Предлагаемое в главе решение этой проблемы основано на понятии условий – свойств, не являющихся признаками, но так или иначе влияющих на их реализацию. В случае со словами типа *committee* таким условием является семантический тип существительного (более или менее легко интерпретируемого как некий единый объект), который проявляется и в других независимых свойствах.

В пятой главе («Typology») последовательно рассматриваются системы значений категорий рода, числа, лица, падежа, определенности и вежливости. Обсуждается проблема соотношения элементов различных систем и принимается решение, что такое сопоставление должно строиться на основных значениях и функциях грамем.

В шестой главе («Canonical typology and features») обсуждаются основные постулаты разрабатываемого Г. Корбетом теоретического подхода – канонической типологии – и система конкретных принципов и критериев для рассмотрения признаков в рамках этой теории. Общий принцип канонической типологии заключается в том, что конкретные единицы и явления в языках должны описываться относительно логически идеальных единиц и явлений. Такой канонический идеал может не быть наиболее частотным или наиболее прототипическим⁷, он может быть даже не засвидетельствован.

В рецензируемой книге как более или менее канонические рассматриваются признаки и значения признаков. В целом канонический подход применяется для значительно более широкого класса случаев, например, в [Corbett 2005] опи-

⁷ В книге приводится краткое сопоставление канонической типологии с теорией прототипов Э. Рош (с. 155), однако, к сожалению, не с основанным на этой теории подходом к описанию грамматики, представленным прежде всего в работах Дж. Байби и Э. Даля, см., например, обзор в [Вубе 1998: 260–262]. Как кажется, несмотря на значительное различие подходов, у этих теорий есть существенные области пересечения.

сывается канонический идеал согласования, в [Baerman et al. (eds) 2007] – синкретизма.

Для выделения канонических морфосинтаксических признаков предлагаются следующие принципы: I. Признаки и их значения четко выделяются по формальным критериям; II. Использование канонических морфосинтаксических признаков и значений признаков определяется простыми правилами синтаксиса; III. Канонические признаки выражаются с помощью канонических показателей словоизменения. Этим принципам соответствует ряд более конкретных критериев, так, в соответствии с первым принципом наиболее канонические значения признаков во всех случаях: при любых значениях других признаков, для любых частей речи и для любых лексем – могут быть выражены и обладают собственным формальным показателем, позволяющим однозначно определить значение этого признака. Ко второму принципу относятся критерии обязательности, отсутствия дополнительных синтаксических условий (например, влияния отрицания), отсутствие семантических условий (например, влияния одушевленности), отсутствие лексических условий и возможность использоваться отдельно. Для различных признаков последовательно рассматриваются отклонения от канонических критериев первого принципа. Такое рассмотрение позволяет выделить общие для морфосинтаксических признаков нетривиальные явления, которые до сих пор рассматривались только в пределах одной из категорий.

Не вполне ясен вопрос о предсказаниях, которые следуют из канонического подхода. Возможное предположение могло бы заключаться в том, что между различными неканоническими свойствами существует корреляция. В некоторых случаях такие факты указываются, так, на с. 171 говорится, что значения признаков, возможные только при определенных комбинациях других значений признаков (например, падеж, ограниченный единственным числом), часто проявляют другие неканонические свойства. К сожалению, не приводится никаких чисел, которые могли бы подтвердить, что такие значения проявляют неканонические свойства чаще, чем любые другие. Неясно также, ожидается ли, что эта тенденция относится только к этому типу неканонических явлений, или между другими неканоническими свойствами также можно усмотреть некоторую корреляцию.

В седьмой главе («Determining feature values: A case study on CASE») рассматривается практическое приложение принципов канонической типологии к системе русских падежей. Показано, что вокатив, второй родительный,

второй предложный и счетная форма в русском языке являются по многим свойствам менее каноническими, чем остальные падежи.

В восьмой главе («Feature-value mismatches») отстаивается тезис, согласно которому признаки строго ортогональны: значения одного признака не могут быть значениями другого признака, т.е., например, номинатив не может быть в конкретном языке значением признака «число».

Представляется, что этот тезис можно понимать различными способами. Так, в зависимости от понимания этого утверждения можно представить себе следующие типы отклонений. Во-первых, вообразима внутриязыковая система, в которой двум «универсальным» признакам соответствует некоторая одна категория. Во-вторых, логически возможна ситуация, при которой некоторое значение образует область пересечения двух категорий и относится к обоим. В-третьих, возможно представить себе систему некоторого языка, в которой значение одного признака полностью формально тождественно значению другого признака при отсутствии семантического тождества. В восьмой главе рассматриваются примеры, для которых в литературе предлагался анализ, соответствующий первому или третьему типу. Так, первый тип явлений (объединение нескольких «универсальных» признаков в один) отмечается для арчинского языка в [Кибрик 1977], где предлагается относить 1 и 2 лицо к категории рода. К третьему типу (отнесение формально тождественных граммем к двум хорошо выделяемым категориям) можно отнести анализ русских *pluralia tantum*, предложенный в [Зализняк 1967], где эти существительные выделяются в четвертый род, наравне с мужским, женским и средним. В главе подробно рассматриваются данные, относящиеся к этим и еще нескольким явлениям, и приводятся некоторые аргументы за то, что альтернативный анализ, сохраняющий ортогональность признаков, возможен и предпочтителен.

Как и в большей части книги, в восьмой главе не рассматриваются данные, относящиеся к времени, наклонению и аспекту, однако из введения к главе следует, что для этих признаков также постулируется ортогональность. Представляется, что в этой области некоторые сложности для рассматриваемого подхода должны вызывать так называемые «линейные» грамматические системы глагола, см. обсуждение в [Плунгян 2003; 2011].

В девятой главе кратко подводятся итоги исследования.

В книге содержится также приложение, в котором обсуждаются практические области, требующие некоторого стандартного аппарата описания признаков.

Рецензируемая работа отличается почти уникальной широтой охвата. Во-первых, систематическому изучению и сопоставлению подвергаются сразу несколько крупных грамматических категорий, чему соответствует достаточно значительная часть грамматики. Во-вторых, в книге сочетаются скрупулезное изучение фактов отдельных языков и обобщения, основанные на анализе обширной типологической выборки. В-третьих, в некоторых случаях наравне с абсолютными ограничениями рассматриваются количественные тенденции. Возможность исследовать все это разнообразие данных в рамках единого подхода является несомненным достоинством предлагаемых теоретических решений. Некоторой лакуной в этом – почти всеохватном – подходе к выбору материала кажется почти полное отсутствие в книге данных о количестве языков, в которых представлено то или иное явление. Для некоторых утверждений отсутствие таких данных кажется достаточно существенным. Так, на с. 190 указано, что в рассмотренных языках отсутствуют такие случаи, в которых выражение одного из значений числа неавтономно. Такая ситуация могла бы наблюдаться, если бы, например, для части падежей или для части родов двойственное число совпадало с единственным, для остальных же – с множественным. В примечании 40 приводится предположение Дж. Бобалика, согласно которому это объясняется невозможностью такого синкретизма, при котором форма единственного числа совпадает с формой двойственного числа. Это предположение отвергается на том основании, что этот вид синкретизма встречается в языке пале. В то же время неясно, насколько часто встречается этот вид синкретизма: если он встречается лишь в единичных случаях, то кажется сравнительно естественным и не требующим дополнительных объяснений тот факт, что в выборку не попал ни один язык, в котором данное – очень редкое – явление встречается одновременно с другим, сравнительно редким.

В целом можно отметить, что книга «Признаки» по многим критериям – по охвату материала, балансу теоретического и практического подходов, значимости обсуждаемых вопросов – близка к каноническому идеалу типологической работы.

Либерман 1971 – *А.С. Либерман*. Порядок действий в фонологии и реальность различительных признаков // *Вопросы языкознания*. 1971. № 3.

Плунгян 2003 – *В.А. Плунгян*. Африканские глагольные системы: заметки к типологии // *Основы африканского языкознания: Глагол*. М., 2003.

Плунгян 2011 – *В.А. Плунгян*. Универсальный грамматический набор как инструмент грамматической типологии // *Международная конференция, посвященная 50-летию Петербургской типологической школы: Материалы и тезисы докладов*. СПб., 2011.

Baerman et al. (eds) 2007 – *M. Baerman, G.G. Corbett, D.P. Brown, A.R. Hippisley* (eds). *Deponency and morphological mismatches*. Oxford, 2007. (Proceedings of the British Academy 145.)

Brown et al. (eds) 2012 – *D.P. Brown, M. Chumakina, G.G. Corbett* (eds). *Canonical morphology and syntax*. Oxford, 2012.

Bybee 1998 – *J.L. Bybee*. «Irrealis» as a grammatical category // *Anthropological linguistics*. 1998. V. 40. № 2.

Corbett 1991 – *G.G. Corbett*. *Gender*. Cambridge, 1991.

Corbett 2000 – *G.G. Corbett*. *Number*. Cambridge, 2000.

Corbett 2005 – *G.G. Corbett*. The canonical approach in typology // *Z. Frajzyngier, A. Hodges, D.S. Rood* (eds). *Linguistic diversity and language theories*. Amsterdam, 2005. (Studies in language companion series. V. 72.)

Corbett 2006 – *G.G. Corbett*. *Agreement*. Cambridge, 2006.

Greenberg 1963 – *J.H. Greenberg*. Some universals of grammar with particular reference to the order of meaningful elements // *J.H. Greenberg* (ed.). *Universals of language*. Cambridge (MA), 1963.

Zwicky 1992 – *A. Zwicky*. Some choices in the theory of morphology // *R. Levine* (ed.). *Formal grammar: Theory and implementation*. New York, 1992.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Зализняк 1967 – *А.А. Зализняк*. Русское именное словоизменение. М., 1967.

Кибрик 1977 – *А.Е. Кибрик*. Опыт структурного описания арчинского языка. Т. III: Динамическая грамматика. М., 1977.

М.А. Холодилова

Сведения об авторе:

Мария Александровна Холодилова
Институт лингвистических исследований РАН
hol_m@mail.ru

L.A. Janda, A. Endresen, J. Kuznetsova, O. Lyashevskaya, A. Makarova, T. Nessel, S. Sokolova. **Why Russian aspectual prefixes aren't empty: Prefixes as verb classifiers.** Bloomington (Indiana): Slavica, 2013. xvi + 212 p. ISBN 978-0-89357-409-3

Международный научный проект CLEAR (Cognitive Linguistics: Empirical Approaches to Russian) ставит своей целью развить на материале русского языка некоторые современные подходы, возникшие в основном в рамках того направления лингвистики, которое называет себя «когнитивным». Проект базируется в университетах Тромсё и Осло, среди его участников – лингвисты из разных стран (в том числе из России), руководят проектом Лора Янда (США / Норвегия) и Туре Нессет (Норвегия). В рецензируемой книге – последней по времени крупной работе, реализованной в рамках проекта, – предметом исследования стал русский вид, точнее – проблема соотношения вида и глагольной префиксации.

Русский (и – шире – славянский) вид, как известно, исторически важен в силу того, что с него началась аспектология вообще; и любая серьезная аспектологическая теория должна давать явлениям славянского вида правдоподобное объяснение. Некоторые проблемы в этой области имеют почти вековую историю; среди них выделяется и множество, сконцентрированное вокруг приставочной перфективации. Прежде всего это так называемая «проблема пустых приставок», к которой примыкают теория видовой парности и смежные вопросы, например о трактовке вторичной имперфективации. Проблема пустых приставок заключается в следующем: возьмем видовую пару (не касаясь пока определения этого понятия), образованную бесприставочным глаголом НСВ (например, *писать*) и его приставочным коррелятом (*написать*). Морфологически разница между ними заключается в одной приставке. Не углубляясь в семантику ярлыков 'IPF' и 'PF', можно принять семантику приведенных форм, соответственно, за 'писать.IPF' и 'написать.PF' и поставить вопрос об означаемом приставки *на-* в этом контексте. На этот счет до сих пор было предложено две точки зрения.

Первая из них, в некотором смысле «нулевая гипотеза», заключается в том, что значение приставки – 'PF' (или, точнее, приставка является оператором перевода 'IPF' → 'PF'). В этом случае приставка как будто не несет никакой «собственной» (т. е. лексической) семантики, которую она при этом имеет в других употреблениях, и получает название «пустой» или «чистовидовой». Отметим, что из этого положения не следует, что распределение сочетаемости приставок с глаголами должно быть случайно; следует только, что оно не должно зависеть от семантики исходного бесприставочного глаго-

ла. Гипотеза не накладывает иных ограничений на интерпретацию этого распределения, с ней вполне могли бы сочетаться гипотезы, утверждающие, что оно зависит от морфонологии; прагматики; этимологии (ср. мнение Тихонова ниже). Фальсифицировать эту гипотезу можно, предложив алгоритм, который по данному бесприставочному глаголу позволял бы определить, какая приставка (или какие приставки) будет с ним сочетаться.

Альтернативная гипотеза, выдвинутая независимо Марком Веем [Veя 1952] на чешском материале и Корнелиусом ван Схоневельдом [Schooneveld 1958] на русском, состоит в том, что приставки всегда имеют собственную семантику, которая, однако, в некоторых случаях «перекрывается» с семантикой глагола, что и вызывает «эффект пустой приставки», который был впоследствии назван в честь авторов гипотезы «эффектом Вея – Схоневельда». Заметим, что на таком уровне детализации гипотеза дает известную свободу интерпретации; так, при данном глагольном смысле выбор приставки однозначен, только если все пространство глагольных смыслов разбито на соответствующие приставкам непересекающиеся классы. Это отнюдь не так: классы приставок могут пересекаться (ср., например, радиальные категории приставок *вы-* и *из-* в рецензируемой работе), либо различия между их семантикой бывают слишком тонки для определения класса простым алгоритмом в один шаг. Последнее предположение подразумевает в числе прочего необходимость следить за количеством классов, заведомо большим, нежели в случае принятия возможности пересечения классов; слишком большое количество постулируемых классов снижало бы правдоподобность гипотезы.

Если же мы примем предположение о пересекающихся классах, остается открытым вопрос о том, что происходит, когда находятся две приставки, обладающие совместимой семантикой, – задается ли некая мера семантической совместимости и выбирается приставка с наибольшим значением этой меры; или же правила более сложны и касаются, в частности, других, не чистовидовых, приставочных образований от исходного глагола.

Заметим, что гипотеза Вея – Схоневельда имеет общий характер и не включает конкретных предположений о характере зависимости выбора приставки от значения, а только утверждает наличие такой зависимости. Поэтому данную гипотезу сравнительно сложно опровергнуть формальными средствами: наличие

семантической мотивации не делает никаких утверждений о распределении глаголов по приставкам, и даже если бы это распределение оказалось «плоским», это не вовсе лишило бы гипотезу основания. Но и доказать в строгом смысле эту гипотезу также почти невозможно: более узкие гипотезы (например, включающие точный алгоритм определения класса) в этом смысле выигрывают.

Основной темой рассматриваемой монографии является проверка гипотезы Вея – Схоневельда на гораздо более детальном уровне по сравнению со всеми предшествующими работами. Книга состоит из вступления, представляющего собой сжатое изложение основных положений работы, семи содержательных глав и заключения, в котором во многом повторяется материал вступления, а также формулируются выводы. В первой из глав дается введение в теорию русского вида для читателей, не знакомых хорошо с русским языком и обсуждаемой в книге проблематикой. В основном рассматриваются две проблемы: аспектуальная классификация русских глаголов и вышеописанные альтернативные гипотезы о семантике приставки в контексте перфективации. Опираясь на работу [Janda 2007], авторы разделяют русские глаголы СВ на четыре группы: естественные, специализированные, комплексные и однократные. Естественные перфективы¹ (natural perfectives) являются приставочными глаголами СВ, имеющими бесприставочные видовые корреляты НСВ (*написать*, *поджарить*). К специализированным перфективам (specialized perfectives) авторы отнесли приставочные глаголы СВ, не являющиеся чистовидовыми коррелятами соответствующих бесприставочных (такие, как *разварить* или *подписать*) и имеющие, в свою очередь, вторичные имперфективы в качестве видовых коррелятов. Комплексные перфективы (complex act perfectives) включают обычно не имеющие имперфективных коррелятов приставочные глаголы СВ, в которых приставка «ограничивает (во времени. – А.П.) действие, названное бесприставочным глаголом», такие как *поварить* или *зачихать*. Наконец к однократным перфективам (single act perfectives) отнесены глаголы, выражающие «единичное действие из серии», такие как *чихнуть* или *сглупить*. Указывается, что эти глаголы образуются с использованием приставки *с-* и суффикса *-ну-* и обычно не имеют коррелятов НСВ.

Проблема данной классификации в том, что на деле она проведена по морфологическому признаку (достаточно формальные морфологические факторы упоминаются в каждом из

¹ Русские переводы этого и последующих терминов даются по [Янда 2012].

описаний классов), а семантическое обоснование дано лишь апостериорно. Действительно, при априорно семантическом подходе нет нужды выделять четвертый класс: глаголы из него точно так же задают аспектуальную рамку процесса и, если применять критерий Маслова, могут иметь имперфективные корреляты: *он чихнул и вынул носовой платок – он чихает и вынимает носовой платок*. Далее, значение «единичное действие из серии» по меньшей мере спорно, и, как кажется, его выделение также обусловлено морфологически – тем, что исходный глагол НСВ содержит итеративный суффикс: возьмем, скажем, приведенный авторами в качестве примера однократного перфектива глагол *сглупить* и синонимичное ему словосочетание *совершить глупость*; толковать последнее как «совершить единичную глупость из серии» вряд ли возможно. Подробнее недостатки этой классификации рассмотрены в статье [Зализняк, Микаэлян 2012], являющейся критикой программной статьи [Янда 2012], в которой сжато изложены идеи данной книги.

После представления своих идей об аспектуальной классификации авторы рассматривают суть дихотомии вышеописанных альтернативных гипотез о значении перфективирующего префикса, которые в книге названы, соответственно, гипотезой пустых приставок (empty prefix hypothesis) и гипотезой наложения (overlap hypothesis). Утверждается, что гипотеза пустых приставок является доминирующей в русистике, со ссылками на [Виноградов 1972; Шахматов 1952; Тихонов 1964; 1998; Авилова 1959; 1976]. Вообще говоря, факт доминирования нулевой гипотезы при отсутствии специализированных исследований на эту тему был бы довольно ожидаем; но реальная ситуация не вполне такова: в обширной работе о русских глагольных приставках [Кронгауз 1998] открыто декларируется агностицизм по отношению к проблеме пустых приставок; а, например, академическая грамматика [АГ 1980] выражается несколько туманно («В большинстве значений префиксов сочетается значение сов. вида со словообразовательными значениями...»), но интерпретация этого пассажа в духе гипотезы наложения также возможна. В целом правильной было бы сказать, что в традиционной русистике скорее отсутствует ясно акцентированная точка зрения по этому вопросу. Ряд же исследователей, как, например, А.К. Поливанова [Поливанова 1975], напротив, эксплицитно отвергают гипотезу пустых приставок.

Наиболее активным сторонником этой гипотезы, как указывают авторы, является А.Н. Тихонов, говорящий о недопустимости смешения синхронного и исторических состояний системы и указывающий, что часто приставки (которые в контексте вида он полагает слово-

изменяемыми, а не словообразовательными морфемами) присоединяются к глаголам уже после того, как утратили свое значение (*оштрафовать, законсервировать* и т.д.).

Описав две гипотезы, авторы приводят доводы в пользу гипотезы наложения. При этом подразумевается, что гипотеза пустых приставок включает предположение о случайном распределении приставок по глаголам, что, как было отмечено выше, не обязательно верно. Вследствие этого приводимые доводы (верные по сути) иногда воспринимаются как бой с несуществующим противником, и обсуждение их мы опустим.

Далее авторы представляют важную часть исследования – базу естественных перфективов Exploring emptiness (напомним, что естественные перфективы представляют из себя глаголы СВ, имеющие бесприставочные имперфективные корреляты). Список естественных перфективов был получен пересечением списков перфективов из авторитетных, по мнению авторов, словарей, а именно: [МАС 1999; Ожегов, Шведова 2001; Cubberly 1982]. Полученный список был проверен и отфильтрован носителями языка из числа соавторов книги. Вызывает некоторое недоумение тот факт, что в процессе создания базы никак не были использованы такие относительно более объективные источники, как корпуса текстов и/или широкий круг носителей-лингвистов, но тем не менее база и в таком виде представляет собой не только плод кропотливого труда, но и мощный и очень важный источник данных для исследований. База свободно доступна в сети Интернет на сайте проекта по адресу <http://emptyprefixes.uit.no>. Ее веб-интерфейс предоставляет богатые возможности для поиска: по конкретному глаголу, виду, приставке, по морфологическому (по словарю А.А. Зализняка) и семантическому (по списку, определенному создателями базы) классам, по частоте, словарному определению, источнику (из трех упомянутых словарей) и вариативности. Термин «вариативность», правда, кажется здесь не очень удачным, поскольку он традиционно понимается как изменение плана выражения при идентичном плане содержания. Однако в данной базе авторы понимают его иначе: вариативность для них – просто возможность одного бесприставочного глагола присоединять несколько разных приставок. Это влечет за собой определенные неясности, особенно чувствительные, если учесть направленность базы в том числе на неискушенного в русистике читателя. Так, в базе мы находим имперфективные глаголы, для которых насчитывается шесть перфективных коррелятов: это глаголы *мазать* (*вы-, за-, из-, на-, по-, про-*), *топить* (*вы-, из-, по-, раз-, с-, у-*) и *травить* (*вы-, за-, на-, о-, по-, с-*). Вполне очевидно, что

не все представители этих шестерок глаголов синонимичны между собой. Скорее, следовало бы, согласно предложению, высказанному в [Зализняк, Микаэлян 2012], предоставить для каждой из видовых пар минимальный контекст употребления, такой как пример прямого объекта для переходных глаголов. Это позволило бы разделить действительно синонимичные видовые пары, как, например, *зажарить* и *изжарить* (*поросенка*), и пары, присоединяющиеся к глаголу в разных его значениях, например *растопить* (^{ок}*печь*, ^о*котенка*, ^о*корабль*), *утопить* (^о*печь*, ^{ок}*котенка*, ^о*корабль*), *потопить* (^о*печь*, ^о*котенка*, ^{ок}*корабль*). Это изменение, однако, потребовало бы усложнения структуры базы, в частности добавления в нее нового объекта – семантического инварианта видовой пары.

Далее авторы переходят непосредственно к изложению своего подхода к анализу семантики приставок. Все приставки авторы делят на две группы – «малые» и «большие» приставки. Большими приставками признаны *по-, с-, на-, за-* и *про-*, малыми – все остальные. Разделение производилось по принципу количества глаголов, присоединяющих приставки. Малым и большим приставкам посвящены вторая и третья глава соответственно. Для анализа малых приставок авторы применяют распространенное в когнитивной лингвистике понятие радиальной категории. Малые приставки анализируются при помощи следующего алгоритма: сперва различные значения приставки определяются по тем ее употреблениям, для которых существует соглашение о наличии значения у приставки, – а именно у специализированных и комплексных перфективов. Из этих перфективов исследованию подвергаются лишь те, частота которых не меньше частоты среднего естественного перфектива. Для этих значений формируется радиальная категория. Затем формируется еще одна радиальная категория – для естественных перфективов. Эти перфективы также подвергаются отбору: исключаются те из них, что не имеют бесприставочного коррелята. Бросаются в глаза некоторые (отмеченные и в [Зализняк, Микаэлян 2012]) недостатки отбора материала. Отфильтрованные авторами работы списки естественных перфективов не прошли корпусной проверки, за счет чего в финальный список попали некоторые маргинальные глаголы, в современном языке не употребительные. Например, глагол *волгнуть*, указывающийся авторами в качестве коррелята естественного перфектива *отволгнуть*, встречается в НКРЯ всего один раз, в источнике 1959 года. Ср. также указанный Зализняк и Микаэлян глагол *беременеть*, который не является исходным имперфективным глаголом для *забеременеть* (доказательством этого служит, в частности,

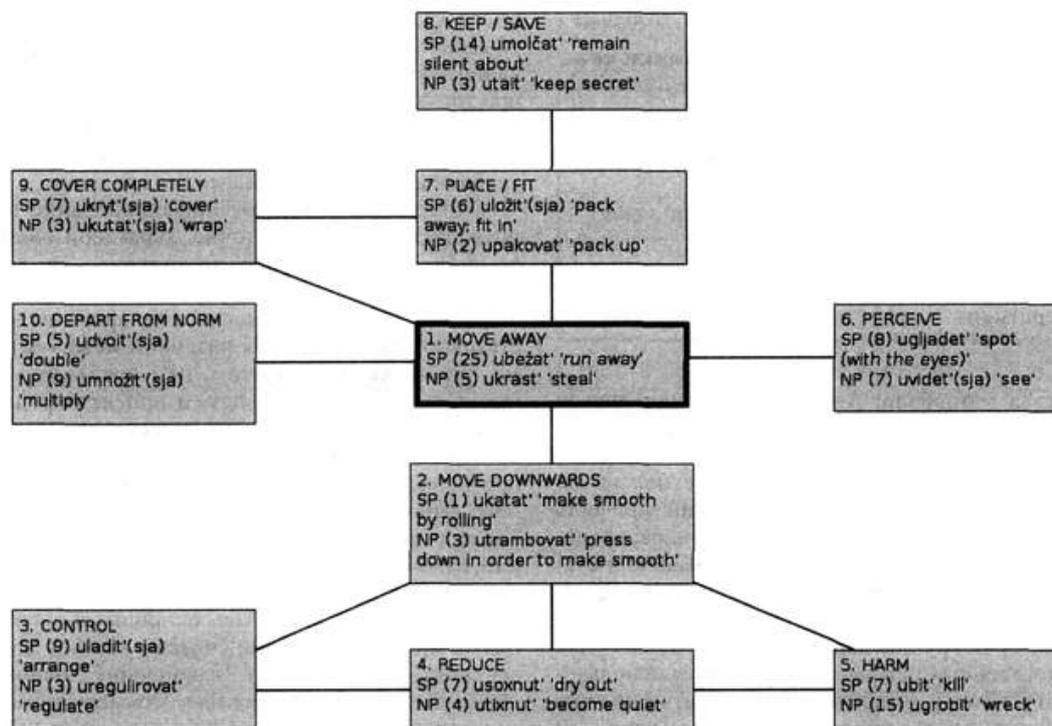

Рис. 1. Радиальная категория приставки у-

тот факт, что *беременеть* не имеет актуально-длительного значения). Этот глагол образован путем депрефиксации и употребляется только в итеративных контекстах.

Итог исследования – суперпозиция радиальных категорий специальных и естественных перфективов. Значения, присущие как специализированным и комплексным, так и естественным перфективам, выделяются более темным цветом фона. Некоторые приставки (например, *в-*) демонстрируют полное пересечение значений специальных и естественных перфективов, в то время как другие содержат значения, имеющиеся у специальных, но отсутствующие у естественных перфективов (не наоборот). С точки зрения объема пересечения авторы делят приставки на три группы: в группу полного пересечения, помимо *в-*, входит приставка *у-*; семь приставок (*раз-*, *при-*, *от-*, *в(о)з-*, *о(б)-*, *вы-*, *из-*) демонстрируют значительное, но не полное пересечение; и, наконец, приставки *пере-* и *под-* демонстрируют пересечение в меньшинстве значений. См. радиальную категорию приставки *вы-*, в которой значения *DECLINE / DEVIATE* ('уменьшаться / отклоняться от нормы') и *ENDURE* ('терпеть, претерпевать') отсутствуют у естественных перфективов.

Предполагается, что радиальная категория отражает развитие семантики приставки, получавшей новые значения от старых за счет

семантических переходов. При том что схема выглядит вполне убедительно, неясными остаются (помимо отдельных решений и мелочей вроде отнесения *вылизать* к специальным, а *вымазать(ся)* к естественным перфективам) многие методологические детали. Например, не вполне понятно, на каких основаниях производится разбиение на значения, неясно также, как определяется, что некоторые данные два значения близки между собой и далеки от третьего. Более того, учитывая, что графы радиальных категорий не являются направленными, в случаях связи трех значений (например, *MOVE AWAY*, *COVER COMPLETELY* и *PLACE / FIT* на рис. 1) оказывается невозможным понять, какое из них, по мнению авторов, появилось в результате перехода от двух других. Перечисляя значения, авторы описывают их, но не раскрывают процедуру, приведшую к их выделению; а эта часть представляется важной, поскольку гарантирует точность и единственность описания. Интуитивное определение таких тонкостей вкпе с жестким форматом схемы радиальной категории с большой вероятностью может привести к волюнтаристским решениям в сложных случаях и, таким образом, некоторой внутренней противоречивости текста.

Третья глава посвящена «большим» приставкам (*но-*, *с-*, *на-*, *за-*, *про-*). Их исследование при помощи радиальных категорий было бы затруднительно по причине большого коли-

Таблица 1

Семантический профиль приставки *по-*

prefix	<i>po-</i>
Attractions	62 'changest' verbs 37 'sound' & 'speech' verbs
Neutral	11 'behav' verbs
Repulsions	11 'impact' verbs

чества материала. Авторы применили другой метод, а именно описанный в [Divjak, Gries 2006] метод семантического профилирования, предполагающий как раз работу с большими массивами данных. Семантический профиль формируется в результате анализа распределения семантических тегов и применения статистических тестов, выявляющих, насколько сильно отклонение в распределении тегов для некоторой группы данных (в этом случае – для естественных перфективов). Авторы использовали систему семантических тегов, принятую в Национальном корпусе русского языка. Были выбраны пять тегов, для каждого из которых суммарно по всем пяти «большим» приставкам было не менее пятидесяти глаголов; такими тегами оказались 'impact' (физическое воздействие), 'changest' (изменение состояния или признака), 'behav' (поведение и поступки), 'sound' (глаголы звука) и 'speech' (речевая деятельность). Целью семантического анализа было определить, насколько неравномерно эти глаголы распределены по приставкам. Итогом оказывается описание семантического профиля, пример которого приведен в табл. 1. Профиль состоит из трех частей – Attractions («притягивающиеся» к данной приставке теги), Neutral («нейтральные» теги) и Repulsions («отталкивающиеся» теги). Вычисляется ожидаемое значение числа глаголов с данным тегом при данной приставке исходя из общего количества глаголов с данной приставкой и доли глаголов с данным тегом среди общего

числа глаголов. Соответственно, в категорию Attractions попадают теги, глаголы из которых чаще ожидаемого употребляются с данной приставкой, в Neutral – теги, частота употреблений которых колеблется вокруг ожидаемого среднего значения, а в Repulsions – теги, употребляющиеся реже ожидаемого среднего.

Однако семантическое профилирование не позволяет достаточно точно характеризовать приставку: ср. профили приставок *с-* и *на-* в табл. 2.

Видно, что семантического профиля недостаточно для проведения различий между этими приставками (допустим, нам предъявляют глагол со значением 'behav' и просят определить, к какой приставке он относится, – даже из этих двух, руководствуясь семантическим профилем, мы не сможем сделать однозначного выбора, ограничившись вероятностным). Таким образом, нужны дополнительные критерии, каковыми авторы полагают семантический анализ (путем редактирования и обобщения словарных значений). (Так, основными значениями приставки *на-* они считают SURFACE 'поверхность' и ACCUMULATE 'накопление', основными значениями *с-*: TOGETHER 'совместность', DOWN 'движение вниз', ONCE 'однократное действие'.) Однако, если авторы полагают, что такой анализ может быть достаточным для определения значений приставки, его можно было с успехом провести, не прибегая к категориальному и семантическому профилированию, а просто представив значения для всех приставок «как есть», без дополнительных разъяснений. В свете декларируемой склонности авторов к точным методам следовало бы предложить другой способ выделить значения статистически – или по меньшей мере признать наличие в этом месте проблемы. Действительно, если авторы полагают возможным определять инвентарь значений приставок ручным методом, пусть даже в качестве дополнительного критерия, то не вполне ясно, зачем в принципе нужна статистика, – ручным методом можно выполнить всю работу по установлению границ классов. Новизна работы, как казалось, состоит именно в отказе от ручных

Таблица 2

Семантические профили приставок *с-* и *на-*

prefix	<i>s-</i>	<i>na-</i>
Attractions	23 'behav' verbs 23 'impact' verbs	31 'impact' verbs 17 'behav' verbs
Neutral	9 'speech' verbs 11 'changest' verbs	8 'speech' verbs
Repulsions		3 'changest' verbs

методов, поэтому применение их, пусть даже в малом количестве случаев, авторскую позицию несколько дезавуирует.

Четвертая глава посвящена явлению, известному как локативная альтернатива. Это явление заключается в мене диатезы при некоторых глаголах, при которой косвенный объект поднимается в позицию прямого, а прямой опускается на позицию косвенного. Прототипический пример, демонстрирующий это явление, связан с глаголом *грузить*: *грузить телегу сеном* → *грузить сено на телегу*. Для обозначения участников локативной альтернативы авторы пользуются введенными в [Brinkmann 1997; Nichols 2008] терминами theme-object (*сено*) и goal-object (*телегу*). Этому явлению подвержен не только сам глагол *грузить*, но и три его естественных перфектива, а именно *нагрузить*, *загрузить* и *погрузить*. Оказывается, что глагол *погрузить* почти исключительно использует конструкцию с объектом-темой, как и непроемный глагол *грузить*; глаголы же *нагрузить* и *загрузить*, напротив, предпочитают объект-цель; притом *нагрузить* – со значительным перевесом. В пассивных формах распределение еще более показательное: формы глагола *погрузить* употребляются почти исключительно с объектом-темой, остальные глаголы, напротив, – с объектом-целью. Утверждается, что эти результаты соответствуют значениям приставок *на-*, *за-* и *по-* следующим образом: значение SURFACE приставки *на-* обуславливает предпочтение объекта-цели; то же верно для значений COVER и FILL приставки *за-*; значение SOME приставки *по-* соответствует инкрементальной теме. Другие значения позволяют приставкам принимать и конструкцию, не являющуюся для данной приставки предпочтительной; так, значение ACCUMULATE приставки *на-* позволяет ей употребляться в конструкции с объектом-темой. К этим рассуждениям, основанным только на языковой интуиции исследователей, возникают закономерные вопросы. В частности, неясно, отчего, если приставка *на-* имеет значения, позволяющие ей употребляться и в той, и в другой конструкции, она предпочитает (и с крупным перевесом) конструкцию с объектом-целью. Аналогичные вопросы можно поставить и по отношению к другим приставкам. Как кажется, эти недостатки обусловлены тем, что совместимость тех или иных значений приставок и конструкций оценивалась вручную и апостериори, тогда как гипотезы следовало бы строить до рассмотрения распределений.

В пятой главе обсуждаются вопросы «варьирования» префиксов (в указанном выше понимании этого термина). Оно охватывает все 16 префиксов, зачастую имеющих пересекающиеся значения: ср. *отрепетировать* – *про-*

репетировать, *задавить* – *удавить*. Помимо традиционного упоминания о том, что это варьирование противоречит гипотезе пустых приставок (мы уже касались этого тезиса в начале), утверждается, что оно противоречит также парной теории вида, поскольку «пара означает ровно два». Мы позволим себе оставить это утверждение без комментариев и вновь сошлемся на статью [Зализняк, Микаэлян 2012], в которой приведена убедительная, на наш взгляд, аргументация отсутствия такого противоречия: в соответствии с пониманием видовой пары по Маслову как функционально-отношения между двумя глаголами, видовой пара не существует как некий инвариант; она возникает, когда для глагола СВ оказывается возможным в масловских контекстах подобрать однословную замену.

Несмотря на то, что, как явствует из вышеизложенного, вклад этой главы в обоснование авторских гипотез минимален, она представляет интерес как источник статистических данных. Так, указывается, что варьированию подвержены 386 беспрефиксных глаголов, что составляет 27% от их общего количества. Приводится таблица распределения количества глаголов, присоединяющих то или иное количество число префиксов (по два префикса присоединяют 283 глагола, по шесть префиксов – три). Другие таблицы рассказывают о количестве глаголов, сочетающихся при варьировании с тем или иным префиксом (без неожиданностей, на первом месте по-прежнему приставка *по-* со 164 глаголами), приводятся наиболее частые сочетания варьирующих префиксов (лидирует также ожидаемая пара *по-|с-* с 34 глаголами). Далее приводятся данные по частотным сочетаниям префиксов. Возможность вариативности объясняется близостью значений префиксов, также понимаемой интуитивно.

Шестая глава содержит описание такого явления, как видовые тройки, состоящие из исходного непроемного глагола, его приставочного перфективного коррелята и вторичного имперфектива. По словам авторов, гипотеза пустых приставок предсказывает отсутствие таких троек, тогда как в реальности они довольно частотны. Изыскания, проведенные авторами, выявили, что 733 из 1981 возможных вторичных имперфективов встречаются в НКРЯ (435 из них – в 10 примерах или более), а поиск в Google выдает еще более впечатляющие результаты: 1536 вторичных имперфективов, из которых в 10 или более примерах встречаются 1279 (65%). В их число входят и глаголы, традиционно считающиеся маргинальными, типа *сделывать* и *написывать*. Указывая причины такого большого количества вторичных имперфективов (якобы не предсказываемого

парной теорией вида), авторы ссылаются на работу [Veugens 1980], в которой излагается мнение, что вторичные имперфективы отличаются по значению от исходных бесприставочных глаголов тем, что акцентируют внимание на результате действия, – поэтому глаголы, в семантику которых результат не входит, сопротивляются образованию вторичных имперфективов (ср.: *выругать* – ?*выругивать*). Предположенное Веренком результативное значение хорошо сочетается с итеративным значением суффикса вторичной имперфективации *-ыва-/-ива-*: повторение результата представить легче, чем повторение неограниченной во времени деятельности. В случаях когда исходный бесприставочный глагол и его вторичный имперфектив используются приблизительно с одинаковой частотой, исходный глагол предпочитается там, где говорящий хочет сделать акцент на процесс, как в приводимом авторами примере *Девочка (...) требовала, чтобы (...) ее баюкал Димка*. Авторы указывают, что, исходя из того, что вторичные имперфективы образуются как от естественных, так и от специализированных перфективов, эти две группы следует рассматривать скорее как континуум, нежели как две различные группы.

Наконец, в седьмой главе читателю предлагается гипотеза, рассматривающая систему русских глагольных приставок как систему классификаторов. В ее рамках производится сопоставление системы русских глагольных приставок и систем классификаторов, к которым авторы причисляют и традиционные системы именных классов, в том числе категорию рода существительных.

В качестве наглядного примера для сопоставления автором была избрана система числовых классификаторов юкатекского языка. В этом языке существительные служат для наименования как веществ, так и состоящих из них предметов. При этом вещество понимается максимально абстрактно – ср. вещество «банан»: выражение ‘один длинный-тонкий банан’ обозначает единичный плод банана, ‘один плоский банан’ – лист бананового дерева, ‘один груз банан’ – одну связку бананов и т. д. Некоторые существительные (как ‘банан’) могут присоединять различные классификаторы, другие – лишь один, соответствующий наиболее типичному изготавливаемому из данного вещества предмету. Далее автор проводит аналогию с системой русских приставок: согласно этой модели, глаголы НСВ соответствуют неоформленным «веществам», а приставки «специфицируют» их значение и оформляют его во времени. Подобно тому, как юкатекские существительные с классификаторами обозначают дискретные объекты, русские глаголы с приставками «обозначают дискретные дей-

ствия», классификаторы – форму предмета, приставки – «форму действия» и т. д.

Приводятся также критерии, которым должна удовлетворять классифицирующая система, согласно [McGregor 2002]. Они состоят в следующем:

1. Существует конечное количество способов, которыми могут соединяться классификаторы и классифицируемые элементы.

2. В группе классификаторов более одного элемента.

3. Группа классифицируемых элементов значительно превышает группу классификаторов по размеру.

4. Как минимум две группы классифицируемых элементов, присоединяющих различные классификаторы, должны значимо отличаться друг от друга.

Кажется, однако, что их применимость для демонстрации сходства с системами классификаторов несколько переоценена. Этим признакам соответствует не только все множество явлений, связанных с разными видами классификации (родовые и классные системы имен, к классификаторам в узком смысле не относящиеся), но и явления, никогда в контексте классификации не рассматривающиеся в силу нецелесообразности этого, – системы глагольного спряжения или суффиксы русских существительных. Действительно: корни соединяются с суффиксами конечным количеством способов; суффиксов более одного; корней значимо больше, чем суффиксов, – этот факт даже служит одним из формальных критериев различения корней и аффиксов; существуют значимо различающиеся группы существительных с разными суффиксами, например группа имен действия на *-ие* и имен деятеля на *-тель*. Как видим, из русских суффиксов получилась неплохая система «классификаторов», что вряд ли имеет большую эвристическую ценность. Кажется, без использования этих признаков книга бы только выиграла.

Классификаторы, вообще говоря, явление довольно узкое, и центральным для него является понятие нумеративной конструкции. Более того, помимо систем именных классификаторов, с которыми авторы сравнивают русские приставки, существуют системы глагольных классификаторов, использующихся в выражениях типа ‘несколько раз спеть’, о них см. подробнее, например, в [Matthews, Leung 2004]. Наличие этих систем, по смыслу далеких от системы русских приставок, довольно наглядно демонстрирует некоторую натянутость такого сравнения. Система русских глагольных приставок, скорее, схожа с более традиционными именными классами типа классического случая дьирбала из [Lakoff 1987]: классы пересекаются, их мотивация нетривиальна,

изначально скрыта и объясняется лишь в процессе исследования и т. д. Существенно, что и в цитируемых авторами работах [Майсак 2005; Плуноян 2011] используются именно термины «классификация» и «классифицирующие системы», но не «системы классификаторов»; в данном случае эта разница представляется важной.

Еще одним аргументом в пользу своего сопоставления Янда считает наличие «дефолтной» приставки – приставки *no-*, присоединяющейся к наибольшему количеству глаголов; соответствующий дефолтный классификатор присутствует в большом количестве систем, по данным [Aikhenvald 2000]. По-видимому, приставка *no-* действительно является «дефолтной», но в таком качестве она не единственная: как минимум настолько же «дефолтной» является приставка *s-*, находящаяся с *no-* в дополнительном распределении: *s-* является дефолтной приставкой для глаголов поведения, соответствующих семантической помете 'behav'. Таким образом, можно только согласиться с высказанным в [Зализняк, Микаэлян 2012] соображением, что сравнение системы русских приставок с классификаторами – скорее полезная для понимания ее функционирования метафора, чем осмысленное их сближение.

Подводя итоги, можно заключить следующее: книга не выполняет конечной цели подобного исследования, если такую цель видеть в том, чтобы, описав разбиение на классы, предложить формальные алгоритмы выбора приставок для перфективации произвольного глагола. Тем не менее работа представляет собой большой шаг вперед в теории вида. Впервые к традиционным проблемам славянской аспектологии применен современный инструментарий и адекватные моменту теоретические подходы. Получено большое количество ценных статистических данных. Отдельным выдающимся достижением является создание общедоступной базы данных, снабженной веб-интерфейсом. Как материал этой базы, так и теоретические наработки авторов, безусловно, станут фундаментом для будущих исследований, которые, как можно надеяться, уже в скором времени смогут создать стройную теорию русского вида, полно и непротиворечиво описывающую все релевантные факты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Авилова 1959 – *Н.С. Авилова*. О категории вида в современном русском литературном языке // *Русский язык в национальной школе*. 1959. № 4.
- Авилова 1976 – *Н.С. Авилова*. Вид глагола и семантика глагольного слова. М., 1976.
- АГ 1980 – *Н.Ю. Шведова* (гл. ред.). Русская грамматика. М., 1980.
- Виноградов 1972 – *В.В. Виноградов*. Русский язык. М., 1972.
- Зализняк, Микаэлян 2012 – *Анна А. Зализняк, И.Л. Микаэлян*. О некоторых дискуссионных моментах аспектологической концепции Лоры Янды // *Вопросы языкознания*. 2012. № 6.
- Кронгауз 1998 – *М.А. Кронгауз*. Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. М., 1998.
- Майсак 2005 – *Т.А. Майсак*. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М., 2005.
- МАС 1999 – *А.П. Евгеньева* (ред.). Малый академический словарь. М., 1999.
- Ожегов, Шведова 2001 – *С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова*. Словарь русского языка. М., 2001.
- Плуноян 2011 – *В.А. Плуноян*. Введение в грамматическую семантику: Грамматические значения и грамматические системы языков мира. М., 2011.
- Поливанова 1975 – *А.К. Поливанова*. К вопросу о так называемых чистовидовых приставках // *Вопросы информационной теории и практики*. 1975. Вып. 27.
- Тихонов 1964 – *А.Н. Тихонов*. Чистовидовые приставки в системе русского видового формообразования // *Вопросы языкознания*. 1964. № 1.
- Тихонов 1998 – *А.Н. Тихонов*. Русский глагол. М., 1998.
- Шахматов 1952 – *А.А. Шахматов*. Учение о частях речи. М., 1952.
- Янда 2012 – *Л.А. Янда*. Русские приставки как система глагольных классификаторов // *Вопросы языкознания*. 2012. № 6.
- Aikhenvald 2000 – *A. Aikhenvald*. Classifiers. A typology of noun categorization devices. Oxford, 2000.
- Brinkmann 1997 – *U. Brinkmann*. The locative alternation in German: Its structure and acquisition. Amsterdam, 1997.
- Cubberly 1982 – *P.V. Cubberly*. On the 'empty' prefixes in Russian // *Russian language journal*. 1982. V. 36.
- Divjak, Gries 2006 – *D. Divjak, S.Th. Gries*. Ways of trying in Russian: Clustering behavioral profiles // *Corpus linguistics and linguistic theory*. 2006. V. 2. № 1.
- Janda 2007 – *L.A. Janda*. Aspectual clusters of Russian verbs // *Studies in language*. 2007. V. 31. № 3.
- Lakoff 1987 – *G. Lakoff*. Women, fire, and dangerous things. Chicago, 1987.
- Matthews, Leung 2004 – *S. Matthews, T.T.-C. Leung*. Verbal vs. nominal classifier constructions

- in Cantonese and Thai // S. Burusphat (ed.), Papers from the Eleventh annual meeting of the Southeast Asian linguistics society. Tempe, 2004.
- McGregor 2002 – *W.B. McGregor*. Verb classification in Australian languages // *Empirical approaches to language typology*. V. 25. Berlin, 2002.
- Nichols 2008 – *J. Nichols*. Prefixation and the locative alternation in Russian contact verbs // Presentation at the annual conference of the American association of teachers of Slavic and East European languages. San Francisco, 2008.
- Schooneveld 1958 – *C.H. van Schooneveld*. The so-called 'préverbes vides' and neutralization // Dutch contributions to the Fourth international congress of slavistics. The Hague, 1958.
- Vey 1952 – *M. Vey*. Les préverbes «vides» en tchèque moderne // *Revue des études slaves*. 1952. № 29.
- Veyrenc 1980 – *J. Veyrenc*. Études sur le verbe russe. Paris, 1980.

А.П. Печеный

Сведения об авторе:

Александр Павлович Печеный
МГУ им. М.В. Ломоносова
peczony@gmail.com

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

XIX Международный лингвистический конгресс

21–27 июля 2013 г. в Женеве прошел XIX Международный лингвистический конгресс. Женева, Женевский университет были выбраны местом проведения международного лингвистического форума неслучайно. В 2013 г. исполнилось 100 лет со дня смерти одного из основателей современной лингвистики Ф. де Соссюра, который в 1907–1911 гг. прочитал в Женевском университете несколько курсов лекций, послуживших основой для «Курса общей лингвистики» – книги, сыгравшей основополагающую роль в становлении многих направлений современной лингвистической науки. Научному наследию Ф. де Соссюра были посвящены специальная сессия и две секции.

Конгресс проходил под девизом «Интерфейс язык – когниция». В нем приняло участие более 700 исследователей из более чем 50 стран. Среди участников был внучатый племянник Ф. де Соссюра, профессор университета г. Невшатель Луи де Соссюр. Он также являлся членом организационного комитета, который возглавлял профессор Женевского университета Жак Мешлер. Председателем научного комитета Конгресса был профессор Йельского университета (США), заместитель председателя постоянного Международного комитета лингвистов Стефан Андерсон. Работа Конгресса была организована следующим образом: состоялось 8 пленарных заседаний, проведенных в форме лекций, работали 10 параллельных сессий, 29 секций (*workshops*), было прочитано 6 лекций, подготовленных при поддержке научного фонда Латсиса (*Fondation Latsis Internationale*); кроме того, было представлено более 100 стендовых докладов. Большим событием стало выступление Ноама Хомского с публичной лекцией. Рабочими языками Конгресса были английский и французский.

В первой пленарной лекции «**Взаимосвязь лингвистики и психологии в истории науки о языке**» Дж. Граффи (Италия) стремился

обосновать функциональный подход к языку В. Вундта, вытесненный экспериментальной психологией, продолжением которой стал физикализм, а позднее бихевиоризм. Дж. Граффи провел определенный параллелизм между В. Вундтом и Н. Хомским – параллелизм, проявившийся в 50-е годы прошлого века, когда Н. Хомский обратился к работам психологов и философов, чтобы выступить с критикой бихевиоризма. В настоящее время можно говорить об оппозиции между подходом, для которого отношение язык – когниция вписывается в общую теорию когниции американского психолога М. Томаселло, и подходом, стремящимся продемонстрировать специфические когнитивные характеристики языка (такие, к примеру, как рекурсивность), этот подход уже более 50 лет представляет Н. Хомский.

Вторая лекция «**Биология и эволюция языка: сопоставительный подход**» Т. Фитча (Австрия) была посвящена когнитивным и биологическим механизмам, лежащим в основе языковой способности. Для построения моделей ее эволюции автор предложил термин «когнитивная археология». При этом продуктивным оказалось сопоставление с коммуникацией животных. Были представлены исследования, свидетельствующие о том, что неспособность шимпанзе и других высших млекопитающих к производству членораздельных звуков объясняется строением их мозга. У большинства млекопитающих моторная кора головного мозга не связана непосредственно с нейронами контроля звуковой речи, в то время как у людей наличие прямой связи между ними позволяет контролировать работу гортани.

В лекции «**Усвоение языка: статистические выводы**» М. Джонсон (Австралия), используя простую вероятностную контекстно-свободную грамматику, показал, каким образом с помощью стандартной статистической техники возможно оценить синтаксические параметры и идентифицировать синтаксические

категории слов только на основе входных цепочек. Статистические методы, как подчеркнул исследователь, могут быть перспективными для исследования таких сложных вопросов, как логические проблемы усвоения языка.

В лекции «**Нейробиология языка: перспективы с позиции кинетической речи (*sign language*)**» ее автор К. Эмморей (США) высказала мнение, что изучение невербальных знаковых систем (таких, как язык глухонемых) способствует более глубокому пониманию нейробиологической природы естественного языка. Исследования последних десятилетий установили параллелизм между неязыковым и языковым общением. Так, исследовательница выделила в языке глухонемых фонологический уровень, а также общий центр контроля – левое полушарие головного мозга, что проливает свет на универсальные свойства человеческого языка.

В лекции «**Анафора: с позиции кинетической речи**» Ф. Шленкер (Франция / США) обратил внимание на то, что в неязыковом общении анафора выражается особым образом: антецедент соотносится с местонахождением в знаковом пространстве, а анафорическая связь реализуется указанием на локус, который тем самым приобретает семантическую значимость.

В лекции А. Кратцер (США) «**Модальность в XXI веке**» эта категория рассматривалась в широком плане. Автор проиллюстрировала различные способы выражения глагольной модальности: лексически, залогом, видом, временем, наклоном и подчиненной предикацией. Также была показана роль модальности в реализации микровариаций в различных областях семантики. Как было отмечено, проблема модальности является междисциплинарной и составляет предмет изучения лингвистики, логики, философии, а в последнее время и когнитивной психологии.

Основой лекции Л. Хегеман (Бельгия) «**Синтаксис адвербиальных предложений**» стала гипотеза о возможности синтаксического представления семантических и прагматических явлений.

П. Ауэр (Германия) в лекции «**Социолингвистические изменения, индексальные поля и продолжительность: примеры из городской социолингвистики Германии**» поставил вопрос о значимости языковых вариаций как особого рода «индексов» социальных групп. Как показал докладчик, изменения социолингвистического характера сопровождаются сосуществованием множества значений, которые могут активизироваться в различных контекстах в течение определенной временной продолжительности, прежде чем одни из них

будут преданы забвению.

На сессии 1 «**Соссюр и его наследие**» [рук. Ф. Ньюмейер (США)] было представлено 26 сообщений. В. Кузнецов (Москва) выступил с докладами о становлении и развитии в России изучения научного наследия Соссюра и его последователей – лингвистов Женевской школы, а также о возникновении Французской социологической и Женевской школ языкознания как наследниц двух разных периодов научной деятельности Соссюра: в Париже (в 1880–1891 гг.) и в Женеве (в 1891–1913 гг.). А.-Г. Тутен (Франция) сравнила теоретическое наследие Соссюра с работами Л. Ельмслева, Р. Якобсона, А. Мартине и Э. Бенвениста, подчеркнув фундаментальное (предполагающее, в частности, отсылку к онтологичности vs. неонтологичности) отличие между соссюрианским понятием «системы» и структуралистским термином «структура». В совместном докладе Э. Софиа и С. Бадир (Бельгия), основываясь на анализе рабочих черновиков Ш. Балли и А. Сеше, подвергли критическому анализу роль этих лингвистов в составлении изданного в 1916 г. «Курса общей лингвистики». В сообщении П.-И. Тестенуара (Франция) речь шла о разрабатывавшихся начиная с 60-х годов прошлого века теориях дискурса: хотя их авторы стремились преодолеть структуралистский подход к языку, тем не менее они многое заимствовали у Ф. де Соссюра, которого считают одним из основоположников структурализма. Г. Хасслер (Германия) рассказала о рецепции и трансформации соссюрианских идей в научном наследии Э. Косериу, а сам организатор сессии Ф. Ньюмейер выступил с сообщением о прочтении Ф. де Соссюра Н. Хомским.

На сессии 2 «**Происхождение языка и человеческая когниция**» [рук. А. Ребуль (Франция)] было представлено 19 докладов, в которых обсуждались биологические, культурные и лингвистические аспекты эволюции языка. В докладе организатора сессии «Социальная эволюция языка и необходимость имплицитной коммуникации» внимание было сосредоточено на социальной эволюции языка в обществе, при этом центральное место в этой эволюции отводилось имплицитной коммуникации (речевым импликатурам и пресуппозициям). Ряд сообщений [их авторы – С. Боэкс (Испания), доклад «Лексикон, синтаксис, грамматика: биолингвистический подход»; С. Хартманн (Германия), доклад «Когнитивные основания операций категоризации: перспективы исследований языковых изменений и усвоения языка» и др.] были посвящены (относительно) новой дисциплине – биолингвистике, в основе которой лежит представление о том, что

язык биологичен по своей природе и обладает адаптивными функциями, проявляющимися на разных уровнях в процессе его эволюции и усвоения. Особенности языка по сравнению с системами коммуникации животных рассматривались в выступлениях А. Мегердитчяна (Франция) «Социальное взаимодействие среди бабуинов: координация и взаимное регулирование у приматов», Л. Барсело-Коблихна (Испания) «Эволюция и кодифицирующие свойства систем коммуникации у приматов» и др. Между коммуникацией людей и животных были установлены отдельные сходства, способные пролить свет на эволюцию языковой способности. На сессии также обсуждалось введенное Н. Хомским различие между I-языком (внутреннее, врожденное знание грамматики) и E-языком («общий язык»). Эти два языка соотносятся как индивидуальное и общее. Тем самым если говорить об эволюции применительно к этим двум языкам, то эволюционные процессы должны различаться биологическим и культурным характером [выступления «Сопоставительно-эволюционные подходы к I-языку и E-языку: теория и методы» (Дж. Ватумул, США); «Каким образом третий фактор Хомского может способствовать пониманию языка?» (С. Йохансон, Швеция) и др.].

На сессии 3 «**Жизнь, развитие и исчезновение языков**» [рук. К. Боверн (США)] в докладах 11 выступавших обсуждались вопросы сохранения и возрождения языков, находящихся на грани исчезновения, а также проблемы реконструкции языковых изменений, дробления языков, изменений в результате языковых контактов, социолектов, смешения языков. Как было показано, новые перспективы исследований в области исторической лингвистики открывает использование компьютерных методов. Этим вопросам были посвящены выступления Д. Брэдли (Австралия) «Восстановительная лингвистика, сохранение и возрождение языков», Е. Хилла (Германия) «Языковые контакты и флективная морфология генетически связанных языков», М. Деграфа (США) «Компьютерная филогенетика, крепольские языки и семейные ценности» и др.

На сессии 4 «**Фонология и морфология**» [рук. М. фон Остендорп (Нидерланды)] 16 докладчиков рассматривали традиционные и новые вопросы этих дисциплин: отношение между синхронией и диахронией, отношение между частным лингвистическим описанием и общей теорией, описание алломорфов, накопление данных и их компьютерную обработку, взаимодействие между фонологией и морфологией, абстрактный уровень представлений. Отметим доклад руководителя сессии «Фонология между теорией и данными», а также со-

общения Дж.Э. Лапашаши (Алжир) «Аффиксоиды: явление диахронии? / Деривация: явление синхронии?», Н. Жуковой (Томск) «Выбор метода описания морфологических категорий (на материале вербальных парадигм современного немецкого языка)».

На сессии 5 «**Теоретический и сопоставительный синтаксис**» [рук. Л. Рицци (Италия)] выступило 37 докладчиков из Италии, Швейцарии, Японии, Великобритании, Республики Корея, США, Индии, Германии, Бельгии и др. Содержание их выступлений составили следующие вопросы: элементарные синтаксические механизмы, природа синтаксических репрезентаций, инвариант и вариант в синтаксисе естественных языков, связь синтаксиса с морфологией, синтаксис и интерфейс со звуком и значением, гипотезы в синтаксисе.

Сессия 6, самая многочисленная, состояла из двух подсессий: «**Интерфейс семантика – прагматика**» [рук. К. фон Финтель и Д. Бивер (США)] и «**Прагматика, дискурс и когнитивия**» [рук. Л. Хорн и И. Кекскес (США)]. В задачи первой подсессии (31 докладчик из США, Германии, Франции, Нидерландов, Испании и др.) входило обсуждение новых подходов к формальной семантике и прагматике (экспериментальные и корпусные методы, полевые методы, межъязыковые сравнения, инновационная методика). Обсуждались такие вопросы, как области ограничений в семантике, очевидность, модальность, условность, семантика вопросов, пожеланий, вежливости, пресуппозиции и конвенциональные импликатуры.

В тематику второй подсессии (34 докладчика из Швейцарии, Украины, Японии, Франции, Австралии, Республики Корея, Испании, Израиля, Германии, Норвегии, Канады, Румынии, Великобритании, Молдавии и др.) входили такие проблемы, как роль интенции, рациональности, кооперации, общего знания, релевантности и согласованности в формировании и осуществлении коммуникативных актов. В качестве исследовательской перспективы выдвигалось расширение проблематики традиционных исследований с учетом как монокультурной, так и межкультурной коммуникации, предполагающей привлечение данных эволюционной биологии, когнитивной психологии и психологии развития, а также межкультурной коммуникации.

В работе сессии 7 «**Психолингвистика**» [рук. У. Фрауэнфельдер (Швейцария)] приняли участие 27 исследователей из Швейцарии, Венгрии, Великобритании, Кипра, Саудовской Аравии, Австралии, США, Италии, Японии и др. На сессии обсуждались такие вопросы, как развитие, понимание и производство речи, речь и мозговая деятельность, патология речи,

билингвизм. Отмечалось, что прогресс в исследовании этих вопросов может быть достигнут путем новой экспериментальной методики, включая новаторские методы имитирования мозговой деятельности, а также благодаря взаимодействию лингвистики с психологией и когнитивными науками.

На сессии 8 «Социолингвистика и многоязычие» [рук. Э. Шнайдер (Германия)] в докладах 38 выступавших говорилось о следующих проблемах: социолингвистическая вариативность (параметры, сообщества, принципы), культурное взаимодействие и укрепление солидарности через язык, узус в контексте (дискурс, экология, устное общение), социолингвистика глобализации и транснациональная диффузия языка, билингвизм и многоязычие в языковых коллективах и у отдельных индивидуумов, перспективы изучения языковых контактов, смешения и гибридности, английский как язык международного общения, его статус.

На сессии 9 «Экспериментальные и компьютерные методы в лингвистике» [рук. Э. Верли (Швейцария)] 17 докладчиков обсуждали вопросы сочетания символических и статистических методов (гибридные модели) в традиционных областях лингвистики (лексикологии, лексикографии, фонологии, морфологии, синтаксисе, семантике, прагматике, психолингвистике и др.), а также компьютерные модели лингвистических теорий и их прикладные аспекты.

На сессии 10 «*Varia*» [рук. Ст. Андерсон (США)] были представлены сообщения, тематика которых не вписывалась в тематику других сессий. Отметим такие доклады, как «Передовицы до и после египетской весенней революции: структура аргументации» (В. Хашан, Ливан), «Аристотель против Панини. Лингвистическая глава “Поэтики” и индийская грамматическая традиция» (Дж. Д’Оттави, Италия), «Русский глагольный вид и *nomina actionis*» (О. Пчелинцева, Украина).

Отдельные лекции были организованы при поддержке фонда Латсиса: «Различные синтаксические конструкции, одни и те же местные синтаксические зависимости» (А. Беллетти, Италия), «Формальные и функциональные типы объяснений [в лингвистике]: новые перспективы старых споров» (Я. Робертс, Великобритания), «(Снова) о подвижных квантификаторах» (Ж. Пускас, Швейцария), «Интеграционный подход к использованию приемов компьютерной лингвистики» (В. Серетан, Швейцария), «Перспективы исследования глагольных времен» (Л. де Соссю, Швейцария), «Логические основания прагматического значения. Логические слова и их аргументы» (Ж. Мешлер, Швейцария).

В публичной лекции под названием «Что представляет собой язык и каково его значение? Личная точка зрения» Н. Хомский (США) говорил о том, что делает язык присущим именно человеку, в чем его кардинальные отличия от других систем коммуникации. Внимание акцентировалось на когнитивной природе человеческого языка, с обоснованием идеи существования глубинных семантических структур в сознании каждого человека. Соответственно с этим, подчеркнул Н. Хомский, существует универсальная грамматика, которая кодифицирует глубинные смыслы. Грамматика является областью когниции с опорой на универсальные врожденные способности.

В отличие от сессий, секции на Конгрессе были посвящены более конкретной проблематике, нередко доклады строились на материале отдельных языков. Прослушивание сообщений завершалось обсуждением в форме дискуссий и круглых столов.

Секцию «Женевская лингвистическая школа: история и современность», организованную К. Пюэшем (Франция) и К. Форель (Швейцария), открыло выступление К. Пюэша, посвященное самому понятию «научной школы». Выделяя такие составляющие этого понятия, как (относительное) единство места работы ученых – представителей школы, единство времени их научной деятельности и единство доктрины, а также общие для участников школы отсылки к работам предполагаемого основателя школы, французский исследователь попытался применить эти понятийные составляющие к анализу ряда особенностей Женевской школы. Схожей проблематике во многом было посвящено и выступление А. Куреа (Румыния), разграничившей «научные» и «социологические» критерии определения понятия «школа». К истокам Женевской школы обратился в своем сообщении Д. Саватовски (Франция): первое упоминание об этой школе, напомнил исследователь, восходит к 1894 году, когда в Женеве состоялся Десятый съезд востоковедов. Несколько сообщений были посвящены основателю Женевской школы Ф. де Соссюру. Д. Самен (Франция) рассказал об исследованиях Соссюра-младшего в области деятельности Соссюра-педагога обратился в своем сообщении Дж. Д’Оттави (Италия), подчеркнув, что, хотя Ш. Балли и А. Сеше не посещали лекции Ф. де Соссюра по общей лингвистике, те знания, которые они получили от него на других занятиях (по санскриту) и сравнительно-историческому языкознанию), не могли не повлиять на содержание изданного ими «Курса общей лингвистики». Проблема отношения общей лингвистики к другим гуманитарным (в том числе языковедческим)

дисциплинам в связи с вопросом о парадигме и классификации в языкознании была затронута в выступлении К. Станкати (Италия). В нескольких сообщениях речь шла о деятельности отдельных лингвистов – представителей Женевской лингвистической школы. Важности «стилистических» концепций Ш. Балли и А. Фрея для становления этой школы в целом посвятили совместное выступление Д. Клинке и Ж.-Д. Вероник (Франция), а доклад французского лингвиста Ж.Ф. Сен-Жерана (не приехавшего на конгресс, но приславшего текст своего сообщения) был посвящен лингвистической концепции А. Фрея. Э. Фадда (Италия) рассказал о Л. Прието – «семиологическом» составляющей теоретического наследия Женевской лингвистической школы в целом был в центре сообщения итальянской исследовательницы Р. Де Анжелис. В выступлении К. Форель говорилось о размышлениях ряда женевских лингвистов о проблемах педагогики и преподавания языков. Несколько участников посвятили свои сообщения научным связям Женевской школы с другими – в частности, с глоссематикой (В. Кузнецов, Москва; Л. Чигана, Италия), московско-тартускими семиотиками (Е. Вельмезова и К. Кулль, Швейцария – Эстония), а также рецепции ряда работ женевских лингвистов членами Парижского лингвистического общества (П.И. Тестенуар, Франция).

На секции «**Язык и когнитивная перспектива в сосюринской перспективе**», организованной президентом Кружка Ф. де Соссюра Д. Гамбарарой (Италия), в докладе Т. Робера (Швейцария) речь шла о нависшей, по его мнению, над лингвистикой угрозе ассимиляции с «нейродисциплинами» (как полагает исследователь, это случилось после принятия когнитивными науками неодадарвинистской парадигмы). По мнению Т. Робера, именно (нео)сосюринский подход может помочь сегодня лингвистике сохранить свою самостоятельность. А.-Г. Тутен (Франция) рассказала о том, каким образом один из ключевых концептов «Курса общей лингвистики» – понятие «значимости» (*valeur*), предполагающее системность, – позволяет изучающим работы Ф. де Соссюра переосмыслить саму постановку проблемы отношения языка (*langage*) и когнитивии. Сообщение Э. Фадды (Италия) было посвящено необходимости пересмотреть в настоящее время терминологию, унаследованную из «Курса общей лингвистики», с учетом новых, ставших в последнее время доступными рукописных источников. Свои доводы он подкрепил собственным анализом слова *sentiment* ‘чувство’, часто встречающе-

гося в записях Ф. де Соссюра: трактовать его следует как ‘чувство языка’. В докладе самого организатора секции Д. Гамбарары также обосновывалась не только возможность, но и необходимость при рассмотрении проблемы языка и когнитивии выйти за пределы «Курса» в его классическом, «структуралистском» прочтении.

Секция «**Дополнительная и ограниченная квантификация в дискурсе**» [рук. А.-М. Де Чезаре (Швейцария) и С. Андорно (Италия)] была посвящена семантическим и прагматическим функциям дополнительных и ограничительных конструкций в романских и германских языках. В ряде выступлений эти конструкции рассматривались в сопоставительном плане, а также в когнитивном и дидактическом аспектах.

На секции «**Прогресс в биолингвистике**» [рук. А.М. Ди Шиулло (Канада)] обсуждался вопрос о том, каким образом изучение языка в связи с генетикой и исследованиями мозга способствует более глубокому пониманию природы синтаксиса, морфологии и лексики, а также их взаимодействия с другими системами. По мнению выступавших, биолингвистика открывает перспективы новых подходов к типологической лингвистике и лингвистике универсалий.

В проблематику секции «**Лингвистика бизнеса и управления**» [рук. Ю. Данюшина (Москва)] входило изучение прагматических, семантических, стилистических, терминологических, паралингвистических особенностей подязыка бизнеса, менеджмента, управления, рекламы, маркетинга, а также корпоративной и деловой коммуникации.

На секции «**Межъязыковые взаимодействия: начальная и конечная фазы**» [рук. П. Гихарро-Фуэнтес и П. Ларраньяга (Великобритания)] обсуждался вопрос о том, существует ли определенный возраст или период начала и окончания межъязыкового влияния в условиях двуязычия под воздействием внутриязыковых и внеязыковых факторов (особенности структуры языков, доминирование одного из языков, близость языков).

Тематика секции «**Опыт когнитивного и экспериментального подходов к коммуникации, дискурсивный анализ письменного и устного языков. От гипотез и эмпирических данных к теоретическим обобщениям**» [рук. А. Ошлен (Швейцария) и др.] была достаточно широкой: в нее входили когнитивные аспекты взаимодействия в процессе коммуникации, аутизм, мультимодальные метафоры в речи и в языке жестов, взаимодействие информационных каналов, модальный аспект просодии.

Цель работы секции «**Эмоции в языке, культуре, когниции**» [рук. Б. Левандовска-Томашик и П. Уилсон (Польша)] состояла в прояснении природы эмоциональных концептов и перспективы их дальнейших исследований, их функционирования в межязыковых контекстах; в установлении параллелей с выражением эмоций в других системах коммуникации (жесты, искусство и др.). В центре внимания докладчиков были концептуализация и корпусные исследования эмоций, а также билингвизм и овладение вторым языком в связи с вербализацией эмоциональных концептов.

На секции «**Грамматическая вариативность в рамках стандартной вариативности плюрицентричных языков**» [рук. М. Бузингер и С. Оберхольцер (Швейцария)] обсуждались, в частности, следующие вопросы: влечет ли синтаксическая вариативность за собой морфологическую или наоборот, облегчает ли симметрия центров плюрицентричных языков грамматическую вариативность, каким образом языковые контакты усиливают грамматическую вариативность, как отличать грамматические варианты стандартного языка от грамматических погрешностей, обусловленных диалектной интерференцией.

На секции «**Индексаторы в свободной косвенной речи**» [рук. А. Ребуль и Ж. Жайез (Франция)] об этом типе речи говорилось как об определенном виде смещения прямой и косвенной речи, как о форме цитирования. Свободная косвенная речь рассматривалась с точки зрения семантического контекста – контекста повествователя и контекста протагониста: в плане референции местоимения и времена соотносятся с повествователем, а индексаторы – с протагонистом.

На секции «**Инновации в изучении усвоения языка и патологии речи**» [рук. М.Т. Гуасти (Италия) и С. Крейн (Австралия) и др.] рассматривались такие вопросы, как процессы и особенности усвоения языка детьми в различном возрасте, связь расстройств речи с нарушением моторики речевого аппарата, взаимосвязь между нарушением письменной и устной речи у детей, языковая норма и патология.

Участники секции «**Язык и мышление при аутизме**» [рук. С. Дуррлеман, Э. Делаж (Швейцария) и др.] обсуждали вопрос о том, каким образом лингвистические исследования могут способствовать преодолению аутизма, а также говорили о связи расстройств речи с когнитивными способностями человека в целом.

Центральной тематикой секции «**Языковая политика в отношении коренного населения, иммигрантов и этнических меньшинств. Языковое разнообразие и языковые права: новые направления и прежние дилеммы**»

[рук. Т. Маккарти (США) и Т. Боргоякова (Абакан)] было состояние языков малочисленных народов, обеспечение права на сохранение, развитие и использование национального, родного языка в разных сферах общения, влияние глобализационных процессов на языковую политику.

Участники секции «**Языковая вариативность на стыке психолингвистики и социолингвистики**» [рук. К. Форверг (Швейцария)] связывали вариативность этого типа с социальными, индивидуальными, интерактивными, когнитивными и территориальными факторами.

На секции «**Лингвистическая теория и ее применения: сопоставительные прикладные исследования**» [рук. А. Беллетти (Италия) и К. Хаманн (Германия)] обсуждались вопросы синтаксической и прагматической правильности при раннем и позднем билингвизме, проблемы разного рода трудностей при продуцировании речи на неродном языке, усвоения коммуникативных стратегий, а также результаты экспериментальных исследований владения грамматическими конструкциями различной степени сложности при афазии.

В центре проблематики секции «**Модальность и когниция**» [рук. Ю. Такубо (Япония), М. Кауфман и др. (США)] были выражение очевидности, экспрессивности, деонтической модальности, прагматической категории удивления, а также типологический аспект эпистемологической неопределенности, субъектно-модальные средства и модальность в невербальных системах коммуникации.

На секции «**Многоязычие и культура речи**» [рук. А. Шаллей и др. (Австралия)] обсуждались вопросы влияния многоязычия на языковые нормы взрослых и детей, а также вариативных норм и успешности овладения новым языком в условиях билингвизма.

На секции «**Влияние родного языка на усвоение второго**» [рук. Ю. Хершенсон (США) и М. Янг-Шольтен (Великобритания)] это влияние рассматривалось на разных языковых уровнях, а также обсуждались вопросы интерференции и пути ее преодоления.

Выступления на секции «**Отрицание и [коммуникативная] полярность: взаимодействие и когниция**» [рук. П. Ларриве (Франция) и Ч. Ли (Республика Корея)] были посвящены морфологическим и синтаксическим средствам выражения отрицания в разных языках, интерпретации отрицания в восклицательных и вопросительных предложениях, двойному и имплицитному отрицанию, явлению поляризации, связи отрицания с просодией и информационной структурой предложения, прагматическим и когнитивным аспектам этой категории.

На секции **«Перспективы изучения языковой сложности»** [рук. Ш. Нематзадех (Иран)] рассматривались теоретические и прикладные аспекты этого понятия: дефиниция, классификация, отмеченность, регулярность, симметричность, количественные и качественные критерии, типологические основания, социолингвистические, психолингвистические и дидактические аспекты.

В докладах, представленных на секции **«Многоязычие и когнитивия в образовательном, научном и профессиональном контекстах: результаты и перспективы европейского проекта Dylan»** [рук. Л. Гажо и А.-К. Берту (Швейцария)], неоднократно подчеркивалось, что цель представляемого проекта состояла в том, чтобы показать следующее: контакты членов ЕС в различных сферах, обмен опытом и культурными ценностями являются основой для развития многоязычия и стимулом для изучения языков членов сообщества.

На секции **«Вариативность языковых регистров и синтаксическая теория»** [рук. Т. Стоуэлл (США) и др.] рассматривалась вариативность синтаксических средств в письменном языке, а также в различных дискурсах и ситуациях общения.

На секции **«Новый подход к морфологии креольских языков»** [рук. А. Луис (Португалия) и К. Клементс (США)] обсуждались морфологические модели этих языков, их функционирование, значение исследований в этой области для общей теории морфологии и типологии.

На секции **«Социокогнитивные аспекты изменений отношения к языку»** [рук. А. Приходькин (Швейцария) и Д.Р. Престон (США)] речь шла о новых методах исследования вариативности. Выступления были также посвящены социофонетике, социальной диалектологии и психологии языка.

На секции **«Взаимодействие между перцепцией и производством звуков при усвоении фонологической системы второго языка: следствия для обучения произношению»** [рук. И. Расин и Ф. Зай (Швейцария)] говорилось о том, что нейролингвистические исследования свидетельствуют о частичной диссоциации перцепции и производства звуков, что подтверждается также случаями речевой патологии.

Тематика секции **«Семантика и прагматика логических коннекторов: перспективы межъязыковых исследований»** [рук. Ж. Мешлер (Швейцария) и др.] предполагала интерес к следующим аспектам лингвистических исследований: межъязыковые различия морфологических и синтаксических средств выражения отрицания и логических связей, выражения прагматических значений соединения, разъединения и условности, особенности отрицания на синтаксическом, семантическом и прагматическом уровнях, связи между presupпозицией и имплицатурой, накладывающие ограничения на использование отрицания.

На секции **«Семантика образования сложных слов»** [рук. П. Тен Хаген (Великобритания)] речь шла о возможности синтеза трех подходов к этой проблематике: генеративного, концептуального и ономаσιологического.

Внимание участников секции **«Теоретическая и компьютерная морфология: новые направления и синергия»** [рук. Б. Картони (Италия) и др.] было сосредоточено на инновационных методах исследования морфологических средств, а также на их связях с семантикой и синтаксисом.

На секции **«Словесное ударение: диалектная вариативность и перцепция»** [рук. Р. Визе (Германия) и др.] обсуждались следующие вопросы: причины вариативности ударения в диалектах и динамика его изменений, связь ударения с просодией и ритмикой, восприятие ударения неродного языка.

Тезисы всех докладов были опубликованы отдельным сборником. Кроме того, участникам Конгресса предлагалась возможность электронной публикации текстов их выступлений, а также публикации докладов в ряде лингвистических журналов.

В.Г. Кузнецов, Е. Вельмезова

Сведения об авторах:

Валерий Георгиевич Кузнецов
Московский государственный лингвистический университет
vgk.avamo@mail.ru

Екатерина Вельмезова
Лозаннский университет

Международная конференция «Русский язык: конструкционные и лексико-семантические подходы»

12–14 сентября 2013 г. в Санкт-Петербурге в Институте лингвистических исследований РАН прошла конференция «Русский язык: конструкционные и лексико-семантические подходы», уже ставшая традиционной. Две встречи под тем же названием проводились там же весной 2009 г. и весной 2011 г.

Программа конференции предполагала пять выступлений приглашенных докладчиков, еще 30 докладов было включено в программу на конкурсной основе. Некоторые из докладчиков выступали на этой научной встрече уже во второй и даже в третий раз. Но было и много новых лиц. В частности, расширяется география конференции: Хельсинки, Тромсё, Вроцлав, Регенсбург, Шеффилд, Париж, Лилль, Гент, Лоренс (Канзас), Сендай, Владивосток и, конечно, Москва и Санкт-Петербург. Конференция, как и прежде, привлекает большое количество молодых ученых: из 38 участников было 24 исследователя в возрасте до 35 лет.

Первой сквозной темой конференции можно назвать возвращение к традиционным теоретическим проблемам на новом материале – материале корпусов, прежде всего Национального корпуса русского языка (НКРЯ), – и с новыми методами, прежде всего статистическими. Теоретические установки также оказываются новыми и очень сходными: вместо жестких бинарных оппозиций, предлагавшихся ранее, докладчики ищут возможность представить исследуемое явление как шкалу с противопоставленными полюсами и множеством переходных случаев.

В докладе М.А. Овсянниковой (Санкт-Петербург) на материале НКРЯ на примере групп с предлогом *за* в значении причины рассматривалась давно волнующая лингвистов разных школ теоретическая проблема противопоставления актантов и сирконстантов. Эмпирически ориентированный статистический подход к проблеме позволяет отказаться от жесткого противопоставления актантов / сирконстантов и предложить вместо этого скорее актантно-сирконстантный континуум, на разных участках которого располагаются аргументы разных глаголов.

Ю.Л. Кузнецова (Норвегия) в схожем ключе рассмотрела традиционное понятие видовых пар. В качестве нового теста на видовую парность предлагается возможность для глагола выступать в целом ряде различных конструкций (которая тестируется на корпусном материале). Такой подход позволяет ввести численную меру видовой парности (количес-

тво общих конструкций для соответствующих двух глаголов СВ и НСВ), и ставится вопрос уже не о том, является ли данная пара глаголов видовой парой, а о том, в какой степени она таковой является.

В этом же ряду можно отметить доклад К. Пайкин (Франция) и М. Петерхем (Бельгия). Они рассматривали конструкции с глаголом на *-ся* и дативным субъектом (например, *мне не спится*). В качестве отправной точки берутся предсказания, сформулированные в рамках генеративной грамматики на достаточно ограниченном материале. Анализ корпусных данных позволяет с большей степенью достоверности проверить эти предсказания и выявить новые нетривиальные теоретические проблемы.

В лекции Д. Дивьяк (Великобритания) и в докладе А.Б. Макаровой (Норвегия) на материале корпуса по-новому освещалась проблема полисемии.

Д. Дивьяк рассматривает ряд квазисинонимичных глаголов (*пытаться, стараться* и др.). Для выявления семантических различий между этими глаголами определенное множество употреблений каждого из них размечается в соответствии с рядом осязаемых параметров (вид и время глагола, характеристики актантов, наличие разных типов обстоятельств и т. п.). Предлагается модель, которая предсказывает для каждого контекста наиболее вероятный из синонимов, принимая во внимание полученные корпусные распределения признаков для каждого из глаголов. Утверждается, что предлагаемая модель дает высокий процент «правильных» (соответствующих зафиксированному в реальном тексте) ответов; этот процент оказывается соизмерим с результатами выбора испытуемыми одного из синонимов в тех же контекстах в ходе специального психолингвистического эксперимента.

А.Б. Макарова исследует синонимию не на уровне лексем, а на уровне деривационных показателей. Проанализировав значительный массив корпусных данных, она строит модель, в соответствии с которой для того или иного глагола выбирается тот или иной глагольный префикс с аттенуативным значением (*под-, ср.: подустать; при-, ср.: приоткрыть* и др.).

Значительная часть докладов была посвящена проблеме вариативности на самых разных языковых уровнях, для исследования которой корпус оказывается мощнейшим и удобнейшим инструментом.

В докладе Д.Н. Сатюковой (Санкт-Петербург) рассматривались данные НКРЯ по употреблению сочиненных групп с двумя прилагательными, в которых может повторяться

или не повторяться предлог (*во вчерашнем и завтрашнем дне / во вчерашнем и в завтрашнем дне*). Был очерчен круг факторов, способных оказывать влияние на выбор (идентичность двух референтов, тип сочинительных отношений, конкретный предлог и др.).

Лекция М.Д. Воейковой (Санкт-Петербург) была посвящена проблеме линейного расположения местоименных актантов в предложениях разного типа. Естественным фоном для этого обсуждения являются аналогичные конструкции с актантами-существительными. Основное внимание было уделено тенденции контактного расположения актантов местоимений (ср.: *я тебя люблю*). Было показано, что эта тенденция не в одинаковой степени выражена для разных глаголов, в разной мере проявляется в текстах разных эпох и отчасти подвержена индивидуальным предпочтениям. Для некоторых конструкций она является почти обязательной (в частности, для «угрозативов» типа *Я тебе попою!*).

В докладе Ю.П. Ремизовой (Санкт-Петербург) обсуждались факторы, предопределяющие (не)взаимозаменяемость деепричастия и комитативной группы типа *с улыбкой / улыбаясь*. Так, например, деепричастная, но не комитативная конструкция выбирается, если между ситуациями устанавливаются дополнительные логические отношения типа причинного, уступительного и т. п. (*обидевшись, просила расчет*, но *с обидой просила расчет*).

Доклад К. Богдановой (Япония) был посвящен синонимичным имперсональным конструкциям типа *законы издают* и *законы издаются*. В качестве факторов, релевантных для выбора той или иной из них, на материале большой выборки употреблений из НКРЯ рассматриваются референциальный и семантический тип субъекта и самой ситуации.

Д.Ф. Мищенко и С.А. Оскольская (Санкт-Петербург) на обширном корпусном материале пересматривали известную морфологическую проблему конкуренции вариантов предлогов на согласный / на -о (типа *без всего / безо всего*). В качестве одного из релевантных факторов, в частности, предлагалось рассматривать семантику предложной группы (абстрактную в противоположность конкретной, пространственной).

Одним из важных результатов конференции можно считать выявление границ применимости корпусного метода и предложения по совмещению его с другими лингвистическими методиками.

В лекции Т. Нессета и Ю.Л. Кузнецовой (Норвегия) рассматривалась проблема вариативности аккузатива/генитива при глаголах типа *бояться* (*боюсь собаки / собаку*). Данных НКРЯ, как выясняется, оказывается недостаточно для масштабного исследования такого рода, и они удачно дополняются результатами

серии психолингвистических экспериментов.

В докладе В.А. Сухановой и Д.А. Черновой (Санкт-Петербург) корпусный метод также применялся в сочетании с экспериментальным. Авторы исследуют разрешение омонимии в причастных оборотах типа *на веранде ресторации, приличествующей их положению*, которые могут иметь две различные интерпретации: 'положению приличествует а) ресторация vs. б) веранда' (это явление обычно обсуждается в терминах проблемы раннего / позднего закрытия). Результаты корпусного исследования (преобладание позднего закрытия) расходятся с результатами эксперимента (преобладание раннего закрытия); в докладе обсуждаются возможные причины такого несоответствия.

В этом контексте следует также еще раз упомянуть исследование Д. Дивьяк, в котором корпусный метод также совмещается с экспериментальным.

Целый ряд докладов, в которых неполнота существующих корпусов русского языка была продемонстрирована особенно наглядно, был посвящен явлениям, находящимся за пределами или на самой границе литературной нормы. Как раз такие, на первый взгляд очень частные и периферийные, сюжеты оказываются с теоретической точки зрения самыми проблемными, запутанными и интригующими.

В докладе А. Манкила (Финляндия) на материале базы данных Интегрум рассматривалась конкуренция между сочетаниями типа *что нового* и *что новое* и обсуждались сложности, связанные с синтаксическим анализом подобных сочетаний. Предлагаемая гипотеза о распределении вариантов с согласованием и управлением состоит в том, что процент употреблений с согласованием (*что новое*) растет при переходе от вопросительно-относительной функции местоимения *что* к его неопределенной и указательной функциям.

Е.С. Шереметьева (Владивосток) обсуждала неканонические случаи использования сравнительных конструкций с предлогами *в отличие от*, *по сравнению с* и др. (типа *в отличие от индусов, в Китае большое внимание уделяют качеству продукции*). Утверждалось, что некоторые из таких употреблений не могут трактоваться только как сбои, ошибки, а скорее говорят о развитии самих конструкций с этими сложными предлогами.

М.А. Холодилова (Санкт-Петербург) на широком материале русскоязычного сегмента Интернета описывала синтаксические парадоксы, наблюдаемые в разговорном русском при встраивании в структуру предложения сложных названий типа *в «А зорях здесь тихих»* или *Его «Покажи мне любовь»* была одним из самых ярких впечатлений. Показывалось, что в таких названиях может происходить частичное

смещение свойств синтаксической вершины.

В качестве одной из важных особенностей конференции можно отметить характерный для многих докладов широкий типологический взгляд на материал русского языка. В некоторых случаях такой взгляд позволил, в частности, ввести в рассмотрение интересные сюжеты, до сих пор практически не привлекавшие внимания русистов.

В докладе А.Б. Летучего и Е.В. Рахилиной (Москва) рассматривались лексические средства выражения значений перфектной зоны (такие как наречие *уже*), которые во многих языках относятся к области грамматики. Основным теоретическим вопросом, поставленным в докладе, был вопрос о том, насколько лексический перфект похож на грамматический и, шире, насколько принадлежность того или иного значения в данном языке к области лексики или грамматики предопределяет его частные особенности.

В выступлении А.А. Ладыгиной и Е.В. Рахилиной (Москва) тот же глобальный теоретический вопрос поднимался на материале русских конструкций со значением чередующихся ситуаций (типа *то взлетает, то падает; сегодня любит, а завтра бросит* и т.п.). Данные русского языка сопоставлялись в докладе с данными языков, в которых подобные значения выражаются морфологически.

Доклад А.Б. Шлуинского и Н.М. Стойновой (Москва) был посвящен маргинальным для русского языка сериальным конструкциям типа *сидит читает, пошел почитал*. В докладе обсуждалось, насколько такие конструкции в русском языке соответствуют типологическим закономерностям, сформулированным на материале языков, для которых сериализация является базовой синтаксической стратегией.

В докладе Н.А. Зевахиной (Москва) и С.А. Оскольской (Санкт-Петербург) рассматривались неопределенные местоимения «без показателя неопределенности» типа *кто в сапогах, а кто в лаптях; сидела как зверек какой*. Набор употреблений подобных местоимений, выявленный на материале НКРЯ для русского языка, сопоставлялся с набором употреблений, типологически ожидаемых для неопределенных местоимений в целом и данного формального подкласса местоимений в частности.

Одним из лейтмотивов конференции стала проблема композициональности.

В лекции Е.В. Урысон (Москва) анализировался очень интересный случай, когда синонимичными оказываются конструкции, от которых с точки зрения их формальной структуры скорее можно было бы ожидать антонимии. Речь идет о составных союзах типа *а то и а не то* (*а то опоздаешь / а не то опоздаешь*). Е.В. Урысон исчисляет контексты взаимозаменяемости и невзаимозаменяемости таких союзов

и предлагает для них толкования, призванные объяснить кажущееся противоречие между формой и семантикой.

И. Лучкув (Польша) исследовала конструкцию с деепричастием *дожидаясь*. Одна из проблем, возникающих при анализе этой конструкции, также связана с отрицанием. Конструкция с *не дожидаясь* семантически асимметрична своему аффирмативному корреляту и имеет не совсем такое значение, которое можно было бы логически вывести, применив оператор отрицания к толкованию конструкции с *дожидаясь*.

Е.Л. Вилинбахова (Санкт-Петербург) рассматривала еще один тип сочетаний, представляющий проблему для композиционального подхода к семантике, – тавтологические конструкции. В данном случае речь идет об особом подклассе таких конструкций, которые автор называет «метаязыковыми», – конструкциях типа *доклад значит доклад*. Описывались различные типы семантических приращений, возникающих для подобных конструкций в русском языке. Оказывается, в частности, что их круг заметно отличается от тех, что были выявлены для формально аналогичной конструкции в английском языке.

Из конкретных тем, объединивших несколько докладов в особый блок, следует упомянуть тему оформления сентенциальных актантов. Под разными углами она была освещена в докладах М.А. Горшковой (Санкт-Петербург) и О.Е. Пекелис (Москва).

М.А. Горшкова на материале НКРЯ рассматривала класс предикатов, способных вводить сентенциальный актанта с помощью союза *что* и с помощью инфинитива (ср.: *обещал, что сделает / обещал сделать*). Этот класс подразделяется автором на подтипы в зависимости от того, насколько частотна каждая из стратегий оформления сентенциального актанта и насколько они синонимичны друг другу.

О.Е. Пекелис проанализировала другой класс предикатов – предикаты, которые сочетаются с инфинитивом и с союзом *чтобы* (ср.: *хочу умереть / хочу, чтобы я умер*). Этот доклад, в отличие от предыдущего, был ориентирован скорее теоретически, нежели эмпирически. В нем на материале русского языка уточнялась известная гипотеза о том, что выбор редуцированного (инфинитив) vs. полного (придаточное) способа оформления сентенциального актанта отражает степень связности / автономности двух ситуаций.

В выступлениях Л.Л. Иомдина (Москва) и М.Ю. Князева (Санкт-Петербург) рассматривались некоторые периферийные употребления слова *что*.

Доклад М.Ю. Князева был посвящен употреблением типа *Что ты задумался?* Автор сопоставил этот тип употреблений *что* с наречиями *почему* и *зачем*, а также устаревшим *почто*

и выявил различные тонкие семантические факторы, отвечающие за их распределение.

В докладе Л.Л. Иомдина рассматривались сложные единицы, в состав которых входит компонент *что* – *благо что, даром что, пока что* и т. п. В центре внимания оказывается сочетание *только что*. В некоторых контекстах оно абсолютно взаимозаменяемо со своим простым эквивалентом *только* (*он только что ушел / только ушел*), но далеко не во всех: ср.: *он только / *только что недавно ушел и только что / *только объявили о запуске спутника*.

Несколько докладов было посвящено периферии аналитической морфологии.

Н.М. Стойнова (Москва) сравнивала инфинитивные конструкции *буду делать* и *стану делать*. На материале НКРЯ исследуется вопрос о том, в каких именно контекстах застывшая «на подступах» к грамматикализации конструкция с глаголом *стать* конкурирует с дефолтной формой будущего времени *буду делать*.

Н.Р. Добрушина (Москва) обсуждала употребление частицы *бы* за пределами сослагательного наклонения – контексты типа *Уехать бы! Мне бы в Москву! Надо бы в Москву!* Для всех подобных употреблений на синхронном уровне постулируется единое значение оптатива. В докладе было показано, как это значение постепенно кристаллизуется на протяжении XIX–XX вв. и параллельно утрачиваются другие значения, прежде характерные для таких контекстов. Таким образом, речь, по мнению Н.Р. Добрушиной, идет о формировании самостоятельной категории желательного наклонения, процесс грамматикализации которой к концу XX в. можно считать завершенным.

А.А. Горлова (Санкт-Петербург) исследовала возможность употребления подлежащего (местоимения *мы*) в гортативных конструкциях разных типов – *Пойдем! Пойдемте! Давайте пойдем! Давайте петь!*, ср.: **Давайте мы петь!*, но *Давайте мы споем!* Выявлялись факторы, способствующие возможности появления подлежащего: наличие согласования; наличие частицы *-ка*, эксклюзивная интерпретация местоимения и др.

В докладе Ю.П. Князева (Санкт-Петербург) рассматривались употребления страдательных причастий прошедшего времени в контекстах типа *глаза закрыты, колени сведены* и т.п. Такого рода употребления сопоставлялись с исходной переходной конструкцией (*закрыл глаза*) и с рефлексивной конструкцией (*глаза закрылись*). В первой движение части тела концептуализуется как контролируемое и целенаправленное, во второй – как неконтролируемое самопроизвольное. В докладе было показано, как в причастной конструкции это противопоставление по контролируемости нейтрализуется. Обсуждались также ее аспектуальные особенности.

Круг тем, освещенных в рамках конференции, был связан преимущественно с синхронным описанием стандартного (в основном письменного) варианта русского языка. Важно, однако, что он этим не ограничивался.

В лекции С. Дики (США) было представлено микродиакроническое корпусное исследование аспектуального поведения глаголов речи. Автора интересовали употребления глаголов речи НСВ с особой аспектуальной интерпретацией типа *Элен отвечала* <≈ *ответила*>, *что она тоже не знает*, доля которых существенно сокращается на протяжении XVIII–XX вв. В исследовании показывается, что такие конструкции — это именно сошедший на нет тип употребления глаголов НСВ, а не проявление двувидового статуса глаголов типа *отвечать* в языке XVIII–XIX вв.

В докладе Е.Г. Сосновцевой (Санкт-Петербург) обсуждались данные по употреблению конструкции «*бывати* + страдательное причастие» в агиографических текстах XVI–XVII вв. На материале этой конструкции Е.Г. Сосновцева показала нетривиальные механизмы грамматических изменений, наблюдаемые в агиографических текстах, которые связаны с их функциональной спецификой и обусловлены прежде всего жесткой и сознательной ориентацией на очень узкий круг прецедентных текстов.

С. Бирцер (Германия) на материале Регенсбургского корпуса славянско-немецких билингов (в сопоставлении с материалом Устного подкорпуса НКРЯ) анализировала конкуренцию двух посессивных конструкций – конструкции типа *у меня есть* (характерной для стандартного русского) и конструкции типа *я имею* (поддерживаемой вторым языком) в речи русских эмигрантов не первого поколения в Германии.

Конференция сопровождалась продолжительными и плодотворными дискуссиями, как непосредственно после докладов, так и в кулуарах. Следует отметить также блестящую организацию конференции и неизменно жесткое соблюдение регламента. Хочется надеяться, что серия конференций «Русский язык: конструкционные и лексико-семантические подходы» не ограничится этими тремя встречами и что будущие конференции этой серии будут проходить не менее успешно.

Н.М. Стойнова

Сведения об авторе:

Наталья Марковна Стойнова
Институт русского языка им. В.В. Виноградова
РАН
ashl@yandex.ru

VII Международная конференция «Фонетика сегодня»

26–29 сентября 2013 г. в пансионе РАН «Звенигородский» прошла VII Международная научная конференция «Фонетика сегодня», организованная отделом фонетики Института русского языка им. В.В. Виноградова. Участники конференции представляли научно-исследовательские и образовательные учреждения Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Красноярска, Магадана, Тулы, Череповца и др. городов, а также Финляндии и Польши. Всего на конференции было сделано 33 доклада. Все доклады были пленарными, таким образом, участники конференции получили возможность прослушать все доклады и ознакомиться с широкой картиной исследований в современной фонетике, фонологии, орфоэпии. Среди выступающих были как ведущие специалисты в области фонетики, фонологии, орфоэпии, так и молодые ученые.

Конференция открылась докладом В.Б. Касевича (Санкт-Петербург), в котором говорилось о понятиях инварианта и прототипа применительно к фонетике.

Т.М. Николаева (Москва) представила участникам конференции новую книгу «Лингвистика. Избранное», в которую вошли как ранние, так и новые статьи ученого. Книга состоит из трех частей: в первой опубликованы исследования автора по теории языка и эволюции его структуры; во второй – труды по содержательным категориям и их описанию; третья часть посвящена исследованиям в области интонации.

Р.Ф. Касаткина (Москва) рассказала о фонетических «фантомах» в русском языке – то есть о тех случаях, когда фонема выражена звуковым нулем или же, наоборот, звуку не соответствует ни одна фонема. Также речь шла и о тех материально не выраженных фонетических единицах, которые можно наблюдать лишь по «тени», которую они отбрасывают на соседний звук.

Доклад О.Ф. Кривновой (Москва) был посвящен истории создания речевых корпусов и, в частности, русского речевого корпуса RuSpeech, содержащего около 50 часов непрерывной речи и предназначенного для разработки дикторнезависимой системы распознавания слитной русской речи в реальном времени.

М.Б. Попов (Санкт-Петербург) рассмотрел в своем выступлении дифференциальные признаки гласных в русском языке в связи с вопросом о составе фонем.

В докладе Е.Ф. Кирова (Москва) была предпринята попытка обосновать семантическую фонетику и фонологию через онтогенез языкового знака.

Избранный С. Гжибовским (Польша) взгляд на русскую фонетику сквозь польское «зеркало» позволяет сделать наблюдения,

которые незаметны при одностороннем внутреннем анализе. Так, автор отмечает в русской речи наличие носового среднеязычного глайда, подтверждает дифтонгоидный характер русского ударного [o] и обращает внимание на особенности русского ударения.

В докладе А.В. Андропова (Санкт-Петербург) рассматривались нечеткие участки фонологической системы, объективно не допускающие однозначной интерпретации с той степенью точности, которая реализуется при описании основных областей этой системы. В качестве примера указывались проблема фонологической интерпретации «полумягких» согласных и вопрос о границе слогов.

Е.С. Качедубова (Москва), анализируя особенности нейтрализации русских гласных фонем, пришла к выводу об углублении процесса неразличения гласных фонем в литературном языке, который помимо фонемы /и/ захватывает /о/ и /а/.

Доклад Д.М. Савинова (Москва) был посвящен рефлексам фонем средне-верхнего подъема в южнорусских говорах, в частности, был обнаружен полный структурный параллелизм фонологической структуры основных дифтонгических реализаций фонем средне-верхнего подъема.

В докладе Й. Ваахтера (Финляндия) освещалась одна из теорий возникновения аканья, согласно которой если в том или ином древнерусском диалекте долгота была утрачена до того, как произошло изменение [ã] в [o] в безударных слогах, результатом стало аканье, а если долгота была утрачена после этого изменения, диалект стал окающим.

Е.В. Щигель (Москва) на обширном материале записей телепередач разных жанров показала в своем докладе достаточно широкое распространение назализации как фонационной характеристики фразы у дикторов и актеров, происходящее из-за наличия новых тенденций в культуре речевого общения.

Т.Н. Корпечкова (Москва) проследила в докладе развитие типов архаического вокализма на примере говора с. Солдатское, расположенного на севере Белгородской области, с архаическим аканьем и обоянской разновидностью архаического яканья.

Т.Н. Коробейникова (Москва), рассмотрев два типа индивидуальных фонетических систем, отражающих разные этапы развития кайского говора (Верхнекамский р-н Кировской области), пришла к выводу, что носители говора перестают различать верхние фонемы среднего и верхне-среднего подъема.

В докладе Н.Б. Вольской, Т.В. Качковской, Д.А. Кочарова, П.А. Скрелина

(Санкт-Петербург) на материале записей профессиональных дикторов было проанализировано финальное продление гласных и согласных звуков в русском языке.

А.А. Соколянский (Магадан) рассмотрел противопоставление долгих и кратких согласных в русском языке. При этом особое внимание уделялось его истории, фонематической интерпретации, фонетическому субстрату, а также выявлению позиций, в которых данное противопоставление присутствует.

И.М. Логинова (Москва) также обратилась в своем выступлении к проблеме консонантной долготы в русском языке, но в аспекте обучения как русской, так и иноязычной аудитории.

К.В. Евграфова, В.В. Евдокимова, П.А. Скрябин, Т.В. Чукаева (Санкт-Петербург) рассказали об исследовании вокальной речи, в ходе которого были сформированы два параллельных корпуса вокальной и невокальной речи и получены данные об акустических характеристиках вокальной речи.

В докладе О.А. Прохвятиловой и Е.А. Овечкиной (Волгоград) поднималась проблема синкретической природы звучания канонического молитвенного чтения, в котором объединяются акустические свойства как чтения, так и пения.

В.В. Тимофеев (Москва) на материале экспериментальных данных проследил развитие процесса разрушения позиционных чередований согласных в позиции конца приставки.

О.В. Антонова (Москва), рассматривая явление позиционной мягкости согласных в старомосковском говоре, высказала предположение, что тезис об обязательности смягчения согласных перед следующим мягким касался в основном зубных и губных согласных.

Т.Е. Янко (Москва), установив, что русские именные группы с несогласованным определением с точки зрения выбора носителя акцента делятся на способные и не способные к сдвигу акцента с зависимого слова на синтаксическую вершину, рассмотрела в своем докладе семантические и синтаксические основания выбора носителя акцента в таких группах.

Доклад Н.Д. Светозаровой (Санкт-Петербург) был посвящен терминам «просодика» и «супрасегментика», в понимании и использовании которых существует немало разночтений.

Ю.А. Клейнер (Санкт-Петербург) рассказал в своем докладе о проблемах, с которыми столкнулись переводчики книги П. Гарда «Ударение», в частности о переводе понятий, отражающих различные подходы к описанию языка в лингвистической традиции языка источника и языка перевода.

Н.Б. Вольская (Санкт-Петербург) в своем докладе рассмотрела ряд ярких особенностей произношения, получивших в последнее время широкое распространение в речи молодого по-

коления, и показала результаты эксперимента по восприятию этих особенностей представителями разных возрастных групп.

В докладе Д.Д. Беляева (Тула) анализировались принципы слогаделения с учетом перцептивного и артикуляционного параметров.

М.С. Крайнова (Москва) подробно рассмотрела этапы изучения и различные подходы к пониманию явления компрессии в русском литературном языке.

Л.А. Вербицкая (Санкт-Петербург) в своем докладе проследила тенденции развития произносительных закономерностей в публичной речи, обратив внимание на внутренние законы языка и внешние по отношению к языку факторы.

В докладе Л.Л. Касаткина (Москва) была представлена подробная классификация орфоэпических позиций, среди которых, наряду с фонетическими орфоэпическими позициями, были выделены и другие лингвистические и экстралингвистические орфоэпические позиции.

В выступлении И.А. Вещиковой (Москва) был рассмотрен круг проблем, возникающих при попытке описания собственно произносительной и акцентологической составляющей телевизионной речи новейшего времени и ее оценки сквозь призму нормы.

Ж.В. Ганиев (Москва) познакомил аудиторию со своими размышлениями о «Большом орфоэпическом словаре русского языка».

М.Л. Каленчук (Москва) рассказала о проблемах кодификации не только произносительных норм, но и русской фонетики в целом, таких как выбор достоверных источников получения орфоэпической информации, отсутствие системных социолингвистических исследований, позволяющих принимать кодификационные решения в ряде случаев, и противоречивость процедуры перехода от дескриптивного описания к кодификации нормы.

В докладе М.А. Штудинера (Москва) были изложены принципы, которыми следует руководствоваться при выборе акцентного или произносительного варианта имени собственного иноязычного происхождения.

С.Ф. Барышева (Москва) представила в своем докладе результаты комплексного анализа звучащей речи как набора фоностилистических подсистем.

Конференция, как отмечали участники, прошла очень плодотворно. Во многих случаях велись горячие споры и высказывались противоположные точки зрения, дискуссии были конструктивными и полезными. По итогам работы конференции были изданы материалы докладов и сообщений.

В.В. Тимофеев

Сведения об авторе:

Виктор Владимирович Тимофеев
МГУ им. М.В. Ломоносова
v_v_tim@mail.ru